П. ФУРСА

МАЧТЫ И ТРЮМЫ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

г. Владивосток
Издательство
«УССУРИ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуары — это скучно. НО НЕ В ЭТОМ СЛУЧАЕ — читается увлекательно!

Петр Фурса - врач, морской офицер, почти вся служба которого прошла на надводных кораблях Тихоокеанского флота. Мемуары являются художественной переработкой реалий флотской жизни, свидетелем и действующим лицом которых он был, и охватывает период с 1975 по 1995 годы. В книге сохранены имена людей, с которыми автор книги служил, описаны и крупномасштабные события, значительные для всего флота, и события совсем другого уровня, умещающиеся в жизненных рамках небольшого флотского экипажа, но не лишенные от этого своей значимости в судьбах людей.

-
-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26

- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- ГЛАВА 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42 ОСОБИСТЫ
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47 МОЗАМБИК
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66

300-летию Российского флота
посвящаю...

Петр ФУРСА – военный врач.
С 1975 года после окончания Горьковского медицинского института служил на Тихоокеанском флоте. Прошел все должностные ступени - от корабельного врача-хирурга до флагманского врача отдельного оперативного объединения ВМФ.

Свою книгу он начал писать десять лет назад, доверяя перу и бумаге свои мысли, выплескивая излишние эмоции, делясь хорошим настроением.
Рассказывая о своей работе и службе, находясь всегда в круговерти корабельной жизни, автор создал по существу документальную повесть о буднях и праздниках офицерского морского братства.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Уважаемый читатель! У Вас в руках повествование о жизни Советского, а затем Российского флота. И не старайтесь найти в нем один искрометный морской юмор или же только глубину анализа истории и действительности. Здесь - обычная флотская трудовая жизнь, вобравшая в себя и то, и другое, описанная мной такой, какой я видел ее на протяжении двадцати лет службы на Краснознаменном Тихоокеанском Флоте, пройдя все

должностные ступени медицинской службы: от врача-хирурга пункта медицинской помощи крейсера до флагманского врача отдельного оперативного объединения ВМФ. Узнать же береговую жизнь флота мне довелось на ныне печально известном острове Русском, где я служил в должности начальника гарнизонного госпиталя.

Эта книга полностью автобиографична и на 90 процентов документальна. Фамилии моих героев и названия кораблей не изменены. Каждому, кто служил на флоте в тот период, памятны события и имена, о которых я пишу.

Возможно, с некоторыми моими характеристиками флотский народ не согласится, возможно, кто-то затаит чувство обиды на такую оценку событий... Однако каждый должен понимать, что это субъективный взгляд, который формировался после долгих наблюдений и раздумий, после переоценки ценностей и крушения авторитетов. Думаю - можно поверить этому взгляду.

Искренне заверяю, что я благодарю судьбу, давшую мне возможность служить и жить рядом со всеми, с кем свела меня бурная флотская жизнь: с матросами, мичманами, офицерами, - с теми, с кем пройдена не одна тысяча миль, съедена тонна соли и впитана цистерна корабельного “шила”.

Книга охватывает период с 1975 по 1995 год, десять из которых пришлись на плодотворную, насыщенную боевую жизнь флота (период застоя) и десять - на планомерное уничтожение Вооруженных сил в целом и Военно-морского флота в частности (период перестройки и перестрелки).

Я не знаю, наступит ли когда-нибудь время переклички для тех, кто без войны поставил Российский флот на колени. Но надеюсь, что история расставит все по своим местам, и виновные в этом чудовищном преступлении получат то, что они заслужили.

Горько сознавать, что некогда могучее государство протягивает руку за жалкой подачкой “гуманитарной помощи”, терпит унизительные пиратские наскоки в морях и океанах на наши мирные суда, пляшет под дудку США, Германии и Японии в надежде получить милостыню кредитов, расплачиваться по которым придется нашим детям и внукам.

Время и жизнь заставят возрождать Армию, Авиацию и Флот. Но какую цену придется заплатить народу за преступления тех, кто, уничтожая собственный народ в Чечне, Таджикистане и просто на улицах наших городов, оставляет открытыми и беззащитными внешние государственные границы, кто закрывает глаза на то, что Япония претендует на Курилы, Китай - на Приморье, Германия - на Калининград, Финляндия - на

Ленинградскую область...

И дай Бог, чтобы нам никогда не пришлось читать сообщения в газетах под заголовком: “На финско-китайской границе все спокойно”.

Надеюсь, что РОССИЯ снова станет Великой. И не в заверениях Президента и политических лаек, а на деле. Надеюсь, что вместе с Великой Россией восстанет из пепла и ВЕЛИКИЙ РОССЙЙСКИЙ ФЛОТ.

***

На изломах судьбы Россия всегда достойно выходила из тупика, черпая силы в лучших сынах своих. В труднейшие периоды на помощь ей приходили умные и мужественные люди, своим трудом и прозорливостью помогавшие ей подняться над обстоятельствами.

Силу духа нашего народа не сломить, пока в России живут и трудятся люди, которые понимают, насколько важно для всех нас в период сумятицы духовная поддержка и заряд веры в будущее.

Благодаря именно таким людям вышла в свет моя книга. И мне не пришлось объяснять им, что значит она для моряков, как поддержит их в трудные часы раздумий... Я благодарю за внимание ко мне и моему труду губернатора края Е.И. Наздратенко, командующего Тихоокеанским флотом адмирала В.И. Куроедова, заместителя командующего Тихоокеанским флотом контр-адмирала Ю.Г. Михайлова, генерального директора издательства “Уссури” О.Е. Бондаренко, главного редактора газеты “Владивосток” В.В. Бакшина и многих других, без которых эта книга не дошла бы до своего читателя.

Я выражаю искреннюю благодарность за их бескорыстную помощь в издании этой книги.

Петр Фурса

Глава 1
АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Иванов Петр Иванович, родился 9 декабря 1952 года, хотя датой рождения числится 3 января 1953. Таким образом мои родители хотели сохранить в моей жизни целый год. Тем более, что на хуторе деревни Ладеники Новогрудского района Гродненской области Белоруссии в 1952 году подобное нарушение хронологии рождений и смертей было вполне допустимо и возможно, если, конечно, удавалось уговорить на данное незаконное действо председателя сельского совета. А это удавалось. Все зависело от полноты налитого стакана, впрочем, как зависит и сейчас, и как зависело всегда на Руси - Великой и Белой, а также Малой.

Итак, хутор... Низенькая хата под соломенной крышей, глинобитный пол, холодная кухня, в которой зимой замерзала вода, русская печь, лежанка, две железных и одна деревянная кровати, закопченный потолок. Во дворе колодец с журавлем, беспрестанно жалующийся на свою незавидную долю, погреб, в который однажды провалилась единственная кормилица - корова Зорька и сломала себе ногу, после чего ее пришлось сдать на мясо, что для крестьянина - всегда трагедия. Два низеньких окна, выходящие на пруд, почти полностью пересыхающий летом. Однако лягушки водились в нем круглый год и орали так, как три соседки, сходившиеся в жарких баталиях по случаю украденного коршуном цыпленка или загулявших в страду мужей. К пруду примыкал болотистый луг, названный "жабиным". Вся эта “усадьба”, окруженная мрачным лесом, в котором до середины пятидесятых постреливали бандиты, производила впечатление переднего края борьбы разумной природы с никчемным ее властелином - человеком...

Отец с матерью приписаны были к колхозу имени Кирова, организованному лишь в 1953 году, так как до 1939 года наша местность была частью польской территории, благодаря чему местному населению удалось избежать разного рода политических раскулачиваний и экспериментов. Потом Красная Армия освободила моих предков от так называемого страшного ига польской шляхты, забрав в обмен на свободу четырнадцать гектаров земли у моего деда по линии отца и столько же - по линии матери.

Шестьсот палочек-трудодней, которыми расплачивался колхоз со своими добросовестными тружениками по итогам года,

не давали возможности досыта кушать хлеб. Деньги были все-таки нужны, и мой отец приспособился гнать в лесу самогон, который продавал через посредников в городе Новогрудке, рискуя загреметь в места не столь отдаленные. Время-то было суровое, послевоенное...

Основным блюдом на столе была картошка в самом разнообразном виде: в мундире и без, вареная и жареная, а также “намятая с сольцой”. И хотя ее все мы уважали, в таких количествах она более полезна для воротничков в виде крахмала, чем для здоровья. Скоромное вкушали на Рождество и на Пасху, а также - когда удавалось усыпить бдительность матери, стоящей на страже продовольственного пайка... И хотя сделать это было легко, мы, дети, не злоупотребляли этим.

Мама моя была красавицей: нос курносый, глаза голубые, стройная. Огромная коса до колен весом своим наклоняла голову назад, придавая осанке горделивость и независимость. Сочный, чистый и звонкий голос. Старинные народные песни, которых она знала великое множество, звучали напевно и грустно, оставив в моей душе на всю жизнь щемящее чувство нежности и любви к ней. Энергичная, с утра до ночи она что-нибудь делала: огород, сенокос, стирка, жатва под палящим июльским небом, трое детей, куры, пара хрюшек, собака Бобик и кот Васька, помощь соседям... Впору сдаться, подняв руки вверх перед жестокой действительностью. А она пела...

Детство мое прошло как-то незаметно, не оставив ярких воспоминаний, кроме, разве что, двух-трех.

Под крышей слепили себе гнездо дикие шершни. С утра до ночи они деловито гудели, нагоняя страх на корову, которая, услышав противное зумканье, демонстрировала свое к ним презрение поднятием хвоста, однако, предчувствуя расплату за неинтеллигентность, удирала в лес. И мы, поминая кормилицу нехорошим словом, сутками искали ее. С подобным безобразием надо было кончать. И вот двое соседских пацанов постарше, завернувшись в тулупы и вооружившись палками пошли “на Вы”. Я же, в одних трусах, наблюдал за всем этим сражением, стоя рядом. Бросившись на защиту своего дома, разъяренные насекомые не преминули вонзить несколько жал в мое беззащитное тело. Оказывается, опасность в жизни подстерегает человека не только возле горшка со сметаной в погребе, о чем свидетельствовала моя опухшая в течение трех дней мордаха.

Помнится также один несчастливый день, когда я, вопреки запретам, объелся зелеными сливами и целые сутки мучился болями в животе... Но, благодаря отсутствию на хуторе медицинской помощи, выздоровел.

В 1961 году мы переезжали в деревню, в новый, построенный великими трудами дом. Вещи, не уместившиеся в телеге, на которой уехал отец, были распределены между мамой, старшей и младшей сестрами и мной. Теплой августовской ночью отправились в путь. Впереди - мама, за ней старшая, потом младшая сестры. В арьергарде - я (с подойником, наполненным сметаной). Этим переходом, длиной в два километра, начиналась скитальческая жизнь, выпавшая на мою долю. Теплый, пахнущий настоем богатой белорусской флоры воздух, луна, глупо взиравшая на великое переселение народов, летний звездопад... И все-таки я умудрился свой груз не донести, пролив его в высокую траву, на радость всяким букашкам и к великому недовольству моей мамы.

В этом же году я пошел в школу-восьмилетку, где первой моей учительницей была Котелева Мария Степановна, которая и научила меня писать и читать. В 1968 году, по настоянию отца, я сделал попытку поступить в Желудокское медучилище. Однако с треском провалился на экзаменах, получив “кол” по сочинению. После этого пошел учиться в среднюю школу № 4 города Новогрудка, которую и закончил в 1970 году.

Вот тут-то и пришлось всерьез задуматься над выбором профессии и устройством дальнейшей своей судьбы. Родители настаивали на том, чтобы я был врачом, я же мечтал стать моряком. И хотя моря я никогда не видел, Станюкович, Колбасьев и Конецкий сыграли в этом определенную роль. Но только определенную, так как основную все же сыграл муж моей старшей сестры Лены - Аркадий. Он закончил в свое время Ленинградский институт инженеров водного транспорта и ходил по морям, приезжая в отпуск в деревню в полном блеске морской формы, вызывая восхищение и зависть всей местной детворы. Да еще яркие безделушки из-за границы, да рассказы о “кораблях и походах", в которых, как я сейчас понимаю, была достаточная доля флотского трепа.

И вот, чтобы совместить желание родителей и свою собственную мечту, я решил поступать в Военно-медицинскую Академию на четвертый, морской факультет. После выпускного вечера в школе, в начале июля 1970 года, под аккомпанемент родительских напутствий и пожеланий, на попутной лошади я убыл в город-герой Ленинград. В это время там жила с мужем моя сестра. Бывший моряк Аркадий грыз гранит науки в аспирантуре своей Альма Матер инженеров водного транспорта, вкушая аспирантский хлеб на сумму сто рублей в месяц, что позволяло шикарно жить, “отстегивая” половину вышеуказанной суммы за снимаемую в Монетном переулке квартиру. Так что из дома я

уехал по самые ноздри загруженный деревенской провизией, вес которой можно было сравнить с моим собственным.

Ленинград гостеприимно встретил меня на Варшавском вокзале в лице местного бича, предложившего помощь в транспортировке багажа до идущей в Сосновую Поляну электрички. За это он содрал с меня три рубля, которых хватило бы на оплату такси по всему моему маршруту. И, вследствие данной любезности, мне пришлось тащить на себе багаж километра два от станции до самого дома. Впечатление незабываемое. Второе, чем неприятно поразил меня Город-герой, было огромное количество клопов в квартире, где жили мои родственники. Они были везде: за обоями, в мебели, в каждой щели... Бороться с ними было бесполезно, так как на место убиенных “карбофосом” бандитов неизвестно откуда приходила новая вонючая рать.

Поступающие в Академию парни были собраны в Красном Селе и рассованы для совместного проживания в палатки УСТ и УСБ. В каждой из них стояли двухъярусные кровати, на которых должны были жить, спать и валять дурака кандидаты в эскулапы (в количестве двадцати человек в каждой). Во главе этих палаточных “шарашек”, называемых взводами, были поставлены старшины из отслуживших срочную службу сержантов или кадетов из Суворовских училищ. Нашим взводом назначен был командовать старшина по фамилии Офицеров. Очень мягкий, как мне запомнилось, для военной службы человек. В семь часов утра ежедневно ему было предписано орать командным голосом “подъем”, что исправно исполнял живший в палатке напротив старшина-кадет Орлов. Однако наш милый старшина Офицеров был способен только на то, чтобы ласковым голосом просить: “Ребятки, вставайте! Хватит диафильмы смотреть”. За подобные командирские качества он пользовался у нас непререкаемым авторитетом, в отличие от командования, не поощрявшего подобную форму обращения к ленивым подчиненным.

Многие из поступавших в Академию приехали сюда не для учебы, а для получения отсрочки от призыва на действительную военную службу, по закону положенную в случае провала на экзаменах. К разряду таких относились два профессорских сыночка из Москвы - Николай Мерзликин и Виталий Ларский. Их имена запомнились мне потому, что указанные москвичи сыграли в моей судьбе солидную, точнее, трагикомическую роль. В отличие от “уклонистов”, подобных нашим столичным денди, большинство ребят искренне хотели поступить в Академию, так как престиж военной службы в 1970 году был исключительно высок. К тому же немаловажную роль играло и то, что слушатели

Академии находились на полном государственном обеспечении.

После первого удачно выдержанного экзамена по русскому и литературе, Мерзликин и Ларский предложили мне данное событие отметить со всевозможным столичным шиком, для чего потребовалось сбежать в самовольную отлучку в Красное Село, что и было немедленно осуществлено. И хотя меня мучили нехорошие предчувствия и дисциплинированная деревенская совесть, в самоволку я все же ушел, дабы не ударить лицом в грязь перед моими столичными опекунами. Все было прекрасно: и вино, и озеро, и солнце, и девочки. И даже легкое опьянение, в состоянии которого на два часа позже положенного срока мы предстали перед нашим командиром роты, капитаном медицинской службы. Не менее ярким оказалось и утро следующего дня, когда нас троих - в назидание остающимся - мощная нога начальника сборов пинком под тощие зады вышвырнула за ворота палаточного городка, отрезав путь к воинской славе.

Сообщив сестре и родителям, что огромный конкурс и отсутствие нужных знакомств не позволили мне успешно сдать экзамены, в великом трауре я потащил свои документы в Ленинградский Педиатрический медицинский институт, куда и поступил благополучно на радость моим родным и близким.

Четыре года учебы в институте ничем выдающимся отмечены не были. Лекции, занятия, зачеты, экзамены - все это известно каждому студенту и интереса особого в нашем повествовании не представляет. Однако некоторые события отметить следует, так как они имели для меня определенное значение в плане познания неписаных законов нашей своеобразной советской жизни. На первом курсе после зимней сессии я устроился работать фотографом в институтскую лабораторию. В обязанности мои входило выполнение фоторабот по заявкам кафедр и фотооформление докторской диссертации проректора по учебной части института Льва Николаевича Камардина, который и являлся моим непосредственным начальником по фотоделу. На просьбы любого из сотрудников института об изготовлении фото я всегда мог сослаться на непомерную занятость и великую нагрузку в работе, заставляя тем самым просящего решать вопрос изготовления фотографий в частном порядке со мной. Это позволяло мне, используя государственные материалы и химикаты, иметь дополнительный к стипендии доход в размере 100-150 рублей в месяц, что, по тем временам было “сумасшедшими деньгами”. Днем приходилось учиться, а ночью работать. Подобные нагрузки в медицинском институте вынести

практически невозможно, что и заставило меня искать другой источник материального благополучия, не столь обременительный, но не менее.надежный. В студенческой среде наибольшей популярностью пользовалась должность дворника, так как в данном случае предоставлялось служебное жилье.

Порыскав по Ленинградским ЖЭКам с непременным требованием жилплощади, найти работу я так и не сумел. Но случай все же помог, предоставив возможность трудоустроиться в Выборгский исполнительный комитет народных депутатов. Дворником. Квартира мне была предоставлена. А это давало возможность независимо от дисциплины студенческих общежитий - жить и радоваться, устраивая дома вечеринки и дружеские встречи, что в жизни студента имеет первостепенное значение.

В праздности, трудах и заботах о собственном желудке пролетели пять лет. Один год из них потрачен был мной бесцельно и бездарно на академический отпуск, в который я угодил по собственной лени и нерадивости, не сдав вовремя положенные зачеты. Все эти годы меня не покидала мечта стать моряком. И такая возможность представилась. Весной 1975 года к нам в институт прибыл “купец” из Горьковского медицинского института, набиравший на военно-медицинский факультет желающих посвятить себя военной службе. Влез в эту авантюру и я. И вот в июле 1975 года Петроградским районным военным комиссариатом я был призван на действительную военную службу, пополнив ряды будущих стражей здоровья защитников Родины, не имея при этом ни малейшего представления о военной службе вообще и о своем месте в ней в частности. Однако Рубикон был перейден и отступать было не куда.

Несмотря на мои филиппики в адрес избранного поприща, родители восприняли это решение довольно прохладно, хотя и с выражением покорности судьбе на лицах.

Вот здесь и начиналась дорога на флот. Июль 1975 года.

Глава 2
УЧЕБА НА ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Жизнь продолжается. Человек кует свое счастье. Воробьи нахально игнорируют человеческие проблемы. Коммунальные службы города не справляются с вывозом мусора. Люди, воодушевленные решениями XXIV съезда КПСС, перевыполняют планы, складируя их на торговых базах горами никому не нужного неликвида: обуви из натуральной кожи, черно-белого и цветного изображения ящиков, изделий “под Хохлому”. В магазинах полно суповых наборов, сервелата по праздникам и по знакомству, рыбных консервов “камбала в собственном поту”...

Это картина политико-экономического фона, на котором я прибыл в город Горький для продолжения образования. На факультете в “Красных казармах” нас собралось три сотни человек из всех медицинских институтов страны. От Львова до Владивостока. Все незнакомые, все разные, все с различным жизненным опытом. В первый же день нашей военной карьеры мы познакомились с начальником факультета, полковником медицинской службы Дадаевым, начальником курса подполковником Савинковым, начальником политотдела полковником Пимом и нашей “взводной мамой” - полковником Новиковым. В руки этих людей вручались наши судьбы на два ближайших года, все наши проблемы, беды и радости.

Прежде всего нас разделили на два лагеря: лагерь “моряков” и лагерь “сухопутчиков”, или, как мы их называли с первого дня, - “сапогов”. Оба лагеря, в свою очередь, были разделены на взводы и отделения. Во главе лагеря моряков был поставлен корабельный старшина запаса Таран, проходивший ранее службу на каком-то из флотов. Это давало ему право смотреть на нас, не хлебавших соленых брызг, как на плебеев, годных разве что чистить ему, просоленному мореману, флотские ботинки, называемые в просторечии “прогарами”, “гадами” или просто “говнодавами”. Взвод возглавил сержант Опарин из Смоленского меда, никогда не видевший моря, но сходу возомнивший себя “бывалым”. В командиры отделения, в которое я попал, пробился сержант Сосенков, то же из Смоленска (землячество на службе военной - великая вещь).

Казарма, в которой нас разместили, представляла собой длинный двухэтажный сарай, на втором этаже которого были

расположены жилые комнаты (кубрики), Ленинская читальня и кабинет начальника курса Савинкова. На первом этаже - столовая, превосходная на тот момент, надо заметить. И хотя здания были построены еще каким-то из царей, сохранились они великолепно. В другом крыле здания находилось управление факультета и несколько военных кафедр, а также огромная аудитория, выполнявшая, по-совместительству, роль клуба. И если когда-нибудь над провинившимся слушателем проводились публичные экзекуции, то она еще выполняла роль барской конюшни.

Первые десять дней мы занимались тем, что проходили “курс молодого бойца”, или, как интеллигентно выражался товарищ Таран, “курс молодого долбо...лома”. Этот курс включал в себя строевую подготовку, изучение уставов, утреннюю и вечернюю поверки и физическую нагрузку, к которой, учитывая медицинскую специфику военных, никто всерьез не относился, однако “вид все-таки делал”. Параллельно каждым из нас самостоятельно решалась сложнейшая задача подгонки военной формы одежды, так как выданное нам обмундирование по размерам никому не подходило. В эти же десять суток выход в город для слушателей был строжайше запрещен.

Десять суток неволи показались мне вечностью, учитывая вольную жизнь в студенчестве. И я не раз пожалел, что связал свою жизнь и с Тараном, и с Савинковым, и с Пимом. Особенно с последним, так как повод для сожаления явился словно по мановению волшебной палочки.

Любой начальник политического отдела обязан досконально знать подчиненный личный состав. Знать его сильные и, особенно, слабые стороны, дабы, при случае, можно было бы держать этот же состав за наиболее чувствительные места мужского организма крепкой мозолистой рукой партийной идеологии и политического самодурства.

Так и Пим, детально ознакомившись с моим тощим “личным” делом, и выудив оттуда, что я когда-то имел счастье-несчастье работать фотографом, тут же решил проявить обо мне отеческую заботу и назначить курсовым мастером светописи. Я немедленно был вызван в руководящий политический кабинет, где мне и была предложена эта почетная должность. С нее-то и начались мои тяготы и лишения военной службы, которые я клялся стойко преодолевать и переносить (неизвестно только откуда и куда).

“Фотолаборатория”, ключи от которой мне были любезно предоставлены самим НАЧПО, представляла собой маленькую, грязную комнатушку, расположенную за сценой барской конюшни. Воды в ней не было, что в процессе фототворчества имеет определенные неудобства. Из аппаратуры, требующейся

фотографу, был только сломанный фотоувеличитель “Ленинград”, обшарпанный фотоаппарат “Зоркий” да несколько ржавых ванночек. После институтской лаборатории эта конура показалась мне ни чем иным, как издевательством над благородной профессией фотомастера, каковым я самоуверенно считал себя тогда. В результате моего искреннего возмущения, из под моего же пера родился первый военный документ, названный мной “Заявление”, хотя на службе он должен был именоваться “Рапортом”.

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА ВМФ ПРИ ГМИ ЗАЯВЛЕНИЕ

Для нормальной работы фотолаборатории прошу Вас купить

следующее имущество:

1. Фотоаппарат “Зенит" - 1 шт.

2. Глянцеватель - 1 шт.

3. Ванночки, бачки для пленок, фоторезак, форматную рамку,

пленку, бумагу и необходимые химикалии.

Всего на сумму 500 (пятьсот) рублей.

Никакой воинский начальник никогда не пойдет на денежные расходы, если вопрос может быть решен с помощью энтузиазма подчиненного и к тому же бесплатно. Я же еще этого не знал, будучи твердо уверенным в том, что “бесплатный сыр бывает только в мышеловке”. И вот с видом великого фотограмотея, я представил сей документ Самому. Удивлению его не было предела...

— Это что за херню Вы мне тут нарисовали? Я понимаю так, что Вы отказываетесь от работы! Так дело не пойдет! Здесь Вам не тут! Я это Вам припомню! А на место Ваше найдутся десять желающих!!!

Ошарашенный вышеизложенной тирадой, не понимающий своей огромной вины перед Коммунистической партией, Советским правительством и лично Леонидом Ильичем Брежневым, я резонно возразил:

— А что, собственно, Вы на меня орете? Я ведь не прошу чего-то сверхъестественного, а только то, что положено для нормальной работы!

В голове теснилось еще несколько фраз, однако выплеснуться наружу они не успели, так как я был с позором изгнан из кабинета и с почетной должности факультетского борзописца светом. Последствия своего опрометчивого шага я ощущал потом все два года учебы в стенах сего храма военной медицины. Это выражалось хотя бы в том, что несмотря на довольно успешную учебу, поощрения в виде грамот и благодарностей на меня не

сыпались, в то время как и за менее эффективный труд на ниве постижения наук умеющие сладко улыбаться начальству слушатели всегда бывали вовремя обласканы тем же начальством.

Прошли, наконец-то, проклятые десять дней первого в моей жизни заключения, и я получил возможность выйти в город. Получил также разрешение начальника курса Савинкова снять квартиру и поселиться вне казармы, что давало ощущение определенной степени свободы, так необходимой мне на первых порах военной карьеры. Расходы по квартплате сторицей окупались тем, что не нужно было записываться в увольнение, унижаясь каждый раз перед сержантом Опариным и не нужно было с глупым видом кричать “я” на вечерней поверке, дышать специфическими запахами военной казармы и бриться только холодной водой. К тому же финансовый вопрос не мог нас всех здорово беспокоить, так как нам, кроме одежды, выдавалось 95 рублей в месяц на прокорм, а это было не такой уж и маленькой суммой. Хватало и на столовую, и на ресторан. Самые умные могли даже книжки покупать.

Первого сентября начались занятия. Кроме клинических дисциплин нам начали преподавать такие предметы, как ТБСФ (тактика боевых средств флота), Уставы ВС СССР, ОТМС ВМФ (организация и тактика медицинской службы ВМФ), военную гигиену и прочую муру. И если занятия в клиниках не отличались от таковых в институте, то военные науки преподавались с определенными особенностями.

Суперуспехом у слушателей пользовалась такая дисциплина, как ТБСФ. Но совсем не потому, что она очень интересовала народ, а лишь из-за самого “профессора ТБСФ”, капитана второго ранга Боброва, который носил почетную кличку “Дельфун”. Вышеуказанный мореман служил когда-то на кораблях разведки и имел счастье осуществить один дальний поход, о котором нам всегда взахлеб рассказывал, представляя его, образцом суровой морской школы и мужества. В этом же походе товарищу Боброву посчастливилось увидеть дельфинов, однако рассказывая об этих удивительных животных, мореман никак не мог вспомнить их имени и вместо “Дельфин” говорил “дельфун”. Отсюда и кличка. Лекции по ТБСФ были хороши еще и тем, что на них слушатели обязаны были задавать дополнительные вопросы. Несколько примеров.

На одной из лекций бравый капитан второго ранга в течение часа рассказывал нам о системах опознавания “свой-чужой” на подводных лодках, исключающих возможность атаки “своей “ лодки в подводном положении. Из всей информации, изложенной

четким военно-морским языком, мы так ничего и не поняли, но дополнительные вопросы задать все же были обязаны. Вот я и спросил:

— Товарищ капитан второго ранга! Если представить ситуацию, что система опознавания на наших лодках вышла из строя, можно ли - и каким образом - отличить свою лодку от чужой в таком случае?

Вопрос для “профессора” оказался, видимо, из разряда сложных, так как он, задумавшись минуты на три, глубокомысленно изрек:

— Я Вам отвечу после перерыва.

После перерыва свой вопрос я повторил вновь, и получил поморскому четкий ответ:

— Мо-о-ожно! Мо-о-ожно, конечно!.. Если в этом районе уничтожить все подводные лодки противника.

Подобные ситуации возникали и на занятиях по Уставам ВС СССР, которые также вел господин Дельфун. Изучаем, например, Устав внутренней службы... Это произведение классического военного искусства мы обязаны были знать наизусть, что совершенно невозможно. Поэтому при ответах на четко поставленные вопросы, мы просто добросовестно прочитывали требуемые статьи из Устава дословно, чем вызывали одобрение нашего профессора.

— Превосходный ответ! Но все же... Какие будут изменения и дополнения?

Так как мы не имели возможности вносить изменения и дополнения в Уставы, то очередной “дополняющий” зачитывал одну из статьей Устава из той же главы. Четко следивший по тексту за ответом слушателя, капитан второго ранга, просияв, резюмировал:

— Существенное дополнение! Садитесь.

Одним из любимых развлечений слушателей, скрашивающих серость повседневщины, было следующее. На факультете все офицеры носили звание полковников и подполковников медицинской службы, а капитан второго ранга был только один. Поэтому любой из слушателей, навесив на лицо самое серьезное выражение, подходил к капитану второго ранга и командным голосом вещал:

— Товарищ подполковник! Разрешите обратиться!?

Дельфун, изменившись в лице, ставил обратившегося по стойке “смирно” и, захлебываясь от возмущения, кричал:

— Я не подполковник! Я капитан второго ранга!

Извинившись, слушатель уходил. А через полчаса к мореману подходила следующая военно-морская бестолочь с аналогичной

формой обращения. И так на протяжении двух лет. Конец всему, монтана и вилы в бок!

Любимым нашим преподавателем был “наша взводная мама” - полковник медицинской службы Новиков. Здоровенный красивый мужчина: говорят, от таких “бабы кипятком... брызжут”. Очень много он вложил в нас своего здоровья, сил и флотской мудрости. Притом никогда никого не ругал, внушение делал с юмором, в котором присутствовала и доля военно-морского сарказма. На вопрос слушателя: “Товарищ полковник! Можно обратиться?”, он без тени назидательности, что так ценимо военморами, обычно говорил: “Можно Машку... за ляжку и козу на возу. А на военной службе существует обращение “разрешите”.

К сожалению, он через несколько лет после нашего выпуска умер. Умер прямо в машине по дороге со службы домой.

В нашем отделении было двенадцать слушателей. Таран, Опарин и Сосенков, о которых я уже писал. Слушатель Балаев - осетин, спортсмен, красавец, горец и самый надежный друг в мире... для любого ранга начальников. С девочками он заводил знакомства очень легко, но после нескольких часов общения с ним, они почему-то всегда предпочитали тихо-мирно ретироваться от красавца-ухажера в сторону. Балаев очень гордился тем, что он осетин, что вполне естественно. На каждом углу можно было от него услышать, что осетинская культура самая древняя, письменность - самая ранняя, а его прадед был женат на грузинской царице Тамаре. Постоянные разговоры на тему исключительности осетинов породили одну из множества шуток, или, скорее, розыгрышей.

К Балаеву подходил любой из слушателей и с невинным видом спрашивал:

— “Казбич” (его кличка), ты осетин?

— Да, - с гордостью отвечал тот.

Спрашивающий, хватаясь за голову, восклицал:

Е... твою мать!

Наш осетин тут же закусывал удила и с яростью бросался на обидчика с криками:

— Чем тебе...тра-ля-ля... не нравятся осетины?

И успокаивался только тогда, когда получал всяческие уверения в исключительном почтении к осетинской нации и культуре. Через неделю ситуация повторялась. Этот розыгрыш срабатывал на протяжении всего срока учебы, что свидетельствовало о недостаточном количестве ионов йода в чистых горных водах Кавказа. При всем при том. Казбич был самым исполнительным слушателем. Скрупулезно, в отличие от

многих, писал лекции, упорно сидел на само подготовках, когда все старались увильнуть от этого нудного занятия. Однако экзаменов боялся панически.

Весной 1976 года мы сдавали экзамен по судебной медицине... Подкупили лаборантку, которая раскладывала билеты. И она разложила их на столе в том порядке, который нам был известен. Так что каждый готовил только свой билет. Очередность экзаменующихся в комнату установлена была гениально просто: кто первый пришел, тот первым и заходит. На экзамен Балаев пришел в пять часов утра и, естественно, был первым. Войдя в комнату и увидев ряд расположенных билетов, он слегка растерялся, и в результате, перепутал в голове порядок раскладки. Взял билет. Но не свой, как планировалось. С криком: “Нэ мой!” - он бросил билет на стол перед растерянным и удивленным лицом экзаменатора... В результате вся наша система полетела коту под хвост, что и сказалось на результатах экзамена. Пост фактум: все слушатели вежливо сказали господину осетину свое искреннее “спасибо”.

С нами же в отделении был и слушатель Муравьев. Симпатичный, высокий и умный одессит. Своеобразный одесский юмор его неоднократно разряжал самые мрачные ситуации. Только он мог написать своим родителям такое вот письмо:

> Живу я, мамочка, хорошо. Но когда был в отпуске, то оставил дома свой “гюйс” (форменный воротник). Вышли его мне. Но не ложи его рядом с салом, а то водкой обольется.

Однажды Муравьев прибыл из города с признаками “асфальтовой болезни” на лице. На вопрос, кто ему стесал всю кожу на “морде”, он невозмутимо ответил: “А пускай не лезут...”

Был среди нас и “импортный парнишка” Димицкий из Ужгорода, прозванный так за постоянную щеголеватость и своеобразную западно-украинскую манеру разговора...

Бок о бок с нами постигал военно-медицинские науки и скромный, молчаливый и добросовестный слушатель, который в настоящее время в звании полковника руководит отделением врачебнолетной экспертизы в главном госпитале ТОФ.

В общем, состав нашего отделения мог иллюстрировать дружбу и единство народов нашей необъятной и могучей Родины.

Глава 3
СТАЖИРОВКА. ЗДРАВСТВУЙ, ФЛОТ

Сдав летнюю сессию, мы должны были, наконец, убыть на корабельную стажировку. Для меня предстояла первая встреча с кораблями Военно-морского флота. Встреча, которую я ждал с таким нетерпением.

Наше отделение убывало на стажировку в Севастополь, что само по себе будоражило нервы... Никогда не виденный мной город-герой, овеянный легендами и славой, гордость и величие России...

В Горьком нас посадили в поезд под руководством начальника курса и пожелали счастливого пути. Сопровождал группу руководитель стажировки, майор, который с момента посадки уединился в купе и до самого Симферополя мы его не видели. Будучи предоставлены самим себе, почувствовав свободу, стажеры занялись обычным в таких случаях времяпрепровождением - организованным под руководством старшины курса Тарана пьянством и приставанием к молоденькой проводнице. Через час проводники дружно сбежали в соседний вагон, и мы в течение суток ехали вообще без какого бы то ни было контроля. Однако до Симферополя добрались без потерь...

В Севастополь приехали к десяти часам утра, и сразу же, под командованием майора-руководителя, доставлены были на Минную стенку, где местные начальники распределили нас по местам прохождения стажировки. Я вместе с Новиковым попал на эскадренный миноносец проекта 56 “Находчивый”, прибывший недавно из длительного похода в Средиземное море и Атлантический океан. Во время плавания эсминец заходил в порты Туниса, Алжира, Гвинеи, Югославии и Болгарии. Рассказами о них моряки полностью покорили мою душу, и я готов был уже даже не сходить с корабля ни за какие коврижки...

И вот на этом просоленном эсминце мне пришлось впервые познакомиться с корабельными расписаниями, приборками, кубриками, “годками”, “карасями”, несправедливым распределением нарядов, прикрытым справедливыми приказами командира об их назначении, а также множеством других никогда не веданных мною вещей.

На эсминце мы появились в разгар подготовки корабля к очередному походу. Ему на долю выпала почетная задача - составить эскорт первому тяжелому авианесущему крейсеру советского кораблестроения “Киев”, уходящему из солнечного Черноморья к туманным берегам Крайнего Севера. Подготовка эсминца шла полным ходом. Штурмана корректировали карты, проверяли аппаратуру, устраняли замечания, рвались на берег, желанный, но далекий, находящийся за сходней. По вечерам в кающе перестраивали деятельность гидрографической службы флота и были крайне недовольны начальством. Минеры и артиллеристы, не сняв ржавчину с металла, суричили, красили орудия и торпедные аппараты и были недовольны специалистами радиотехнической службы из-за неисправностей стрельбовых станций. Старший помощник всех строил, ругал, всем грозил, создавая неразбериху, клацал печатью на ворохе казенных бумаг и был недоволен командиром. Командир отбивался от различных комиссий и был недоволен командующим флотом, главкомом и своей собственной женой, вечно недовольной командиром.

Снабженцы списывали простыни, бывшие в наличии, вычитывали из оклада денежного содержания лейтенантов стоимость утерянной матросами посуды, растаскивали консервы и были недовольны деятельностью народного контроля. Штатный начальник медицинской службы, отдыхая на Южном берегу Крыма, будучи в отпуске, был доволен командиром, старпомом, главкомом и женой одновременно. Замполит расставлял комсомольский и партийный актив, инструктировал руководителей групп политических занятий, имеющих высшее образование, по методике озвучивания статей журнала “Коммунист Вооруженных Сил”. Руководители же этих групп красивым почерком старшин и матросов готовили конспекты занятий, переписывая в тетради абзацы статей КВС. Комсомольские активисты произносили речи на собраниях и митингах, “публично бия кулаками себя в грудь”, заставляя “карасей” делать приборку на активистских объектах и стирать по ночам, прячась от старпома, активистскую робу.

Горы входящих и исходящих бумаг, письменных рапортов, административных расследований, служебно-политических характеристик и планов на все случаи жизни опустошали девственные леса страны, увеличивая тем самым планы бумагоделательной промышленности. Механики “пахали”, борясь с усталостью металлов и своей собственной. Мичманы боролись: до обеда - с голодом, а после обеда - со сном, за что получали оклад содержания и числились золотым фондом флота. Старшины пытались заставить матросов работать, не имея для

этого достаточно прав. Матросы работали. Качество работ было прямо пропорционально знаниям электронной техники и желанию попасть в краткосрочный отпуск с выездом на Родину.

Тонны различных грузов доставлялись на корабль, превращаясь в грозную мощь корабельных орудий и механизмов.

Тонны таких же грузов, имеющих неисправности, отправлялись на склады для доставки в ремонт, превращаясь в обычный металлолом, большей частью своей никогда и ни кем не ремонтируемый. Гигантский маховик подготовки корабля к походу мог быть остановлен только докладом командира командующему флотом:

— Корабль к походу готов!

Сразу же исчезали комиссии, в течение многих дней мешавшие работать, и грузовики, подвозившие техническое, минное, шкиперское имущество, имущество связи, технические средства пропаганды (ТСП), продовольствие и наглядную агитацию.

Корабль к походу готов!

Ночь перед выходом отдана офицерам. В море народ выходит с чувством вины перед семьей и твердым убеждением, что пантокрин из собственных пантов гораздо полезнее, чем из пантов марала и изюбря.

Накануне выхода корабля в море вместо счастливого эскулапа-отпускника на борт прибыл случайно подвернувшийся под руку медицинскому начальству доктор. Аж капитан медицинской службы. В каюту он загрузился с наспех собранным чемоданом и твердой уверенностью в несправедливости судьбы. Лег на должность. Узнав, что на корабле находятся два стажера от медицины, вызвал к себе нас обоих.

— Товарищ капитан! Слушатели Новиков и Иванов прибыли по Вашему приказанию!

— Так, - глубокомысленно изрек шеф, окинув взглядом вытянувшихся военных. - Хорошего человека должно быть много. Ты-то толще и выше, - обратился он ко мне, - значит, хороший. Будешь исполнять обязанности начальника медицинской службы. Обо всем, что сочтешь нужным, будешь докладывать мне. О том, что я сочту нужным, - командиру. Вопросов нет? Свободны. Стоп! Премудрости медицинской организации заносите в дневник. Оценки ставьте себе сами. Я подпишу. Все. Свободны.

Страстный монолог шефа швырнул озадаченных стажеров в медицинский отсек и призвал к исполнению присяги врача. И не просто врача, военно-морского доктора, так как врачами на флоте врачей не называют: доктор или просто - док.

Каждый, кому приходилось иметь дело с медициной на берегу, знает, что для успешного лечения больных, кроме врачебных знаний и хороших лекарств, нужны и солнечные палаты, сверкающие никелем операционные, бестеневые лампы, автоклавы, сестры милосердия, стерильная чистота и сиделка баба Маша. На эсминце “все выглядело иначе, чем на самом деле”, как любил высказываться один из корабельных философов-мичманов...

Медотсек на проекте 56 представлен следующими “функциональными подразделениями”. Пройдемся и осмыслим, увидев все собственными глазами. Крутой трап бросает вас в мрачное подземелье, называемое тамбуром медотсека (площадка площадью в 1,5 квадратных метра). Прямо - дверь в амбулаторию. Справа - дверь в кубрик № 2. Рядом, правее, дверь в гальюн или, о чем свидетельствует бирка на двери “ВК”, - ватерклозет. Слева - дверь в лазарет. Слева сзади - трап в кубрик № 3. Щиты, трубопроводы, надписи “опасно для жизни”... Жутко, сыро, темно. Заходим в амбулаторию. Вас встречает ошалевший от внезапного пробуждения матрос (милосердная сестра и баба Маша одновременно). Фигурные переборки, повторяющие стройные обводы носовой части корпуса и подбашенного отделения носовой артустановки. Прямо - шкаф, сзади - шкаф, слева, по длине всего помещения, - железный топчан образца времен инквизиции, справа в углу - умывальник, запаса воды в котором хватает для приема двух-трех больных. Электростерилизатор, аппарат “УВЧ-66”, аппарат для гальванизации “ПОТОК”, никогда ни кем не применяемый, но регулярно получаемый с медицинского склада.

Все чудеса медицинской техники, таким образом, вам представлены. В этом корабельном храме медицинского священнодействия остался еще узенький (70-80 см) проход, освещаемый двумя большими иллюминаторами. Хорошо еще, что электростанция своя: за свет платить не надо, хотя подобное требование предъявляется всем приходящим на корабль новичкам. Солнечные палаты представлены помещением корабельного лазарета (2 х 2,5 м), четверть которого занимает душ (в нем же гальюн), две койки (одна из них подвесная), тумбочка, иллюминатор. Все. Корабельная клиническая широкопрофильная больница (неспециализированная).

Тишина находящимся на излечении обеспечивается громкими командами по корабельной трансляции, предваряемыми колоколами громкого боя, грохотом прогаров по металлу (матросы ведь непрерывно куда-то бегут), воем вращающихся и гудящих механизмов, громом постоянно

роняемых над головой на палубу железных тупых предметов. Набор медикаментов соответствует уровню начала семидесятых годов (так определено в приказе министра).

Особого внимания требует “сверкающая никелем и стерильной чистотой операционная”. Здесь она представлена кают-компанией офицеров, “предназначенной для приема пищи и коллективного отдыха”. Для того, чтобы провести операцию в ней, надо все вымыть с хлоркой, изгнать тараканов и крыс, протереть все спиртом, которого всегда не хватает... Все для блага человека! Врачуй, док! НЕ вреди! Внедряй новые методы лечения! Занимайся наукой! Резко снижай заболеваемость и травматизм. (Требования руководящих документов).Теория без практики мертва. Практика без теории слепа. В условиях эскадренного миноносца теория и практика взаимоисключают друг друга. Закон единства и борьбы противоположностей действует наполовину: единство отсутствует, противоположности только борются. Двое будущих отличников здравоохранения включились в борьбу, пытаясь привнести в нее единство.

В кубрике № 2 жила группа курсантов Вольского Высшего военного училища тыла, или, как его называют на флоте - Высшего Воровского училища. В перерывах между построениями, приборкой и разносами, которые устраивал им старший помощник, курсанты дружно занимались изучением органолептических качеств (вкусовых, значит) морского офицерского пайка. Дружной стайкой окружив помощника командира по снабжению, тыловики впитывали в себя премудрости движения по скользкой тропе вещевого, шкиперского и продовольственного снабжения кораблей Военно-Морского флота, переваривая попутно “все, что нажито непосильным трудом” корабельного снабженца в провизионках (продкладовых).

Здесь же проходили морскую практику и курсанты училища им. Фрунзе.

Шли дни похода. Первого похода в моей жизни. Я по праву “хорошего человека”, которого много, тащил на себе амбулаторный прием, выполнял свои же назначения больным, контролировал качество пищи и помывок личного состава, качество приборок и стирки постельных принадлежностей (казенный язык, зато понятный). Мой друг Новиков возлежал на нарах, зеленея при незначительной качке, пытаясь удержать в себе жалкие остатки обеда, а когда это ему не удавалось, стремительно убегал в гальюн “рычать на дучку”. Подобное непочтение к Нептуну впоследствии нашло свое отражение в характеристике короткой фразой: морские качества

неудовлетворительные...

В центре Черного моря ко мне подошел главный старшина - старшина команды машинистов трюмных.

— Слушай, док. Морские традиции надо уважать, согласен?

— А как же!

—Придется тебе оморячиться.

— Искупаться, что ли?

— Нет, конечно. Посвящение в моряки сложный и волнующий церемониал. Но, учитывая то, что вы - доктора, процедура будет упрощена до безобразия. Из всей стройной системы посвящения вам предстоит лишь выпить плафон забортной морской воды. Ну, разве не безобразие?

Справка. Плафон - стеклянный колпак для предохранения электрических лампочек, емкостью около 600 мл.

— Согласен. Но мне любопытно все же: что мы урезаем из полного церемониала? Пробовать не обязательно, но знать надо...

— На первое - вода. На второе - баночки. (Справка: отбить баночки значит следующее. Взять кожную складку на животе посвящаемого, повернуть на 90 градусов, максимально оттягивая, ребром свободной ладони ударить под основание. Результат - огромный синяк на животе.) На третье - поцелуй. (Справка: кувалда подвешивается на проволоке и медленно раскачивается. Стоя на четвереньках, посвящаемый должен войти в резонанс, повторяя движения кувалды. Изловчившись, надо трижды ее поцеловать. Эквилибристика. Часто - разбитый и уж всегда вымазанный мазутом нос). Поцелуи всегда приятны моряку своей нерегулярностью.

- Добро, утверждается только вода.

Свою порцию я выпил, не поморщившись, чем заслужил разочарованный вздох толпы, - аплодисменты. Новиков после третьего глотка галопом ускакал выражать свое несогласие с Нептуном. (Морские качества неудовлетворительные).

Пришли в территориальные воды Болгарии, стали на рейде Бургаса. В центре - “Киев”. Вокруг - корабли охранения, обязанные подставить свое тело под удар вражеской торпеды, защищая флагмана.

Утром в амбулаторию принесли больного: лицо серо-зеленое, губы сухие, заторможен, живот - доска. Из нацменьшинств. По-русски знает: ура, ест, болна и несколько непередаваемых здесь образчиков флотского обиходного языка, типа “отругать”, “проворонить”, “стащить”, “врезать по уху”, “доложить по команде о проступке товарища”, “обмануть”. После тщательного обследования, насколько это возможно в

корабельной клинике, было сделано заключение: больному нужна срочная операция. Доклад командиру, связь с флагманом. Катер к спуску! Доставка больного на “Киев”. Операция. Оперативно, спокойно, деловито, грамотно, без суеты и лишних движений. Каждый на своем месте. Все: знания, опыт, власть, жизнь - на спасение жизни товарища. Флот, морское братство. НЕ на бумаге.

Месяц прошел, стажировка закончилась. По ее результатам я получил характеристику, написанную курсантами военного училища им. Фрунзе.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Дана будущему живодеру и костолому Иванову Петру Ивановичу, 1953 года рождения, с неженатым паспортом.

За время пребывания на эскадренном миноносце “Находчивый” проявил себя ко всяким наукам способным и понятливым, но ленив зело, а также до вина и баб охоч. Прожорливость большую имеет. По той причине весь корабль голодным ходил. Что касаемо призвания своего лекарского, то и здесь прыть проявил большую: зубов выдрал неимоверное количество - полторы челюсти. Пальцев отрезанных пришил две штуки. Особенно ловко оперирует черепа матросские и мичманские при помощи молотка железного и зубила каменного, а что касаемо черепов офицерских - воздерживается. Изукрасил экипаж весь красками анилиновыми, дабы братия матросская на гражданскую шушеру производила впечатление неотразимое. Лекарства от всех болезней прописывает единственные: фенолфталеин (пурген) в смеси с касторкой три раза в день после еды (зато экипаж не кашляет, боится).

Прошел по морям расстояния огромные, побывал в странах заморских и увидел то, что не давно увидеть простому смертному.

А касаемо черт морских да человеческих, то зарекомендовал себя моряком отменным: спать может много, даже в условиях качки коварной и штормов бешеных. В море на дучку не рычит, а спокойно котлеты уписывает и компота добавки просит, а не в пример карасям некоторым. Действует по принципу: поел - помоги товарищу.

Товарищем зарекомендовал себя качественным: снабжал сигаретами в изобилии, не ругался по матерному, пил воду морскую, да посмеивался.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
НА КОРАБЛИ ФЛОТА РОССИЙСКОГО
ДО СЛУЖБЫ ДОПУСКАЕТСЯ.

Гуминский(Боб)
Шабанов (Старшой)
Яcько (Батька Яха)
Брынчик(Сэм)
Августа 22 дня 1976 года. Флот Черноморский.

Подписи курсантов были заверены их отпечатками пальцев.

Глава 4
ШЕСТОЙ КУРС. ВЫПУСК

В сентябре 1976 года занятия возобновились. Мы, слушатели шестого курса, выступали уже не в роли “карасей”, а бывалых моряков, бравируя перед слушателями пятого курса своей просоленностью и тем, что до присвоения нам звания “лейтенант” оставалось меньше года. Выпускной курс - курс ответственный, и каждый из нас понимал, что легким он не будет. Однако, сознание ответственности прыти в освоении наук нам не прибавило. Все пошло своим чередом. Время, в основном, посвящалось, досугу, несмотря на постоянные требования начальника курса больше внимания уделять учебе.

В сентябре я познакомился со своей будущей женой. Шли занятия по циклу “хирургия” в больнице № 35 г. Горького. В сумрачном коридоре больницы, наполненном запахами лекарств, людской боли и перепрелых щей, за столом дежурной сестры сидела молоденькая, очень симпатичная девушка. Милосердная сестричка. Я представился:

— Меня зовут Петром. В переводе с греческого значит “камень”. Белорус. Значит - “красивый русский”. А все вместе - “красивый русский камень”.

Свидание было назначено на 350-й ступеньке Чкаловской лестницы, если по ней подниматься снизу вверх от Волги. На первом же свидании я ей предложил выйти за меня замуж. Мы сидели на скамейке открытой эстрады, вдыхая запах падающих листьев,от которого кружилась голова и язык не помещался во рту от нагромождающихся на него слов. Плюс искреннее внимание собеседницы, теплый вечер, Волга, предстоящий выпуск, взбесившиеся в крови эритроциты, есенинские стихи о хулигане, безрассудная молодость.

Трудно сказать, что было основной причиной из всех вышеперечисленных, но на мое предложение она ответила согласием.

> И мы с тобою сразу стали жить,
> Не опасаясь пагубных последствий
> (В. Высоцкий)

Мы сняли квартиру на Московском шоссе у очень милых

молодых еще хозяев, которые, зная о том, что мы не зарегистрированы, никогда не подавали виду, что знают об этом, тактично изображая веру в ту околесицу, которую я нес, описывая трудности романтики заключения нашего брака, связанной со скоропалительностью нашего решения. В моем изложении история звучала так:

> 18 сентября, сопроводив на север авианосец “Киев”, мы стояли в Североморске, готовясь улететь к месту учебы. Напротив - город Полярный, не увидеть который просто невозможно, учитывая его героическое прошлое. И я попросил командира корабля отпустить меня на экскурсию, так как билет на самолет до Ленинграда был на следующие сутки. Получив добро, я убыл в Полярный, имея в кармане один-единственный рубль.
>
> Гуляя по городу, я вдруг увидел красивую юную пассию, идущую по улице, и немедленно “упал на хвост”:
>
> — Девушка! Я здесь такой одинокий, ничего не знаю. Будьте моим гидом и разрешите пригласить Вас в кино.
>
> Девушка согласилась, приняв во мне искреннее участие. Направляясь к кинотеатру, я мучился тем, что боялся, как бы фильм не оказался двухсерийным, так как в кармане у меня был только рубль. Но все обошлось благополучно. После фильма я напросился к девушке в гости, мотивируя свое желание тем, что сильно проголодался. Утолив чувство голода и пребывая в отличном расположении духа, я предложил:
>
> — Выходи за меня замуж!
>
> Наутро, оставив записку родителям украденной невесты, мы улетели в Ленинград, где и зарегистрировали свой брак на следующий же день в Выборгском отделе “записей актов гражданского состояния”, воспользовавшись тем, что я когда-то работал здесь дворником.

Эту историю я впоследствии рассказывал множество раз, вызывая в слушателях восхищение своей способностью оперативно принимать самые важные решения, что, по-моему, придавало мне в глазах окружающих определенный шарм.

Ответ на письмо родителям о нашем решении пожениться пришел незамедлительно. Он напоминал скорее ощетинившегося дикообраза, чем мудрое и ласковое благословение.

СОС! Караул! Грабят! Акции местных невест стремительно

падают. Жених уходит сквозь пальцы за горизонт. Родители пахнущих молоком деревенских красавиц перестают почтительно снимать шляпы, невзначай приглашая в гости. Дочери, напялив на себя дорогие безвкусные наряды, перестают пыхтеть от усердия понравиться кандидатам в родственники.

Сын-жених, моряк, будущий врач, взращенный бессонными ночами капитал, коварно уводится из стойла. В глухую защиту, СОС! Мне были понятны чувства родителей. Понятен и СОС. Ведь для отца, покидавшего деревню только для того, чтобы оставить свой автограф на Рейхстаге в незабываемом 45-м и матери, не бывавшей дальше райцентра, призрачная жена была избалованной городской барышней, уцепившейся за могучую грудь сына и расчетливо делавшей свою партию.

— Ну что ж, родная, будем сами делать свою судьбу. Марш Мендельсона временно откладывается. Ты согласна?

В декабре 1976 года я тяжело заболел. Областная больница, наполненная плановостью и отсутствием милосердия, подписала контракт на мое лечение. Врачи, мудро нахмурив брови, носили на лице печать сострадания и стремились повысить показатели в графе “выздоровление”. Больные боролись за жизнь, помогая друг другу. Конвейер воспроизводства рабочей силы трудился с бездушием автомата по штамповке гаек. Консервативное лечение не помогло. В середине декабря мне была сделана одна операция, в конце - другая.

Начался сепсис. Молодой крестьянский организм сгорал при температуре 41,2 градусов по Цельсию. К Новому году я никого не узнавал. Прощаться с жизнью не хотелось, но сил сопротивляться оставалось все меньше. Товарищи по учебному отделению, молодые здоровые слушатели, навещали регулярно, принося для больного колбасу, которую я есть не мог и коньяк, который мне был противопоказан. Посему и то, и другое уничтожалось самими посетителями. Мудро качали головами врачи, сестры добросовестно делали уколы, которых я уже не чувствовал...

Сосед по палате, молодой зоотехник одного из колхозов области, обреченный на смерть злокачественной опухолью, надеясь жить сам, свою надежду старался вложить в умирающее тело молодого моряка.

— Не ссы, Петруха! Я таку бабу тебе дам, что она и с того света тебя вытащит, а не только из этой передряги! Мы с тобой, Петруха, еще попьем водочки!

31 декабря вся больница праздновала Новый год. Я очнулся от предложения соседа по палате:

— Петя, давай отметим Новый год, как и все остальные!

Сил отказаться не было. Двадцать граммов коньяка три раза в день применяются в медицине как биостимулятор. А если двести? А если четыреста и сразу? Чем черт не шутит! За Новый год, за тех, кто в море, за мир и дружбу было принято на грудь по целых семьсот.

На следующий день я проснулся с совершенно ясной головой. Температура - 37,2. Сестричка, расправляя боевые шрамы на лице, внесла капельницу.

— Спасибо! Уберите эту клизму! Хотите коньяка?

Возрадовавшись за больного, в нарушение всех инструкций, сестричка милосердно согласилась.

Через месяц, сдав два экзамена прямо в больнице, - инфекционные болезни и Уставы ВС СССР - я был выписан. “Пятерка” по “инфекциям”, которые я знал слабо, “четверка” по Уставам, которые зубрил в течение года. Капитан второго ранга Дельфун мотивировал снижение оценки на один балл тем, что я, выполняя постельный режим, не сдавал строевую подготовку. Жизнь вошла в свою колею.

Незаметно подошла летняя, последняя сессия. Четыре государственных экзамена. Система предъявляла к оплате счет. Шесть лет учебы, переваренные в желудках определенными суммами государственных денег, требовали отчета. Топливо, залитое в организм эскулапов, требовало определить коэффициент его полезного действия. Индикатором чего и служат государственные экзамены.

Десять дней на подготовку. Весна. Буйствующие в крови эритроциты. Зов предков. Любовь. Отвращение к учебникам. Неудачные попытки друзей и знакомых засадить меня за книгу... Первый экзамен. Хирургия. “Отлично”.

Десять дней. Весна. Эритроциты. “Терапия”. “Отлично”. То же по ОТМС и научному коммунизму. Поздравления, слезы радости. Благодарность начальника курса. Лейтенант!

День выпуска новоиспеченных врачей-лейтенантов выдался исключительно солнечным. Душу переполняли только положительные эмоции. Лейтенанты, почувствовавшие себя полковниками, развязно-небрежно толпились во дворе факультета перед торжественным построением, стараясь не замечать старших по званию, замирая от страха перед возможным внушением со стороны начальства. Мудрые начальники “не видели” нарушений субординации.

И вот, наконец, прозвучала команда на построение. “Становись!” Суетливый топот сотен ног. Строй. Встречный марш.

— Товарищ полковник! Слушатели военно-медицинского

факультета на торжественный митинг, посвященный очередному выпуску советских военных врачей, построены! Начальник курса, подполковник медицинской службы Савинков.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здра-а-а желаа-а-а, товарищ полковник! Поздравляю вас с окончанием учебы!

— Ура-а-а, ура-а-а, ура-а-а!

— На знамя... равняйсь! Смирно!

Торжественный марш. Митинг объявлен открытым. Государственный гимн. Мурашки по спине. Холод внизу живота. Влюбленные глаза приглашенных. Гордость за свою Родину. Счастье.

— Товарищи офицеры! Врачи! Дорогие гости! Шесть лет мы вместе ждали этого торжественного момента. Вместе радовались и огорчались. Вместе грызли гранит науки. Вы получили самую гуманную профессию, стали офицерами. Родина потратила на вас много усилий и средств. Теперь она вправе потребовать отдачи. Вам предстоит работать в сложных условиях, с риском для жизни. Будьте достойны высокой чести, оказанной вам - стоять на страже здоровья людей, защищающих независимость и свободу.

К торжественному маршу! Поротно! Первая рота... прямо! Остальные... напра-во! Шагом... марш!

Старательно печатая шаг, любуясь собой, забыв обо всем на свете, лейтенанты двинулись в Кремль. К вечному огню. В Нижегородскую крепость.

Присяга врача Советского Союза. Кортик на поясе и погоны лейтенантов на плечах. Море цветов, радость, торжество, праздник. Спасибо, Родина! Я люблю тебя! Я всех люблю! Я ваш! Я для вас, люди!

После торжественного вечера, проведенного в ресторане “Москва”, где в бокалы шампанского сыпались лейтенантские звездочки, и в кувшинах с водкой мокли кортики, счастливые и возбужденные врачи-офицеры разъехались по домам.

К обеду следующих суток все собрались во дворе факультета. Всеобщее возбуждение спало. У всех на уме - ожидание будущей неизвестности, неуверенность. Так, наверное, чувствует себя дитя, впервые отнятое от груди кормилицы.

Мы получали свое первое офицерское денежное довольствие. Жуликоватые финансисты тянули время. Два, три, четыре часа ожидания вызвали в офицерах легкое раздражение. И наконец... распишитесь. Удивительно, но по случайной иронии судьбы, все получили разные суммы, чего не должно было быть, так как должности пока у всех были одинаковыми, да и звания тоже. Финансовая наука точная. Пусть уж разность сумм останется на

совести прапорщика из финансовой службы. Плевать. Прощай, несправедливый старшина Опарин, клептоман хозяйственник Тимашов, лекции, наряды, выговоры, строевая подготовка и отец-защитник всех униженных и оскорбленных - полковник политической службы Пим.

Из Горького с Ниной мы улетели порознь, чтобы встретиться после отпуска в Москве перед вылетом во Владивосток.

Глава 5
ДРАНГ НАХ ОСТЕН!

Пролетел первый лейтенантский отпуск, пролетело лето. Простившись с родными, я улетал к месту службы - на Краснознаменный Тихоокеанский флот.

Стоя в аэропорту города Минска в ожидании рейса на Москву, я вспоминал два прошедших месяца благодатного отпуска, когда золото погон на плечах давало возможность гордиться собой, уверенно сочинять небылицы о тропических ночах и опасных походах, наблюдая, как простые деревенские люди верят каждому слову, как мама смотрит на свое любимое чадо, приписанное волею министра обороны к очень дальнему Востоку. Было жаль самого себя, родную деревню, родителей и прошедшую юность. Впереди неизвестность, даль, море, корабли, надежды, сквозь которые робким ростком пробивалось тщеславие.

- Меня ждут, я нужен флоту, кораблям. Если уж лейтенант, то обязательно - свое гнездо, любящая жена, встречающая горячим ужином уставшего, чуть просоленного, небрежно-изящного моремана, милые розовые детишки... Уважение на службе, майор, полковник, Герой Союза... Ну, если не герой, то кавалер обязательно. Потрудиться, правда, придется. Подвиг совершить... Запросто! Дай только случай поймать удачу за военно-морскую задницу. А ведь на флоте случаев... за каждым углом. Знай, хватай...

Эти мысли роились у меня в голове под свистящий шепот самолетных двигателей, сулящих скорое продолжение дороги в жизнь. Новую, щемяще-неизвестную, самостоятельную.

— Пассажиров рейса 1510, вылетающих на Москву, просим пройти в зал регистрации. Регистрация билетов и оформление багажа производится у стойки номер два.

Казенно-вежливый голос казенной женщины отбросил меня в действительность, заставил взять черный кожаный чемодан “мечта оккупанта” и торопливо потащить его на весы, хотя подобная торопливость не приличествовала лейтенанту флота. Багажная бирка и треск отрываемого талона отделили прошлое от будущего. Все, пуповина отрезана. Переход на самостоятельное питание. Заманчиво, хотя и грустно.

— Командир корабля и экипаж приветствуют вас на борту самолета ТУ-134, выполняющего рейс по маршруту Минск-Москва. Командир корабля, пилот первого класса Семенов.

Пристегнутый к судьбе привязными ремнями, беспомощный и грустный, я ждал привычного ощущения ускорения. В душе шевелился гнусный червячок рассказов о катастрофах и вынужденных посадках. Ладони немного вспотели, пальцы сжимали подлокотники кресла. Хотелось ехать в купе конечно же международного класса..., слегка бравируя своей смелостью перед красивой соседкой...

Прости-прощай!
Как нынче дышится вольготно - чистый мед...

Песня звучала в голове, хотя вольготно и не дышалось. Все-таки... высота, рассказы о ненадежности авиатехники...

Ну, наконец-то, мне сегодня повезет...
Прости, прощай...

Через полтора часа прилетел в Москву, куда(телеграммой предупрежденная, должна была приехать Нина из “районов Крайнего Севера” перебазирующаяся на Дальний Восток.

— Наш самолет приступил к снижению. Через несколько минут мы совершим посадку в аэропорту Шереметьево. Просим пассажиров... ремни... транзит... такси... автобусы... печки-лавочки...

Самый приятный миг полета - касание шасси взлетно-посадочной полосы...

Приехали. Вокзальная сутолока. Автобус до Домодедово идет один час двадцать минут. Мало. Хочется посмотреть Москву, ведь неизвестно, насколько расстаемся. Домодедово. Аэропорт. Русские, узбеки, грузины, армяне, белорусы, евреи... Нация - советский народ. Толстые, тонкие, длинные, круглые, уставшие, грязные, пьяные и трезвые... Братство - пассажиры Аэрофлота.

Встретил Ниночку и Виктора Новикова, улетавшего одним рейсом со мной... Моя же боевая подруга улетала только на следующий день, так как никакие просьбы, адресованные аэрофлотским гостеприимным овчаркам - найти один билет на тот же рейс, успеха не имели, хотя в самолете, оказалось, свободные места были в наличии. Парадокс...

Восемь часов полета до Хабаровска. Много. Слишком далеко. На душе ставшая уже привычной грусть. Как будто летишь на другую планету. Особенно грустно становится, когда смотришь на карту Союза. В правом нижнем углу - Владивосток, в левом верхнем - Ленинград. Расстояния на карте ощущаются физически.

Хочется вернуться в детство или напиться. “Климат Сахалина предрасполагает к непробудному пьянству” (А. Чехов). “Владивосток далеко, но ведь город-то нашенский” (В. Ленин). Да! Владивосток - город нашенский, но он далеко. Знания о Дальнем Востоке ограничены. Их заменяют абстрактные картины из истории: море, сопки, тайга, тигры, угрюмые мужики-переселенцы, интервенция, штурмовые ночи Спасска, Волочаевка, Дерсу Узала. Далекая Камчатка с вулканами, Курилы в тумане, китайцы, корейцы, японцы, хунхузы, спиртоносы... Ресторан “Золотой Рог” с пальмой и сидящим на ней мичманом... Черт знает что! Места для лейтенанта не остается. И зачем Невельской входил в устье Амура? Чувствуешь себя мужественным уже на улице, в дождь (плагиат).

Двигатели поглощали керосин, самолет - расстояние, пассажиры - горячий завтрак. Далеко внизу проплывали необъятные просторы огромной страны: горы,, тайга, болота, факелы бездумно сжигаемого газа, видимые в темноте за сотни километров.

— Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Хабаровска... Культурный и научный центр Востока, героическое прошлое...

Хабаровск встретил нас августовской жарой. На небольшой площади перед аэровокзалом изнывало пассажирское братство, выплавляя из организма соцнакопления в виде жировой клетчатки. На скамейках - вершине хабаровского аэрофлотского гостиничного сервиса - “спокойно засыпали граждане”. В здании вокзала масса спрессованных тел - яблоку упасть негде. Плакатные стюардессы приглашали в полет. Стюардессы реальные отказывали в полете из кассовых окошек, равнодушно вещая о падении курса акций собственной фирмы. В буфете торговали холодной жареной рыбой, горячим пойлом неизвестного происхождения и “кожей индюка”. Мороженое съедено утром, прохладительные напитки выпиты вчера. Королевы общепита, мощные, как белорусские зубры и свирепые, как Уссурийские тигры в брачный период, лениво гоняли мух.

— Пассажиров рейса № 1 из Москвы, просим... подождать 12 часов, любезно согласившись отужинать. Доставка к месту бешеной карьеры откладывается по техническим причинам.

— Что будем делать, Петро? - спросил Новиков.

— Искать пиво, лимонад, холодную воду и... ждать.

Водитель стоявшего на площади газика согласился за определенную мзду утолить жажду незадачливых карьеристов: отвез в город к пивному ларьку и предоставил в наше распоряжение две трехлитровые банки. По дороге в аэропорт

объяснил, что это его основная статья нетрудовых доходов. Тут бы и взять нарушителя трудового законодательства с поличным.

— Спасибо, шеф. Выручил.

“Поличное” было аккуратно отнесено в сквер и под охраной Новикова оставлено на скамейке. В ресторане я купил два семикопеечных граненых стакана стоимостью в полтинник (наверное, цена 3-го пояса). В организм вместе с холодным пивом возвращались жизненные соки в связи с отсутствием в продаже фруктовых.

— Ребята, угостите пивком! Вымираем, как мамонты.

Просьба исходила от кавалера сразу двух дам, сидящих на скамейке напротив. Разбитной сухощавый молодой человек представился:

— Капитан-лейтенант. Камчатка. Год за два. Вулканы, семга, нерка, горбуша, кижуч. Избыток красной икры при резком дефиците семейного очага...

Информация предназначалась , скорее всего, для дам, а точнее, для одной из них - старшей. Жених сам себя предлагал с молотка. Странно. Пассажирская солидарность и морские традиции не позволяли отказать в просьбе. Познакомились. Ирина, студентка МИИГиКа (Московский институт инженеров геодезии и картографии) и Татьяна - ученица девятого класса, летели во Владивосток тем же рейсом. Врачи явно завладевали вниманием девушек, начинающих игнорировать бравого капитан-лейтенанта. Последний начал проявлять признаки беспокойства и недержания речи. Информация, изливающаяся из его уст, сводилась к тому, что на всей Камчатке не было более мудрого, удачливого, преданного, ловкого, смелого и интеллигентного капитан-лейтенанта и в ближайшее столетие не будет. Информация для дам. Ясно. Любовь. Но почему ехидный сарказм на лице обожаемой и холод в глазах Идальго? А ларчик открывался просто: папа девушек, оказывается, был большим чином в штабе флота, о чем знал товарищ камчатский гений, но не знали молодые врачи. Так для меня начали открываться некоторые из многих тайн служебного роста флотских “гениев”. Но это позже, с приездом во Владивосток, на флот - кузнецу боевых кадров.

Московских пассажиров, прибывших самолетом ИЛ-62, доставляли во Владивосток на самолетах ТУ-104, двумя рейсами, так что наши новые знакомые улетели домой на один час раньше. Затравленные Аэрофлотом, конкуренты бывалого камчадала остались с носом. Однако, в аэропорту Артема мы встретили их вновь, так как высокопоставленный папаша встречать дочерей не

приехал. Аэрофлот спутал карты, вежливо извинившись казенным голосом. Ловким тактическим маневром, захватив единственное такси, мы предложили транспортные услуги девушкам. Гений заметался, тщетно пытаясь найти выход один на один с вратарем... Судьба на четырех колесах увезла будущее семейное счастье и могучую волосатую лапу. Через час были на улице Ленинской, бывшей Светланской. Девушки под расписку были сданы отцу, выгуливавшему во дворе огромного дога.

— Спасибо, товарищи, за доставленных дочерей, - официально...

— Добро, старик, сочтемся, - бездумно фамильярно...

Гостиница ТОФ гудела, как потревоженный улей. Со всех концов Союза “на ловлю счастья и чинов” прилетели будущие флотоводцы. Изящные офицеры хлопотали вокруг своих испуганных молоденьких жен. Номера были переполнены. Привыкший ко всему дежурный администратор занимал весь Олимп, однако, получив команду свыше, рассовывал желающих получить крышу над головой по всем мыслимым и немыслимым углам.

Гора чемоданов, сгусток человеческой энергии, надежд, самоуверенности и робости переполняли гостиничный холл. Растревоженные “пчелы” занимали места по “сотам”. Уставшие от новизны ощущений и прожитого в бестолковости дня, офицеры располагались по комнатам 10-12 человек в каждой. В соседних номерах тосковали боевые подруги. Каждый думал свою нелегкую думу.

Я был несколько обескуражен увиденным. В книжках военного издательства все выглядело иначе... Молодой лейтенант, закончивший училище с отличием, ехал в полк. Мудрые командиры валились с ног, подготавливая ему жилье: завозили мебель, взбивали перину, кипятили молоко и делали гоголь-моголь. На вокзале встречал бравый сержант-водитель, вводивший лейтенанта в курс местных дел. Отвозил домой, тащил чемоданы...

Так изображалось происходившее в сухопутных силах. А ведь на флоте должно быть все лучше! Флот могучий, океанский, современный - гордость государства. И вдруг - полная зависимость от гостиничного администратора. Чушь! Не может быть! Досадное недоразумение!

Куда определить жену в совершенно незнакомом городе? Где жить? Возможно, с прибытием в часть, все будет обеспечено...

Конечно, как можно думать иначе? Все хорошо! Такие мысли, наползая друг на друга и превращаясь в шугу, морозили самонадеянную уверенность в нужности всем, флоту в том числе.

Однако же, оптимизм в сознании главенствовал: “оптимист - плохо информированный пессимист”. В это не верилось...

В комнате со мной были выпускники училища Фрунзе, механики из училища имени Ленина, ЧВВМУ им. Нахимова, ВВМУРЭ имени Попова. Перезнакомились быстро.

Полились рассказы из курсантской жизни. В них каждый герой был героем. Первым. Неповторимым. Девушки только в его честь “бросали чепчики”...

Под гитару было спето несколько грустных песен, пущена по кругу пара бутылок горячительного. В нарушение правил проживания.

Однако, к удивлению, нарушителям больше не пелось. Постепенно угомонились и уснули. “На новом месте приснись жених невесте!!!” Даже начальник курса не приснился.

Утром прилетела моя жена. Уставшая, пыльная. С местом в номере для нее вопрос улажен был быстро. Стоимость помывки в душе - 30 копеек на двоих. Торговля гигиеной шла бойко. Немного отдохнув, жена и я отправились смотреть город и, по возможности, искать себе жилье. На первое время. До прибытия в часть.

Прежде всего удивило полнейшее отсутствие тайги на сопках и мест “гнездования” тигров. Хунхузы, местные спиртоносы, выглядели обычными гражданами обычного города. Азиаты с узкими глазами отсутствовали.

По количеству кораблей в бухте Золотой Рог с уверенностью можно было предположить, что последний представитель лососевых захлебнулся здесь мазутом лет 50 назад. Грязные чайки дрались из-за пищевых отходов. Солнце ярко светило . Горизонт был закрыт дымкой.

Ничего необычного. Город-труженик. Однако обращала на себя внимание некоторая праздничная приподнятость толпы: современные импортные наряды, масса народу на Ленинской в обычный трудовой день, улыбки, смех... В булочной продавались бутерброды с кетой и красной икрой, что на Западе страны можно встретить разве что в Москве.

Спустились с Посьетской на вокзальную площадь. В центре - здание авто- и железнодорожного вокзала, явно не соответствовавшие “возросшему объему грузовых и пассажирских перевозок”. Справа - здание почтамта. На нем - куранты, игравшие “Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни” каждый час. Слева - ряд киосков, торгующих произведениями искусных мастеров дальневосточной кухни в виде холодных бифштексов и пирожков, “крепкого, ароматного, придающего бодрость на целый день” кофе. Рядом - стенды объявлений, предлагающие обмен,

гараж, собаку, доху на меху и жилье “одинокому холостому молодому мужчине, желательно морской или военной профессии”. Хозяйка, как правило, “милая, обаятельная, не лишенная привлекательности, любящая спорт и музыку, не склонная к полноте, материально независимая, ценящая в мужчине доброту и порядочность...”

Десятки мужчин морской и военной профессии, нежно поддерживая под локоток милых “не склонных к полноте”, по конкурсу не проходили. Объявления нагло смеялись над моральным кодексом строителей коммунизма: “В лес с дровами не ездят”.

Обстановка ясна. Действительность диктовала свои условия. Не одинокие и не холостые должны покинуть аукцион.

Случайные знакомые морской и военной профессии в званиях капитан-лейтенанта и выше четко нарисовали искателям перспективу:

- Квартиру сейчас не снять. Во Владивостоке в ближайшие 6 лет не ждать. Не надеяться, не рассчитывать, не обольщаться, не раскисать... Смирись, гордый человек!

Первый жестокий удар по самолюбию. Пошатнувшаяся вера в магические слова “офицер флота”!

...Прогулки по городу - гостиница - душ за 30 копеек - ужин в ресторане “Приморье” - гостиница - душ за 30 копеек - утро - душ... Всего на рубль двадцать удовольствий и две сотни рублей - на обратный полет любимой, отвергнутой Дальним, очень дальним Востоком...

Она улетала. В который раз! Предстояла разлука на неопределенное время: пока устроится, наладится, войдет в колею, станет на ноги... жизнь.

Глава 6
ФЛОТСКИЕ РАСПАСЫ

Через несколько дней состоялось первое официальное собеседование жаждущих славы светил от медицины в форме лейтенантов флота с начальником медицинской службы, полковником Макаренко.

Церемония проста, как сказка. Из толпы жаждущих попасть в высочайший кабинет, широко расправив могучую грудь, сжавшись до размеров бледной спирохеты, четким строевым шагом, идя навстречу судьбе в лице начальника медицинской службы флота, лейтенант врывался в распахнутый мир.

— Товарищ полковник! Лейтенант Иванов по Вашему приказанию прибыл.

— Садитесь. Ну как наш город, Дальний Восток?

— Отлично! Хорошо! Замечательно! Превосходно!..

— Гм-м... Куда хотите попасть по распределению?

— На надводные корабли в Советскую Гавань! Название больно красивое (а в голове полуторный оклад, надбавки, северные, легче с жильем).

— Гм-м. Хорошо, что четко формулируете свои желания. А почему бы вам не пойти на подводную лодку?

— Клаустрофобия (боязнь закрытых пространств). С детства. Хочу море смотреть не с берега.

— Так. В Совгавани мест нет. (В ответе намек на то, что туда едут отличники, лучшие врачи в порядке поощрения - льготный район). На Камчатке мест нет. На Курилах и Сахалине тоже.

— Службу не выбирают. Буду служить, где прикажут.

— Правильно. Похвально. Ваше желание будет учтено при распределении.

— Разрешите идти?

— Идите.

Так мечты начинают обретать реальность. Желания учитываются. Дороги открываются. Предстоит любимое дело.

С Новиковым, другом, было решено, что мы в один голос заявим о своем желании служить вместе, о преданности военным кораблям, морю, походам. Все-таки - рядом. Плечо друга...

Назавтра более пятидесяти лейтенантов стояли в управлении кадров. Рожи у всех хитрые, на каждой печать таинственности. Припрятанным со вчерашней беседы с начмедом ТОФ кусочком сыра вороны делиться не хотели. Каждый надеялся, что... не дай бог, сглазят. Этап ответственный.

Новиков был вызван к начальнику первым. Через 5 минут вышел ,пряча глаза.

— Куда?

— Знаешь, Петь, я хотел на берег. В авиацию. Извини. Не хотел тебе говорить. Семья. Дети. Дружба - дружбой...

— Ясно.

— Не обижайся. Это ты фанатик. А ведь большинство... на берег.

— Не может быть! Ладно, скушали... Будь здоров! Ждать не надо. Знаешь... у меня свои планы на вечер...

— Откуда планы? Мы же...

— Сказано. Будь здоров!

— Товарищ подполковник, лейтенант Иванов прибыл.

— Садитесь. Где хотите служить?

На меня смотрела равнодушная рожа бюрократа. Вдруг стало прозрачно ясно, что вопрос задан для проформы, что судьба лейтенанта нисколько не трогает сидящего в казенном кресле на казенной заднице человека. Она уже решена. Давно. 20, 50, 100 лет назад. Решена движением казенных бумаг, называемых служебной перепиской, планами военных ведомств, для которых человек с его желаниями и судьбой - единица в графе “офицерский состав” или же “рядовой”. Ячейка не должна пустовать. Кем и как она заполнена, какой ценой - плевать.

“Какое самое большое желание возникает у человека, забравшегося на высоту? Плюнуть вниз.” Захотелось, дико захотелось плюнуть. Но возможности не было. Военный конвейер безжалостно бросил меня к подножию. Таким образом, плевок попадал точно в наивную и глупую рожу плюющего (закон всемирного тяготения - в приложении к флоту).

— А вы разве отправите меня туда, куда я хочу?

— Конечно. Мы всегда... для вас... с учетом возможного.

— Надводные корабли. Совгавань.

— Ну, молодой человек. Места на надводных кораблях уже, увы, заняты. Могу предложить подводные лодки, строительные части.

— Товарищ подполковник! Я сказал: надводные корабли. В любом соединении флота. Совгавань снимаю...

— Лейтенант! Я ясно выразил свои мысли?

— Так точно!

— В чем же дело?

— Я тоже выразил их ясно. Надводные корабли!

— Не забывайтесь!

— Надводные корабли.

Эх, как не хотелось подполковнику переписывать аккуратно

заполненный бланк. Минуты три (!) работы. Но... индивидуальный подход, близость к людям... Могут вздуть...

— Хорошо. Только для вас, упрямца. Есть одно место в авиации флота.

— Я же сказал, товарищ подполковник. Надводные корабли.

Я решил биться до конца за свою мечту. Отступив сейчас, я потерял бы уважение к себе, что было гораздо дороже расположения бюрократа.

— Идите, лейтенант, подумайте. Не плюйте против ветра. Авиация. Это мое последнее слово.

— Я...

— Все. Через час жду.

Поворот кругом. Шаги, как в бетон сваи.

— Ну что? Куда? - это Новиков.

— В ресторан “Золотой Рог”. Залезу на пальму. Приходи вечером с бананом. Снимешь...

— Ты что, с ума сошел?

— Пошел ты в...

— Петро, извини. Но все же куда?

— На пальму.

...Рестораны, опытные женщины, лицемеры, ласки, успех, деньги, кортик... погоны...

Ресторан был рядом. На углу Ленинской. Вечерний спектакль начинался с 18 часов. С улицы направо, по лестнице вверх - вход. Дверь на замке. За стеклом молодой нахальный парень с желтым шитьем на рукавах. Табличка “Свободных мест нет”.

Я поманил швейцара пальцем. Тот понимающе осклабился. Дверь открыл. Плебейское ожидание подачки.

— Держи карман! — Горсть фирменных пуговиц, купленных рядом во флотском универмаге, перекочевали в карман ошарашенного фраера.

— Ты что, издеваешься? Мест нет!!!

Жалкая попытка преградить дорогу...

Взяв за лацкан фирменной тужурки ошалевшего от неожиданности хлипкого вышибалу, я притянул его к себе и зашипел прямо в ухо... от бешенства:

— Ханыга! Ты срок тащил? Мазуту хавал? (Откуда все бралось!?)

— Ты что? Проходи. Найдем место. Взбесился?

Победила дружба.

Пока я сдавал фуражку, вышибала шмыгнул в дверь туалета.

Зал был полупустой. Пока. Пальмы не было. Выбрав столик в

углу рядом с эстрадой, я подозвал официантку.

— Добрый вечер. Пересядьте, пожалуйста, за другой столик. Этот...

- Я буду сидеть здесь. Принесите шампанское, бутылку коньяка и... самое вкусное.

— Одному?

— За все уплачено. Я хочу посидеть и помолчать... Вам все ясно?

— Да, конечно. Могу предложить минеральную. Пока готовят заказ.

— Не препятствую.

Да! не “Прага”, хотя у маринистов “Золотой Рог” описан неоднократно. В розовых тонах. Колбасьев, правда, не знал, что пальму срубят.

Зал постепенно наполнялся публикой. Не за пуговицы, конечно.

По двое, одиночным порядком или коллективом занимали столики молодые люди, в большинстве морской и военной профессии. По двое, одиночным порядком - реже, коллективом - еще реже, рассаживались милые, не склонные к полноте женщины. Да и склонных хватало.

Зал разделился на два лагеря. Это было заметно. Оценивающие взгляды скрещивались в воздухе. Наэлектризованная от ударов атмосфера раскалялась. Жертв не было. Были только охотники. Женского и мужского пола...

Ко мне за столик сели две дамы. Я заказал шампанское для них.

— О! Спасибо! Как вас зовут, доктор?

В чинах и званиях здесь звали толк.

— Девочки! Договор. Я купил у вас одиночество на сегодняшний вечер.

— Что случилось, лейтенант?

— А это нарушение договора. Все.

Коньяк не опьянял. Музыка гремела так, что звякали фужеры. Говорить было невозможно, распаренные тела вытворяли такое... Галантные кавалеры таскали мебель. Поклон. - Разрешите? - Пожалуйста. Стул из-под... стул на место. Танец. Спасибо. Стул в сторону. Стул под задницу. Конвейер. Эритроциты плясали джигу.

— Молодой человек! Пойдем перекурим!

— Не пойду. И вам не советую.

— Почему?

— Медицинская статистика гласит: из десяти курящих женщин - трое кончают раком.

Долгое раздумье. Усталый и совсем несчастный взгляд.

— Еще лейтенант, а уже нахал.

Коньяк. Говядина по-приморски. Коньяк. Гребешки под майонезом. Папоротник. Кальмары.

— Молодой человек! Разрешите вас пригласить!?

— Извините. Дамам не отказывают, но... на последних скачках я упал с лошади и сломал ногу. И гнедая моя - тоже.

— Еще лейтенант, а уже нахал. Не заносись, паря!..

Спектакль разыгрывался без антракта. Роли изучены безукоризненно. Декорации расставлены. Увертюра. Речитатив. Дуэт. Соло для слона с оркестром.

Напряженные нервы гудели, однако, коньяк делал свое дело. Вторая бутылка... Себя становилось жалко. Один. За десять тысяч верст. Никому не нужен, ни кораблям, ни подполковнику с казенной задницей.

Зал пустел. У гардероба происходил, говоря по-военному, развод на работы. Все прилично. Красных фонарей у подъезда нет. Запрещены законом. Куприн бы “Яму” здесь не написал. Получилось бы вроде “Ручейки” или “Канавки”. Прибыль ресторана состояла из брошенных на брачное ложе целковых. (Хорошее дело браком не назовут). Официантки считали чистый доход, разницу между фактической стоимостью съеденного и заявленной одуревшим от вина посетителям. На кухне укладывали в сумки съестные припасы, сливали в бутылки оставшееся спиртное.

Уходить мне не хотелось.

- Куда? В гостиницу? Кто меня там ждет? Кому я нужен? — Я был здорово пьян. По счету уплачено точно. Без чая. (Единственный в жизни раз.) Хотелось взять билет и уехать в тайгу. Но в тайгу билеты не продавались.

От невеселых дум меня оторвал голос официантки.

- Что, доктор, загрустил? Небось, новичок у нас? Куда тебе нужно? В гостиницу?

- Безошибочно!

- Кофе хочешь? Настоящий.

- Заметано.

Кофе взбодрил. Настроение осталось.

- Еще?

- Давай.

Я сидел в полумраке. Зал опустел. Только официантки, переругиваясь, собирали посуду. Музыканты и шуты, зачехлив аппаратуру, расположились в зале. Ужинать. За все уплачено. Ушедшими гостями. Громкий хохот, сальности, звон бокалов. Захотелось встать, вытащить кольт 12 калибра... Здоровенные

детины, заросшие верблюжьей колючкой, пьяные за чужой счет, довольные тем, что не надо строить БАМ, мерзнуть в палатках, укрощать стихии, чувствовали себя королями паркета, хозяевами страны, прожигателями, дельцами. Рубашки с американской символикой, джинсы, нетрудовые доходы, добровольно и даже с поклоном вложенные в сальные ладони в конце бала за трижды повторенную “Мясоедовскую”. Сколько нужно иметь цинизма, забыть совесть и стыд, загнать в потемки все, что есть в человеке святого, чтобы спокойно опустить в карман заработанные потом и кровью пришедших из длительного тяжелейшего плавания моряков. Деньги не пахнут? Пахнут. Иногда от них расползается зловоние. Нечистая трешка дает метастазы, постепенно разъедая понятие нравственности, общественной морали. “За что боролись?” За сытость чванливых мерзавцев? За дефицит? За блат, за связи? Коррупцию? Равнодушие?

Дуэли отменены. Жизнь подонка охраняется, государством.

Требовать продолжения банкета не приходилось.

- Молодой человек. Я приглашаю вас в гости. На кофе.

Рядом стояла миниатюрная женщина. “Стройная, не склонная к полноте”.

- Черт возьми! Ведь слишком рано... Вы мне напоминаете Дюймовочку. Наоборот. Та в цветах и в белом, вы - в черном и в кабаке.

- Не надо колючек. Вы не правы. Мужчина не должен избивать слабых.

- Единственное, с чем я согласен за сегодняшний день. Я провожу вас, хотя я сам, кажется, в защитники не гожусь. Нуждаюсь в поддержке слабых. Вы согласны идти пешком?

— Это не в соседней подворотне. Я живу далеко.

– Не важно, согласны?

– Хорошо.

Владивосток укладывался в постели. Редкие такси с зелеными огоньками проносились мимо. Яркая россыпь огней. Редкие прохожие. Басовитая ленивая перекличка буксиров. Запах моря. Лязг буферов на железной дороге. Равнодушные витрины в обработке местных дизайнеров.

– Почему Вы пригласили меня к себе? Скука? Деньги нужны? Муж в море? Эритроциты бесятся?

Д’Артаньян пронзил бы подобного кавалера шпагой. Нет. Избил бы палкой.

– Не обижайте слабых. Я не проститутка. Извиняю Вас только потому, что Вы сегодня сами избиты. Вы глупый мальчишка. И упрямый. Уберите иголки. Вас никто не хочет кушать. Лбом не надо стучать в закрытую дверь. Надо просто узнать шифр.

– Золотой ключик? Не верю в Буратино. Хотя и красиво. От него вся душа в занозах. Да и души-то нет. Я не прав?

– Не знаю. Хотите, я расскажу Вам свою историю?

– Я не из жалостливых.

– А я и не ищу в Вас сочувствия. Для себя повторю. Мой муж моряком был. Механиком. Говорили, очень способным. Технику любил с детства. Морем бредил. Двенадцать лет пахал. Сначала на “рыбаках”, затем “дедом” на танкере в ДВ пароходстве. Благодарности. Грамоты. Встали в Дальзавод на ремонт. Первый помощник “посоветовал” включить в ремонтные ведомости мебельные работы по изготовлению гостиного и кухонного гарнитуров. Стоимость заказов – в корпусные работы. “Дед” отказался категорически. Через полгода – аттестация. Политически близорук, безынициативен, работоспособность низкая. Подписи: капитан, первый помощник. Ярлык приклеен, не отмыться. Полтора года хождений по бюрократическому лабиринту ничего не дали. Везде тупик.. Стена. Муж запил. От безысходности. Через полгода стал алкоголиком. Я не смогла помочь. Никак! Развелись. Он живет дома у родителей. Я с дочкой.

– А что же коллектив?

– Те, кто знал мужа, перед ремонтом ушли на другие суда. Экипаж сменился. Да и кому охота на рожон лезть. Своя рубашка ближе к телу.

– Печальная история.

– Не столь уж большая редкость на флоте. Здесь надо нос по ветру держать. Ведь на судне капитан – и исполком, и райком, и милиция. Не поспоришь. Честным людям всегда было трудно.

Глава 7
МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

В управление кадров я попал только через десять суток. Подполковник, избитый верхним начальством, захлебывался слюной:

– Где вы пропадали? Флот на ушах стоит. Все давно убыли в части.

– Я обдумывал ваше предложение насчет авиации.

– Ну и...?

– Прошу направить меня на надводные корабли.

— ...Хорошо.

В голосе подполковника зазвучало что-то наподобие уважения. Пусть и под давлением, пусть и в силу независящих от него обстоятельств, подполковник вынужден был сдаться, боясь, что лейтенант снова исчезнет на неделю. Доказывай потом, что не горбатый.

И, наконец, предписание на руках. На эскадру надводных кораблей. Конкретный корабль будет назван только эскадренным кадровиком. Предстояло еще одно распределение. Хорошего от него ждать не приходилось: все врачи уже распределены, должности заняты. Боевые корабли не будут ждать своего поклонника, так как, естественно, должны быть укомплектованы в первую очередь.

Максимум, на что можно было надеяться – старый эсминец, доживающий свои последние дни на приколе, или, еще хуже, вспомогательная “баржа”. Так думал я, стоя в очереди за билетом в Тихоокеанский или, как выразился стоящий рядом офицер, в Техас.

В комфортабельном автобусе выехали за город. Справа и слева потянулись живописные сопки, покрытые лиственным лесом с кривыми, как будто измученными в детстве рахитом деревьями. Яркая сочная зелень, знойное небо, необычность пейзажа создавали на душе настроение праздничности, прогоняли томительные минуты встречи с подполковником отдела кадров. Горизонт снова был чист, безоблачен. Вот только мысли о заброшенном эсминце тревожили.

Проехали Артем, Шкотово. Дорога извивалась серпантином, спускалась в живописные долины, поросшие высокой травой. Множество мелких речушек, заваленных, тихонько исчезало в зарослях кустарника, появляясь оттуда снова. В рассказы о героическом нересте лососей не верилось. Не оставалось места и

для искателей женьшеня, тигров, золотодобытчиков. Все это было где-то далеко, нереально.

Совершенно неожиданно с вершины сопки открылся поселок Тихоокеанский. Он был необычайно красив. Залитый жарким августовским солнцем, размываясь очертаниями в воздушном мареве, он казался изваянным из крымского ракушечника. Рассеченный надвое дорогой Владивосток-Находка, сжатый сопками со всех сторон, поселок призывал к путешествию. Однако пришлось выйти из автобуса именно здесь.

Встречные офицеры, к которым я обращался, желая узнать, где находится штаб войсковой части, пожимали плечами. Положение создавалось пиковое: на носу вечер в незнакомом месте, часть пока неизвестно где, никого из знакомых рядом. Первая заповедь путешественника – забота о ночлеге. Приземистое двухэтажное здание местной гостиницы, пристально вглядывающееся десятком окон в грязный пустырь, не приютило лейтенанта даже на раскладушке. За рубль 20 копеек в сутки. Без конкретного срока проживания. Коридор был завален чемоданами. Лейтенантские жены бдительно стояли на страже. Мужчин не было. Они уже служили на кораблях, зарабатывая славу и бессмертие. Заботу о семьях молодых офицеров взвалили на себя политические отделы соединений. Ноша была непосильно тяжела: трудно отказывать ближнему своему в помощи, однако приходится все время говорить “нет”, ссылаясь на различные проблемы, трудности, которые абсолютно не волнуют оставшегося без крыши над головой человека. Плюс к этому приходится так манкировать очередью на жилище, чтобы обеспечить в первую очередь тех, кто пришелся по нраву начальнику политоргана, лейтенантов-политработников, совершенно не обязательно при этом руководствуясь принципами социальной справедливости, которыми полны страстные речи флотских душеприказчиков.

Я отправился на поиски доктора Михайлика, которому рекомендован был преподавателем факультета, когда-то проходившем службу в этих местах. Рекомендация лежала в кармане. Вместо денег, так легкомысленно потраченных на владивостокские раздумья. Опекуна дома не оказалось. Дежурил по госпиталю. Пришлось двигать туда. Госпиталь стоял на сопке, отгороженный от поселка сточной канавой, бывшей когда-то зеркально-чистой речушкой, и лесом.

Вечерело. Солнце раскаленным диском цеплялось за верхушки сопок. Улицы поселка были заполнены детскими колясками, за которыми степенно шествовали мамаши, больше похожие на девочек. Свой восторг жизнью выражали криками

граждане СССР до пятилетнего возраста, азартно гоняя пугливых собак и ленивых кошек. К ресторану “Дельфин”, называемому в обиходе “Большая рыба”, стекались любители острых ощущений.

Дежурный хирург Михайлик в чине старшего лейтенанта, прочитав в рекомендации, что я “свой парень”, развил благотворительную деятельность:

– Жить будешь пока в палате. Больного выселим в другую. Палата двухместная. Питаться – с камбуза. Договорюсь. О назначении твоем на боевую единицу поговорим с моим корешем, флагманским врачом соединения. Деньги нужны? Конечно. Вот двадцать пять. Вернешь с первой получки.

Ценный поток информации снимал массу проблем, основная из которых была финансовой. Растроганный, я готов был лезть целоваться. Хотелось сказать: “Я тебя уважаю”, – но не сказал.

Королевский ужин в честь будущих побед, состоящий из холодных бутербродов и выделенного операционной сестрой спирта (первый раз в жизни), окончательно утвердил в опекунских правах старшего лейтенанта. Поток информации не иссякал до трех часов ночи. Не всему можно было верить, однако массу полезных советов можно было усвоить. Один из них, за версту отдающий медицинской лабораторией и выраженный в краткой формуле “Все в мире дерьмо, кроме мочи”, должен был означать следующее:

а) не пасовать перед трудностями;

б) не покоряться обстоятельствам;

в) жизнь воспринимать, как тельняшку, в которой, как известно, черная полоса чередуется с белой;

г) и еще массу всякостей...

Полезно, точно и удобоваримо.

Утром, уписав две нормы офицерского госпитального пайка, новые друзья отправились к вершителю судеб – флагманскому врачу соединения. ККО – Константин Константинович Огнев, или просто КаКоВо.. Высокий, красивый, с дьяконской, интеллигентной рыжей бородкой капитан, нагоняя на себя значительность, изрекал:

– О чем разговор? Конечно, устроим! Долг. Обязанность. Морской закон. Товарищи по оружию...

Должностей у меня нет. Этим займется кадровик. Но при случае... О чем разговор! Заходи! Всегда...

Из этой встречи я вынес массу полезных мелочей: узнал, как добираться в штаб и последнюю часть флотской трилогии – кадры решают все – в “кадрах” решают все – в “кадрах” решили, и все!

– Спасибо за участие.

– О чем разговор!

x x x

Дорога на “новый пирс”, где находился штаб, была очень красивой. Семь километров по живописной Приморской тайге. Однако любоваться красотами можно было только тогда, когда обстоятельства вынуждали проделывать этот путь пешком. Все дело упиралось в “организацию доставки офицерского состава к месту службы”. Представьте. Ранее утро (на службу надо прибывать за 30 минут до подъема флага, то есть к 07.30). Со всех концов поселка к “пятачку” (площадь) стекаются потоки офицеров и их первых помощников – мичманов.

Набирается около сотни человек. Непрерывно курят, делятся новостями, поеживаются спросонок. Все ждут. Напряженно ждут “коломбину”, представляющую собой ни что иное, как автомобиль ЗИЛ-130 с деревянной будкой в кузове. Каждого сверлит мысль: сумею ли сегодня прорваться? Опаздывать-то нельзя!

Напряжение толпы возрастает и достигает своего апогея, когда в пыльных вихрях со стороны Находки показывается долгожданный фаэтон. Визг тормозов. Песок в лицо. Предпочтение отдается только капитанам первого ранга. Остальные все равны – и мичманы, и старшие офицеры (проявление демократии, заменившей на час единоначалие). Передавив друг другу животы и намяв бока, расселись. Кому-то не хватило места. Скулит, бедняга. Никто на это не обращает внимания. Специалист первого класса, отличник боевой и политической подготовки резко трогает с места. Семь километров по далеко не идеальной дороге вселяют в организм изрядный заряд бодрости. На целый день. Тяжелый день. Рабочий.

Но “коломбина” может и не прийти. (Проспал водитель, нет бензина, нет старшего на машину, поломки техники). И тогда дружной гурьбой все устремляются к цели по “тропе Хо Ши Мина”, сокращающей пусть километра на два. По тайге, “через реки, горы и долины”. Опаздывать на службу непатриотично. Эх, дубинушка, ухнем!

“Коломбина” доставила меня на “новый пирс”. Начальник отдела кадров, капитан второго ранга Янин начинал работу по формированию офицерских коллективов в 10 часов. Пришлось ждать. Благо, здесь же толпилась стайка лейтенантов-инженеров-механиков, ждущих приговора. В “кадрах” решили – и все.

Наконец, показался невысокий, с красными веками (хронический конъюктивит) король. Придворные подобострастно склонили головы. Повозившись с сейфом и переложив с места на место бумаги, Его Величество провозгласил:

– Первый! Заходи!

Механики любезно пропустили вперед доктора. В пасть тигра.

– Товарищ капитан второго ранга! Лейтенант Иванов...

– Не надо.

Тигр был сыт. Переваривая вчерашнюю порцию лейтенантов. (Впоследствии, узнав этого человека поближе, я убедился, что он по-настоящему был добр и участлив).

– Чем могу быть полезен?

Вкратце рассказав все перипетии борьбы за назначение на надводные корабли во Владивостоке, я явно расположил к себе кадровика.

– С должностями у нас действительно туговато. Правда, есть одна. Но скажу откровенно – не фонтан. Все отказываются. Категория старшего лейтенанта. Оклад – 120. Там нужен энтузиаст, патриот флота.

Интригующее начало...

– Хорошо. Я согласен. Корабль? Боевой?

– Да. Крейсер. Базируется в Советской Гавани. Только обстановка там в медицинской службе... А впрочем, сам увидишь. Не сломаешься, поддержку обещаю.

– Спасибо. Разрешите идти?

– Иди, дорогой. Ни пуха, ни пера!

– А вас можно послать?

– Давай!

– К черту.

Глава 8
ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ “ВЕСКИЙ”. НАЧАЛО ЖИЗНИ

Вот-те и раз! В Советской Гавани? На крейсере? Непонятно совсем, почему флотское начальство так упорно прятало должность, о которой так нелестно отозвался капитан второго ранга Янин. Уберечь хотело? Но ведь “лапы” у меня не было. Скорее, просто из духа противоречия: просят – откажи. Пусть народ учится преодолевать трудности. Надо только умело их создавать, пусть и затрачивая на это определенное количество усилий. Дух закаляется в борьбе, а флоту нужны сильные духом.

На пирсе крейсера не было. Я отправился на поиски старшего медицинского начальника. Им оказался подполковник медицинской службы Кубрак. Флагманский врач эскадры. Расспросив меня о доме и семье, записав в свой руководящий талмуд анкетные данные, бросив несколько назидательных фраз, флагманский доктор определил:

– Жить пока будешь на плавмастерской. Питаться тоже. Крейсер сейчас находится в Совгавани. Помогает тушить лесные пожары. Придет сюда через месяц, полтора. Тогда и представишься. Лететь в Совгавань не стоит. Можно пролететь. В связи с тем, что на флоте... планируют одно, делают другое, а получается третье, – крейсер может прийти сюда и раньше. На сход можешь ездить в поселок. Но в 9.00 ты должен докладывать о своем прибытии мне. Отдыхай пока. Вопросы есть?

– Нет пока.

Итак. Крыша над головой. Чистая постель. Питание в кают-компании. Никаких обязанностей. Это хорошо. Но и никаких денег.

Это плохо. А в общем, плохо и то и другое.. Дома, в деревне, где все, от мала до велика, были приучены к труду и работали от зари до зари, так бездарно время не тратилось. Энергия искала выхода. Занятие надо было искать самому.

На плавмастерской врача не было. По штату. Был фельдшер. Матрос. Лечил он всех одинаково: зеленка, норсульфазол. Подобное лекарское искусство родило на флоте массу анекдотов о корабельной медицине.

Приходит больной к врачу.

– Доктор, голова болит. И живот.

Док разламывает таблетку на две части:

– Это тебе от головы, а это – от живота.

Или другой.

Больной обращается за помощью:

– Что со мной, доктор?

– Не знаю, дорогой. Обратись к врачу.

Первым делом я заставил фельдшера навести медицинский порядок в амбулатории. Тот, явно недовольный распоряжениями, все же сделал то, что требовалось. Совместно провели медицинский осмотр личного состава. Был выявлен целый ряд больных, которым требовалось стационарное лечение или же освобождение от вахт и работ. Госпитализировали. Освободили. Это образовало дефицит рабочей силы и пробило брешь в стройном производственном процессе, что не входило в планы командования. На флоте не любят больных. На любого заболевшего, если он держится на ногах, смотрят как на заведомого симулянта. Даже термин специфический изобрели: шланг. Или – гофрированный шланг, что значит – закоренелый симулянт.

Положение устава о том, что больного от служебных обязанностей освобождает командир по заключению врача, понимается командирами, как разрешение не освободить от службы больного. Однобоко понимается. Хотя это положение устава дает командиру право только заменить больного кем-то другим, расставив по-новому вахту. Это один из пунктов в службе корабельного врача, вокруг которого идет постоянная борьба – между гуманной медициной и командирским апломбом. (Закон Мерфи: если имеется какое-либо положение, не допускающее двоякого толкования, то всегда найдется человек, понявший его неправильно). Обо всех случаях заболеваний и результатах медицинского осмотра я доложил флагманскому врачу. Недовольное брюзжание командования плавмастерской было погашено.

Прошло несколько дней. Флагманский врач вызвал меня к себе.

– Дело есть. Один из эсминцев готовится к длительному плаванию. Как тебе известно, работы медицинской службе в этот период исключительно много. Штатный доктор корабля должен уходить в отпуск. На тебя возлагается задача подготовки корабля. Я понимаю, что для тебя эта задача исключительно сложная: нет опыта. Подробный инструктаж получишь у флагманского врача соединения капитана Огнева. Эсминец стоит во Владивостоке. В заводе. Надо ехать туда. Вопросы есть?

– Да, один. Финансовый.

– Ясно. Держи червонец.

Снова предстояло проделать путь. Теперь уже в обратном направлении. Во Владивосток. Настроение было нормальное. Командировочное предписание в кармане. Конкретное дело впереди. Отдых кончился. Флотская машина втянула в свой постоянно движущийся конвейер еще одно молодое честолюбивое тело. Конвейер остановить нельзя. Даже если он начинает гнать продукцию не высшего качества. Изношенные или же дефективные части его постоянно заменяются новыми: одни – на пенсию, другие – по статье “за дискредитацию высокого звания советского военнослужащего”, третьи – в места не столь отдаленные или окончательно: из жизни. Хорошо, что третьих и четвертых меньше: здорово отвлекают от работы. На флоте покойников не любят. Так же, как и больных.

Комфортабельный автобус, великолепная своей живописностью дорога. Шкотово. Артем. Владивосток. Всего четыре часа пути. Всего. В Белоруссии 150 километров считается исключительно дальней поездкой. К ней начинают готовиться за месяц. Суетится народ. Волнуется. (Аж в Минск! Господи!) На Дальнем Востоке расстояния сжимаются. Например, два с половиной часа полета из Советской Гавани во Владивосток считаются легкой прогулкой. “Сто рублей – не деньги. Тысяча километров – не расстояние”. Эта крылатая фраза дальневосточников стала своеобразной визитной карточкой. Можно гордиться своей исключительностью. Сердце уже не сжимается при взгляде на карту Союза. (Быстро, однако).

Приехав в город, я отправился на поиски эсминца. Дело осложнялось тем, что пропуска в завод у меня не было. Грозный призрак знаменитой ВОХРы стоял перед глазами. Неприступность и неумолимость. Бдительность, доведенная до высших пределов. Обшарпанный наган на боку.

Проходная завода представляла собой широко распахнутые ворота, через которые проходила ветка железной дороги, и стоящую в стороне деревянную будку. За маленьким окошком виднелось равнодушное лицо бдительной охранницы – олицетворение непреодолимого барьера для злоумышленников и диверсантов. Я привлек к себе внимание охранницы стуком в окошко.

– Что надо?

– Я на эсминец “Веский”. По заданию ЦРУ должен его сегодня взорвать. Прошу разрешения пройти.

– Валяй! Без тебя тошно.

Озадаченный лейтенант побрел вдоль ржавого ряда кораблей и судов, стоящих в ремонте. Перепрыгивая через швартовые канаты, посадившие мертво на цепь гений человеческой мысли,

уклоняясь по сигналу проносившихся электрокаров, которые в большинстве своем во всех направлениях сновали без груза, я, наконец, добрался к месту назначения. Поднявшись по сходке, брошенной с юта на пирс, был остановлен матросом с сине-белой повязкой на рукаве.

– Таварыщ лейтэнант. Командир вахтэнный пост на ютэ матрос Шарафуриков. Цел вашего прибытия? Кому и как о тэбэ доложит?

Фигура выражала готовность к действию. Под глазом – желто-зеленый синяк.

– Послушай, братец (такое обращение к матросу приобщало к великому флотскому братству). Кто же тебе фингал поставил?

– Старшина замэчаний дэлал.

Представившись командиру, я выслушал ряд наставлений, смысл которых сводился к следующему:

– Пока ты еще юнец и дурак. Офицером станешь года через три-четыре. То, что тебе поручена подготовка корабля – козни флагманского врача. Но одна положительная сторона в этом есть: будет кому фитили вставлять за срыв подготовки. Работать мы тебя научим. Не хочешь – заставим.

– Почему вы считаете меня бездельником и разгильдяем, даже не узнав моего имени? Я же прибыл вам помочь!

– Ты что, лейтенант? И в мыслях не было, извини. Однако... посмотрим. Все. Иди.

Расстались. Один – ошарашен (док), другой – озадачен (командир).

– Да! Борзой лейтенант (флотск.)...

Самолюбие было задето. Ответственность за жизнь и здоровье моряков требовала кропотливой, вдумчивой работы. Тем, кто знает флотскую медицину, известно, что план подготовки корабля по медслужбе к длительному плаванию включает в себя до сотни пунктов. Причем он отличается от плана культурно-массовых мероприятий тем, что должен выполняться фактически. Здесь отметку “вып.” просто так не поставишь. Совместно с капитаном Огневым план был составлен, указаны даты мероприятий. Огнев дал четкие указания: как, кому и когда давить на мозоль и совесть, чтобы все пункты были выполнены. Сел в свою карту и уехал в... Тихоокеанский. Командир план утвердил, напомнив лейтенанту, что план должен выполняться безукоризненно. Бумага обрела силу закона. Человек – бесплатное приложение к ней.

Надо сказать, что планированию на флоте отводится особое место. Это – главное в деятельности офицера. Все звенья бюрократической машины беременеют планами ежедневно,

принося двойню, тройню, а то и десяток маленьких планчиков сразу. ГШ ВМФ, получив указание по телефону или маленькой бумажке из канцелярии министра, тычет указующий перст в командующего одним из флотов: к такому-то сроку подать свои предложения по использованию кораблей в районе таком-то. Командующий флотом предложения подает: “Любой из моих кораблей выполнить почетную задачу готов, однако лучше использовать такие-то”.

В ГШ рождается мысль. Летит новорожденная обратно туда, откуда вылетела в форме предложения. Быть посему. Все отделы и службы флота моментально реагируют на это срочным составлением руководящих телеграмм подчиненным службам объединения, в которое входит счастливый избранник. Отделы объединений срочно вызывают к себе флагманских специалистов соединений и проводят совещания, на которых указывают последний срок готовности корабля, оставляя резерв минимум месяц, проводят инструктаж по составлению плана подготовки (экземпляров пять), дают указания всем подчиненным подразделениям (складам, мастерским и так далее) обратить особое внимание, помочь, организовать, провести, научить, проконтролировать. Флажки соединений срочно вызывают специалистов корабля. Проводят совещания и указывают срок представления плана подготовки, оставляя резерв (поправку на бестолковость) времени. Командиры кораблей проводят совещания с офицерами корабля и, в свою очередь, требуют планы, указывая срок (с поправкой, естественно). Таким образом, сроки представления планов, указанные флажками и командирами, не совпадают. Командиры боевых частей и начальники служб закрываются в каютах и пьют чай или... кофе, параллельно рождая в муках все тот же план, стараясь в нем детализировать все встающие проблемы. Пишущие машинки раскаляются добела. Корабельные писаря становятся центральными фигурами. Очередной десяток стройных кедров падает в чрево минлесбумпрома. Жены корабелов ложатся спать в одиночестве.

Утром планы, написанные, естественно, неправильно по форме и куцо по содержанию, отправляются на доработку. Еще десяток кедров, под дружный стон корабелов, падает. Через неделю коллективный ребенок рождается в муках. А родившись, с необычайной резвостью устремляется вверх, вплоть до командующего флотом, оставляя по пути отпочкованные копии самого себя (собрав их всех вместе, можно было бы купить на талоны всех классиков мира). Утверждаю. Росчерк пера командующего не оставляет места для дискуссий.

Сконструированный коллективом капкан захлопывается перед носом коллектива.

Специалисты штабов в конце рабочего дня уезжают домой к семейным очагам, или, ссылаясь на внезапно обрушившуюся на голову работу по подготовке единицы N. заменяют тепло очага на ласки боевых подруг. Корабельный офицер лишен и того, и другого.

План продуман и скорректирован, согласован и утвержден, отпечатан и разослан. Начинается его практическая реализация. Каждая боевая часть и служба корабля на каждый конкретный день должна выполнить конкретное действие: механики – произвести ремонт дизеля, связисты – получить ЗИП, штурмана – откорректировать карты, весь личный состав корабля – прибыть на медицинский осмотр или флюорографию. Это все в один день. Первое обязательно помешает выполнению другого. Забраться на елку, не поколов при этом задницу, не удается. Артиллеристы мешают механикам, механики – снабженцам, снабженцы – химикам, химики – минерам. Все мешают командованию. Доктора мешают всем сразу. Специфика.

И только политработники не мешают никому, воодушевляя, мобилизуя, расставляя актив, произнося речи, ставя отметки “вып.” и докладывая наверх: “Благодаря самоотверженному труду матроса Пупкина, сегодня списаны старые ТСП (технические средства пропаганды). Комсомольцы корабля взяли повышенные обязательства усилить, нажать, решить, доказать, оказать помощь. Самоотверженным, ратным трудом – победить. Партийно-политическая работа организована в соответствии с требованиями… Ура!”

Я, вооруженный планом и страстным желанием сделать все наилучшим образом, пошел на вы. Ежедневно на утренних совещаниях я докладывал:

– Товарищ командир. Согласно утвержденному Вами плану, на сегодня… санация полости рта личного состава БЧ-5. Прошу направить в поликлинику следующих товарищей…

– Не могу, док. Это сорвет нам погрузку или ремонт. Не могу.

– Но вы же сами требовали от меня безукоризненного выполнения.

– Не могу. Все. Разговор окончен.

Однако, произнося приговор, командир не учитывал, что лейтенанту характеристики будет подписывать не он, продвигать или задерживать по службе – тоже. Я понял это сразу.

– Товарищ командир. О срыве плана я буду вынужден доложить по команде.

– Что? Прекратить болтовню. Вы свободны, лейтенант.

Командир соединения, выслушав меня, поблагодарил за службу, обещал помочь и вызвал к себе командира корабля. Разговор проходил тет-а-тет, однако о содержании его можно было догадаться по красным пятнам на лице основной фигуры флота, выскочившего из каюты своего шефа. Офицеры между собой называли командира “Зверьком”. “Зверек” был загнан в угол. И кем? Лейтенантом. Зеленым юнцом. Загнан по всем правилам флотского военного искусства.

Команда по корабельной трансляции застала меня в момент проверки медицинской аппаратуры:

– Офицерам и лейтенантам прибыть в кают-компанию!

И я, как лейтенант, только что исключенный из “офицеров” неграмотной командой по кораблю, остался на месте. А надо сказать, что эта нарочито-неверная команда имела свой смысл: открытое неуважение к достоинству молодых лейтенантов. Через 10 минут в амбулаторию влетел рассыльный.

– Товарищ лейтенант! Командир вызывает вас в кают-компанию.

– Передайте командиру, что до тех пор, пока по трансляции команда не прозвучит правильно, я в кают-компанию не приду. Все, идите.

Команда все же прозвучала. Я прибыл.

– Разрешите?

Глаза командира сверкали бешенством.

– Вам что, особое приглашение нужно?

– Согласно уставу внутренней службы звание “лейтенант” – офицерское. Прошу вас напомнить это дежурному по кораблю.

“Зверек” был высечен публично. Лейтенантская половина кают-компании ликовала, дипломатично глядя в пол. “Ах, – сказал глупый король, – потому что слов от возмущения у него не было” (“Бременские музыканты”).

В этот день я шарахнул несколько “зайцев”, самыми упитанными из которых были: репутация своего парня среди офицеров; зубовный скрежет командира, вынужденного выполнять в точности все те пункты, которые он же сам и утвердил. Парадокс.

Колесо Фортуны приближало эсминец к выходу в море. Гора неотложных дел постепенно, зло огрызаясь, таяла. Рабочий день, начинаясь в 6 часов, заканчивался в 23.30.

Личное время, предусмотренное уставом, растворялось в массе общественных дел. Выходных не было более двух месяцев. Дети начинали забывать отцов, жены – запах мужского пота. Нервные перегрузки уверенно тащили на кладбище. Хотелось... Мало ли, что хотелось. Это только в приказах министра

семичасовой рабочий день, два выходных и предпоходовый отдых. Командир вывода караульных собак в денежном выражении оценивается точно так же, как и командир группы эскадренного миноносца. Принцип распределения по труду здесь явно прошляпил. К этому мы еще вернемся.

Срок командировки подходил к концу. Командир БЧ-2 (артиллерист) капитан-лейтенант Федосов, тронув за плечо доктора, напомнил:

– Док! Не кажется ли тебе, что за свет и воду пора бы уж и рассчитаться. Прописка на флоте – святое дело.

– Согласен. Время, место и форма одежды?

– Время выделено. Место – каюта механика. Форма одежды – трусы. Традиции надо уважать.

Я, отсосав через резиновый шланг килограмм спирта из годового медицинского запаса, выслав впередсмотрящего, дабы быть упрежденным о появлении на пути любого из ревнителей флотской нравственности, называемого кратко “ухо” (флотск.), прибыл в каюту механика, где уже чинно сидели штурман, артиллерист (“рогатый”), минер (“румын”), механик (“маслопуп”), снабженец (“... всякое”). На столе дымилась картошка, стояли шпроты, сосиски в банках, языки говяжьи, колбасный фарш. Стояли стаканы и графин чистой воды. Томатный сок для изготовления “Кровавой Мэри”. Гулом одобрения встретили водрузившиеся на стол бутылки со спиртом. Под воспоминания: кто, где, когда и с кем, налили по первой. Слово взял механик (“дед” все-таки).

– Ты, док, несмотря на то, что карась, мужик ничего. Свой. Пришелся. Однако, при столь резко выраженном в тебе чувстве справедливости и собственного достоинства, рога тебе могут обломать. И обломают. Не надо... против ветра. Брызги полетят на тебя. Хочу дать дружеский совет: будь осторожен с инженерами человеческих душ. С факелом в заднице они дорогу тебе освещать не будут, а обжечь могут сильно. Научись молчать там, где по логике вещей, нужно сказать, и говорить то, чего не думаешь на самом деле. Это тяжело. Но... не пытайся гавкнуть там, где нужно лизнуть. Давай! За тебя!

Все дружно поддержали. Полстакана чистого, не разбавленного водой спирта, я выпил залпом, пытаясь показать, что давно уже стал своим в великом братстве моряков. Однако добился совершенно противоположного эффекта. Народ возмущенно и дружно возопил:

– Карась! Кто же так пьет на флоте? Разбавлять надо. Горло сожжешь.

– Каюсь, мужики.

– Отбить ему за это баночки!

– За то, что неправильно выпил или за то, что покаялся?

– Ха-ха-ха! Ну, док! Ну, карась!

Я держал ответное слово.

– Месяц на эсминце – это только месяц. Но, учитывая, что здесь служба должна засчитываться год за три, с вами вместе я прожил три месяца. Многое мне уже стало ясно, однако еще больше неясностей. Спасибо, мех, за советы. Извини, но от них несет плебейством, хотя и отдает мудростью. Я не смогу их принять, как бы мне того не хотелось. Мою задачу на флоте я вижу не в том, чтобы гавкать, а в том, чтоб здоровье людей по возможности дольше противостояло потогонной системе. Это не рисовка. Несмотря на все козни, с которыми мне пришлось столкнуться в период нашей работы, несмотря на ваше ворчание, я постарался сделать все от меня зависящее, чтобы ваш доктор имел все необходимое для работы в тропиках. Счастливого плавания!

– Эк, завернул, карась! Давай, док! Спасибо. Но баночки все же тебе отобьем.

Сначала говорили о женщинах. Потом, захмелев, переключились на службу. На флоте даже анекдот есть:

Посылает командир заместителя послушать, о чем говорят офицеры в каютах.

– О женщинах, – докладывает тот с возмущением.

– Хорошо.

Через полчаса опять посылает.

– О службе, – следует удовлетворенный доклад.

– Вот черти! И когда напиться успели?

Засиделись допоздна. Несколько раз добавили. Но в 8 часов на подъеме флага в строю стояли все.

Баночки мне все же отбили.

Через несколько дней штаб соединения проверял качество подготовки корабля к походу. В кратком докладе флагманских специалистов по результатам проверки спрессовались бессонные ночи, авралы, пот и кровь, одиночество жен, тоска по берегу, перенапряжение всех систем человеческого флотского организма. И никто не знал еще, что длительное плавание продлится 13 месяцев. Подобное могут выдержать только моряки. Я за качественную подготовку к плаванию получил первую свою на флоте благодарность адмирала.

Глава 9
КРЕЙСЕР “ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИИ”

Крейсер “Дмитрий Пожарский” стоял у тридцать третьего причала г. Владивостока. Натруженно гудели мачты. Тело расслабленно принимало ласки вечно недовольной возлюбленной своей – морской воды бухты Золотой Рог. Устало смотрели жерла кормовых башен на людской муравейник, копошащийся на площади Борцов за власть Советов. Чувство снисходительного превосходства над ним заставляло периодически выпускать пар при взгляде на многоэтажную махину штаба флота, где сидели те, по чьему приказу крейсером пройдено столько тысяч миль. Атеросклеротические бляшки в трубках котлов, питьевой, пожарной и фановой систем заставляли старика тяжело вздыхать предохранительными клапанами, требуя (с каждым годом все больше) перевязок, пластырей и пломб. Изношенное сердце тяжело стучало поршнями, когда приходилось, повинуясь людям в форменных кителях, медленно прибавлять обороты тяжелых винтов. Однако стоило разозлить старика, и он, вспоминая молодость, яростно ощетинивался морем огня, грохотом своих тяжелых орудий, огрызался резкими хлопками малой зенитной артиллерии. А теперь он лениво подставлял бока под пенистые струи воды из брандспойтов, сладостно жмурился, ощущая ласковое почесывание щеток и швабр, принимая очередной сеанс массажа деревянным настилом верхней палубы.

Моряки, если они только хотели жить, вынуждены были ежедневно, ежечасно выполнять малейшие капризы своего любимца. Это только на первый взгляд кажется, что люди повелевают крейсером. Нет! Двадцать тысяч тонн металла высшего качества высасывают из людей все соки, наматывают на свои винты людские нервы, лопающиеся со звоном погибшей гитарной струны, впитывают в себя гений человеческой мысли, который их же и создал. Прикрывая броневыми листами жалкие человеческие организмы, крейсер думает лишь о том, чтобы сохранить их для своих личных целей, – для содержания в образцовой чистоте, исправности и немедленной готовности к действию (расписание по заведованиям) участков, органов и систем своего могучего тела.

С замиранием сердца ступил я на широкую сходню могучего красавца. Встретил меня стройный, подтянутый лейтенант, перепоясанный в талии сверкающим на солнце снаряжением (ремень и кобура), представился:

– Вахтенный офицер, старший лейтенант Листиков.

Мне почему-то вспомнилось флотское четверостишье:

Тщательно побрит, наглажен,
К жопе пистолет прилажен.
Не какой-нибудь там хер,
А дежурный офицер.

Погасив улыбку, я, в свою очередь, представился:

– Лейтенант Иванов. Прибыл для дальнейшего прохождения службы. На должность хирурга.

– Понял. Многовато же вас, докторов, к нам согнали! Старшина! Проводите лейтенанта в рубку дежурного по кораблю.

Озадаченный загадочной фразой Листикова, я был записан в вахтенный журнал как прибывший новый член экипажа. Старшина, по приказанию дежурного по кораблю, потащил уже мой чемодан в медицинский отсек.

– Ну что, лейтенант, будем знакомы. Черняев. Командир БЧ-2. Мы уже кое-что слышали о тебе. С эсминца мужики доложили. Давай, работай. Не сломайся только.

Информация на флоте распространяется с молниеносной быстротой. В этом не раз приходилось мне убеждаться впоследствии.

Рассыльный дежурного по кораблю проводил вновь прибывшего эскулапа в каюту начальника медицинской службы. Невысокого роста капитан, черты лица которого ясно выдавали уроженца Биробиджана, резким, срывающимся на визг фальцетом, приветствовал своего подчиненного:

– Ах, ах! Божков. Ах, ах! Николай Александрович. Ах, ах! Хорошо! Своевременно! Ах, ах! Масса дел. Неотложных, срочных. Ах, ах! Я замучен. Ах! Все бездельники. Устраивайтесь. Располагайтесь. Ах, ах! (Ильф и Петров).

Испуганный какой-то. И заполошный. Хотя и Божков, – подумал про себя я.

Мое место жительства было определено расписанием по каютам. Крейсер, проглотив очередного Иону, загнал его на броневую палубу (третья палуба, если считать сверху). Небольшое помещение. Справа умывальник, две койки, слева – два рундука для одежды, прямо – сейф, две баночки (табуретки). Иллюминаторов нет (каюта расположена ниже ватерлинии). Вентиляция только вдувания. Электрические светильники над столом, над умывальником, на подволоке (потолке), настольная лампа. Все. Люкс. Со всеми удобствами. На неопределенный период времени. Кусок жизни. А жить под водой еще не

приходилось (флот-то надводный!). Вот и заполучи клаустрофобию. Отбрыкался от подлодок, называется.

За бортом, насмешливо шлепая губами, ударяла в наружную переборку волна.

В каюте плавало густое облако дыма, однако никого не было. Сняв тужурку, я опустился на одну из двух баночек. Облокотился на зеленое сукно стола, отодвинув в сторону стопку бумаг и недоеденную банку тушенки. В голову лезли невеселые думы (почему-то усталость во мне всегда вызывала состояние задумчивости). Загадочные предупреждения вахтенного и дежурного офицера, сумбурный монолог непосредственного начальника. Что бы это значило? Ответы на вопросы стали поступать незамедлительно. С грохотом отворилась дверь каюты. Запнувшись за комингс (порог) и еле удержавшись на ногах, ввалилось тело. Заплетающимся языком тело выдало следующую краткую тираду:

– Ты кто? А-а-а... Ты приехал меня выгнать с флота... Не выйдет! Я сам... Почему ты здесь сидишь? Это каюта моя! Ты моря не нюхал? Да-а. Так я попрошу...

Жест был достаточно красноречив, несмотря на отсутствие координации. Рожа оратора опухшая и красная. Глаза навыкате, большие, бессмысленные, но внешне красивые. Небрежность костюма далека от изящества. Медицинские погоны старшего лейтенанта наводили на мысль... Ответ на один из вопросов стоял перед глазами.

Я медленно встал. Сознание превосходства над эти потерявшим человеческий облик офицером остановило сжавшуюся в кулак руку.

Подчеркнуто спокойно, глядя прямо в глаза противнику, тихим голосом я произнес:

– Послушай, козел... ты что, забыл, как бычки в глазах шипят? Отныне это моя каюта. Вещи можешь забрать завтра. Сегодня проспись. Исчезни. (Ах, как не хотелось грубить в честь знакомства!)

Лицо нарушителя спокойствия вытянулось, глаза приобрели осмысленное выражение.

– И это ты мне?

– Да, тебе! Не надо истерик! Я их не люблю.

Тело удалилось в недоумении.

Найдя в списках абонентов КАТС (корабельная автоматическая телефонная станция) номер каюты начальника, я позвонил.

– Николай Александрович! Надеюсь, с моей стороны не будет нескромным попросить вас спуститься ко мне в каюту? Надо

решить на месте несколько вопросов. Поставить точки над “i’.

Через минуту начальник медицинской службы был в каюте.

– Николай Александрович! Только что в каюту заходил очень вежливый и симпатичный молодой человек. Он мне гостеприимно предложил располагаться здесь, но второпях не сказал, какую койку я могу занять и куда положить свои вещи.

– Ах, ах! Это Петров. Ах, ах! Сколько нервов! Ах, ах!! Любая койка. Ах, ах! Опять. Ах, ах! Не обращайте внимания. Ах, ах! Приборщик сейчас прибудет с постельными принадлежностями. Ах, ах!! Документы представлены на увольнение в запас. Ах, ах!

Начальник исчез. Счастье ковать приходилось самому.

Прибыл приборщик. Получив четкие указания по наведению порядка и размещению вещей лейтенанта, привычно и скоро приступил к их выполнению. Вопросов не последовало, хотя в глазах его явно светилось: “Ну-ну...”

Через двадцать минут все было готово. Стол прибран, палуба отдраена, койка заправлена чистым бельем, вещи сложены в рундук.

– Разрешите идти?

– Идите.

Надо было идти представляться командиру. Надев парадную форму, нацепив кортик, внимательно осмотрев себя в зеркале, я вышел в коридор. Подозвав к себе первого же матроса, попросил проводить к каюте командира.

– Разрешите?

– Товарищ капитан второго ранга! Лейтенант медицинской службы Иванов. Представляюсь по случаю назначения на должность хирурга вверенного вам крейсера.

– Здравствуйте, лейтенант. Садитесь.

Высокого роста, широкоплечий. Голос твердый и решительный. Мужественное обветренное лицо. Тысячи миль. Шторма. Романтика боя. Отец. Четко поставленные вопросы требовали однозначных ответов. Представление состоялось. По крайней мере, официальная его часть. В конце беседы командир сказал примерно следующее:

– Сложность времени, переживаемого флотом и Вооруженными силами в целом, требует от офицерского состава полнейшей самоотдачи. Это не каждому по силам и по нраву. Возможно потому и сложилась в медицинской службе корабля столь сложная обстановка. Петров – просто подонок. Профессор (терапевт) грамотный врач, но совершенно безвольный, идущий на поводу у Петрова. На обоих поданы документы на увольнение в запас. За дискредитацию звания офицера. Капитан Видман, присланный на замену Профессору, лелеет мечту уйти с флота.

Тяжело ему. Ведь он не Видимов, а Видман. Этот тоже уйдет. Я уже немного слышал о вас. Командир эсминца рассказал. Надеюсь, что вы сделаете многое, если не сойдете с правильного пути. На поддержку мою можете рассчитывать. Все. Можете идти.

Обстановка немного прояснилась. Только жесточайшая требовательность и постоянная напряженная личная работа могли повернуть лицом Фортуну, показывающую медицинской службе крейсера зад.

Командир расположил меня к себе сразу. Никакой рисовки, подчеркнутого превосходства над лейтенантом, четкость излагаемых мыслей, искренняя озабоченность состоянием дел на корабле. И, как казалось, искреннее участие в судьбе молодого офицера.

“Вы сделаете многое, если не сойдете с правильного пути”. Ну что ж, примем эти слова за рабочую гипотезу, – решил про себя я.

Приближалось время обеда. По трансляции разнеслась веселая мелодия горна:

– Бери ложку, бери бак...

Возле камбуза выстроилась длинная очередь бачковых. Подбаковые получали хлеб из хлеборезки. Дежурный по низам мичман тщетно пытался навести порядок. Старшие по сроку службы старались занять место впереди очереди, отсекая “карасей” к хвосту ее. За что последние, поздно получив пищу, подвергались остракизму со стороны питающихся на данном баке старшин и “годков”. Графики бачкования не выдерживались. Согласно уставу, бачковыми назначаются все столующиеся по очереди, кроме старшины бака, который обязан следить за выполнением графика бачкования. Однако в действительности бачкованием занимается только первый год службы. Отбачковать, то есть вымыть посуду после приема пищи, нужно за пять минут, что чаще всего нереально. Это всегда может стать причиной конфликтов среди матросов (неуставные взаимоотношения, на борьбу с которыми тратится масса сил и энергии всех категорий командного состава). Но явление это уродливо-живуче. Агрессивность человека-млекопитающегося, рожденная во время охоты на мамонта, нашла свой выход. Причины ее мы попытаемся проанализировать ниже.

Организация приема пищи (флотск.) в кают компании, напрягаясь, пытается быть похожей на ту, которая описана в произведениях Соболева, Станюковича и Пикуля. По сигналу горна или за пять минут до того, офицеры собираются в салоне. Некоторые врываются в салон стремительно, в последний момент, утирая несуществующий пот со лба и будучи

уверенными, что подобное рвение в службе будет непременно взято на заметку замполитом. Чаще всего подобные трюки выкидывают те, кто на самом деле прихватил до обеда часок-полтора в чужой каюте (“Если хочешь жить в уюте, спи всегда в чужой каюте” – флотск.). Те, кто действительно устал, в демонстрациях не нуждается. На корабле ничего нельзя спрятать: каждый человек на виду.

Народ волнуется в ожидании старшего помощника. Двое счастливчиков с видом небрежной снисходительности друг к другу ходят вокруг бильярдного стола. Десяток зрителей, знающих правила игры на бильярде, так же, как теорию вероятностей, дают игрокам советы. Остальные обсуждают спортивные новости или проблемы золотодобычи в стране, ориентируясь в том и другом одинаково свободно. Железы внутренней и внешней секреции плещут в желудок пепсин и соляную кислоту, уверенно приближая язвенную болезнь.

Наконец, на пятой минуте в салон входит старпом. Оглядев мельком насторожившихся мореманов и сделав внушение первому подвернувшемуся под руку офицеру, автоматически зачисленному на сегодня в разгильдяи, торжественно возглашает:

– Прошу к столу, товарищи офицеры!

Дружной стайкой, воркуя про себя что-то ласковое, голуби занимают свои места, согласно купленным должностью (но не званием) билетам. Каждый накладывает себе в тарелку салат, обязательно оставляя в салатнице даже мизерную его часть, так как перегрузить себе все считается неприличным. Раздается звон хрустальных бокалов, шампанское, играя на солнце... Стоп! Хрусталь отсутствует, шампанское тоже. Есть компот из сухофруктов в граненых стаканах. Вестовые разносят первое в тарелках прозрачного фарфора (производства местного завода фарфоровых изделий). С клеймом ВМФ. Правом внеочередного обслуживания пользуются старший помощник, командиры боевых частей и гости кают-компании. О службе за обедом не говорят. Поэтому все пытаются острить в адрес помощника по снабжению, подчиненные которого опять бросили в первое избыточное количество комбижира. В ходу и всегда злободневный анекдот:

Командующий флотом, приглашенный на обед в кают-компанию, вдруг в тарелке супа обнаруживает таракана.

– Помощник, – брезгливо требует он. – объясните мне, что это такое?

Помощник по снабжению, ловко подцепив таракана из тарелки командующего, спокойно отправляет его в рот.

– Лук, товарищ командующий. Пережаренный.

Любой флотский офицер утверждает, что случай этот

произошел именно в его кают-компании и именно с его снабженцем. Притом искренно верит в это сам.

Первый, закончивший трапезу, должен попросить у старпома разрешение удалиться. Однако спрашивает каждый (как бы чего не вышло). Опоздавшие питаются во вторую очередь.

После обеда – адмиральский час. Большинство падает в койки. На броневой же палубе корабельная молодежь собирается по каютам “выкурить трубку мира”. И если уж кто курит, то курит “не вынимая” (флотск.). По количеству сигарет, выкуриваемых на курящую флотскую душу, она занимает первое место в мире. Душа то есть.

Я спустился в каюту. Следом прибыло человек десять любопытных офицеров. Для знакомства. На разведку. И как только всем место нашлось! Все дружно закурили, тыча окурки в тяжелую пепельницу, представлявшую собой нижнюю часть гильзы калибра номер сто. Здесь были Листиков, встречавший меня утром на юте, Магдич – добродушный толстяк, заразительно смеявшийся даже не очень оригинальной шутке, Клубенко – командир НГУ (носовой группы управления) – интеллигенция от артиллерии. Кисель – высокий, исключительно стройный и необычайно скромный парень. Все старшие лейтенанты. Все артиллеристы. Для знакомства вежливо сошлись на том, что “артиллерия – не токмо грохот”. Дружно посмеялись над набором артиллерийский команд. (Прицел – вчерашний! Заряд – на три шапки пороху больше, чем вчера. По гадскому хутору, где наш взводный триппер подхватил! Беглым!). Сошлись и на том, что клистирные трубки – тоже вещь полезная на флоте. На дружный смех коллектива (как же, больше трех собрались!) заглянул лейтенант Воробышкин – заместитель командира дивизиона главного калибра по политической части. Начальник всех артиллеристов, бывших в гостях. Пригасив своим появлением дружный хохот, он вдруг самонадеянно заявил:

– Киевское военно-морское политическое училище приравнивается к философскому факультету университета! (Вот вам! Заполучи скандал!)

Я, бывший в данной ситуации хозяином, решил поддержать разговор на философские темы. (Общественные науки я когда-то любил и старался изучать их добросовестно, особенно диалектический материализм).

– А назовите-ка мне, товарищ Спиноза, основной вопрос философии!

И вдруг, совершенно неожиданно для всех, Спиноза покраснел, покрылся испариной, забормотал что-то о том, что эскулапам лучше копаться во внутренностях, а не пытаться

философствовать, выскочил из каюты. Нимб, глухо звякнув, покатился к умывальнику под дружный хохот и улюлюканье ковбоев, одержавших случайную победу. Я понял, что сам не желая того, нажил себе врага. С кривым пистолетом для стрельбы из-за угла.

Прибыл сюда и военный дирижер Михайлов. Как ценитель всего возвышенного, и особенно музыки, он попытался втянуть общество в дискуссию на темы Моцарта и Сальери, оперы, джаза, поп-и-топарта. Однако все прочно стояли на позициях социалистического реализма. Тема развития не получила. Командир ЭНГ (электронавигационной группы) лейтенант Железняков, отличавшийся ото всех хрупкостью и изяществом, внес свою лепту в общее веселье:

– Штурман одного из кораблей утром докладывает командиру:

– Товарищ командир! Корабль стоит на якоре. Курс 90 градусов. Скорость 18 узлов. Море – 4 балла. Облачность – ноль. Видимость 10 миль.

– Хорошо, штурман. Катитесь к чертовой матери отсюда той же скоростью! Только якорь не забудьте выбрать!

Постепенно народ разошелся “по шхерам” (флотск.). Готовиться к построению.

В каюте из гостей остался только лейтенант Крачилов, прибывший на корабль на месяц раньше меня. Стоматолог. Призван Отечеством на три года. Всю обстановку в деле охраны здоровья на крейсере он уже знал. Крачилов и посвятил меня во все таинства и сложности человеческой бестолковости, приведшей медицинскую службу к крутому обрыву “достигнутых успехов в боевой и политической подготовке ”.

Рассказ. Медицинская служба крейсера занимала в данное время последнее место на флоте. Однако начальник ее, капитан Божков, слыл среди начальства “добросовестным” и “исполнительным” офицером, которому настолько не повезло с подчиненными, что единственное, можно было его пожалеть. Перед матросами он разыгрывал роль отца-заступника, всеми способами скрывая любые нарушения ими воинской дисциплины. Венцом воспитательной работы считал назидательные речи, смысл которых сводился к следующему: “Вы уж меня не подводите, а я уж вас в обиду не дам”. Однако же подводили. И часто. Лично сам бегал прижигать зеленкой любые прыщики на любом руководящем теле. Терпеливо шлепая пухлыми губами, выслушивал жалобы начальника любого ранга “на вдруг откуда ни возьмись” появившийся намек на насморк и лечил его с великим тщанием, выдавая обычный аспирин за патентованное

иноземное снадобье. Цель оправдывает средства. А цель у него была грандиозной: сменить, наконец, Дальний Восток на дальний пока Ленинград, где у него жила теща, имелась квартира и возможность не тратить уйму денег на ежегодные полеты в отпуск. Остальное ему было безразлично: и матросы, и место в соцсоревновании, и загулы подчиненных офицеров, и здоровье личного состава, на страже которого он и стоял с руководящей клизмой наперевес.

Второй представитель клана корабельных эскулапов – старший лейтенант Петров (с которым читатель мельком уже знаком). Окончив Военно-медицинскую Академию, прибыл на флот. Жена осталась в Ленинграде. Не приученный к труду с детства, не знающий цену трудовой копейки, он считал вполне естественным для мужчины его возраста служить иждивенцем. Никакие наказания, никакие поощрительные меры (звание старшего лейтенанта, например) не смогли его наставить на путь истинный. Однажды, познакомившись с местной красавицей, уходившей через месяц в море, Петров выпросил у нее ключи от квартиры. По возвращении из плавания красавица не нашла ни жениха, ни японских сервизов. Скандал удалось замять. Ради каких благородных целей? Подобные “художества” не вызвали, да и не могли вызвать в распоясавшемся мерзавце чувства гадливости и неудовлетворенности собой. Сволочь может существовать только при условии молчаливого попустительства и равнодушия окружающих.

Так ли было в этом, далеко не единственном случае на флоте? Нет. Не так. Коллектив боролся за человека... Исключительно воспитательными мерами. Нервов и энергии, потраченных офицерами на социального Митрофанушку, было бы достаточно, чтобы построить Днепрогэс. Но энергия и траты были... духовными. Не лучше ли было бы взять Ваську, который “слушает да ест” за хвост и мотануть его за борт или, уж если подобная мера негуманна, просто высечь? Но из руководящих инстанций летело грозно: воспитывать! И все для того, чтобы в отчетной бумаге стояло “вып.” в графе о воспитательных мероприятиях. Это грабеж общества и государства! “Командир! Ваши офицеры позволяют себе... Вы не доработали... не правильно понимаете...” Это подрыв авторитета командира, пустая трата его драгоценного для Родины времени...

Нельзя перевоспитать человека с устоявшимся мировоззрением потребителя теоретическими моральными формами воздействия, если этому фрукту более двадцати лет. Его можно только принудить к труду и уважению общественной морали.

Третьим был “Профессор”, терапевт, названный “Профессором” за фундаментальные знания медицинской науки. Попав на флот по протекции своей матери, доктора медицинских наук, личного врача командующего флотом, “Профессор” отлично служил, пока не попал под влияние Петрова. Измаравшись несколько раз в грязной компании, отмыться “Профессор” уже не смог. На флоте существует дикое противоречие: зарекомендовавшего себя с самой отрицательной стороны пьяницу, бездельника и дебошира все стараются вытащить из грязи. Скрывают его очередные проступки, если это возможно, от вышестоящего начальства, оберегают от уголовной ответственности, не обращают внимания, закрывают глаза, прикрывают! Но стоит только один раз оступиться человеку с безупречной репутацией, и черное клеймо прилипает к нему на всю оставшуюся службу. Не отмыться. А может быть, слишком светлые пятна на грязном фоне противоречат принципам единства воинского коллектива? То же произошло и с “Профессором”. Не найдя в себе моральных сил преодолеть черную полосу на тельняшке жизни, подталкиваемый в спину “приятелем”, “Профессор” покатился в пропасть. Запил. Завершающая точка падения выглядела так. Экипаж построен на подъем Военно-Морского Флага (только с прописной, а не иначе). На юте командир, офицеры. Холодный ноябрьский день. По трапу на корабль поднимается “Профессор”. В носках, белой рубашке – все, что осталось после посещения “возлюбленной”.

– Товарищ капитан второго ранга! Старший лейтенант... со схода прибыл. Замечаний нет.

И упал. Обращаясь к офицерам, командир грустно сказал:

– Флот вынужден выбрасывать подобных человеков за борт. Но мне его по-человечески жаль.

В такой ситуации никакой речи даже быть не могло о “высоком профессиональном уровне в организационном, лечебно-профилактическом, санитарно-гигиеническом, противоэпидемическом обеспечении и медицинском снабжении части” (основные разделы медицинского обеспечения).

Вот тебе, товарищ Иванов, случай! Лови его! Совершай подвиг!

Глава 10
ЗНАКОМСТВО

Первый день на крейсере я провел, черпая и впитывая информацию, рождающую новые понятия о военно-морской медицинской профессии. С одной стороны – подвиг хотелось совершить немедленно, с другой – к нему нужно было пробираться через завалы, успешно созданные предшественниками. Не разгонишься. Выше... не прыгнешь. Но за барьером недоверия к медицине стояли люди. Матросы и офицеры корабля. Своим трудом, порой каторжным, они получили право на все виды медицинской помощи. От первой до специализированной. “Война – есть травматическая эпидемия” (Н.И. Пирогов). В условиях массового поступления раненых и пораженных, организация оказания помощи имеет свою специфику. Основное в этом кровавом деле – этапность. Возьмем одного раненого. Геройски сражаясь на боевом посту (например, на автомате зенитного калибра), отражая налет вражеской авиации, он получает ранение. В бедро. Немедленно начинается борьба за жизнь пострадавшего. “В порядке само– и взаимопомощи” оказывается ему ПЕРВАЯ медицинская помощь. Товарищами по оружию. Жгут. Шина. Обезболивание. До выхода корабля из боя герой находится на боевом посту. И если товарищи не обучены правилам оказания этой помощи, исход может быть трагическим. Даже без участия врачей. Важнейшая задача медицинской службы – научить делу врачевания каждого, кто живет на корабле, готовясь к защите социалистического Отечества. Иначе жертвы будут неоправданно огромными. Для этого существует медицинская подготовка. Забытая на флоте. Загнанная в угол. Однако, планы занятий имеются. И даже знаменитое “вып.” в наличии.

Корабль вышел из боя. Раненых нужно доставить на ПМП (пост медицинской помощи). Это дело только на первый взгляд кажется простым. На Земле можно ползти самому, запрячь собаку, положить бойца на лыжи, сделать носилки из русской березы, соорудить плот. На корабле все это исключено: крутые трапы, люки, глубокие шахты. Для подобной эквилибристики существуют специальные корабельные носилки, санитарные лямки, медицинские тали. Приемы их использования очень сложны. Личный состав должен владеть ими в совершенстве. Следовательно – кропотливая учеба и тренировки. До дрожи в коленях. Просвещай народ, док!

Второй этап – доврачебный. В дело вступают средние медицинские работники – фельдшера. Они должны выполнить только четко определенный перечень медицинских манипуляций. Не больше и не меньше. Например, вместо жгута, наложенного на боевом посту, наложить на поврежденную вену зажим. Все. Остальное дело врачебное. Врачи имеют право оказывать медицинскую помощь только в строгой последовательности: первая врачебная, квалифицированная, специализированная. Каждая из них четко регламентирована. Таким образом, если мы имеем сотню раненых, то помощь оказывается всем одинаково: сначала – первая, всем; потом – доврачебная, всем; потом – первая врачебная, всем; и только уж после оказания всем раненым всех перечисленных видов помощи врач имеет право приступить к оказанию квалифицированной. Иначе, взявшись сразу за оказание квалифицированной, требующей длительной работы (операция, например) своему другу или орущему начальнику, врач рискует совершить преступление, своими действиями приведя к гибели десятки людей. Это незыблемое правило. Закон военной медицины. Схема, правда, дана здесь очень упрощенно. Но она должна быть отработана на каждом корабле безукоризненно. Пусть читающая эти строки “центральная фигура на флоте” (командир) посмотрит на свой корабль... Пусть честно признается самому себе, не начальнику, прибывшему с проверкой... Эх, юные командиры, не нюхавшие пороху и крови морских баталий! Эх!

Всю систему должен отрабатывать не только корабельный “док”, но и любой офицер. Для всех ведь С.О. Макаров сказал: “Помни войну!”

Согласитесь: чтобы обучить и отработать всю систему нужен опыт, настойчивость, знания и время. Которое – деньги. И ведь это только один из разделов подготовки военного моряка. Один из десятков. Вопрос: где брать время на все разделы? И хотя корабельная жизнь расписана так, что обеспечивает непрерывность обучения (в руководящих циркулярах), где в таком случае брать время на отпуск, выходные и командировки? Поэтому выходных у корабельных офицеров практически нет. Плюс к этому, корабельный врач обязан: принимать больных и лечить их амбулаторно и стационарно, профилактировать болезни, поддерживать связь с береговыми лечебными учреждениями, посещать больных в госпитале, проводить медицинские осмотры, организовывать санитарное просвещение, следить за гигиеной питания от момента загрузки продовольствия на корабль до выхода готовых блюд, контролировать прием воды, стирку белья, уничтожать насекомых

и грызунов, проводить политические занятия, обследовать специалистов по профилю, читать политические информации, получать, учитывать и списывать медикаменты, вести гору медицинской документации, совершенствовать идейно-теоретический уровень, конспектируя, а не просто читая, материалы съездов и пленумов, речи руководителей, “Малую землю”, “Возрождение” и “Целину”. И даже закон о социалистическом предприятии. При этом кратком перечне обязанностей, под номером один – обязанность любить жену и быть “отличным семьянином”, воспитывать детей, культурно отдыхать, посещая театры, самостоятельно ремонтировать жилище после сдачи дома строителями из стройбата при полном отсутствии строительных материалов и навыков штукатура-маляра, ходить в гости и принимать гостей, выезжать на природу, быть в курсе литературных новинок и на хорошем счету у начальства. Для корабельного офицера перечень № 1 исключает перечень № 2. Разве что насчет ремонта и жены оставляет лазейку. Пусть за нас отгуляет начальство из береговых учреждений. Благо, зарплата у них такая же.

Я пытался осмыслить всю сложность стоящих передо мной задач. И не мог. Не позволял дефицит опыта. Вот уж воистину: оптимист – плохо информированный пессимист.

Ночь прошла. Ласковые звуки горна, колоколов громкого боя и голос дежурного по кораблю в шесть часов нежно проворковали: “Вставайте, граф! Вас ждут великие дела”. Ошалело вскочив, ударившись лбом о верхнюю койку, судорожно нашарив выключатель и включив свет, я сообразил, что уже утро, хотя рассвет и не забрезжил в окошке – окошка не было. Так! Зарядкой пусть занимается дежурная служба. Надо умыться. Поворот крана. Воды в бачке нет. До сигнала “команде умываться” – полчаса. Во рту – привкус вчерашнего табака. “Койки убрать!” Есть! Убираем. “Команде умываться!” Давим на клапан. Воды нет. В течение десяти минут. Дежурный трюмный, собака. Ах, вот уже полилась, родимая. С горем пополам умылись. Воду надо беречь. На море ведь, в океане! Далее – одевание, и... марш на завтрак. По команде. Чай. Хлеб. Масло. Сахар. Приятного чая! (флотск.). Сыт. Да и чай очень вкусный. Грузинский, второй сорт. В каюту. Сигарета, другая. Тьфу. Малая приборка.

– Команде приготовиться к построению по сигналу “большой сбор”. Место построения – ют. Форма одежды – рабочее платье, берет. При себе иметь... Очень много надо иметь при себе. Каждый день недели – что-то другое, так как первое было вчера.

Утром самое торжественное построение на корабле. Подъем

Военно-морского Флага. Каждая боевая часть, служба, команда, каждый член экипажа знает свое место. Построились. По центру – в корме – старший помощник. Рядом – дежурный по кораблю.

– Произвести поличную поверку по подразделениям! Командиры отделений, старшины команд – два шага вперед.

Поворот лицом к строю. В руках – книга поличных поверок. И хотя любой командир знает своих подчиненных в лицо, фамилии называются из списка: “Петров!” Ответ из строя: “Вахта!” Об этом отлично и так знает старшина. Но… порядок. Командиры отделений докладывают о наличии личного состава старшинам команд, те – командирам групп, башен, батарей, эти – командирам дивизионов. Дивизионные – командирам боевых частей. Все доклады стекаются к дежурному офицеру и только от него – старшему помощнику: — “Товарищ капитан третьего ранга. На корабле поличная поверка произведена. Нетчиков (лиц, незаконно отсутствующих) нет. Дежурный по кораблю, капитан-лейтенант…”

Регламент времени выдержан точно.

– Равняйсь! Смир-р-на! Равнение нале-во! (Первый фланг – в направлении флага).

Встречный марш. По трапу спускается командир. Все замерли. Звук печатных шагов по настилу.

– Товарищ капитан второго ранга! Экипаж крейсера “Дмитрий Пожарский” на подъем Военно-морского флага построен. Старший помощник капитан третьего ранга…”

– Здравствуйте, товарищи моряки!

– Здраа жела-а, това-ащ капитан второго ранга!

До подъема флага одна минута.

– На флаг и гюйс… Смирно!

Гробовая тишина. Сигналы точного времени.

– Товарищ командир, время вышло!

– Флаг поднять!

– Флаг и гюйс поднять!

Бело-голубое полотнище с ярко-красной звездой и эмблемой серпа и молота медленно, под сигнал горна, ползет к верхушке флагштока. Дыхание остановилось.

– Флаг поднят.

– Вольно!

Одновременный вздох тысячи человек. Истинному моряку этот ритуал будет всегда нов. Волнующ. И торжественен. Как подъем государственного флага в честь победителя на боксерском ринге.

После подъема флага начальник представил меня личному составу. Старшина первой статьи Сафонкин, второй статьи

Карпушов, второй статьи Емельянов, матрос Кобец… Сергей Петрович… Глаза полны равнодушия: лейтенант, ну что с него взять… Бляхи не надраены, роба неглажена, прическа…

Построение закончилось. Я вызвал в каюту к себе Сафонкина. Тот, не спросив разрешения, вошел. С небрежно-скучающим видом.

– Значит так, старшина. Будем начинать с азов. Первое. К 15.00 привести себя и личный состав в порядок: постричься, погладить форму. Второе. Заглянуть в Устав внутренней службы. Раздел: “Начальники и подчиненные”. Третье. К этому же сроку подготовить к смотру операционную, хирургический инструментарий и оборудование. Четвертое. До 15 часов все стоящие в плане мероприятия отменяю. Начальнику об этом доложу сам. Все. Вопросы есть?

– Нет.

Старшина развернулся и пошел к выходу.

– Стой! Смирно!

Команда подтянула военного. Страшно удивленный, старшина остановился. По стойке смирно.

– Мне незачем говорить вам то, Сафонкин, что вы должны были всосать с молоком матери. Я не сторонник воспитательных мер, но вашу расхлябанность терпеть не намерен. По расписанию – я ваш командир отделения. Невыполнение любого моего распоряжения буду расценивать как преступление. Другого пути у нас нет. Пока. Если мы поймем друг друга – лучше будет для обоих. Вопросы есть?

– Никак нет. Разрешите идти?

– Идите. Построение в 15.00.

– Есть.

Мудрые директивы учат: для знакомства надо провести беседу. Ознакомительную. Даже перечень вопросов отработан. Записать беседу в журнал, поставить дату и отметку “вып.” Спросить, есть ли девушка, какое хобби… Как будто то обстоятельство, что бабушка экзаменуемого до октября семнадцатого года каталась на велосипеде, изменит требования Устава. Человек познается только в труде. И в беде. Остальное – наносное. “Брэд оф сиф кейбл”, что в переводе с флотского – задушевный рассказ гнедой лошади.

Начальник воспринял мое решение исключительно правильно:

– Ах, ах! Без меня? Как посмели? Ах, ах! План… Ах! Командир… Ах, ах! Разложение личного состава! Ах, ладно, правильно. Ах, ах! Отвечать, в случае чего, будете сами! Ах! Меня нет! Руководите! Ах, ах!

– Не беспокойтесь. Все будет хорошо.

– Не верю! Ах, ах! Я должен отдохнуть! Попрошусь на побывку домой. В Совгавань. Ах, ах! Руководите. Ах!

– Понял.

Отношения с матросами и старшинами постепенно налаживались. Почувствовав волевую руку и поняв справедливость требований молодого офицера, личный состав активно включился в борьбу за достижение, улучшение, укрепление, наведение порядка, что не замедлило вскоре сказаться и на общем настроении экипажа. Медицина – великая вещь.

Но – по порядку.

При приеме дел у Петрова (имеется в виду передача материальных ценностей) оказалось, что ценности отсутствуют. “346 предметов инвентарного имущества на сумму 1420, рублей 07 копеек, – как было указано в акте (казенный язык точный), – испарились. Разгильдяю предстояла публичная порка посредством изъятия в доход государства вышеозначенного капитала. Из сумм, которые страна обязалась уплатить незадачливому кредитору за то, что “дискредитировав звание советского офицера”, он брал на себя обязательство больше погоны не надевать. В мирное время, конечно. Из одного государственного кармана деньги переходили в другой, минуя, однако, карман посредника. Посредник был явно не в духе. Однако набить мне физиономию грозился издали. Полторы тысячи рублей – как раз та сумма, в которую входила последняя зарплата и выходное пособие. Король уходил с флота голым. Даже на прощальную кадриль денег не оставалось. И вот, наконец, по высочайшему указу за номером... два несостоявшихся флотских руководителя от медицины отпущены на свободу. Последний раз сойдя со сходни корабля, “Профессор” и Петров не имели больше права ступить на палубу крейсера. К вящему облегчению последнего.

Глава 11
ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

Закрутив, туго завернув механизм лечебно-профилактического дела, добившись кроме исполнения входящих и исходящих того, что страждущие начали с надеждой на исцеление обращаться за медицинской помощью, я принялся за отработку “организации контроля за объектами продовольственной службы части”. Дело снабжения корабля поставлено на широкую ногу и промышленную основу. Возглавляет снабжение помощник командира. Дипломированный снабженец. Из Вольского училища. Эта категория военных имеет ряд существенных отличий от обычных офицеров. Пользуясь тем, что приказ, определяющий нормы выдачи продуктов на каждую флотскую душу, позволяет заменить овес для лошади на шоколад для снабженца, повинную голову снабженец носит независимо и гордо. Независимость чаще всего гарантируется человеку количеством материальных благ, имеющихся в его распоряжении. Даже не в личном владении.

Механика работы органов обеспечения слегка затронута при описании подготовки первой экспедиции Невельского на Камчатку. Но ведь тогда снабжали корабли несознательные царские чиновники и бюрократы. Они подсовывали испорченное сукно и тухлую рыбу уходящему капитану, загребая при этом значительные суммы в свой частный карман. В наше время частный карман превратился в личный, не позволяющий редискам от снабжения эксплуатировать чужой труд посредством вложенного в карман капитала. Естественно, это условие заставляет любого снабженца вставать на трибуну и громогласно заверять всех в своих самых чистых намерениях, преданности делу партии и советского правительства, заботясь лишь о том, что нужды и запросы военнослужащих – единственное, о чем думает оратор. Обедать они ходят только в кают-компанию, в каюте в холодильнике стоит только вода, и даже форма одежды у них изношена несколько больше, чем у механиков. Весь облик ПКСа должен свидетельствовать о неподкупности, честности и кристальной чистоте. Крейсерный снабженец в лице товарища третьего ранга Крепкого чувствовал себя мужественным, так как на горизонте контроля за его деятельностью было безоблачно. Комиссия народного контроля, состоящая из политработников, абсолютно незнакомых с организацией бухгалтерского учета, и артиллеристов, которым совершенно безразличен тот же учет “за

хобот взять не могла". Медицинская служба (в функции которой входит контроль за снабжением), возглавляемая Божковым, старательно пережевывающим колбаску, хлопот снабженцам не приносила. Поэтому я товарищем третьего ранга был воспринят довольно холодно: кто ты такой? Хотелось спросить в ответ, но, находясь в разных весовых категориях по званию, вопрос пришлось отставить.

– Товарищ ... третьего ранга! Проверка организации хранения продовольствия на корабле показала, что в провизионках грязь, продовольствие навалено в беспорядке, температурный режим не выдерживается, выдача продуктов на камбуз проводится без веса, на глаз, и даже имеются испорченные продукты, выдачу которых для питания я запрещаю. Мяса – 156 кг, масла – ровно сотня. Результаты проверки будут доложены командиру. Пробы испорченных продуктов отправлены в санитарно-эпидемиологический отряд на проверку.

Это было нарушением конвенции. Лейтенант, две недели находящийся на корабле?.. Да кто ты такой?..

– Послушай, лейтенант, прежде чем совать нос туда, куда тебя не просят, уясни несколько простых истин. Я служу на кораблях уже 17 лет и авторитет мой известен. Ты – лошадка еще темная. Флотская субординация не позволит тебе прыгнуть через голову твоего начальника. Контролирует он меня лично. Если хочешь спокойно жить, доложи все своему шефу и будь здоров. Остальному тебя научит служба. Все. Я занят!

Это была угроза, выраженная в снисходительно-ласковой поучительной манере. Затем последовал пинок ("Я занят!) в зад. Любое препятствие действовало на меня, как красная тряпка. Сразу же захотелось поднять обидчика на рога (начитался на свою голову сказок о мушкетерах!). Напоминание снабженца о том, что на службе надо докладывать по команде, потащило меня прямо в каюту командира корабля, минуя начмеда.

Командир, выслушав страстный монолог, обличительную речь, лекцию, теорию, выводы... Выслушал спокойно, даже, как мне показалось, безразлично.

– Из всего вами произнесенного я понял только одно: за дело вы болеете. Это хорошо. Те изменения, которые происходят в медицинской службе, рождают надежду, что вы сумеете переломить существующий там застой. Но как человек военный, Вы должны научиться выражать свои мысли кратко, точно и совершенно спокойно. Вы даете мне информацию. Теперь я должен ее обработать, определить виновных, степень их вины и меру наказания, а также должен продумать, что нужно предпринять для наведения порядка. На это у меня уйдет масса

времени. Теперь представьте себе, что все офицеры корабля будут приходить и пытаться решать вопросы вашим методом. Времени на решение даже одной десятой их у меня не будет. Поэтому вы должны свои предложения и выводы доложить непосредственному начальнику. Он, внеся коррективы, доложит старшему помощнику. Ко мне же итоги вашей работы должны дойти лишь в форме отпечатанного проекта приказа, который я подпишу или не подпишу. Приказ должен быть четко продуман и юридически обоснован. Иначе он может быть отменен прокурором или старшим начальником. Ваши бурные эмоции доказательной силы не имеют. Я обещал вам поддержку. Помню. Вопрос беру на контроль лично. Ваша задача – результаты проверки оформить актом, провести административное расследование случаев порчи продовольствия, приложить к нему заключение санэпидеморгана и, наконец, написать проект приказа. Учитесь работать. Действуйте!

– Разрешите идти?

– Идите.

Розовая попка новорожденного правдоискателя была высечена крапивой. Игнорировать рекомендации старших, даже если они на первый взгляд не верны, не следовало. Урок получен. Вежливый, но ощутимо-болезненный.

Через два дня проект приказа был готов. В нем вменялось в обязанности товарищу третьего ранга возместить ущерб государству в размере стоимости испорченного продовольствия, начпрод предупреждался “о неполном служебном соответствии”, баталеру продовольственному (кладовщику) предоставлялась возможность отдохнуть от родного крейсера на гарнизонной гауптической вахте. Приказ командиром был подписан.

– Лейтенант кусается. Больно. Нужно немедленно дать ему почувствовать... Обломать зубы... – к такому выводу пришел товарищ Крепкий и довел его до сведения командиров боевых частей. Однако при встрече начал здороваться за руку, интересоваться здоровьем и последними достижениями медицинской науки. Указания “борзого” докторенка (флотск.) личный состав службы снабжения игнорировать больше не рисковал.

Начальник медицинской службы вызвал меня к себе часа в двадцать три. Прошлепав губами, набираясь храбрости, наконец, провозгласил:

– Помощник на вас обижен. До приказа дело доводить не нужно. Вы обидели хорошего человека. Ах, ах! У него много влиятельных друзей. И в управлении кадров. Ах, ах! А если мне... а если меня... Ах, ах! Вот вам зачетный лист на допуск к

самостоятельному управлению медицинской службой. Через две недели вы должны получить все зачеты.

– Но Устав отводит на это месяц!

– А вы уже две недели на корабле. Ах,ах!

– Ясно. Мне все ясно. В вашем присутствии ставлю дату получения зачетного листа. Если в две недели не уложусь, Устав меня оправдает.

– Ах, ах!!! Я же должен был выдать этот лист с прибытием на корабль! В первый день! Ах, ах! Меня могут привлечь... Ах, ах!

– Каждый несет свой чемодан, товарищ капитан. В соответствии с окладом, предупреждаю вас, так как ознакомительную беседу вы со мной не проводили... У меня есть хобби: не разрешать кататься на себе никому.

– Ах, ах! Я не собираюсь... Ах! Я согласен! Ах, ах! Заместитель... Ах, ах! Не надо обижаться... Ах!

Противно видеть мужчину в погонах, который пускает слюни при малейшей угрозе своему собственному спокойствию. Но ведь не благородно пугать заведомого труса. (Где ты, мушкетер?)

– Не беспокойтесь! Зачеты я сдам. Вовремя. Если мне не будут мешать, конечно.

– Ах, ах! Что вы... Педагогика... психология... молодой офицер. Ах, ах! Идите.

Броневой народ (лейтенантура, жившая на броневой палубе), узнав козни верхнего этажа власти против своего собрата, постановила: ежедневно помогать в изучении устройства корабля своему "корешку". Каждый по своей части. Союз "меча и орала" против фирмы Безенчука. Зачеты на допуск врача в кают-компанию стали делом общественным и приобрели политическую окраску. (Справка. На крейсерах существовала традиция: если вновь пришедший лейтенант не сдал положенные зачеты, в салон он не допускался, на сход на берег разрешения не получал. Лейтенант должен пахать, есть и немного... спать.) Что-то в этом есть!

Днем времени не было. Начальник, увидев возможность переложить на плечи лейтенанта весь груз службы, переложил его. Ночью начиналось изучение корабля. Командир ЭНГ Железняков рассказывал устройство штурманской аппаратуры, давал основы астрономии и навигации. Артиллеристы, жертвуя собственным отдыхом, показывали башни, погреба, посты управления, стрельбовые станции, рассказывали теорию артиллерийского боя. Механики демонстрировали устройство машин, котлов, электростанций, топливной, фановой систем, устройство системы вентиляции, аварийные проходы, набор корпуса, помещения вспомогательных механизмов, клапаны,

щиты, кингстоны... Ужас! Связисты, специалисты радиотехнической службы, химики и даже военный дирижер – все добросовестно готовили зеленого эскулапа к сдаче зачета на военно-морскую зрелость. Две бессонных недели, два килограмма кофе и бутылка спирта, “сэкономленного” от щедрот начальника службы, вооружили меня знаниями военного дела и наглой самоуверенностью. Знаний, учитывая медицинскую специальность, было достаточно для повседневной и боевой деятельности корабельного хирурга, однако “Фирма Безенчука” думала иначе. Да! Снабженцам бы я палец в рот не положил... “Бычки” (флотск. – командиры боевых частей) – это голова! А лейтенанты? Нет. Лейтенанты – это не голова! Это – механизм превращения энергии мысли “бычков” в энергию действия личного состава. Мощный механизм. Надежный. С первой попытки поставить лейтенанту зачет любой командир БЧ сочтет для себя оскорблением. Пять попыток – это заявка на успех. Десять – возможно и выгорит. Это – школа мужества, проверка на прочность, на способность выдержать бой и выйти из него победителем. Слабость здесь не прощается. Слабые должны идти в адъютанты и таскать тяжелые портфели начальников. (Явная несправедливость автора. Адъютантам иногда тоже чопы (пробки – флотск.) вставляют)

Еще бессонные ночи, еще кофе, еще...

Лейтенант Иванов, выйдя из боя победителем, приобрел право игры в бильярд в салоне офицерской кают-компании. Спасибо тебе, броневуха (крейсерск.)!

XXX

Заместитель командира корабля по политической части, молодой симпатичный капитан третьего ранга, выпускник Военно-политической Академии Мастрюков пригласил меня к себе на ознакомительную беседу. Правда, на корабле уже обо мне многое знали. И по делам, и по моим же рассказам. А рассказывать я любил. Притом, в любой истории выглядел немножко смешным, хотя и всегда первым. Подобная манера рассказчика на флоте всегда привлекает массу слушателей, притом слушателей благодарных.

– Я, как замполит, – начал Мастрюков, – должен знать о вас все. Поэтому прошу рассказать о родителях, сестрах, учебе вашей. В общем, о себе.

Инструкция по организации флотского знакомства начала действовать.

– Родители мои живут в деревне. В Западной Белоруссии. Мама работает в колхозе, отец там же. Заведует колхозными складами. Сейчас они остались одни. Все мы, дети, разъехались кто куда. Здоровье их соответствует возрасту. Отцу – 57 лет, маме – 50. Конечно, трудно одним. Ведь все же, кроме работы в колхозе, нужно еще свой приусадебный участок обрабатывать, заготовить дрова, собрать корма на корову, обиходить кур да свиней. Говорил я им неоднократно, чтобы сократили все это хозяйство. Ведь тяжело все-таки вдвоем тащить такой воз. Но где там! И слушать не хотят. Мол, нужно делать как все люди. Вот и тянут лямку. А годы все же берут свое. Старшая сестричка живет в Могилеве. Закончила Мостовское медицинское училище. Работает медицинской сестрой. Добрейшей души человек. Муж ее, Аркадий, закончил ЛИИВТ и года три ходил на судах “в загранку”. Сестра ждала. В семидесятом году он поступил в аспирантуру, и по окончании ее, уехал работать во вновь открывшийся институт в Могилеве. Занимается теплотехникой или термодинамикой. Фанатик от науки. У них двое детишек. Младшая – Оленька, и старшая – Светлана. В школу уже ходит. Дружно живут.

Младшая моя сестренка – Аннушка – учится. Студентка технологического института. Закончила она Желудокское медицинское училище и фельдшером была направлена на работу в Гродненскую областную больницу. Однако, работа ей пришлась не по душе. Работала в отделении гематологии. Больные с заболеванием крови. Чаще злокачественными. Не смогла выдержать постоянно находящуюся рядом смерть. Три года по вечерам ходила в школу. Окончила 11 классов и поступила в институт. Сейчас живет у старшей сестры. Не замужем. О себе рассказывать нечего. Закончил восьмилетнюю школу в деревне. Потом два года учился в городе Новогрудке. В семидесятом поступил в Ленинградский Педиатрический медицинский институт после попытки поступить в ВМА им. Кирова, закончившейся провалом. Закончил четыре курса и, несмотря на многочисленные возражения, перевелся на факультет в Горький. Вот и все.

– Вы женаты?

– И да, и нет. Уже в течение года я живу с любимой женщиной. Она должна прилететь ко мне, как только решится вопрос с жильем. Остается только оформить брак.

– Ясно. Постараемся помочь вам. Напишите рапорт в жилищную комиссию. Вопросы, просьбы ко мне есть?

– Никак нет.

– Ну что ж. Вы неплохо начали службу. Народ к вам тянется.

Это хорошо. Но вы бываете слишком резки в оценках. Надо помнить, что между черным и белым всегда есть переходные тона. Помните об этом.

– Я постараюсь.

На этом ознакомительная беседа была закончена. Я, окрыленный обещанием рая в шалаше (ведь обещали же помочь), сел за письмо. Любимой. Писал я ей часто, знал, что нелегко девушке в неопределенности. Да и честно сказать, были у нее основания не очень-то верить в благие намерения находящегося на краю земли лейтенанта. Сознавая это, я чувствовал себя виноватым перед ней, что старался компенсировать изрядным количеством писем.

Описав все трудности службы, присочинив кое-что, нарисовав парочку перспектив совместной уютной и прекрасной жизни, я пригласил Ниночку на Дальний Восток в конце ноября, надеясь, что к поэтому времени ключи от квартиры будут в кармане. Вместе с ордером. Удивительная самонадеянность. Дурачок! Председатель жилищной комиссии, товарищ третьего ранга Крепкий, объяснил, что квартиру можно получить на выбор: или в “Заветах Ильича”, или в Тихоокеанском. Правда, крейсер практически не бывает ни там, ни там. Крейсер чаще стоит во Владивостоке. Это обстоятельство должно символизировать “тяготы и лишения военной службы”, записанные в Уставе. Какой же военмор без тягот? Борьба с природой и труд сделали из обезьяны человека. Труд и “борьба с тяготами и лишениями” делают из человека моряка.

> ...Становись, становись человеком скорее!
> Это значит на море скорей становись моряком.
> (В. Высоцкий)

Все ясно. Встречи со своими боевыми подругами для моряка – вещь случайная, как и все в их жизни. (Необходимость и случайность находятся в диалектическом единстве). В руководящих циркулярах военному моряку рекомендуется при стоянке в базе (обязательно и категорически!) хотя бы раз в неделю при условии, если командир разрешит, отдыхать на берегу в кругу семьи или родственников. А если семья за тысячу километров, а ты все равно стоишь у причала? А если командир разрешит сойти на берег, но корабль приписан совершенно к другой базе? Вопрос: где и в каком кругу отдыхать офицеру, если отдыхать так хочется, что “аж челюсти сводит”? Правильный и логический ответ обнародован быть не может. Услышав его, инженеры человеческих душ призовут на трибуну партийного

собрания того, кто рискнул ответить на него объективно и прямо. Примеры? Х-м...

Глава 12
ОТДЫХ

Суббота. Одна из очень многих суббот на флоте, похожих друг на друга, как две капли воды. Утром подъем. Зарядка для тех, кто от нее не увильнул под каким-либо предлогом, завтрак. Построение: развод на большую приборку. Мудрые расписания расставили каждого по точно определенным объектам и каждому вменили в обязанность точно определенные действия. Командир приборки, старшина приборки , приборщик. У командира в руках бумага, в которую записаны все старшины и приборщики порученного ему участка, у старшины – карточка, куда вписаны приборщики (матросы), обрезы (тазы), швабры, ветошь, щетки, мыло, порошок, паста для драйки меди, мел для резины – все то, что должно быть использовано для наведения лоска, шика и блеска. Произвести приборку правильно и с высоким качеством не сумеет ни одна даже высококвалифицированная домохозяйка. Приборка – это творческий процесс, песня, мудрость поколений, опера и комедия, трагедия и сама жизнь во всей свой сложности и разнообразии. Тонны воды, десятки килограммов мыла и порошка, сотни кубометров пены и человеческого пота обрушиваются на холеное тело принимающего душ крейсера. Командиры приборок, вооруженные крючками, выгребают мусор (если таковой найдется) из самых темных закоулков и “вставляют чоп” старшинам. Те, в свою очередь, раздают подарки матросам. Последние, огрызаясь про себя, моют и драят, мечтая стать лейтенантом, чтобы “вставить чоп” стршине. Каждый несет свой чемодан. Приборка подходит к концу. Шпигаты, отплевываясь пеной, сливают за борт воду и грязь. Напряжение нервов ослабевает.

– Медь, железо – драить! Резину – мелить! барашки расходить и смазать! – раздается команда дежурного офицера.

Все! Осталось наложить косметику, выщипать брови, надраить пуговицы парадного фрака... Жених, довольный собой и работой тысячи нянек, удовлетворенно выпускает облако пара. И если совершающие обход корабля командир, старший помощник, главный боцман и врач останутся довольны работой вышеозначенных нянек (что бывает крайне редко), то прозвучит долгожданная команда.

– Окончить большую приборку! Команде... руки мыть!

Команда, облегченно вздохнув, укладывает на штатные места обрезы, швабры, мыло, пасту и свою растревоженную душу.

Пронесло. Можно рассаживаться по бакам. Питаться. Принимать пищу. Обедать.

После обеда в субботу “адмиральский час” – понятие растяжимое. Он заменяется действиями моряков по команде:

– Начать самооблуживание личного состава.

Это значит: вымыться в бане, постирать нательное и постельное белье, пришить, погладить, заштопать, почистить, постричься, приготовиться к увольнению.

Для офицеров – все то же самое, кроме стирки и глажки. Это вменяется в обязанность приборщикам кают.

Баня для русского человека символизирует горячий полок, березовый веник, раскаленные камни, квас, холодный пруд и расслабленную блаженную умиротворенность. На крейсере в офицерских душах все то же самое. Полок отсутствует, зато имеется горячая паровая грелка, расположенная на переборке так, что никак не удается во время помывки не соприкоснуться с ней голым задом, что развивает в военморе бдительность и ловкость. Пышущая жаром каменка заменена здесь паропроводом, наполненным перегретым паром (до 300 градусов), который соединяется с системой холодной воды. Пар и вода, встречаясь в смесителе в определенных дозах, должны обеспечить приятный, комфортный душ. И даже если с великим трудом удается отрегулировать точную дозировку пара и воды, неожиданностей не избежать. Вдруг в самый ответственный момент, когда лицо и глаза покрыты мыльной пеной, останавливается насос и прекращается подача воды. Струя перегретого пара обеспечит вам визит в корабельный лазарет. Если же вдруг прекращается подача пара – холодный поток воды, низвергнувшись вам на голову, символизирует собой пруд, а то и прорубь для моржей. Расслабленную умиротворенность или умиротворенную расслабленность принимающий корабельный душ гонит от себя, как гулящую девку: и та, и другая может довести до встречи с эскулапами. За отсутствием кваса он заменяется (если удается сэкономить на материальной части и больных) стопкой спирта или принесенного с берега снадобья. Но согласно Уставу “приносить и распивать спиртные напитки на корабле категорически запрещается”. Поэтому и не приносят – распивают то, что имеется.

Наконец, душ принят. Распаренные и бдительные тела расходятся по каютам. Выкуривают по две-три сигареты, вызывают приборщиков и отдают в стирку грязные рубашки, получая взамен отглаженные и чистые. Те, кому выдано разрешение, кучкуясь, обсуждают вечернюю программу. Однако речи о театрах и балах при этом отсутствуют. Атмосфера

заполняется экзотическими морскими терминами: “Золотой Рог”, “Челюскин”, “Фрегат”, “Волна”, “Океан”, “Коралл”. Здесь уже вьются русалки, нимфы и наяды (что, в принципе, одно и то же). Обсуждаются банковские операции, кандидаты в ростовщики и финансовые пропасти, преодолеть которые предстоит только в день ВМФ, как называется в обиходе день получки. Организуются клубы “по способностям”, так как клуб “по интересам” определен Уставом.

Остающаяся на корабле дежурная смена, с тайной завистью равнодушно взирает на сборы товарищей, чтобы завтра поменяться с ними ролями.

Наконец, броневая палуба пустеет. Счастливчики степенно, торжественно, но с явным трепетом покидают корабль. Теперь срок их возвращения к родным пенатам зависит от Фортуны, количества денег в кармане, времени, установленного начальником и нетерпеливого ожидания товарища, оставшегося на корабле и которого нужно сменить на вахте.

Пара часов до ужина посвящены безделью, называемому отдыхом. Дежурная смена, не стоящая непосредственно на вахте, начинает заваривать чай, добывать в провизионках тушенку и мечтать о завтрашнем дне. Рецепты заваривании чая, предлагаемые знатоками, могли бы составить отдельный том Большой Советской Энциклопедии. Однако наибольшей популярностью пользуется следующий.

Стакан кипятка, чайная ложка заварки. Стакан накрыть сборником инструкций. Дать настояться. Профильтровать через бинт. Добавить по вкусу сахар и молоко. Пить мелкими глотками в перерывах между анекдотами, былями, в которые верится с трудом, и небылицами, которые принимаются за чистую монету.

Ужин. По субботам он отличается тем, что каждый при желании может потребовать дополнительную котлету. За счет сошедшего на берег боевого товарища. Пища принята. Поглаживая животы, народ собирается в салоне. Двое стучат бильярдными шарами. Один из них – менее ловкий, кандидат на “высадку”, так как в желающих его сменить недостатка нет. На двух столах, желая утвердить свой авторитет и репутацию “козлятника”, пушечными ударами костяшек стучат в домино. При этом действует стройная система сигнализации своему напарнику, подсказывающая правильность хода и всегда приводящая к обратному результату. Высшая цель – повесить противнику “адмирала”, или, в крайнем случае, “сопливого”. (Справка: “Адмирал” – окончание кона игры одновременно двумя “дуплями” – “пустырем” и “шестерошным”. “Сопливый” – только “пустырем”.) Одна или две пары играют в карты. Несколько

инженеров-электронщиков, спокойно и виртуозно обращающихся с ЭВМ, крутятся возле телевизора, который чаще всего не работает. (ТСП находятся в заведовании пропагандиста корабля, разбирающегося в электронике как инженер связи – в вопросах генетики и селекции растений.) Часть офицеров сидит в каютах, дежурные и вахтенные “контролируют действия личного состава”. Личный состав использует личное время для решения личных проблем и реализации личных желаний. (Правда, в последнем имеется множество ограничений.)

Вечерний чай. Масло, хлеб, сахар. Иногда пирожки, варенье, конфеты. Разнообразие деликатесов зависит от расторопности заведующего столом, в распоряжении которого находится “буфетный фонд”, состоящий из “пятерок” ежемесячно сдающихся офицерами на улучшение питание. Чай выпит. Картина в салоне не меняется: бильярд, домино, телевизор. До отбоя.

Наконец, личный состав уложен в койки. Ночное освещение включено. Бодрствуют только дневальные, вахта у действующих механизмов, артиллерийский дозор, сигнальщики и связисты. Крейсер лег отдыхать.

Однако нервы его, глаза, уши и сердце напряжены до предела. Он в любой момент может призвать своих моряков на боевые посты, сорвав их с постелей трелью колоколов громкого боя, ревом корабельного горна.

“Боевая тревога!”

Мозг еще спит. В нем еще смутно проступают образы матерей и любимых, родные леса и поляны, мирное небо и красные зори. А ноги уже несут моряков на свои боевые посты. Руки готовы включить приборы, загнать в перекрестие прицела на индикаторе отметку воздушной или надводной цели, подать на элеваторы тяжелый снаряд. С грохотом задраиваются люки и двери, за броневыми листами прячутся иллюминаторы. В топках котлов вспыхивают факелы жаркого пламени, разбуженные артерии начинают бурлить паром и кровью.

“Корабль экстренно к бою и походу приготовить!”

Медленно, как будто вырываясь из тяжкого плена дремоты, крейсер будит в себе орган за органом, систему за системой. Подогревая внутренности радиолокационных станций, ЭВМ артиллерийских постов, ощетинившись сигналами срочных донесений, разминая застывшую смазку своих суставов, он готовится встать на защиту тех, кто создал его, начинил разумом и силой, кто вымыл и смазал его раны. Каждый на своем месте. Сошедших на берег товарищей заменяют те, кто на корабле. И пусть нагрузка на человеческую единицу возрастет до предельных

значений, пусть две руки выполняют работу десяти рук, пусть мозг человеческий перегревается от напряжения, пусть нервы не справляются с количеством проходящих через них сигналов, но в точно назначенное время, крейсер должен выбрать якоря и, оборвав пуповину, связывающую его с Землей, тяжело проворачивая винты, двинуться к цели.

Крейсер спит. Тревожно в койках ворочаются уставшие за день моряки. Да будет благословен этот сон, дающий возможность спокойно спать огромной стране, так часто незаслуженно забывающей сынов своих. Но она – мать! Мелким обидам здесь не место. Нет! Не Родина забывает! Она же мать! Забывают люди, погрязшие в сытости и чванстве, уткнувшие свои носы в упругие груди своих молоденьких любовниц. Люди, которых звон электрического будильника по утрам заставляет прятать в пятки атеросклеротическое сердце. Которые, накушавшись кофию, дергая на трибунах черные пряди волос, кричат о непроизводительной сфере военных. Ладно, замнем для ясности.

Был двенадцатый час ночи. Я сидел в каюте с Крачиловым и Черемисиновым. Три лейтенанта. Несложный по содержанию разговор, заваренный по флотскому рецепту чай, помогали коротать время в ожидании ночной проверки вахты. (Лейтенанты по злой иронии судьбы всегда почему-то вахту проверяют по ночам.)

Черемисинов, штурман наведения авиации, назначенный на крейсер в ожидании должности по своей специальности, отдыхал. “Компанейский” (флотск.), с саркастическим складом ума и живой натурой, он томился от безделья, но приказ об отправке его предшественника на пенсию запаздывал, медленно кочуя из сейфа в сейф военных столоначальников. Приходилось ждать, что как известно, занятие не из приятных, даже для привычных к ожиданию моряков. Друзьями было решено использовать грядущий воскресный день в познавательных и благородных целях. Во Владивостоке есть что посмотреть: краеведческий музей, мемориалы, музей флота, картинная галерея, различные выставки. Можно поехать за город, осмотреть живописные окрестности, посетить ТЮЗ, драматический театр, концертный зал филармонии, цирк. Можно поехать на остров Русский – чудеснейший уголок планеты. Можно очень многое. Стоит только захотеть.

Наконец, воскресное утро наступило. По-дальневосточному ярко сверкало солнце. Город, залитый потоками света, манил к себе миллионом соблазнов. “Все дороги, все пути” были открыты. Два компаньона (Крачилов оставался в дежурной смене) решили

сначала вкусно позавтракать, игнорируя корабельный сахар и чай, а затем двигаться по стезе просвещения, ощущая приятную тяжесть в желудках. Степенно, но с нетерпением, сошли на берег, отдав честь Военно-Морскому Флагу и получив ехидное напутствие вахтенного офицера.

Центр Владивостока сразу же за воротами КПП. В это время город испытывал трудности с питьевой водой. Кто-то где-то что-то прохлопал, вовремя не спланировал, отправив “на верха” победную реляцию. А город задыхался от жажды. Столовые не работали – нечем было мыть посуду. Из пяти ресторанов, в которые мы пытались попасть, двери гостеприимно не распахнул ни один. Везде кушали делегации, прилетевшие на Дальний Восток в бархатный сезон за государственные деньги обмениваться опытом создания шедевров кожевенной и рыбообрабатывающей промышленности. Город, охраняемый моряками, отказал в трапезе своим же защитникам. Спрос рождает предложение. И оно родилось.

– Давай-ка, Петя, поедем в “Лесную заимку. Там уж мы точно покушаем.

– Но ведь в этом случае срывается вся наша культурная программа.

– Что же делать? Ведь в желудке, кроме завтрака, так предусмотрительно проигнорированного нами, не было и обеда, а время его уже наступило.

Черемисинов был прав. Как всегда. Если не было рядом начальства. Духовную пищу пришлось оставить делегациям, добросовестно переваривающим командировочные деньги в виде даров тайги и дальневосточной кухни.

Такси подвернулось быстро. Водитель даже не сделал попытки заявить, что едет по заказу или в парк. Причина для этого нашлась в виде похрустывающей красненькой в руке пассажира. А это вдвое больше тарифа. Выехали за город. Оранжево-желтая тайга по обе стороны дороги, залитая солнцем и опутанная паутиной, была сказочно прекрасна. Хотелось снять шляпу и поцеловать ее прямо в прелую, пахнущую тайной листву. Даже Тургенев, мастерски писавший природу, остановился бы в нерешительности перед этим великолепием. И только Шишкин, Тургенев, Айвазовский, вместе отсидевшие на корабле в течение полугода, сумели бы изобразить сотую часть этого земного рая. Хорошо! Душа отдыхала и пела одновременно. Хотя Пугачева, возможно, и не приняла бы такого сочетания.

Ресторан “Лесная заимка” находится в тайге, на полпути между Владивостоком и Артемом. Километрах в двадцати пяти от города. Выстроен он в стиле староверческого барокко. Весь из

ошкуренных круглых бревен, с башенками московского Кремля, этот храм чревоугодия наминает постройки времен Юрия Долгорукого и соляных бунтов. Массивный прочный забор “от соседа”, тяжелые дубовые резные ворота… Хочется надеть медвежью шубу и подъехать на тройке с ямщиком на облучке, перекреститься, потребовать квасу и соблазнить дочь станционного смотрителя.

Ворота были заперты. Изнутри. Друзья долго стучали. Слышалось недовольное сопение, словно Черномор со своей свитой готовился броситься в атаку, отражая налет коварных хунхузов. Наконец, ворота приоткрылись. В щель выглянул привратник, одетый в крестьянскую русскую рубаху конца восемнадцатого века, казацкие шаровары и хромовые офицерские сапоги образца 1965 года.

– Мест нет, ребята. И даже за трешку. Фактически.

– А если не за трешку?

– Пойду, спрошу.

Ворота захлопнулись. Но ненадолго. Минут через пять широким жестом, должным означать размах натуры и широту души, друзья были приглашены во двор.

Под навесом за столиками, а вернее, за обычными колодами, на деревянных колодах-баночках сидели гости, лениво потягивая пиво или что-то покрепче. Зал был занят полностью. Молоденькая дочь смотрителя пригласила продрогших в пути путешественников в отдельную горенку, так называемый банкетный зал. Он был совершенно пуст.

– Мальчики! Сюда в 18 часов приедет отдыхать тесная компания. Зал заказан. Но пока вы можете отдыхать здесь. Одни. Что будете заказывать?

– Две бутылки русской водки и все меню. В двух комплектах.

– Записываю.

Зал располагал снять патронташи, ягдташи и поставить двустволки в угол. На стенах висели медвежьи шкуры, головы лосей, диких кабанов. Тусклый свет, пробивавшийся через маленькие оконца под потолком, создавал уютный полумрак. Было прохладно. Длинные деревянные столы без скатертей, скамьи в том же исполнении. Отлично! Хорошо! Замечательно! Превосходно! Культурная программа забыта напрочь. Брошена на алтарь таежного сервиса.

Стол постепенно начал заполняться. Вот это да! Медвежатина, кролики, рябчики, мясо изюбря, дикого кабана… И все в двойном размере. Красиво. Питательно. Вкусно.

Водка разогрела аппетит, рябчики подняли настроение. Ладушки! После двух часов застолья захотелось петь песни. О

ямщике. Волге-матушке или почтовой тройке.

– Знаешь, Вова (так звали Черемисинова)! Давай споем нашу флотскую.

– После нашего исполнения гости могут потребовать удовлетворения. На кулаках.

– А, рискнем! Мы же здесь в зале одни. И тихо.

– Давай. Автономку.

Автономке конец. Экипажу домой.
Нежно лодку глубины качают.
Спит девятый отсек, спит девятый жилой,
Только вахтенный глаз не смыкает.
Что он думал тогда? Может, мать вспоминал,
Может, вспомнил он очи любимой?..
Только запах чужой все мечты оборвал...
Что такое, несет вроде дымом?
Доложить? Чепуха! Не уйдет никуда.
И в центральном ведь люди, не боги.
Поздно. Пламя ревет. Не успел...
Душу рвет перезвон аварийной тревоги.
Кто на вахте стоял, кто мечтал или спал –
По постам боевым разбежались.
А в девятом кто спал и услышал сигнал, –
За себя и за лодку сражались.
Бьет струя ВПИ.
Но огонь не хотел...
Тщетно ищут спасенья в девятом.
Сквозь удары оттуда прорывается крик:
“ Что вы делаете, сволочи, гады?"
Отзывается сердце на каждый удар,
Рядом гибнут свои же ребята.
И открыть бы, да нет! Смерть войдет и сюда.
И седеют от крика в десятом.
Тишина. Нет страшнее такой тишины!
Вы снимите пилотки, живые.
Двадцать восемь парней без вины, без войны
Жизнь отдали, чтоб жили другие.
Встаньте все, кто сейчас веселится и пьет!
Поднимайтесь!.. И выпейте стоя!
Наш подводный, ракетный, наш атомный флот
Отдает честь погибшим героям.

Тяжелая песня, трагичная. Но из жизни.

Домой возвращались пешком. Двадцать пять километров – и

никакого попутного транспорта. Но идти нужно. На корабле ждут товарищи, служба. Старший помощник. На трап вступили в 5-30. Усталые, но неудовлетворенные. В 8.00 нужно было стоять на подъеме флага.

Глава 13
БОЕВАЯ УЧЕБА

Кораблю предстояло готовиться к учению. Под флагом Главкома. Командир корабля собрал офицеров на совещание. В ожидании прибытия командира офицеры оживленно переговаривались, обсуждая события прошедшего выходного дня. Последним в кают-компанию влетел запыхавшийся военный дирижер. Заместитель, на правах старшего, обратился к нему.

– Михайлов! Коль вы пришли последним, идите и доложите командиру, что офицеры собраны.

– Есть!

Дирижер двинулся к выходу. Пропорции его фигуры не соответствовали ширине проходов между кресел. Кто-то ехидно заметил: “Ну и корма!” Все засмеялись. Михайлов резко обернулся и, зная склонность Железнякова к розыгрышам, уставился на него.

– Железняков, это вы сказали? – спросил заместитель грозно.

– Никак нет! Сказал это лейтенант Пузик. Заложил… лейтенант Железняков.

Гомерический хохот потряс кают-компанию. Михайлов выскочил за дверь. Вошел командир. Команда “Товарищи офицеры” мгновенно оборвала все шутки и смех.

– Товарищи, – начал командир, – только что получена телеграмма командующего флотом, в которой нам предлагается “к сроку подготовить корабль к артиллерийский стрельбам на приз ГК ВМФ”. Кроме этого на нас ложится большая ответственность в подготовке корабля, как флагмана, на учениях “Океан”. У нас будет на борту Главком или его заместители. Сложность обеспечения такого ранга начальников известна каждому. Каждый из нас – независимо от занимаемых должностей – должен выполнить свою задачу: сделать все возможное для того, чтобы приз ГК остался на корабле. (Справка. Ежегодно в соревновании на приз ГК участвуют все корабли всех флотов. Победителю в течение года дается почетное право хранить приз на борту, вызывая зависть проигравших. Через год приз может быть взят другим удачливым и подготовленным экипажем.) Ставлю задачу…

Каждому был взвален на хребет свой мешок пряников.

Начальник медицинской службы собрал своих офицеров на инструктаж.

– Товарищи! Только что получена телеграмма… – слово в

слово повторил он речь командира, захлебываясь от восторга, надуваясь от ответственности, собственной значимости и страха. – Ах, ах! Главком… Ах, ах – ничего нет… Ах, ах… Никогда я не сумею… Ах, ах… Ленинград… Ах, ах…. Хорошие лекарства. Ах, ах… Под главкома…

Утром, вооружившись заявкой на самые дефицитные препараты, я двигался в сторону медицинского отдела флота. Дон Кихот храбро устремился на ветряную мельницу медицинской снабжённческой конторы. В кильватере следовал Санчо Панса – матрос Кобец. Сергей Петрович. За неимением Россинанта и ишака, двигались пешком.

Вопросы снабжения всех видов строек, совхозов, заводов, домохозяек, начальников, пароходств, школ, детских садов, ресторанов и директоров этих ресторанов довольно широко и точно освещаются на страницах журналов “Крокодил”, “Вожик”, “Перец” и других. Так что товарищ читатель знает их не понаслышке. Медицинское снабжение кораблей в широкой печати не освещено. Однако, оно достойно внимания… народа.

Лейтенант, приходящий на корабль после окончания вуза, первым делом начинает познавать азы сложнейшей науки – снабжения. При приеме дел у своего предшественника, ему становится ясно, что дело снабжения на корабле отлажено до последнего винтика: налицо отчет-заявки, книги учета расходных и инвентарных ценностей, в папку подшиты накладные, ведомости, инспекторские свидетельства. Все цифири “бьют” один к одному. Получение и списание, учет и расходование – все в ажуре. Счастливый карась пишет рапорт на имя командира о приеме дел и обязанностей. Оптимист, спокойно засыпающий на пороховой бочке. Пробуждение наступает внезапно и бывает не столь уж приятным, так как сон прерывается пренеприятнейшим известием: “К нам едет ревизор”. Результаты ревизии, первой ревизии в жизни флотского эскулапа, ошеломляют своей неожиданностью: в хорошо отлаженном бумажном хаосе появляются бреши в виде недостающих инвентарных предметов. Попавший впросак, доктор в течение полугода будет исполнять по совместительству обязанности известного джентльмена с Бейкер-стрит, пытаясь понять механику своего собственного провала и тщетно тужась отловить виновника, дерзнувшего убыть к новому месту службы, не уплатив долг и поправ все нормы врачебной деонтологии (этики). Это первый шаг к совершенствованию, повышению профессионального мастерства, освоению смежной специальности. Первая ячейка в неводе, готовящемся для отлова простачков, идущих на смену.

Так ему, сукину сыну!
Пусть выбирается сам.
(В. Высоцкий)

Постепенно приближается пора отчетов в использовании казенного имущества на лечение казенных душ за прошедший год и истребование.такового на год грядущий. Из песни слова не выкинешь, как не выкинешь за борт те три тома отчет-заявок, которые, отработав по ночам с великим тщанием, лейтенант должен представить в “довольствующий орган”. Это непросто. И никогда с первой попытки сделать не удается. Флагманский врач, проверив правильность отработки отчета, возвращает его исполнителю, одновременно читая лекцию по ихтиологии. Что-то из жизни карасей. Устранив замечания флагмана (а их количество требует переписать все три тома отчета заново), щедринский герой, с облегчением вздохнув, тащит трехтомник в орган снабжения. Бухгалтер отдела от лекций воздерживается, однако категорически требует свою долю внимания флотского страдальца. Три тома переписываются вновь. И вот (наконец-то!) графа “назначена к отпуску” в трехтомнике заполнена рукой старшего снабженческого начальника. Трехтомник убывает на склад. Рубикон перейден! Ура! Ан, нет! Дата получения материальных ценностей, назначенная корабелу на складе, обязательно совпадет с выходом корабля в море, что абсолютно безразлично работникам склада. Затратив массу красноречия, изворотливости и энергии, мученик все же сумел убедить ответственных лиц в том, что срок получения имущества все же необходимо изменить. Снабженцы с видом благодетеля-помещика, отпускающего на волю своего крепостного, соглашаются с доводами Плюшкина от плавсостава.

Утром, заготовив необходимые на складе бумаги, лейтенант, прихватив с собой трех-четырех матросов, торжественно отправляется в путь. За ценностями. Он спокоен и уверен в дне завтрашнем. Выйдя из автобуса на указанной коллегами остановке, в течение часа ищет склад, глубоко спрятанный в дальневосточных живописных сопках, застроенных домиками первых переселенцев. Никто из прохожих не знает военной тайны военных сараев с военными таблетками. Наконец, все же интуиция победила, и единственная разбитая, залитая водой и грязью дорога, приводит к цели. Уф-ф!

В течение дня получатель, претерпевая нетерпеливо-вежливые реплики работников склада, убеждается в своей собственной бестолковости, так как не захватил с собой тару,

нужную бумагу да и автомобиль-грузовик. Согласно высочайшему повелению, склад обязан доставить имущество на корабль транспортом склада. Это мудро, так как на кораблях автомобили не водятся. Хотя в действительности это чаще всего невозможно, потому, что автомобили на складах или вывозят со станций контейнеры, или стоят бездыханные. В данной ситуации выручает часть выданного на врачевание спирта. Попутный грузовик и желание его водителя хорошо отдохнуть после трудового дня поздно вечером доставляют медикаменты и измученного эскулапа к трапу корабля. Впереди – загрузка, организация хранения и учет бесценных – по количеству вложенных в них нервов – материальных ценностей.

Вопросы снабжения своей громоздкостью отнимают у корабельных докторов массу времени, могущего быть потраченным на “повышение профессионального уровня”.

На улицах военных не было. Дон Кихот и Санчо Панса беспрепятственно двигались к цели. Утро было прекрасное, солнечное, настроение – великолепное. Прохожие доброжелательны. Встречные женщины – улыбчивы и красивы.

Визг тормозов комендантского газика вывел меня из состояния рассеянной созерцательности и с размаху шлепнул на асфальт военной действительности.

– Лейтенант, подойдите ко мне, – не совсем по-уставному обратился ко мне симпатичный капитан, высунувшись в приоткрытую дверцу автомобиля.

– Капитан Боязный. Помощник военного коменданта гарнизона.

– Лейтенант Иванов, – представился Дон Кихот.

Россинант, взбрыкнув тощим задом, ускакал вдаль.

– Ваши документы!

– Пожалуйста.

Капитан, даже не раскрыв удостоверения личности, ничего не объясняя, положил документы в карман. (

– За удостоверением прибудете в комендатуру в 16 часов. Идите.

Я, приученный решения принимать оперативно, поставил ногу под колесо автомобиля и, обратив на это внимание Боязного, спросил:

– Мне хотелось бы знать, за что у меня забрали документы? Это раз. Второе. Я иду по приказанию командира за получением материальных ценностей. Отсутствие удостоверения личности исключает возможность выполнения данного мне распоряжения. Третье. Без документа я не уйду.

– Ясно. Садитесь в машину. В комендатуре вам все объяснят.

Спорить о вкусах с комендантской службой желания не возникло. На флоте эта мысль сформулирована кратко: “Против лома нет приема ”.

Боязный, доставив меня и Кобеца в комендатуру, моментально испарился. Черномор улетел на добычу. За барьером, отгораживающим незадачливых посетителей от дежурных по комендатуре, сидел майор. Огромный живот его и тройной подбородок свидетельствовали о родстве с изображениями счастливого человека, продающегося на рынках Индии в виде статуэток.

– Товарищ майор! – обратился я к счастливчику, – прошу объяснить причину моего задержания.

Медленно повернувшись, глядя в пространство, привычный ко всему Слон равнодушно фыркнул на Моську:

– Вы должны знать, – прогнусавил он, – что приказ командующего запрещает находиться в городе в дни занятий по специальности до 14 часов.

– Но я не знаю этого приказа, да и в городе находился не по своей воле.

Все. Слон отключился. И если С.Я. Маршак утверждает, что “Только слон не хочет спать”, то он дает животному неполную характеристику: слон еще и говорить не хочет. С Моськой.

Однако, ядовитый нрав, милого песика не дремал.

– Товарищ майор, – обратился я, – разрешите вопрос!

– Ну!

– Вы случайно не можете мне ответить, почему в комендатуре портреты руководителей государства запылены и засижены мухами?

С резвостью мангусты Слон вскочил, ошалело уставившись на лейтенанта, чувствующего молчаливую поддержку задержанных по той же причине офицеров.

– Дежурный! – рявкнул майор, – отпустите эту борзотень! (Вот это эффект!)

– Но я же не имею права до 14 часов быть в городе!?

– Вы что, на гауптвахту захотели?

– Никак нет. (О вкусах не спорят.)

– В таком случае, марш на корабль!

– Есть.

Медикаменты были получены на следующий день.

Час пробил. На корабль прибыл адмирал флота, заместитель главнокомандующего Смирнов, начальник политического управления адмирал Гришанов, группа адмиралов и офицеров Главного штаба ВМФ и штаба флота. Командиры боевых частей на правах гостеприимных хозяев уступили свои каюты именитым

гостям. Корабельные коки заработали с утроенной энергией. На столах вместо камбалы в томатном соусе появилась ветчина, шпроты и сервелат. Гости устроены с возможным комфортом. Однако, на бытовые удобства внимания никто не обращал. Люди прибыли работать. На износ. Не считаясь со временем года, временем суток и часовыми поясами, забывая про сон и обеденные перерывы, о родных и близких. С момента объявления тревоги на корабле и до окончания учений люди будут работать. Крейсер, подняв флаг руководителя учений, отныне превращался в мозг, центр регуляции сложнейших механизмов флотского организма.

На огромных просторах Тихого океана начиналось грандиознейшее по объему морское сражение. Противник условный. Но методики оценки действий противостоящих друг другу условностей объективны и точны. Условностей быть не может. Они исключены.

Ночью, обязательно ночью, все рода сил флота одномоментно примут сигнал. Связисты, приняв и расшифровав его, доложат значение его командирам кораблей и частей. Командиры вынут из сейфов пакеты и, в присутствии посредников, взломают сургучные печати на них. Все! Воля и знания командира отныне подчинены только одному: как можно точнее и лучше выполнить указания, содержащиеся в лаконичных строках вытащенной из пакета вводной. Взревут, разрывая мирную тишину, тысячи колоколов громкого боя, срывая с постелей десятки тысяч людей. Люди, “всегда готовые выступить на защиту своей Родины – Союза Советских Социалистических Республик” (военная присяга), разбудят своей волей, призовут к жизни сотни тысяч механизмов и приборов. Миллионы сигнальных лампочек зажгутся в недрах электронных систем, помогая человеку точно выполнить одну-единственную команду: “Корабль к бою и походу подготовить!”

Подводные лодки, поглощая тысячи тонн воды, уйдут на глубину, чтобы оттуда в точное время и в точно заданном районе поразить точно заданные цели. И совершенно не имеет значения, где и какую цель приказано будет поразить. Из-под теплых вод Южно-Китайского моря ракета, выпустив облако дыма и пара, с грохотом и ревом улетит к заданной точке холодного Ледовитого океана.

Малые ракетные корабли, тральщики, сторожевые корабли, большие и малые противолодочные, ракетные, артиллерийские и тяжелые авианесущие крейсеры по точно заданным маршрутам, устремятся в точно заданные координатные точки океана.

Малые, средние и большие десантные корабли, поглотив в

свои чрева батальоны морской пехоты вместе со сложнейшими машинами, оружием и техникой устремятся к точно заданным участкам побережья. Десант. Стремительный и беспощадный.

Авиация, далеко оставив за собой звук собственных турбин, “отработает” точно заданные цели, проведет разведку, обнаружит лодки, надводные корабли, прикроет своих моряков с воздуха.

Суда обеспечения повезут в район боевых действий тысячи тонн мазута, дизельного топлива, воды, медикаментов и хлеба.

“Мозговой трест” на флагмане, постоянно анализируя мгновенно меняющуюся обстановку на ТВД (театре военных действий), выдаст “предложения в решение командира”.

Работа десятков тысяч людей, сотен тысяч механизмов будет сконцентрирована в единственном слове: “Приказываю”. Можно быть абсолютно уверенным в том, что никакой руководитель даже самого крупного министерства – никогда не принимает решения в столь сжатые сроки. Никогда ни одно его решение не включает в себя такое огромное количество составляющих. Привычный к монотонному жужжанию министерских кондиционеров, он никогда не смог бы сосредоточиться в условиях мгновенно и ежесекундно меняющейся обстановки морского сражения. Это все под силу только моряку. Военному моряку, имеющему огромный опыт, знания и железные нервы.

Крейсер “Дмитрий Пожарский” дремал. Ласковые волны Золотого Рога нежно прощались со своим любимцем. Полная светомаскировка оставила для гуляющих по набережной влюбленных только темный стройный силуэт на фоне озаренного огнями мыса Эгершельд. Порывы по-осеннему прохладного ветра сдували с мачт и надстроек усталость и несуществующую пыль. Рядом, стоящие у пирса боевые товарищи, нетерпеливо подрагивали кожей бортов, готовы по первому сигналу своего флагмана ринуться в бой. Тишина плотным слоем легла на живые организмы из брони и стали. Томительное ожидание сигнала вызывало раздражение и порождало бессонницу. Офицеры были на боевых постах, в тысячный раз проверяя электронные блоки, микросхемы, работу индикаторов и вахтенных дежурной смены.

В древнем Китае существовала страшнейшая пытка. Допрашиваемому выбривали до блеска голову, сажали его в кресло, исключая даже малейшую возможность изменить пространственное положение. Затем на голову – в одну и ту же точку – начинали падать капли воды. Шестьдесят капель в минуту. Под звук метронома. Сначала удары капель никаких болевых ощущений не вызывают. Постепенно легкое раздражение кожи сменяется болью. Капли продолжают падать. Неумолимо. Боль захватывает все большие участки кожи, проникает в череп,

захватывает мозг. Постепенно разливается по всему телу. Идет процесс накопления раздражений, суммирование их, когда каждый последующий удар капли воды воспринимается организмом, как удар тяжелой кувалды. Наступает мучительная смерть.

Так же действует и ожидание предстоящего боя. От смерти человека спасает здесь только внезапно взорвавшая тишину команда к действию.

Наконец, в два часа ночи, зазвучал сигнал горна, разлилась по напряженным нервам благостная трель колоколов громкого боя.

“Боевая тревога! Корабль экстренно к бою и походу приготовить!”

Через полчаса запоздавшие влюбленные наблюдали, как один за другим снимались с якорей и уходили в море корабли. Уходили, оставляя в душах остающихся лишь прощальных грохот выбираемых якорь-цепей. Цивильный народ, штафирки, случайно наблюдая одновременную съемку многих кораблей, начинает тревожно вспоминать последние известия и передачу “Время”, пытаясь путем анализа международных событии, угадать причину внезапного движения, оставляющего город беззащитным. Это особенность всех приморских городов: вид вымпелов на рейде и в бухтах рождает у населения чувство безопасности и спокойствия. Выход кораблей в море оставляет души горожан голыми, делает их уязвимыми, заставляет тревожно биться сердца. Поэтому чаще всего корабли покидают город в предрассветных сумерках. В этом они проявляют деликатность и такт сильного, оберегая покой слабых. Корабль со времен седой древности был и во веки веков останется самым благородным существом Вселенной. Людям нужно учиться благородству у кораблей. Многому, очень многому нужно учиться людям.

Заместитель главкома наблюдал, как работает командир крейсера. Наблюдал молча, не вмешиваясь. Восхищаясь мастерством и спокойствием, четкостью, глазомером, реакцией, грамотностью и быстротой принимаемых решений.

Читатель, управляющий автомобилем, знает, насколько сложно бывает правильно оценить дорожную ситуацию, принять правильное решение и исполнить его, насколько трудно погасить инерцию автомобиля весом в одну несчастную тонну! Или изменить на скорости траекторию его движения. Сложно, а порой бывает и невозможно.

Представьте себя сидящим за рулем сразу 20 тысяч автомобилей. Разгоните их до 70 километров в час и попытайтесь остановить на самом сухом и качественном дорожном покрытии.

Каков будет тормозной путь? Вы, нажимая на все тормоза сразу, доедете от Владивостока до Находки. А если эти двадцать тысяч тонн движутся со скоростью 28-30 узлов не по асфальту, а по жидкой воде? Каков должен быть тормозной путь? Как правильно рассчитать скорость, соизмерить ее с имеемым по курсу пространством и не выскочить на мель? Когда и в какой момент дать команду рулям, чтобы правильно рассчитав радиус циркуляции при имеемой скорости, обогнуть коварный мысок? В какой ситуации скомандовать “малый”, “самый малый”, “стоп”, “полный назад”, чтобы тысячи тонн металла не сокрушили внезапно пересекающую курс бездумно-кокетливую яхту?

Это все должен уметь командир. И Сергеев владел этим искусством в совершенстве. Пройдя все ступени от младшего штурмана эсминца до командира крейсера, набив себе шишек в должностях старшего помощника малых, средних и больших кораблей, набирая по крупицам драгоценный опыт командира кораблей различных рангов, теперь, соединив воедино шишки и опыт прошедших походов, он священнодействовал на ГКП (главный командный пункт). Любое его решение, переданное на боевые посты посредством внутреней корабельной связи или с помощью машинного телеграфа, выполнялось мгновенно и беспрекословно. Это свидетельствовало о единодушии и сплоченности экипажа, высоком мастерстве всех категорий личного состава. Каждый знал свой маневр, передавая свои знания приборам и механизмам. Крейсер, капризно требовавший на базе удовлетворения у своих нянек-моряков до полного изнеможения, сейчас послушно повиновался любой команде, словно демонстрируя, что и капризное дитя может быть иногда ласковым и покорным.

Далеко за кормой остался Владивосток. Линия горизонта сливалась с небом. Крейсер, оставляя пенный след, могуче разрезая свинцовые волны, двигался вперед. Справа и слева (на траверзах правого и левого борта), по корме и по носу двигались корабли охранения, оберегая флагман от самых невероятных неожиданностей: внезапно могла налететь авиация противника – посты воздушной обстановки обшаривали лучами локаторов небо. Из глубины флагман в любой момент мог быть атакован подводной лодкой. Гидроакустики напряженно вслушивались в хаос звуков болтливого подводного мира, обязанные и способные выявить в нем характерные шумы винтов подводного пирата. Совершенно неожиданно корабли могли встретить отряд своих же собратьев, ставших на время учений врагами. Для того, чтобы неожиданностей не происходило, посты надводной обстановки обшаривали акваторию на сотни миль вокруг щупальцами

радиолокационных сигналов.

Медленно, со скоростью экономичного хода, корабли шли к месту дуэли. Дипломатические уловки секундантов, пытающихся предотвратить кровавую стычку, безрезультатны. Сражение неминуемо, как судьба.

В район учений прибыли только к вечеру следующих суток. Однако информация, поступающая на флагман в виде коротких радиодонесений, рисовала гигантскую картину боев, идущих между передовыми отрядами различных родов сил флота.

– Цель воздушная... Групповая... Курсом на корабль... Пеленг... Дистанция... – разорвал напряженное ожидание доклад оператора РЛС.

Потенциальная энергия тысячи человек и механизмов начала подготовку к тому, чтобы превратиться в кинетическую энергию снарядов, полетящих через считанные минуты навстречу несущим смерть целям.

– Ракетопоиск...

– Командиру БЧ-2 принять целеуказание!..

– Цель сопровождаю...

Равнодушные хоботы орудий, послушные только автоматике стрельбовых станций, медленно поворачивают свои холодные жерла навстречу опасности. Лязгая челюстями, элеваторы поднимают тяжелые снаряды из недр сумрачных погребов. Коротко звякнув, орудийные замки намертво запирают в каналах ощетинившуюся мощь зарядов, готовых, воспламенившись, выплюнуть металл по точно установленной траектории.

– Залп!

Темп стрельбы нужно выдержать с точностью до долей секунд. Пропусков на орудиях быть не должно. Иначе – грош цена тем сотням литров пота, пролитых тысячами военморов на упорных ежедневных тренировках и учениях.

После тяжелых, глухих ударов главного калибра резкие оглушающие хлопки орудий калибром поменьше, звонкий отрывистый лай зенитных автоматов, шуршание очередей автоматических установок. Стена огня встает на пути идущих на верную смерть ракет-мишеней. Подводную лодку можно атаковать глубинными бомбами и торпедами. Авиацию – артиллерией или ракетами. Надводные корабли – всеми видами оружия сразу. Они наиболее уязвимы, поэтому должны уметь защищаться и от торпед, и от бомб, и от ракет, и от артиллерии. А это дается только тяжелейшим трудом и кровью военных моряков. Да будет благословенным и высокооплачиваемым их каторжный труд на благо защиты мирной тишины Земли.

Учения закончены. Покрытые соленым потом корабли,

возвращались на родную базу. Офицеры, получив поощрения тем, что не были наказаны, притупили к своему повседневному, расписанному по минутам труду: подъем, зарядка, завтрак, приборка малая, подъем флага, осмотр и проверка оружия и техники, занятия, приборка, обед, адмиральский час, построение, тренировка, учение, приборка, ужин, тренировки на боевых постах, вечерний час, проветривание палуб, личное время, отбой – личное время, украденное у сна. Редко – сход на берег. Еще реже – выходной. И снова по заколдованному кругу.

Глава 14
СТАРПОМ

Старший помощник командира Анатолий Антонович Самофал прибыл на крейсер на неделю позже меня. На смену ушедшему. Среднего роста, коренастый, улыбчивый, тонкий ценитель флотского юмора, дипломат с начальством и женщинами. Энергия в нем била через край. Этому способствовало звание мастера спорта по боксу и предшествующая служба на эскадренных миноносцах, которая, как известно на флоте, здорово закаляет. Знания и опыт, желание внести живую струю в традиционные формы флотского соперничества, сразу же обратили на себя внимание офицерского коллектива, почувствовавшего удила железной требовательности.

Понятие требовательности включает в себя единственное: добиться того, чтобы подчиненные выполняли свои обязанности по занимаемой должности, качественно и с высочайшей профессиональной компетенцией. Однако же, форм этой требовательности существует столько же, сколько существует начальников. Анатолий Антонович умел сочетать в себе внимание к мнению специалиста, даже если тот был в звании матроса, стремление выделить главное в решаемой проблеме из массы второстепенных деталей и ясность формулировок приказаний, отдаваемых на основе анализа обстановки.

Разносы в практике его работы были редки. Чаще – язвительная шутка, которая иногда была горше любого разноса для провинившегося.

Первая моя встреча со старшим помощником произошла в буфетной офицерской кают-компании, где “док” пытался ласково воспитывать в сознании нерадивых вестовых радение к службе.

– Лейтенант! Ты что здесь бушуешь? – спросил старпом, заглянув в буфетную.

– А вы на моем месте как поступили бы в подобной ситуации? – с вызовом спросил “док” у незнакомого капитана третьего ранга, указывая на гору грязной посуды и ветоши.

– Я бы взял ремень и высек непослушное дите по казенному месту.

Было непонятно, к кому относится рекомендуемая экзекуция – к матросам или ко мне.

Лейтенант был озадачен, однако желание внести ясность в ситуацию победило.

– Заместитель (по-флотски, зам) подобную меру воспитания

считает не лучшей.

– Смею вас заверить, он наиболее действенна. Свое несогласие с данной формой воспитания можете выразить мне, прибыв в каюту №5 через 15 минут.

Капитан третьего ранга удалился. Каюта № 5 – каюта старшего помощника. Вот теперь я был еще и ошарашен. Избежавшие наказания вестовые многозначительно переглянулись.

Через 15 минут, морально настроившись на экзекуцию, я постучал в каюту старпома. Там уже сидели помощник по снабжению товарищ капитан третьего ранга Крепкий и помощник командира по строевой, отвечающий за общий порядок на корабле, капитан-лейтенант Духович.

– Товарищи офицеры, – начал старпом. – Я пригласил вас для того, чтобы поставить в известность о следующем. Наш юный друг в запале красноречия (он указал на меня) выразил в адрес организации корабельной службы массу претензий. Справедливых, как я нахожу. Действительно, содержание объектов продпищеблока, общее содержание корабля недопустимо безобразное. Посему: если мне еще раз придется услышать врачебный монолог подобного содержания, я вынужден буду “власть употребить”. Даю вам на наведение порядка сутки. Вы, лейтенант, проверите качество работы по всем не удовлетворяющим вас на сей момент объектам и доложите мне. Медицину на флоте надо уважать. Все, товарищи офицеры, идите. Вы, док, задержитесь на минутку.

Помощники, принявшие скипидарный компресс, удалились, чтобы передать свое неудовольствие, вернее, неудовольствие старшего помощника подчиненным офицерам и мичманам, которые, в свою очередь, будут счастливы передать его дальше.

Я напряженно ждал.

– Садитесь. Я хочу просить вас изложить мне свою теорию воспитания личного состава. Ваша ссылка на заместителя по вопросам применения ремня меня заинтересовала.

– Видите ли, товарищ капитан третьего ранга, в детстве ремень был довольно часто моим учителем, поэтому я и сказал, что “зам” считает его применение нецелесообразным. Но это не значит, что так считаю я. Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Я не имею в виду ремень, как таковой. Это было бы довольно примитивно. Но все же применение мер только морального воздействия я, как врач, стоящий на материалистических позициях и довольно хорошо знакомый с учениями Павлова и Сеченова о высшей нервной деятельности, считаю явно недостаточным.

– Поясните свою мысль.

– Мы обязаны вырабатывать у личного состава автоматизм действий. Автоматизм – есть не что иное, как сумма условных рефлексов, закодированная в коре головного мозга и находящая свой выход посредством определенных движений при выполнении той или иной операции – во время тренировки или при ведении боя. Попытки выработать этот автоматизм только путем осознания матросом его необходимости, мне представляется проблематичной. Низкая сознательность, о которой мы говорим, обычная человеческая лень, укоренившаяся в мировоззрении определенной части приходящей к нам молодежи, не может быть сломана только посредством выговора или обсуждения на комсомольском собрании. Подобные меры часто разбиваются о безразличие наказуемого, его цинизм при оценке таких понятий, как долг, честь, любовь к Отечеству, требования присяги.

Примеров тому великое множество. В подобной ситуации в действие должен вступить закон, советский закон. Гуманный. Боязнь наказания в виде, например, принудительных работ или лишения свободы, было бы значительным и наиболее сильным фактором воспитания сознания нерадивого. А это, в свою очередь, стимулировало бы его к овладению требующимися от объекта воспитательного воздействия операций – вплоть до автоматического их закрепления в виде условных рефлексов.

В настоящее время командир отделения, имеющий право объявить выговор, практически лишен реальной власти. То же и старшина команды. Он не имеет права объявить матросу даже наряд на работы. Уставом это отменено. Вырвав из рук младшего командного звена ремень реальной юридической власти, возможности применения к рядовому составу мер принудительного характера, мы практически обезоружили старшин и, тем самым, лишились их. Звено младшего командного состава, обязанное нести основную нагрузку в деле обучения и воспитания матросов, выпало. И эту пустоту заполнить нечем, разве что взвалив обязанности старшины на лейтенанта. Лейтенант же не в состоянии выполнять качественно сразу две функции – функцию старшины и свою собственную. Равновесие в равенстве мер убеждения и принуждения у нас сдвинуто. В сторону убеждения. К чему это приводит – наглядно демонстрирует пример двух неудавшихся военных врачей. Оба свалились в пропасть. Я имею в виду Петрова и “Профессора”. Если бы к Петрову вовремя был применен закон, он не смог бы, по крайней мере, утащить за собой напарника.

Масса тщетных попыток воспитать человека закончилась

провалом. Я согласен с тем, что подавляющее большинство молодых людей обретают на флоте твердую платформу убеждений, принципов, идеалов. Однако значительное количество так называемых “грубых поступков”, не получающих должного сурового наказания, подрывает веру в жесткость и правоту советского закона. Это порождает в человеке чувство безнаказанности и вседозволенности. Поэтому часто мы видим пререкания матросов с офицером, не говоря уже о старшине и мичмане, имеем факты избиения младших старшими, так называемую “годковщину”, случаи невыполнения своих обязанностей, нарушения распорядка дня и даже умышленной поломки техники.

Все эти негативные моменты фиксируются в тысячах бумаг, по ним пишутся миллионы приказаний и телеграмм, проводятся конференции и совещания, комсомольские и партийные собрания. Итогом этой вселенской говорильни всегда бывает наказание офицера, “не сумевшего обеспечить...” В результате же взысканий, получаемых офицером за личную недисциплинированность его подчиненного, совершеннолетнего, заметьте, задерживается продвижение офицера по службе, присвоение ему очередных воинских званий. Парадоксально, но страдает реально тот, чья вина состоит в том, что он за месяц или полгода не сумел исправить огрехи в воспитании нарушителя, длившиеся 18 и более лет. А сам нарушитель? Не починившись, например, приказанию старшины, он не несет абсолютно никакой ответственности, в то же время совершая воинское преступление. И командир подразделения, должный “принять все меры вплоть до применения оружия” для наведения воинского порядка, вынужден скрывать проступок подчиненного, дабы не быть возведенным на плаху самому. Офицер становится соучастником преступления. Я сожалею о том, что у нас нет на крейсере морской милиции, пользующейся правом при необходимости наводить порядок силой. Вооруженные силы и государство в конечном счете от этого только бы выиграли. На корабле я совсем немного. И, возможно, кое-что в своих взглядах мне придется изменить, но... я пока сомневаюсь в этом.

– Да-а... – задумчиво произнес старпом. Во многом вы правы. По крайнем мере, кое в чем. Объективные оценки существующего положения вещей не всегда находят поддержку... Устоять на позициях... бывает трудно. Иногда – невозможно. Я боюсь, что вы еще набьете много шишек... если вас не сломает система. Но, желая вам успеха, я понимаю вас. Идите.

Несмотря на то, что сумбурная теория моя не нашла полной поддержки о стороны имеющего большой опыт службы офицера,

но она и не вызвала возражений. Довольно странно. Или нет? Что-то в этом есть?! Попытаемся вернуться к ней позже. Через годы.

Служба шла своим чередом. По заведенному кругу. Я уверенно завоевывал свои позиции во флотской системе расстановки кадров, основным принципом которой является: “каждый на своем месте”. По результатам проверки медицинской службы крейсера “по итогам летнего периода обучения” она заняла второе место в объединении, поднявшись с последнего места на флоте. Божков повеселел, приобрел уверенность в подчиненных и в себе. Его “Ах, ах!” раздавалось чаще и в мажорном звучании:

– Ах, ах, Иванов… Вы будете назначены на мое место. Ах! Вы – моя смена. Ах! Преемственность! Ах! Ленинград! Ах! Теща… Ах! Грамота! Ах! Мы сумели. Ах! Добились. Ах! Мудрое руководство…

Флагманский врач эскадры, заметив резкое улучшение дел в медицинской службе корабля, верно оценив потенциальные возможности лейтенанта, трудолюбие его и умение добиваться поставленной цели, однажды предложил мне:

– Как вы смотрите на то, чтобы с 1 декабря пойти на учебу в интернатуру? Получив там удостоверение хирурга, вы сможете ходить в длительные автономные походы. Крейсер через год встанет в ремонт. Стоять в заводе для любого моряка всегда муторно. Нет простора деятельности. Вы согласны со мной?

– Да. Походы всегда были моей мечтой. Но ведь Божков и командование корабля надеются на то, что в недалекой перспективе я сменю своего начальника. То, что вы предлагаете, может вызвать негативную оценку моих товарищей, с которыми я уже сработался. Мне не хотелось бы выглядеть в их глазах выскочкой, для которого служебный рост выше товарищеского расположения.

– Вы молоды и неопытны, лейтенант. Запомните на всю дальнейшую службу: служебный рост офицера всегда найдет понимание товарищей. Если офицер не мечтает о карьере – он уже не офицер. Еще А.В. Суворов говорил: “Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом”.

– Понял. Но все же, разрешите мне подумать?

– Думайте сколько угодно… До приказа о зачислении на учебу. Решение мной уже принято.

– Для чего же вы тогда спрашивали мое мнение? – обиженно спросил я.

– По инструкции положено. Сам когда-нибудь будешь делать так же. Командиру я уже сообщил об этом. Он согласен. Хороший у тебя командир.

– В этом я уже успел не раз убедиться сам.

– Все. Разговор окончен. Давай, служи. Но нос не задирай.

XXX

Новость, которую я принес на броневую палубу, здесь таковой уже не была. Флотский телеграф ОБС (одна интеллигентная и осведомленная женщина сказала) уже донес ее до лейтенантской братии. В последнюю очередь новости доходят до виновника их рождения. Броневой народ постановил: это событие надо отметить. Раскошеливается, естественно, виновник. Постановление большинства надо уважать, несмотря на постоянный финансовый кризис. Иначе – удачи не видать.

Корабль стоял у мыса Голдобин. Лагом. На заправке. Была суббота – самый любимый на флоте день. Команда занималась самообслуживанием. Через полчаса я, засунув в карман 30 рублей, ссуженных мне местным финансовым воротилой холостяком Магдичем (по статье “жена и дети” у него расходов пока не предвиделось), чувствовал себя Рокфеллером. Список приглашенных, составленный по принципу добровольного участия минус дежурная смена, составлен был в мгновение ока. Дело оставалось за малым: нужен был катер, чтобы доставить повес на шумные улицы города. Но катер лейтенантам по штату положен не был. Приходилось идти на поклон к старшему помощнику. Однако, учитывая то, что подобные просьбы на флоте благосклонностью начальников не пользуются, охотников идти к старпому не находилось. Тогда в действие вступил жребий. Морской. Суть его сводится к понятной истине: “Бросили “на морского” и… “молодой” побежал”. Самым “молодым” был я. (Возраст исчисляется с момента прибытия на корабль). Мне выпала честь.

Старпом, окутанный облаком пара и весь покрытый хлопьями пены, стоял в душе и ждал, когда же наконец брызнет вода. (Не лучший момент для обращения с просьбами.) Однако я, просунув голову в дверь, решительно (от безысходности), спросил:

– Анатолий Антонович! Разрешите вопрос?

– Ну, что там стряслось?

– Мне нужен катер.

Глаза старпома, округлившись, вынуждены были закрыться, мыльная пена сделала свое подлое дело. Но старпом все же не успел дать мне совет следовать своим путем: тугая струя воды, ударив сверху, разрядила обстановку. Смыв мыло с головы, старпом подобрел:

– Скажи спасибо трюмным, лейтенант. А катер-то зачем?

Малейшая ложь даже из разряда “святой” могла обернуться отказом. Я решился:

– Лейтенанты в кабак желают сходить, товарищ капитан третьего ранга.

О чем подумал старпом в этот момент, осталось тайной. Но... разрешил.

– Скажите дежурному офицеру, что я разрешил взять катер. Путь отвезет. Но пиво мне ты все же привези. После бани полезно.

– Спасибо, есть!

Я исчез, не давая старшему помощнику возможности передумать.

Через несколько минут компания уже отчалила от борта крейсера, провожаемая завистливыми взглядами остающихся на корабле лейтенантов.

Когда мощный катер, оставляя пенистый бурун за кормой, мчится по мутным водам Золотого Рога и затем, описав эффектную дугу, на виду у гуляющей публики аккуратно швартуется к пирсу, каждый лейтенант чувствует себя каперангом.

Друзья степенно сошли на берег. Короткое совещание. Решение принято. Курс – ресторан “Волна”. Это на морском вокзале. Основная его достопримечательность – варьете, собирающее публику и дающее доход предприятию общественного питания. Качество программы значения не имеет. Резко очерченные помадой рты, штатные улыбки, обнаженные стройные бедра танцовщиц, музыка, сопровождаемая цветовой гаммой, бутылка коньяка и гребешки под майонезом всегда гарантируют успех концерту. Моцарт бы здесь не прошел. Разве что для нерассчитавших дозу незадачливых посетителей.

Несмотря на толпу желающих попасть в зал, лейтенантам столик нашелся, так как никогда не бывает у них проблем с оплатой предъявленных векселей, даже если приходится оставить в залог часы или другие ценные вещи. Об этом всегда помнят официанты. (Вот вам и столик.)

Вечер прошел по четко спланированному сценарию всех вечеров всех ресторанов Владивостока. Компания офицеров, захмелев, порезвившись на танцевальном пятачке и отказавшись от навязчивых услуг предлагавших себя пассий (ночь – полтинник, четвертной или бутылка водки), двинулась к вокзалу “на такси”. С пивом во Владивостоке была напряженка. Для старшего помощника была запасена бутылка шампанского. Коллективная мысль утвердила меня во мнении, что

“шампанским каши не испортишь”.

В первом часу ночи, поднявшись на борт крейсера по штормтрапу, компания отправилась на броневую палубу для продолжения банкета, а я, отпустивший тормоза, двинулся в каюту старпома (“карась” – больше нечего сказать).

Резкий стук в дверь выбросил старшего помощника, всегда готового к действию, из теплой постели.

– Товарищ капитан третьего ранга! Лейтенанты прибыли на крейсер без замечаний. Пива не было. Я привез шампанское,

Сраженный наповал бесцеремонностью лейтенанта, старпом хватал воздух широко открытым ртом.

– За… заберите немедленно! Поговорим с вами завтра. Убирайтесь отсюда.

Однако, закусив удила, лейтенант сдаваться был не намерен.

– Я, между прочим, могу и обидеться!

Несокрушимый довод и переполненная истинным убеждением угроза, бросила старпома в кресло. Строгий уставной вид лейтенанта вызвал приступ неудержимого хохота, а смех, как известно, делает человека добрее.

– Завтра я вам все объясню, лейтенант. А сегодня приказываю отправляться в каюту и ложиться спать. Идите.

– Есть!

Утром я проснулся не в лучшем расположении духа. На душе мертвым грузом лежало вчерашнее приключение. Домоклов меч старпомовской расправы рождал сомнение в правоте часто посещавших буйную лейтенантскую голову идей. Купеческий шик с шампанским мог вылезти боком. Предположение не замедлило заявить о себе голосом рассыльного:

– Товарищ лейтенант. Вас вызывает старпом.

– Хорошо.

Хорошего ничего ждать не приходилось, но и ничего не оставалось делать, кроме как идти по вызову.

Бодрым голосом (хорошая мина при плохой игре) я доложил о своем прибытии. Старпом сидел в кресле с видом верховного жреца от инквизиции.

– Доктор, вы взяточник, – заявил он категорично. Однако, знание его юридических категорий давали возможность мне смягчить удар, чем я с завидной оперативностью и воспользовался.

– Никак нет! Взяточник вы, а я – взяткодатель.

Отлично. В яблочко. Старпом сам загнал себя в угол. Оценив сообразительность и быстроту реакции лейтенанта, несостоявшийся инквизитор искренне расхохотался.

– Молодец! Надо же! Взяткодатель. Вы заслуживаете

снисхождения в данном случае… Предлагаю партию в биллиард. Выиграешь – прощаю. Проиграешь – месяц без берега. Можешь меня не благодарить. (Да, Виктора Конецкого он читал.)

Прощение было заслужено катастрофическим поражением старшего помощника.

Подобные служебные новеллы на флоте пользуются великой популярностью, хотя, на первый взгляд, даже не стоят внимания. Они становятся достоянием флотской общественности, передаются из уст в уста, обрастая различными подробностями, так что в конечном итоге, возвращаясь к автору, предстают перед ним в совершенно неузнаваемом виде. Оказывается, что где-то какой-то командир какого-то лейтенанта отправил на гауптвахту. Но лейтенант, одурачив коменданта, на “губу” или, по-флотски, “кичу” не сел, так как убедил всю комендантскую службу в том, что без санкции прокурора арест не законен. В этом, как утверждают критики, анализируя народные сказки, “сказалось стремление угнетенного народа к торжеству над угнетателями”. А кто же, как не комендант совместно со старпомом, олицетворяет собой орудие угнетения всех лейтенантов всех флотов и всех кораблей?

Глава 15
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕЙТЕНАНТА

В конце ноября я получил телеграмму, уведомляющую меня о том, что такого-то числа, таким-то рейсом во Владивосток прилетает жена. Сразу же вставала масса проблем, так как до сих пор обещанное жилье предоставлено не было, в гостиницах номера были забиты командировочными, ставленниками крайкома, крайисполкома, управления торговли, знакомыми гостиничных администраторов и продавцами цветов из солнечных республик. Все мои попытки раздобыть номер разбивались о глухую стену человеческого равнодушия. Никакие живописания безвыходности создавшегося в семейной жизни положения, слезу у сидящих за стеклом “овчарок” вышибить не могли. Я был в отчаянии. Заместитель по политической части принял деятельно участие в разрешении создавшегося положения. Однако в финале бурной деятельности, десятков звонков по телефону и опроса общественного мнения, мне был выдан только всеобъемлющий совет:

– Не расстраивайтесь. Все образуется.

От него крыша над головой не появлялась.

Начальник медицинской службы, к которому я обратился, выдал вексель посущественней:

– Вот вам три дня на устройство личных дел. Больше не могу. Ах, ах. Подготовка к новому учебному году. Ах, ах. Я измучен. Ах. Попрошусь на побывку в Совгавань. Домой. Ах.

– Но если мне не удастся решить мои проблемы в три дня? Куда же я дену жену? На улице брошу? – еле сдерживаясь, чтобы не нагрубить начальнику, спокойно спросил подчиненный.

– Ах, ах! Не знаю ничего. Ах! Не мое дело! Ах, ах! Решайте свои проблемы сами. Ах, ах! Я устал. Трое суток. Ах, ах.

– Вот сволочь, – подумал я. А на собраниях еще как распинается, расписывая, какое участие принимает в судьбе и становлении молодых офицеров.

Я вышел из каюты, даже не спросив разрешения. Сам напечатал себе отпускной билет на трое суток и пошел к старшему помощнику, чтобы затвердить трехдневную свободу гербовой печью. Анатолий Антонович, разглядывая заполненный бланк, начал цепь логических рассуждений, обращаясь более к самому себе и предложив мне сесть.

– Так. Трое суток. Кто вам предоставил столь щедрый подарок? Божков?! За это время вы не сможете даже молодую

жену поцеловать! Гостиницы забиты. Это я знаю. Так. Знакомых в городе нет?! Военмор должен поселиться на улице. Непорядок!

Взяв трубку городского телефона, старпом набрал номер.

– Это гостиница “Владивосток”? Здравствуйте. А Мария Федоровна работает сегодня? Хорошо. Да мало ли кто? Любовник. Ха-ха-ха! Жду.

– Мария Федоровна? Здравствуйте. Мне нужна ваша помощь. Спасибо. Тут передо мной стоит лейтенант. Врач. Да! Может быть полезен. Да. Хороший человек. Так вот. К нему тут жена прилетает, а поцеловаться негде. Что? Ха-ха-ха! Ну, дней на десять. Пока квартиру найдет. Спасибо. К 18 часам? Хорошо.

Я слушал этот монолог и проникался к старшему помощнику чувством искренней благодарности.

– Значит так, док. Три дня тебе, естественно, мало. По себе знаю. Выпиши себе отпускной на десять суток. По семейным. Где будешь находиться, сообщи на корабль. Разговор слышал? К 18 часам иди в гостиницу. Там тебе помогут. Все. Мне некогда. Благодарностей не надо.

– Разрешите идти?

– Давай, действуй.

Ниночку я встретил в аэропорту. Исхудавшая, немного грустная, слегка настороженная. Второй раз за три месяца лететь на Дальний Восток не каждая девушка решиться. Однако подобная преданность, довольно редко встречающаяся в современных женщинах, давала определенные гарантии, немаловажные для семьи моряка, которая постоянно подвергается испытанию разлукой.

Я нежно обнял вмиг притихшую , съежившуюся, со слезами на глазах девчушку. Она показалась мне маленькой и беззащитной.

– Все хорошо сейчас. Мы едем в гостиницу. Поживем неделю, а затем найдем что-нибудь. Не пропадем!

В гостинице номер нашелся быстро. Люкс. Устроившись с максимально возможным в нашем положении комфортом, переживая очередной медовый месяц, ощущая полную независимость и самостоятельность, мы окунулись в праздник, который сами себе и устроили. Позавтракав в 12 часов в гостиничном ресторане, мы до вечера гуляли по Владивостоку, любуясь необычностью городского пейзажа. Уезжали электричкой в тайгу, стоявшую сейчас оголенной и притихшей. Попутно вели поиски возможных вариантов жилья. Неудачи не пугали. В крайнем случае, можно было воспользоваться гостеприимством друзей, немногие из которых имели здесь жилую площадь. Будущее представлялось безмятежным.

По вечерам танцевали в ресторане, в номере принимали гостей, недостатка в которых не было. Однако выделенные старпомом десять дней подходили к концу, а ничего конкретного по вопросу бытоустройства не подворачивалось, что не на шутку встревожило молодых людей. И вот наконец наступил последний день праздника. Назавтра крейсер властно требовал лейтенанта к исполнению присяги. Сидя в номере, мы обсуждали сложившееся положение.

– Значит так, Нинуля. Завтра утром я отвезу тебя в Разбойник. Там живет и работает наш друг Марсель. Не знаю, правда, какие у него апартаменты, но в крыше над головой он нам не откажет. С первого декабря я иду на учебу, следовательно, сидеть на корабле не придется, что дает нам время на обустройство быта. За полгода, я уверен, все встающие перед нами проблемы решить мы сумеем. Не расстраивайся. Все будет хорошо. (Сколько раз еще придется повторять эту, становящуюся пустой, фразу?)

– Хорошо. Я согласна. Что-нибудь мы обязательно придумаем.

На том и порешили. Удивительное единодушие.

В последний вечер мы ждали в гости Крачилова и Черемисинова. Заочно Нина уже была знакома с ними. Должно было состояться официальное представление. Однако представление не состоялось. Шедевры дальневосточной кухни с северным орнаментом изнывали на столе. Бутылка виски ждала своего часа. Но гости не приходили. Плановость подобных мероприятий всегда корректируется на флоте быстро меняющейся обстановкой. На правах супруги, Нина отправила своего покорного мужа за лимонадом. В ресторан. Каково же было мое удивление, когда за одним из столиков я увидел сидящего с товарищем старшего помощника. Извинившись, я пригласил обоих к себе в номер. Приглашение было принято.

Познакомившись с Ниночкой и проявив при этом массу галантности, Анатолий Антонович взял на себя роль мецената:

– Знаешь, Ниночка, я, как старпом, могу тебе сообщить, что мужик тебе попался ничего. Толковый. Однако, если ты не будешь держать его в руках, он может вильнуть налево, на что горазды все флотские. Уж ты мне поверь.

– Слушай, Нинуля, внимательно. Начальник своим опытом делится, – внешне совершенно невинно вставил я свою шпильку.

– Да, кусаться твой нареченный умеет. Однако, укусы его, как мне кажется, не ядовиты. Взнуздать его можно. Ты, Ниночка, мне понравилась! Поэтому я беру над вами шефство.

Хмель слегка кружил голову самозванного шефа. Шеф был

добр и щедр. Подарок хотелось выдать немедленно.

– Тебе, Петро, если я не ошибаюсь, послезавтра на службу, но, судя по тому, что вы до сих пор живете в гостинице, дела обстоят не лучшим образом. Даю тебе еще неделю. Рассчитаешься со временем. Борзыми щенками. А нам нужно уже идти. Спасибо, Ниночка, за угощение. А ты, Петро, обязан уложиться в предоставленные тебе семь дней. Больше не смогу дать. И так иду на нарушение существующего порядка.

– Я постараюсь. Спасибо, Анатолий Антонович. Я этого не забуду.

– Не духарись. Будь здоров.

XXX

Несмотря на предпринятые попытки, квартиру снять не удалось, а цена гостиничного номера начинала кусаться. Деньги, так непредусмотрительно щедро растраченные на увеселения, заканчивались. Новых же поступлений не предвиделось.

Глава 16
ИНТЕРНАТУРА МЕДИЦИНСКОГО СОСТАВА

Итак, впереди – учеба. Знания флотских эскулапов должны совершенствоваться постоянно. Они должны быть всегда готовы попасть в самый сложный медицинский переплет и выйти из него пусть “изрядно ощипанными, но непобежденными”. Для этих целей существует так называемая “интернатура медицинского состава” флота. Система преподавания в ней поставлена так, что не наделяя учащегося теорией, она дает юридические основания отправлять лейтенанта в отдельное плавание, целиком возлагая ответственность за жизнь экипажа на его хлипкие плечи. Плюс – определенное количество практических навыков по владению скальпелем, наделяющих корабельного врача наглой самоуверенностью, или – что звучит более удобоваримо – уверенностью в себе. И приходится признать, что в море, оставшись один на один с тяжелейшей патологией (хочешь – не хочешь, а приходится), зачастую только уверенность^ себе и не позволяет опустить руки, сдаться в борьбе за жизнь товарища. Флот не приемлет сомневающихся. Моряки только тогда верят в своего “дока”, если он даже заведомую глупость говорит твердо, с металлом в голосе, если даже в самой невероятной по сложности ситуации может безапелляционно заявить больному:

– Херня все это, шеф! По возвращении кабак – за тобой.

И эта магическая фраза действует на моряка гораздо эффективнее, чем самое лучшее успокаивающее средство. И пусть профессора врачебной деонтологии возьмут ее на вооружение, поставят эпиграфом к лекциям, которые читаются слушателям военно-морских медицинских факультетов.

Медицинская эмблема (чаша, обвитая змеей), символизирующая искусство врачевателя поставить на службу здоровья даже змеиный яд, на флоте расшифровывается несколько иначе: “Хитрый, как змей и не дурак выпить”. Хотя для пользы дела, чашу с эмблемы можно было бы и отпилить.

Первого декабря группа лейтенантов прибыла в главный госпиталь флота. На учебу. У каждого из недавних выпускников за спиной уже стояла конкретная должность, трехмесячный опыт службы и сознание собственной значимости для боевой готовности кораблей и частей. Внимательно послушав разговоры, то тут, то там возникающие в несколько возбужденной толпе,

посторонний наблюдатель мог бы разделить всех прибывших на несколько категорий.

Первая и самая многочисленная – это те, кто приехал во Владивосток на пять месяцев из отдаленных гарнизонов для того, чтобы отдохнуть от непомерной требовательности непомерно строгих и слегка глуповатых командиров, которых за истекшие три месяца еще не удалось научить службе, но что в дальнейшем обязательно удастся.

Вторая, пользующаяся наименьшей популярностью, но все же заслуживающая внимания, – это те, кто прибыл с твердым намерением заработать благосклонность старших медицинских специалистов флота, заполучить “птичку” напротив своей фамилии в списке в расчете на будущие дивиденды с акций предприятий, называемых “карьерой” и “теплым местом”.

Третья категория прибыла лишь только потому, что “так было приказано”.

И пусть рассудит всевышний и начальник медицинской службы флота, кого из них отнести к какой группе, так как посторонний наблюдатель мог и ошибиться: в речах и заявлениях говоривших было больше наивной дипломатии, чем можно было бы предположить, глядя на две куцые лейтенантские звездочки ораторов.

Я, мановением волшебной палочки начальника интернатуры, был направлен на учебу в госпиталь поселка Тихоокеанский, уже знакомого читателю. Это давало ряд существенных плюсов.

Во-первых. В группе, куда я был зачислен, было только три человека, включая меня самого. Если во Владивостоке оставалось около двадцати будущих хирургов, обреченных обучаться на базе главного госпиталя под недремлющим оком начальства, то моя группа обладала все же несколько большей свободой и самостоятельностью. И, что наиболее ценно, вероятность самостоятельного проведения хирургических операций, ради чего и затеяна такая канитель, как интернатура, возрастала обратно пропорционально количеству обучающихся. В главном госпитале, где концентрация хирургических больных на одну жаждущую крови хирургическую единицу гораздо ниже, чем в любом другом гарнизонном госпитале, заставляет каждого из стремящихся освоить хирургическое дело настоящим образом проявлять массу изобретательности, чтобы попасть к операционному столу, так как сложные операции проводятся главными специалистами и штатными хирургами отделений. Специалисты главного госпиталя, как предприятия с высокой культурой производства, не всегда охотно доверяют скальпель новобранцам от медицины, стремясь предупредить возникновение темных пятен на белом

парадном мундире фирмы. На периферии, подальше от начальственного ока, эта проблема решается несколько проще.

Во-вторых, в госпитале поселка Тихоокеанский работал мой благодетель Михайлик Валерий Андреевич, которому я по состоянию на начало декабря был еще должен 25 рублей, так как с первой, второй, да и третьей получки долг, по злой иронии судьбы, возвращен не был.

В-третьих, что наполняло жизнь смыслом, старший помощник командира крейсера накануне вручил мне ключи от квартиры на улице Морской, № 14, что разом снимало все жилищные проблемы на определенный период лейтенантской жизни, хотя и не очерченный сроками, так как ордер на жилье выписан не был.

Несколько смятенная от житейских неурядиц, однако полная надежд на будущее, супруга моя в это время жила в одной из трех вороньих слободок, стоящих на голой сопке в бухте Разбойник. Приютила ее семья лейтенанта-однокашника Ильясова.

Ключ в кармане моем давал надежду на то, что молодая жена наконец обретет вожделенную собственную кухню, столь необходимую любой женщине, особенно если она только начинает собственную карьеру военно-морской жены. Новоселье состоялось в день рождения Ниночки. Квартира располагалась на первом этаже пятиэтажного дома, стоявшего напротив казарм военно-строительного отряда, что давало ряд преимуществ: будильник можно было не покупать, так как ровно в шесть тридцать на улице раздавался рев в конвульсиях умирающего уссурийского тигра, отдаленно напоминающий песню “Не плачь, девчонка, так как солдат обязательно вернется”. Грохот сапог по мостовой и резкие команды сержантов, дополняя какофонию, не оставляли даже малейшей надежды на то, что самый сладкий утренний сон рискнет вернуться к вам, вышибленный из мозга строевым шагом идущих на завтрак строителей.

Входная дверь, как и большинство дверей в гарнизонном жилом фонде, носила следы частой смены хозяев, обязательно врезающих новые замки при въезде в жилище. Постоянные попытки новоселов обезопасить личную собственность от посягательств по слухам существующих грабителей привели к тому, что при малейшем усилии дверь начинала трещать, крошиться, рискуя ввалиться в квартиру вместе с рамой и расхитителем собственности, если бы таковой действительно объявился. Дверь открылась, и новоселы наши очутились в маленьком 1 х 1,5 коридорчике. Налево – кухня размером с детский манеж. Место общего пользования – в виде “сидячей” ванны по соседству с универсальным унитазом. На кухне – старый ржавый титан, вышедший из строя в момент установки его

строителями или даже и не входивший в строй. Прямо – жилая комната. В ней две железных односпальных кровати с панцирными сетками и тахта, носящая следы любовных утех ранее проживавших здесь военморов. Запустение, тлен и 700 пустых бутылок впридачу. Здесь предстояло свить гнездо для будущего рая.

Прежде всего нужен был кухонный стол. Однако, в мебельном магазине вниманию покупателей предлагались гарнитуры стиля “Людовик” (или типа “Людовик”) и другие произведения мебельной промышленности, стоимостью до шести тысяч рублей, которые предстояло еще заработать. Купить мебель по объявлению можно бы было, если бы из 250 рублей месячного оклада денежного содержания лейтенанта 200 не уходило на питание (третий пояс Союза, Дальний Восток), а еще не менее сотни требовалось на разные хозяйственно-бытовые мелочи. Обратиться же за финансовой помощью к своим родителям молодые люди считали “за падло”, это в переводе с флотского звучит как “мы гордые, насколько возможно”. Поэтому выход необходимо было искать, исходя из местных условий. И он был найден. Строительство хозяйственным способом. На флоте оно скорее напоминает строительство замка для принцессы добрыми молодцами, выскочившими из яйца или палочки волшебника. Никаких лимитов на фондируемые материалы, которые в данном случае превращаются в подручные, ни подъездных путей, ни плана, ни техники. Материалы, краны, цемент и кирпичи берутся с окружающих любой гарнизон строек, “зарабатываются” в лесхозах, на заводах, куда в нарушение грозных приказов министра направляется личный состав кораблей под видом шефской помощи. Было бы только организующее начало в лице пробивного мичмана и достаточное количество спирта, предназначенного для обслуживания техники. А уж все строительные дефициты обязательно найдутся.

Я был не мичманом, а лейтенантом. Спирта не было. Поэтому в дело пошли рейки и доски, взятые мной возле мебельного магазина – упаковка “Людовика XIII”. Немного изобретательности, физического труда – и стол готов. На него водрузилась двухкомфорочная электроплита “Мечта”, найденная под ванной. Холодильник “Океан” доставлен из пункта проката, окна завешены простынями. Тахта, в виду того, что отмыть и отчистить ее было невозможно даже с помощью “Мойдодыра”, обтянута ситцем, купленным в местном универмаге. Два дня авральных работ по наведению порядка, драйка деревянного настила, дезинфекция, дезинсекция и... гнездо должно быть покинуто, так как обязательно должен был найтись очередной

законный квартиросъемщик. Однако, это случится в будущем. А пока рай был построен.

К этому времени я приступил к учебе в хирургическом отделении госпиталя под руководством начальника отделения Юрия Николаевича Кочнева и небезызвестного уже нам эскулапа Михайлика, который, кроме программных дисциплин, снабжал лейтенантов массой ценной служебной информации, основными разделами который были лейтенант – начальник, лейтенанты – друзья офицеры, лейтенант – женщины, притом последнему разделу отдавалось явное предпочтение.

Рабочий день в любом отделении любого лечебного учреждения начинался практически одинаково. Медицинские сестрички, выбравшись из-под коричневых байковых халатов, разгладив “боевые шрамы” на личиках и наведя беглый косметический порядок, начинают поднимать ходячих больных для того, чтобы отправить их на приборку территории, раздают назначенные пилюли и делают положенные инъекции. Свои действия с протокольной точностью заносят в истории болезней и выполняют еще массу нужных и ненужных вещей. К приходу врачебного персонала все назначения должны быть выполнены, посты готовы к передаче смены.

В 9.00 начинается так называемая, пятиминутка, длящаяся от 30 до 90 минут, где дежурный врач подробно докладывает о поступивших больных, проведенных операциях, состоянии больных, находящихся на лечении, и о массе других полезных и бесполезных вещей. Здесь же начальник отделения вносит коррективы, дает указания, делает замечания и утверждает план работы отделения на текущие сутки. После пятиминутки отдежурившая смена, радостно поскуливая, отправляется домой, а заступившая включается в график работы перевязочных, процедурных, лабораторий, операционных, то есть в лечебный процесс – обычный конвейер по воспроизводству рабочей силы, если говорить категориями политической экономии социализма.

Врачи, наспех перекурив, и тем самым на себе продемонстрировав, что “курение вредит вашему здоровью”, отправляются на обход в палаты.

Следующая в кильватере сестричка фиксирует (ЦУ) и еще более ценные (ЕБЦУ) указания врача по назначению или отмене определенных процедур каждому конкретно определенному больному. По окончании обхода врачи, заточив перья и собрав всю волю в кулак, приступают к оформлению дневников и историй болезней, что отнимает массу времени и дает минимум реальной пользы. Однако, написание таких фраз, как “состояние больного удовлетворительное, без динамики, пульс и давление в

норме, дыхание в норме, пищеварение в норме, язык и попка розовые", обязательно. (Для начальника, прокурора и проверяющего.) Эта часто бессмысленная на первый взгляд писанина, снижая производительность врачебного труда вдвое или даже втрое, несет все же определенную положительную нагрузку: она дисциплинирует врача, налагая на него юридическую ответственность за каждый сделанный шаг, каждую манипуляцию, проведенную больному.

И в этом есть сермяжная правда. Времени на пятиминутку, обход, выполнение перевязок, врачебных манипуляций и писанину выделяется около шести часов ежедневно (хронометраж). Совещания, консилиумы, коллоквиумы, конференции, занятия со средним и младшим медицинским персоналом, занятия с больными по санминимуму и правилам оказания первой помощи – еще тридцать часов в месяц, т.е. один час ежедневно. Политическая подготовка, партийные и комсомольские собрания, заседания партийного бюро, политинформации плюс к рабочему времени еще один час. Методическая помощь врачам кораблей и частей с выездом в части, консультации больных в других отделениях, неплановые оперативные вмешательства, консультации родственников твоих друзей и друзей твоих родственников – полтора-два часа ежедневно.

Итак, рабочего времени уже набралось десять часов в пересчете на семидневную рабочую неделю. Далее. Боевая подготовка. Отработка и сдача курсовых задач, санитарное просвещение, учения, работа на предъявление своей работы коллегам – еще один час. Время, отнимаемое различного рода начальниками плюс время, которое врач отнимает у своих подчиненных, разборы мелких конфликтов, согласование и утряска никогда не утрясающихся хозяйственных проблем – еще час к рабочему времени. Итого – 12 часов. Если же учесть, что "де юре" врач работает пять дней в неделю, то "де факто" к рабочему времени надо приплюсовать еще 24 часа (за субботу и воскресенье), то есть около пяти часов в день. Вот уже и 17 часов набежало. Час – перерыв на обед, два часа или меньше (кому как) – на транспорт. Общий итог – двадцать часов в сутки. Однако, двадцать часов ни один врач на работу не тратит, но по-щучьему велению ничего в области военной медицины не происходит. Вывод: большинство вышеперечисленных мероприятий (исключая лечебные) или же не проводится вообще, удовлетворяясь отметкой "вып." в плане, или проводится с низким качеством, да и то от случая к случаю. Однако неумолимое начальство требует выдать уголек на гора, прекрасно понимая, что это невозможно. И

бедный врачеватель вынужден параллельно с искусством врачевания в совершенстве овладеть искусством втирать очки, глядя ясными чистыми глазами в чистый незамутненный хрусталик начальника. И так изо дня в день. Взбеситься можно.

Особая категория рабочего времени хирурга – день плановых хирургических вмешательств. Это праздник, подготовка к которому – тяжелейший и самый ответственный труд из всех возможных. Представьте себе бегуна на марафонские дистанции. Начав в один прекрасный день бег трусцой от инфаркта, он постепенно, месяц за месяцем, набирается сил, опыта и через несколько лет упорных тренировок на глазах восхищенной публики рвет финишную ленточку, получая золотую медаль на грудь и услаждая свой слух восторженным визгом поклонниц.

У врачей все обстоит точно так же, но только глазунья оказывается в профиль. Шесть лет упорной учебы (а программа медицинского вуза наиболее сложная – не военно-политическое со сроком обучения в 4 года) являются как бы началом бега трусцой до ответственного старта, которым для врача бывает день принятия Присяги врача Советского Союза и получения диплома. Финишная ленточка – человек, лежащий на операционном столе, первая самостоятельная операция, право на которую еще надо добыть в труднейшем учебном марафоне.

И вот – финиш. Отирая пот, стараясь унять предательскую дрожь в руках, разминая затекшие мышцы спины, хирург выходит из операционной, ленточка сорвана, медалей нет. Нет и восторженных поклонниц. Вместо них – постоянно сосущая тревога за жизнь прооперированного больного, очередной марафон в борьбе за одну-единственную фразу в выписном эпикризе: “послеоперационное течение гладкое”. А если... Врач умирает с каждым умершим больным. А ведь это бывает. Смерть – неумолимое чудовище.

Глава 17
СНОВА КОРАБЛЬ. РЕЙДОВЫЕ СБОРЫ

Зима подходила к концу, вернее уже подошла. Теплый солнечный март стучал сосульками в серое выщербленное полотно асфальта, мутными потоками уносил из поселка грязь и обрывки деловой макулатуры. Женщины постепенно уменьшали на себе количество натуральных и искусственных мехов, скрывавших на зиму стройненькие фигурки от нескромных взглядов возвращающихся из походов военморов. Коты на крышах заводили свои надрывные серенады. Кошки призывно молчали. Природа пробуждалась ото сна, сигнализируя об этом влюбленным сиреневым цветом багульника. Показатели боевой и политической подготовки постепенно снижались. Весна.

В конце апреля, отягощенные теорией и практическими навыками лейтенанты, призывались к ответу за съеденный пятимесячный оклад денежного содержания. Предстоял экзамен на профессиональную зрелость. А потом – корабли, походы, моря, якоря...

И снова передо мной вставала масса проблем. Во-первых, регистрация брака не состоялась, так как Ниночка проживала в Приморье без прописки, а следовательно, незаконно. Во-вторых, ключ от квартиры, где деньги лежали, с окончанием учебы необходимо было вернуть законному владельцу. И в-третьих, под сердцем у молодой супруги теплилась жизнь будущего военмора, что в будущем – наряду с радостью отцовства и материнства – сулило массу новых бытовых проблем. Как их решить? Где жить? Кто поможет выгрести к надежному берегу? Одна из флотских заповедей, вложенная в мой череп военмором Михайликом В.А., гласила: “Каждый несет свой чемодан”. В своей обнаженной реалистичности она не оставляла смятенной душе будущего отца семейства никакой надежды на помощь окружающих, тем самым начисто ниспровергая один из моральных принципов строителя коммунизма: человек человеку друг, брат, товарищ и наилучший, насколько возможно, человек.

И вот, сознавая всю ответственность за будущую маму и будущую жизнь младенца, я начал психологическую атаку своей де-факто молодой жены, итогом которой должно быть путешествие с берегов Тихого или Великого океана к берегам Северного Ледовитого. Вряд ли в этом решении содержалось что-либо рыцарское, благородное, и я это ясно сознавал. В душе я был уверен, что стоило приложить определенные усилия, смекалку,

некоторую изворотливость и, во-первых, и во-вторых, проблемы можно решить. Люди обязательно помогут, бросив на время свой чемодан и взявшись за ручку чемодана товарища. Однако, будучи привычным к своему холостяцкому положению, хотя и относительному, я никак не мог побороть в себе искушение остаться холостяком впредь. Для приведения в меридиан и наставления на путь истинный заблудшего раба божьего здесь не шпага была нужна, а обычный отцовский ремень. Но увы! Это действенное педагогическое средство было далеко. А жаль.

Ниночка поняла супружеское виляние хвостом сразу же, однако вида не показала. Молча, без скандалов и упреков, согласилась уехать. И это была поистине тяжелая ноша, которую сам на себя я и взвалил.

Отъезд состоялся в прекрасный солнечный приморский день.

Снова (в который раз!) автобус Находка-Владивосток увозил грустную и гордую своим будущим материнством боевую подругу к месту старта авиалайнеров – в Артем. Всю дорогу я делал жалкие попытки разрядить грустную атмосферу расставания. Однако, барометр ясно указывал стрелкой на школу “пасмурно”. Даже весенний день не радовал.

Ниночка улетела. Надолго. И в этот момент я почувствовал такую нежность к ней, так больно сжалось все внутри, так одиноко стало, что, возможно, именно этот момент, это состояние определило во многом дальнейшее развитие событий в непростых наших отношениях.

В этот день я просто напился. До жвака-галса, в жвак, в стельку, в хлам. В не имеющем ничего общего с морем и флотом кафе “Зодчий”.

Через неделю состоялся экзамен. И несмотря на то, что начальником отделения тов. Кочневым Ю.Н. была выдана мне блестящая характеристика, несмотря на то, что по количеству полостных операций, самостоятельно проведенных, я занимал первое место среди слушателей интернатуры, экзамен не был завален только лишь потому, что его невозможно было завалить. Первый раз (все бывает впервые) по любимой хирурги я схлопотал “удовлетворительно”.

Получив вожделенное свидетельство хирурга, узаконившее монопольное право флота использовать одну хирургическую единицу по своему усмотрению, я прибыл на свой любимый крейсер, по которому, говоря откровенно, скучал. Как это ни странно, но корабль зачастую манит к себе моряка, как опытная и красивая куртизанка. Возможно потому, что на оба объекта вожделений одинаково много тратится моральных и физических сил. Разница состоит лишь в том, что корабль дает возможность

заработать деньги в соленом поту, а куртизанка вытряхивает их из карманов военморов с великой легкостью, правда, тоже иногда заставляя попотеть.

На корабле подводились итоги боевой и политической подготовки за зимний период обучения. Это великое искусство, апофеоз бюрократической изворотливости. Дело в том, что в итоговом приказе командира по итогам обучения обязательно стоит сакраментальная фраза: “По сравнению с аналогичным периодом прошлого года, воинская дисциплина несколько улучшилась, количество грубых поступков снизилось на X %, в том числе: связанных с пьянством на У %, связанных с самовольным оставлением части на Z % и т.д.” Если прикинуть чисто математически, то их наберется не менее 500. И, следовательно, воинская дисциплина спартанцев в сравнении с современной флотской – разнузданная оргия патрициев древнего Рима. Подсчет подобных процентов регламентирован “методикой”, массой инструкций, указаний, а количество их (процентов) прямо пропорционально желанию заместителя командира корабля по политической части поступить в Военнно-политическую академию. Истинное положение дел с воинской дисциплиной обнародовано в приказе быть не может. Представьте себе. На великосветском балу, среди сверкания бриллиантов на кристально-белоснежных платьях дам, вдруг появляется Золушка, которую только что извлекли из кучи золы, не умыли, не причесали, да и хрустальные туфельки она потеряла не после бала, а до него. Что получится? Скандал. Поэтому никакой дорожащий своим местом дворецкий и на порог ее не пустит, да еще и направит целую свору доберманов-пинчеров или русских борзых. Поэтому на бал может быть допущена даже старуха Изергиль или баба Яга, но только скрытая под маской густой позолоты. Правда, царевич, проснувшись утром, может быть неприятно удивлен, обнаружив подделку, но... ему и деньги большие платят.

Завершающим штрихом в периоде обучения на флоте всегда бывает совместная работа кораблей и соединений, рейдовые сборы. Вот здесь уже позолоту бабы Яги на рожу не налепишь. Отрабатываются совместное плавание, проводятся артиллерийские, торпедные и бомбовые стрельбы, минные постановки. Военморы выполняют упражнения со всеми видами стрелкового оружия, что на флоте называется “отстрелом личного состава”. Отрабатывается взаимодействие всех родов сил флота. Выставляется фактическая оценка каждому матросу, мичману, офицеру и кораблю в целом. И именно здесь манкировать процентом никто не позволит: на карту поставлена способность

каждого отдельного моряка, каждого коллектива защитить Родину. Сознанием важности и трудности этой задачи проникаются все, “от зеленых салаг, до Главкома”. И ни разу за многие годы службы никогда не приходилось слышать сетований моряков на трудности именно в таких вот исключительных для мирного времени обстоятельствах.

Эскадра вышла в Японское море. Этому событию предшествовала масса занятий, тренировок, одиночных, частных и общих учений, сборов, разборов, совещаний, увещеваний, разносов, наказаний и поощрений, что в комплексе называется боевой подготовкой. Невозможно описать и измерить известными единицами измерения количество пота, выделенного матросской кожей в матросскую робу, количество погибших нервных клеток в мозгу офицеров, количество новых седин, украсивших виски моряков ради короткой команды “Залп!”, ради доклада оператора: “Накрытие”, ради нескольких дырок в сетке буксируемого щита-цели.

Ежедневно корабли совместно или в одиночном плавании выполняли массу боевых упражнений, отплевываясь снопами огня, отработанного пара, покрывая тончайшей пленкой мазута окружающую акваторию. Кто более, а кто менее удачно, но все же все боевые единицы доказывали, что флотское утверждение, которым бравируют все артиллеристы-ракетчики “выстрел в артиллерии – вещь случайная”, не соответствует действительности. Подобные вольные заявления в адрес бога войны могут позволить себе только мастера своего дела, да и то лишь в том случае, если стрельбы выполнены на “отлично”. Во взаимоотношениях всех специалистов всех боевых частей и служб артиллерийского корабля со специалистами артиллерийской боевой части (БЧ-2) существует некая пикантная изюминка, порождающая иногда ряд довольно-таки ядовитых флотских шуточек.

Корабль, все его органы и системы, строятся и существуют для боя, то есть предназначены для обеспечения применения оружия. В конечном итоге, для артиллерийской боевой части. Это дает основание артиллеристам чувствовать превосходство свое перед личным составом других специальностей. Именно они, артиллеристы, чаще всего вспоминают и приводят слова приказа Петра I, якобы изданного в назидание флотской общественности еще 290 лет назад: “Лекарям, писарям и прочей сволочи в верхней палубе во время боя не появляться, дабы своим мерзким видом не смущать господ офицеров”. Оставим эту историческую истину на совести ее изрекающих. Но артиллерийские стрельбы проводятся кораблем два-три раза в год. В промежутках между

ними боги войны никакой конкретной, внешне выраженной пользы кораблю не приносят. В то время как снабженцы одевают и кормят корабль ежедневно, механики обеспечивают теплом и холодом, связисты держат открытым окно в мир, врачи стоят на страже здоровья тех же артиллеристов. Это повседневная работа, поощрения за которую раздаются командованием с периодичностью артиллерийских стрельб, а за успешно проведенную артиллерийскую стрельбу личный состав БЧ-2 поощряется обязательно. Арифметическая задача. Кок, готовящий флотский борщ или макароны по-флотски, стреляет ежедневно, притом количество попаданий в цель прямо пропорционально вкусовым качествам готовых блюд. А на флоте могут вкусно готовить. Артиллеристы стреляют два раза в год. И число попаданий зависит от “математического ожидания числа попаданий”. Следовательно, на одно поощрение командира приходится в тысячу раз больше целей, пораженных коком, чем артиллеристом. Что думает по этому поводу повелитель флотских желудков? Вот именно... Только пусть у читателя не сложится впечатление, что положить снаряд в цель, движущуюся на расстоянии 30-40 километров, то есть за пределами видимости, так же просто, как сделать яичницу с колбасой. Перед артиллеристами иногда можно снять шляпу.

Утром одного из напряженных дней боевой учебы ко мне обратился матрос за помощью. Диагноз был выставлен банальный: “острый аппендицит”. Однако, со словом “банальный” не согласится ни один хирург мира, так как знает, что наибольшее количество неожиданностей возникает именно при проведении этой “банальной” операции. Ведь не даром неумолимая статистика гласит: на тысячу прооперированных по поводу острого аппендицита больных умирает от трех до шести человек. Однако, с бесстрашием и самонадеянностью молодости, я отправился с докладом к командиру корабля за разрешением на проведение операции. И здесь надо сказать, что ни один хирург мира кроме корабельного, не сможет понять, как это командир может разрешить или не разрешить операцию, когда показания к ней абсолютны, то есть для спасения жизни больного проведение операции обязательно. Никаких сомнений по этому поводу у меня не было. Я был уверен в себе и в завтрашнем дне.

Выслушав доклад, командир сказал:

– Я уверен в вас и ваших способностях, доктор. Однако, операцию разрешить не могу по следующим причинам: мы снимаемся через час и идем в район для выполнения стрельб. Погода в районе пошаливает. Качки не избежать. Это раз. Второе. Корабль будет по боевой тревоге. Что из этого следует, знаете

сами. Сейчас от борта крейсера отходит торпедолов в Стрелок. Отправляйтесь вместе с больным в госпиталь. Прооперируете в комфортных условиях. Санитарный автомобиль встретит вас на пирсе. Все. Желаю успеха. Идите.

– Есть.

Прооперировав больного и переночевав в госпитале, я утром стоял на пирсе и ждал рейс катера в район рейдовой стоянки эскадры, даже не предполагая, какой удар в этот день готовит мне судьба. Не только мне. Всему Военно-мрскому флоту. День 13 июня 1978 года будет памятен морякам-тихоокеанцам всю жизнь.

Наконец, катер отошел от – пирса и лег на нужный курс. Волна, играючи, обдавала его ледяными брызгами с головы до ног. Зарываясь носом в волны, медленно, но упорно, он все же двигался к заданной цели. На рейде родного мне крейсера не оказалось – ушел в район стрельб. Зато стоял его старший собрат. Старший не по возрасту, а по тому, что на нем держал флаг адмирал, флагман эскадры. Пришлось, как это часто бывает на флоте, воспользоваться его гостеприимством, хотя и в роли незванного гостя, в надежде, что через сутки, при встрече кораблей на рейде, можно будет занять свое законное место в собственной каюте.

Я оказался не единственным гостем на корабле. Флагману эскадры предстояло выполнить боевые стрельбы на приз ГК ВМФ. Это событие никогда не проходит незамеченным на флотах. И в разгар наиболее напряженной работы экипажей по подготовке к столь ответственному делу, как зачетная призовая стрельба, на корабль обязательно прибывают корреспонденты военных газет для того, чтобы после стрельб талантливо (иногда) написать статью, где будут фигурировать командир, мичман и старшина. Где металлические команды “Учебная тревога”, “Залп” и так далее будут чередоваться с докладами на ГКП: “Дистанция”, “Цель сопровождаю”... Все будет, даже пот на лбу, но остальное останется за кадром... Эти же корреспонденты будут ко всем приставать, брать интервью, чтобы его не напечатали впоследствии, совать нос туда, куда не надо, нагнетать и без того сложную обстановку. Каждому приятно попасть на страницу газеты, притом в наилучшем виде. И это стремление приводит к тому, что любой из моряков в присутствии корреспондента начинает “демонстрировать высокий класс”, “пускать пыль в глаза ” и допускать при этом массу ошибок. Поэтому опытные командиры считают корреспондентов любого издания злом, хотя и неизбежным: как-никак, а корреспондент – зло, утвержденное политическим управлением.

Не оставляют корабль своим вниманием артисты хорового,

квартетного, дуэтного и сольного пения, стремящиеся под аккомпанемент никогда не видевшего настройщика корабельного пианино, взять верхнее “до” самой верхней октавы, надуваясь при этом собственной значительностью и корабельным спиртом. Хотя и искренне стараются. А на фоне постоянного информационного голода, испытываемого моряками, любой класс исполнительского мастерства принимется публикой на “бис”. Очень благодарная и нетребовательная публика моряки. Среди работников искусств может затесаться даже поэт. Он же мастер художественного слова.

Особую категорию “гостей” составляют специалисты вышестоящих штабов, представители промышленности и НИИ. Но они – “зло” необходимое, даже желательное иногда. Это “зло” прибыло работать вместе с экипажем.

Так вот, в этот день на флагмане был полный комплект гостей, только место поэта заняла поэтесса. “Женщина на корабле...” – гласит народная мудрость.

Все было, как обычно. Обед в кают-компании, песни и стихи, инструктаж и даже митинг.

Крейсер ждал своего часа. Рев колоколов громкого боя и команда “Боевая тревога! Корабль экстренно к бою приготовить!” сорвала моряков с мест, бросила их в утробу железного живого существа, предоставив кают-компанию в распоряжение гостей. Лязгнули броняшки иллюминаторов, захлопнулись двери и люки, кровью наполнились органы и системы, дав крейсеру зрение и слух, потом покрылась сталь переборок. Тяжело вздохнув предохранительными клапанами, крейсер понес “своих братьев меньших” навстречу бессмертию.

Я на правах гостя с медицинским образованием занял свое место в амбулатории, где собрались все врачи крейсера, чтобы под звук тяжелых ударов главного калибра послушать были и небылицы, изрекаемые флагманским врачом эскадры. Однако не забыв предварительно приготовить к приему раненых все боевые посты медицинской службы. Все было как обычно. Мерно гудели вентиляторы, корпус слегка вибрировал под воздействием тысяч лошадей, гнавших крейсер в район стрельб. В медицинский отсек данных о том, что происходит в соседних помещениях и на боевых постах, не поступает. Тишина лишь изредка взрывается голосом командира корабля из динамиков корабельной трансляции: “Цель... курсовой... дистанция... командиру БЧ-2 принять целеуказание... ложусь на боевой курс...” В этих словах спрессована воля сотен людей. Для тех, кто непосредственно не участвует в стрельбе, слова эти говорят еще и о степени напряженности боя, времени, остающегося до первого залпа.

– Снять смазку!

Залп.

– Пристрелять репер!

Залп.

И вдруг, после первых двух залпов, на всех обрушился страшной силы удар, заключенный в команде, прозвучавшей из динамика голосом командира эскадры:

– Затопить погреба!

Каждый моряк знает ужасный, страшный в своей беспощадности смысл этих слов. Это значит, что где-то по какой-то причине может взорваться тысяча тонн боезапаса, оставив от крейсера и его экипажа лишь облако пара над поверхностью поглотившего обломки океана. Это значит, что командир принял на себя страшный груз ответственности за жизни тех, кто утонет в погребах, своей жизнью защитив жизнь товарищей. Это значит, что чувство вины перед погибшими всю жизнь будут нести оставшиеся в живых.

Врачи сразу же бросились на свои боевые посты, приготовив все для проведения реанимационных мероприятий. Однако первой мыслью в моем сознании была не мысль о деревне, в которой родился, не картины детства перед глазами, а гораздо более прозаическая: как встать к гладкой поверхности, чтобы сила взрыва, которая неизбежно будет размазывать тело по переборке, все же не ломала кости о выступающие части механизмов. Несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев в мгновения смертельной опасности (если не быть к ней морально подготовленным) инстинкт самосохранения (один из двух китов, на котором держится существование всего живого: второй кит – инстинкт продолжения рода) диктует человеку наиболее оптимальный вариант поведения в создавшейся обстановке, иногда (и довольно часто!) чувство страха полностью расстраивает стройную систему наследственной самозащиты. Человека охватывает животный ужас, делающий его неспособным ни к одному разумному поступку, неспособным к принятию даже самого простого решения.

А здесь надо было действовать, и притом, решительно и правильно. На принятие решения отводились секунды. И надо признать, что ни один из офицеров или матросов не произнес ни звука, как-либо выразившего то внутреннее состояние, в котором находились все. Только бледность лиц, да капельки пота на лбу.

А через пять минут начался ад. Те, кому на войне приходилось заниматься оказанием медицинской помощи в корабельных условиях большому количеству раненых, могут представить, как в небольшие помещения корабельного медицинского пункта одномоментно в течение не более десяти

минут поступает около пятидесяти пораженных в бессознательном состоянии, плюс двое носильщиков на каждого из них, плюс энное количество любознательных, плюс… Эх!

Крейсер возвратился на базу с приспущенным флагом. Ни статей, ни стихов, ни песен… Первой на пирс по трапу шмыгнула поэтесса…

То, что произошло, и причины, событие породившие, огласке преданы быть не могут. Командир корабля был снят с должности приказом министра, заместитель по политической части получил выговор в том же приказе.

“Тридцать восемь парней
Без вины, без войны
Жизнь отдали, чтоб жили другие”.

Кстати, о командире. Пройдя через все ступени флотской иерархии, от командира группы до “основной фигуры на флоте”, то есть до командира корабля, он, как принято говорить, был типичным представителем флотской интеллигенции. Двухметрового роста, атлетического сложения, украшенный надраенной до блеска лысиной, при полном отсутствии того, что выражается емким морским определением “все, что выше колен – военно-морская грудь”, подвижный, резкий в движениях, способный быстро ориентироваться в сложнейших ситуациях и, что самое главное, не боящийся ответственности за принимаемые решения. Флотский телеграф донес, что в бытность свою старпомом на крейсере, он мог в течение двух минут “провернуть” крейсер с носа в корму, чем заслужил прочный авторитет среди моряков и звание “моторный”. Судьба прочила ему звание адмирала. И заслуженно. Ведь бывают и незаслуженные адмиралы из так называемых, “обреченных на повышение”. Была бы “лапа” помощней. Как, например, ансамбль песни и пляски Тихоокеанского флота при всем напряжении творческих сил никогда не смог бы достичь высот “народного коллектива”, если бы во время посещения флота очень высокопоставленным лицом не догадался бы исполнить песню “Малая земля”. С этого момента он стал обреченным на званйе “народного”. Так бывает и с присвоением звания адмирала.

Валерий Михайлович (так звали командира) имел счастье лично организовывать на своем корабле прием кавалера ордена “Победа” мирного времени, что, естественно, резко повышало шансы на беспрепятственное преодоление всех служебных барьеров при его движении вверх. Но судьба распорядилась иначе. После трагического ЧП на крейсере фамилия командира

исчезла со страниц газет параллельно с исчезновением его фамилии со стендов, освещающих пребывание Л.И. Брежнева на Тихоокеанском флоте. Грамотнейший моряк, на формирование которого ушла не одна тысяча государственных средств, стал не нужен флоту и морю. Однако, к нему мы еще вернемся.

Глава 18
СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ

Рейдовые сборы закончились. Корабли, выплюнув сотни снарядов и десятки ракет, накопив ржавчину, измотав своих слуг розгами тревог на конюшне моря, рассасывались по своим базам.

Знаменитому “Пожарскому” в телеграмме было велено отправиться в Советскую Гавань. Росчерком руководящего пера мне предоставлялась возможность посетить вожделенные места, освоенные когда-то Невельским, и столь бдительно охраняемые флотскими кадровиками.

Встреча с новыми местами меня волновала, так как, во-первых, хотелось узнать какая новая задница из многих в жизни уготована судьбой на пути к славе, а во-вторых, слишком много восторженных отзывов об этой Палестине было услышано мной из уст офицеров, бывавших там уже не один раз. Первое, на что нужно обратить внимание, как явствовало из инструктажа, проводимого бывалыми совгаванцами с офицерами, впервые идущими туда, – это женщины. Исключительно хлебосольные, да к тому же и дисциплинированные. Были бы деньги. Это – из организации досуга. Что же касается службы, то и здесь имеются свои особенности, выразить которые не составило труда для корабельного неизвестного и поэтому народного в будущем поэта:

Тихо струится вода в гальюне,
Служба в Совгавани нравится мне.

Этот поэтический топаз должен был означать в переводе на обычный язык с флотского, что удалившись за тысячу миль от недремлющего начальственного ока, вполне позволительно организации досуга посвятить больше времени, чем на него отпускается суточным планом боевой и политической подготовки. В голове моей навязчивой галлюцинацией звучали нерукотворные строки Жванецкого: “Ты – женщина! Поэтому должна: раз – лежать! и два – тихо!” М-м-да... Все же инструктажи играют свою положительную роль в жизни военморов.

Из Владивостока вышли в сплошном тумане. Тихо шипела вода по бортам. Чайки, захлебнувшись газообразной водой атмосферы, простуженно хрипели, выражая недовольство существующим в природе положением вещей. Крейсер

ежеминутно утробно-глухим надрывным ревом предупреждал встречные корабли об опасности возможного столкновения. В каютах тускло горели белые плафоны, наполненные дохлыми тараканами, да уютно гудела вентиляция. Дежурная смена бдительно несла ходовую вахту. Свободные от вахты офицеры, удобно расположившись на баночках, койках и сейфах, вливали в себя очередные литры заваренного по особому флотскому рецепту чая, рассказывали друг другу очередные были-небылицы, содержание которых варьировалось в зависимости от настроения рассказчика.

В разгар интимности разговора меня вызвал к себе комбриг Барабаш. Ожидая нагоняй (любой вызов к начальству на флоте расценивается именно так), я, расправив и пригладив фалды парадного фрака, прибыл в салон флагмана. В каюте, тяжело расплывшись в кресле, сидел капитан первого ранга с явными признаками простуды. К тому же цвет его лица и припухлость носа явно свидетельствовали о попытках больного победить недуг народными средствами.

– Товарищ комбриг! Лейтенант Иванов прибыл по вашему приказанию.

– Садись, док. Я вызвал тебя затем, что считаю твою теоретическую подготовку в медицине свежей, а потому основательной. Ты не успел еще все забыть, – выдал старший морской начальник свою руководящую мысль хриплым командным басом. – Я вот немного приболел. Ломает все кости. Займись-ка мной основательно. Но учти, что завтра утром я должен быть уже совершенно здоров. На лечение тебе 18 часов. Как?

– Дело в том, товарищ комбриг, что любое простудное заболевание лечится никак не меньше трех суток. Основательность моих знаний вы уже учли, так что срок, установленный вами, несколько маловат.

– Ладно. Делай как знаешь, но через 18 часов я должен быть здоров.

Я понял, что логику старого морского волка мне постичь невозможно, а победить ее не позволяло количество металла на его погонах.

– Понял вас. Но одно условие я все же выдам. С вашего разрешения…

– Давай.

– На ноги я вас поставлю за указанный вами срок только в том случае, если вы подчинитесь любому моему медицинскому диктату.

– Согласен.

Через десять минут я в сопровождении фельдшера стоял в каюте страждущего военмора.

– Прежде всего надо поставить мощные банки. Раздевайтесь и ложитесь.

Натужно кряхтя, комбриг исполнил указания лейтенанта и беспрекословно взгромоздил свое тело на кровать, заставив последнюю взвыть всеми своими фибрами. Когда вспыхнуло пламя яркого факела, комбриг, опасливо покосившись на него, тихим голосом пробормотал:

– Ты, док, только не обожги меня. А то бывали случаи... Меня... А то бывали случаи...

– Спокойно-о-о!..

Не успел смолкнуть последний звук этого заверения, как огромная капля горящего эфира, сорвавшись с факела, шлепнулась на массивную спину объекта медицинской агрессии. Капранг взревел раненым вепрем, вскочил с легкостью газели и произнес страстнопламенную речь, обращенную к растерявшемуся эскулапу. В переводе она звучала по-военному кратко:

– Ты не прав, Василий!

С трудом заставив больного улечься обратно в постель, я продолжил экзекуцию. После банок больному пришлось заглотить горсть патентованных фирменных и страшно дефицитных таблеток, называющихся в простонародье “аспирином”. В данном случае лечебное действие снадобья состояло не только в жаропонижающем эффекте ацетилсалициловой кислоты и в ее потогонной способности, но и в психологическом эффекте от слов “фирма” и “патент”. К тому же, еще и “дефицит”. И любой начальник на флоте верит, что уж ему лично его личный доктор никогда не пропишет банальную клизму из красной резины, а обязательно сделает клистир из поливинилхлорида с блямбой “Мэйд ин Джапан”. Чудаки!

На завершающем этапе лечения я принес в каюту к больному “медведя по-совгавански”. Рецепт прост. Стакан спирта, крепостью 96, 2 градуса, смешанный с произвольным количеством красного и черного перца, взятого со стола в кают-компании. Главное, чтобы мысль на лице светилась, да металл был в голосе эскулапа. Доверчивые военморы, каждый из которых считает себя способным запросто заменить врача в любой ситуации, выпьют и съедят любую гадость, предварительно заметив, что подобный метод лечения они читали в манускриптах по тибетской или филиппинской медицине.

Догадавшись по запаху о главном составляющем предложенной микстуры, комбриг подобрел лицом, помягчел

голосом.

– Слыш-ка! А много не будет? А то бывали случаи...

– Никак нет. Доза рассчитана на килограмм веса. Как в детском саду.

– Ладно! Верую, док.

Доза и впрямь была рассчитана правильно, однако только в пересчете на спиритус вини. А вот перца я переборщил. Даже привыкший ко всем гастрономическим передрягам комбриг (о чем ходили легенды), хлебнув две трети стакана, задохнулся и, вытаращив глаза, начал судорожно хватать ртом воздух, загребая его ладонью, – жест, означающий немедленную потребность в холодной воде, которая ему и была услужливо подана. Переводя дух, комбриг взъярился так, что забыл все слова из богатого русского языка, оставив в обиходе лишь слова из великого. Удобоваримо для читателя монолог военмора-страдальца звучал примерно так:

– Ты... что... отравить... меня... хочешь? Я тебя... я тебе...

– Извините, но ведь я выполняю ваши приказания по вводу вашей же матчасти в строй, – несколько ошалело плеснул свое алиби врачеватель.

– Что? Да я... Пей сам остатки! Пей, кому говорю! Приказываю!

– Есть.

Приказание было исполнено беспрекословно и точно. И здесь я понял, что не все методы лечения, несмотря на их эффективность, приемлемы на практике. Картина с судорожным хватанием воздуха повторилась. Только теперь уже на глазах подобревшего начальника, который в награду за лечение, услужливо поднес мне стакан холодной воды. Утром комбриг был совершенно здоров, а я поощрен тем,что не наказан.

Переход продолжался. Размеренность корабельной жизни вырабатывала в людях определенный набор условных рефлексов, предохраняя психику от срывов и лишних стрессовых ситуаций. Вовремя укладывала человека в койку и поднимала его на ноги; вовремя плескала в желудок порцию пищеварительных ферментов, призывая к столу; по расписанию выдергивала на политические занятия, объем которых не выходил за рамки статей в КВС (журнал “Коммунист вооруженных сил”), создавая в коре головного мозга отрицательный, слабо пульсирующий фон.

Море начинало баловать. Я лежал в каюте и думал, насколько часто случайное стечение обстоятельств поворачивает жизненные планы индивидуума на противоположные курсовые углы и, несмотря ни на что, гонит человека к глубинам и мелям бытия. Действительно, можно поверить в судьбу и рок. Фатализм

сплошной.

С седьмого класса деревенской восьмилетки я шлифовал свои знания бессистемно, как и все учащиеся школы. Никаких планов на будущее не имел и довольствовался тем, что жизнь иногда подсовывала пряники в виде самовольной отлучки из дома в кино в колхозный клуб, или удачного набега на соседский сад. И всем был доволен.

Лето 1968 года внесло определенную сумятицу в чувства и дало информацию к размышлению. К сестре моей, Елене, начал женихаться молодой моряк из соседней деревни. Аркадий Арсентьевич. В черной шикарной фуражке с золотым, чуть позеленевшим крабом, форменной тужурке, опять же, со слегка позеленевшим золотым шитьем, он казался мне, никогда не видевшему моря, олицетворением романтики и мужества, морского благородства и свойственного только морякам непоказного превосходства бывальщины над деревенской обыденностью. Красочные рассказы, иллюстрированные множеством фотографий, красивые заграничные безделушки и плащи “болонья”, бывшие тогда в дефиците, сыграли свою коварную роль в моей жизни. Отныне на вопрос “кем ты хочешь быть”, ответ следовал лишь один:

– Моряком.

Однако, родители воспринимали это заявление со свойственной патриархальщине снисходительностью. И после окончания восьмилетки, повелением родительского указа я направлен был в городской поселок Желудок (не путать с желудком) для сдачи конкурсных экзаменов на поступление в медицинское училище. Однако в сочинении, которое было предложено к написанию абитуриентам, я намеренно сделал в каждом слове по ошибке, удивив своей дремучестью видавших чудеса лингвистики, орфографии и синтаксиса преподавателей. Получив единицу и навсегда записав себя в непревзойденные интриганы и авантюристы, несостоявшийся фельдшер на попутном тракторе с прицепом прикатил домой к вящему неудовлетворению родителей. Позеленевшее золотое шитье на погонах второго механика теплохода “Морской” класса “река-море” начало свою коварную работу. К тому же, родившись под созвездием Козерога, я однажды прочитал в гороскопе: “Мужчине, родившемуся в период с 21 декабря по 21 января, присущ дух бродяги, дух моряка, дух авантюриста”. И мудрость древних астрологов укрепила меня в решении во что бы то ни стало – быть моряком. А уж объявив всем своим знакомым девчонкам об этом решении и повторяя навязчивую идею ежедневно всем и каждому вслух, не стать моряком я уже не мог, как не могла не сгореть

Воронья слободка в городе Черноморске.

– Хирургу сочно прибыть в амбулаторию.

Такая команда может означать только одно – с кем-то случилась беда. Через несколько секунд моему взору предстал моряк с наложенным на правое плечо жгутом и разорванной на две части кистью. Рядом хлопал крыльями начальник медицинской службы.

– Ах, ах! Я не знаю, как вы справитесь! (Это ко мне). Ах, ах! Анатомия кисти очень сложна! Ах, ах! Травматизм... Ах, ах! Инвалид! Ах, ах! Ленинград! Ах, ох!

Операционная был развернута быстро, и я приступил к своей первой в море сложнейшей операции. Только специалист может понять, насколько непросто шить из лоскутьев сухожилий и сосудов, если к тому же палуба уходит из-под ног. Через четыре часа ювелирной работы кисть моряка была восстановлена. Пострадавший занял свое место в корабельном лазарете. Что же произошло?

Крейсер отрабатывал заправку топливом кильватерным способом на ходу. Для того, чтобы передать топливные шланги с танкера-заправщика на крейсер, вначале подается тонкий трос-линь, на конце которого укреплена “кошка” с тремя или более острыми крючьями. Матросы, схватив поданный бросательный конец, посредством его втягивают на корабль шланги и подсоединяют к приемным горловинам цистерн. При заправке кильватерным способом шланги подаются с носа танкера на корму заправляющегося корабля, или, наоборот, с кормы танкера на нос корабля, принимающего топливо. Работа связана с определенным риском и требует от команды высокой слаженности и сноровки.

В момент, когда этот самый матрос схватил бросательный конец, корма крейсера была внезапно поднята волной метра на три. Острый крюк кошки вонзился в основание ладони, и в мгновение ока разорвал кисть надвое. И хорошо еще, что товарищи успели схватить неудачника и не дали упасть ему за борт. При состоянии моря три балла и более, да еще ранней весной в Татарском проливе при температуре воды + 1 (+ 2) градуса, вероятность спасения человека практически равна нулю.

За проведенную операцию я получил благодарность командира.

...В Императорскую, ныне Советскую Гавань, крейсер входил в шестнадцать часов по местному времени. Пасмурный северный день в противовес надрывавшемуся на баке оркестру гасил радостное чувство встречи с берегом. Живописные высокие берега, изрезанные системой бухт, ласкали взор проплешинами

сгоревшей тайги вперемешку с участками низкорослого соснового леса, в котором все же больше было лиственниц. Маяки тускло поблескивали желтыми, выцветшими за долгую зиму, глазами, жалуясь на свою незавидную церберскую судьбу. Справа, на высоком берегу, виднелось несколько пятиэтажных домов, обозначенных на крупномасштабной карте под названием пос. Заветы Ильича. Слева призывно манил огнями город. Советская Гавань. Прижатый к земле низкими облаками, казалось, он взывал к милосердию. На пирсе бухты Бяудэ, куда предстояло швартоваться крейсеру, стояла жиденькая кучка членов семей военнослужащих, прибывших на встречу с главами семейств. Цветы отсутствовали. Чепчиков в воздухе не было. Наличествовала лишь торжественность момента. Оркестр, ошалев от собственной прыти, наяривал “Прощание славянки”. Военный дирижер Михайлов исходил потом.

Главы семейств, в числе которых оказался и медицинский начальник Божков, бодрой рысью процокали по металлической сходне, сгибаясь под тяжестью даров провизионных кладовых, и под ласковое мурлыканье боевых подруг, исчезли во мраке: “Дружно взявшись за руки, ушли за горизонт”.

В каютах крейсерской “Броневухи” лейтенанты срочно наводили марафет, подбадривая друг друга плотоядным урчанием. Я раздваивался между желанием “предаться разврату” и напутствием исчезнувшего за горизонтом начальника.

– Ах, ах! Я домой... Ах! Вы за меня! Ах! Дисциплина! Ах, ах! Ленинград!.. Ах, ах!

Однако, служебное рвение было быстро опрокинуто на лопатки дружной стайкой младшего офицерского состава. “Вперед, орлы! Там вино и женщины!” Ну, кто устоит перед призывом гениального полководца? И хотя штурмовать предстояло не Измаил, а низенький стеклянный павильон-кафе, все были готовы к подвигу.

Сумерки наступили быстро, что и требовалось. Берег призывно молчал. Только одна нахальная собачонка похотливо взвизгивала, жалуясь на жизнь.

Я, закончив инструктаж личного состава по медицинскому обеспечению корабля в мое отсутствие, надев поверх лейтенантской формы темный плащ, двинулся в-направлении ярко светящегося кафе. Размытая грунтовая дорога от пирса до поселка, полное отсутствие фонарей и дрожащие по обе стороны дороги голые лиственницы подтверждали, что 240 рублей месяц, выплачиваемые военморам “за дикость”, выплачиваются обоснованно.

Дверь кафе была закрыта изнутри, хотя движение народа

через стеклянные переборки было заметно в нем. (Не зря же подобные заведения называются “телевизорами”.) На робкий стук лейтенанта, дверь поспешно отворилась. В проеме взору предстала гурия, густой слой косметики на лице которой свидетельствовал об отчаянной борьбе с зачитывающимся в полуторном размере в северных районах, или приравненных к ним, бегом времени. Окинув взглядом “гражданскую” фигуру гостя, гурия произнесла четко поставленным командным голосом:

– Мест нет! Спецобслуживание!

И уже хотела с металлическим звуком захлопнуть дверь. Однако меня, вооруженного не столь уж нравственными советами товарищей по оружию, подобная мелочь сервиса обескуражить не могла. Придержав дверь, и галантно, насколько это возможно в подобной ситуации, я тихо произнес:

– Девочка! Негоже выставлять за дверь офицера крейсера, даже если он и был когда-то хулиганом!

– Так вы с крейсера? Фамилия?

– Хирург, лейтенант Иванов! – четко представился эскулап.

Официальная маска работника общепита мгновенно сменилась дружественной улыбкой, радушной, поистине хозяйской снисходительностью.

– А! Дело другое. Проходите, раздевайтесь. Так! Где ваше место? Ага, вот за этим столиком! Будьте как дома. Желаю приятно провести вечер.

– Спасибо!

Уплатив долг вежливости гостю, хозяйка бала вновь бдительно уставилась на дверь, дабы иметь возможность вовремя плеснуть очередную порцию радушия в души прибывающих в гости военморов.

Столики постепенно занимались публикой. Мужская половина была представлена исключительно офицерами крейсера. Женщины, одетые по последней моде, дорого, но несмотря на это, со вкусом, представляли дисциплинированную слабую половину местного населения. Большинство гостей было знакомо друг с другом. В воздухе носились радостные возгласы, изящные комплименты и грозовое электричество. Токи Высокой частоты (ВЧ) плясали, делая попытки преобразования в СВЧ (сверхвысокие частоты). Дружно прозвучал салют наций, зазвенели бокалы. Шампанское, освобожденное из плена, рванулось в пересохшие аорты. Тосты во славу дам и артиллерийского оружия, за любовь и за тех, кто в море, звучали стройной симфонией. Наибольшей популярностью пользовался тост “за лося”, смысл которого ясен любому корабельному специалисту в званиях от мичмана до адмирала.

Зазвучала музыка. Кавалеры бросились в атаку. Несмотря на кажущийся хаос в предложениях тура вальса каждый знал свой маневр. Не в своей тарелке находился только я, так как не знал пока места, отведенного мне жесткими боевыми расписаниями. Сделав две попытки пригласить дам на танец и получив отказы, наш эскулап недоуменно посасывал коньяк, чувствуя себя чужим на этом празднике жизни. И уже совсем было решив уйти, он был остановлен решительной рукой распорядительницы бала, оказавшейся впоследствии заведующей сего заведения.

– Доктор! Что за пессимизм? Все предусмотрено! Смелее! Пригласи во-о-он ту даму в темном вечернем платье. Правда, недурна? К тому же – врач. Клубы формируются по интересам.

Мозг, подогретый изрядной дозой горячительных напитков, требовал “цыганочку”, но обязательно “с выходом”. И “выход” был найден. В конце апреля Советская Гавань цветами не располагает, а обстановка, по моему мнению, в них отчаянно нуждалась. Я встал, подошел к окну, на котором стоял горшок с геранью, и нисколько не задумываясь о возможной реакции зала и устроителей вечера, решительно оборвал все имеющиеся в наличии цветы. Сформировав букет, я медленно направился к ошарашенному невиданной борзостью (флотск.) предписанному объекту поклонения. Вручив цветы под общий вздох прекрасной половины общества, пригласил на танец счастливо и победно улыбающуюся даму. Офицеры нестройно захлопали в ладоши. Заведующая кафе приплюсовала лишний червонец к счету лейтенанта, в скромном капитале которого и так уже зияла изрядная брешь.

Вечер уже перешел в ночь. На горизонте брезжило распаренное, искрящее холодным северным потом утро. Мышечная система отдыхающих требовала покоя. Нервные центры, ответственные за положительные эмоции, нуждались в разрядке. Накопленное в головном и спинном мозге электричество искало возможности короткого замыкания, что тоже было предусмотрено боевыми расписаниями и оплачено по счетам.

На крейсер собирались к обеду следующего дня, приводя на ходу в порядок перья и зализывая раны. Воздушность походки, горящие глаза и необычное возбуждение, царившее в лейтенантской среде, свидетельствовали о том, что “активный отдых” по Павлову благотворно влияет на любые, тем более морские организмы. В ход пошли утюги и бритвы, наводя глянец и лоск на внешний вид военморов, готовящихся вновь “по зову боевой трубы” ринуться в бой, как только солнышко спрячется в сопках северной части Хабаровского края. Тренировки и учения

на флоте обязательно должны повторяться несколько раз, чтобы выработать у личного состава “высокий профессионализм и боевую слаженность”. Дежурная смена с завистью взирала на тех, кто нетерпеливо ждал восемнадцати часов, имея возможность вечером покинуть свои любимое бронированное детище.

Две недели активного отдыха подошли к концу. Энтузиазм масс, подогреваемый на политических занятиях рассуждениями о войсковом товариществе и дружбе, постепенно слабел. Причина жизненна и прозаична: в карманах военспецов катастрофически уменьшалось количество билетов, свидетельствовавших о заботе партии и правительства о вооруженных силах. Любой зеленый мичман при этом убежден, что “забота” чаще всего призрачна и явно преувеличена в исторических решениях партийных съездов и речах дорогого Леонида Ильича.

Прощальный ужин, имеющий целью красиво хлопнуть дверью местного кафе и удалиться из гостеприимного уголка Хабаровского края по-английски, съел последние карбованцы из тощих бумажников лейтенантов, тем самым подогрев их стремление к морским походам и любовь к морю, состоялся. Прощальные клятвы и даже некоторое количество лицемерных слез исторгнуты из томящихся предстоящей разлукой сердец. Труба звала...

Так веселей играй, труба!
И пусть горчит поцелуй на губах.

Утром крейсер ушел за горизонт. Прощай, Советская Гавань! До встречи в будущем.

Глава 19
ОЧЕРЕДНАЯ СТУПЕНЬ

Ранним майским солнечным утром Владивосток ласкал борта кораблей водами Золотого Рога на причале номер 33. Я стоял на пирсе и думал о несжатой черной полосе, наводящей грустную думу. За десять месяцев своей флотской деятельности и карьеры, я сумел разобраться в следующих вещах:

1. Крейсеру никогда не ходить в жаркие страны – он слишком стар и будет отправлен в клинику на неопределенный срок.

2. Божков слишком хитер и ловок – он обязательно уедет к теще.

3. Я слишком молод плюс энергичен. Следовательно, буду оставлен в качестве начмеда стоящего в заводе старика.

Из этих вещей следовал только один вывод: надо “делать ноги”, если хочешь понюхать прелесть настоящих походов. Но как это сделать, если родители в этом вопросе неспособны помочь, так как звание их во флотской иерархии очень высокое – колхозники?

Но видно черная полоса в указанный момент оказалась на исходе. Водораздел обозначился в лице неожиданно подошедшего ко мне капитана второго ранга Янина.

– Здорово, лейтенант! Как служба?

Вопросы “кадровика” всегда таят в себе два смысла, если не все пять. Это тоже флотская аксиома: “Кадры решили – и все!”

– Здравия желаю! Нормально, – воодрузив на лицо американскую улыбку, ответил я.

– Нравится на крейсере?

Это уже ближе к телу.

– Конечно! Мне служба – всегда праздник... Но есть одна закавыка, товарищ капитан второго ранга, – крейсер в завод скоро встанет, а я в море хочу.

Шуба с царского плеча всегда приятна награждаемому. Но не менее приятно и царю дарить царские подарки: сознание собственной значимости и превосходства. Иначе в цари не было бы столько кандидатов.

Окинув меня оценивающим взглядом покрасневших лет тридцать назад глаз, работник кадрового органа вдруг спросил:

– Как ты смотришь на то, чтобы уйти на учебный корабль “Бородино” начальником медслужбы?

– Исключительно положительно.

– Ну-ну.

Краткость флотского диалога всегда приятна, несмотря на некую ее однобокость. Вопрос – ответ. Вопросы всегда задает старший. Младший имеет на них право только на занятиях по тактической или специальной подготовке. Вопросы на занятиях по политической подготовке не приветствуются, так как руководитель занятия может усмотреть в них крамольный смысл.

Краткий диалог, приведенный выше, выписал заказ-квитанцию на пошив шубы для лейтенанта. Через три дня, приказом командира эскадры, я был назначен на УК “Бородино” в качестве начальника медслужбы, несказанно огорчив этим своего шефа.

– Ах, ах!

Собрав свой тощий чемодан, я навсегда покинул уютную каюту на ставшей родной броневой палубе. До свидания, дружище “Пожарский”! Спасибо тебе за все. Не грусти.

XXX

Учебный корабль стоял рядом. На тридцать третьем причале. Он только что совершил переход из Кронштадта во Владивосток с попутным посещением портов Анаба (Алжир), Севастополь (СССР) и Бомбей (Индия). Округлые обводы кормы, высоко поднятые над водой, напоминали неоднократно рожавшую и любящую сладости женщину. И даже торчащие стволы мелких по калибру пушщенок не убеждали, что этот корабль – военный. Грустно я оглянулся на стремительно-хищные обводы покинутого красавца. Но грустить было поздно. В кармане лежало предписание к новому месту службы. Судьба сделала свой непредсказуемый зигзаг. Каждый человек – кузнец. Вот и куй свое счастье.

Поднявшись по высоченному трапу на ют, я был встречен стройным энергичным лейтенантом, лицо которого было покрыто угрями, именуемыми в медицине “вульгарными”, а на флоте – “хотимчиками”.

– Дежурный по кораблю лейтенант Мегердичев. А ты кто? – ошарашил меня стремительным маневром на сближение будущий сослуживец.

– Иванов Петр. Прибыл к вам на борьбу с дизентерией, – представился в свою очередь я.

Вызвав дежурного по низам, Мегердичев приказал ему провести доктора в каюту, предварительно сделав запись в вахтенный журнал, тем самым оформив прописку в новой для меня квартире.

Оставив вещи в каюте, облачившись в парадную тужурку и

привесив на пояс кортик, я пошел представляться командиру.

Устав обязывает представиться командиру в случаях назначения на должность и присвоения очередных воинских званий. Однако любой старпом и зам по ПЧ сочли бы себя обиженными, если бы вновь прибывающий не представился каждому из них. Хотя устав и освобождает военморов от подобной чести. Явное упущение в азбуке флотской службы. Ведь обида, застрявшая в сердце начальника, может впоследствии перерасти в личную неприязнь, которая – в свою очередь – гарантирует гибель нескольким миллиардам нервных клеток в мозгу подчиненного.

Постучав в дверь командирской каюты, я, получив разрешение войти, четко отрапортовал:

– Товарищ командир! Лейтенант Иванов. Представляюсь по случаю назначения меня на должность начальника медицинской службы.

Командир, среднего роста и неопределенного возраста за сорок, мужчина с солидным брюшком и пикантными – а ля эстет – усиками, капитан второго ранга Чухрай ошарашено вытаращил глаза, как будто рядом с собой вдруг обнаружил любовника своей жены.

– Я не понял вас, лейтенант! Мы на должность начмеда представили старшего лейтенанта Шишкина. Ваше появление здесь совершенно неуместно. Об этом я буду докладывать командующему флотом.

Теперь пришла очередь удивляться мне. Удар по самолюбию и настроению, по розовым и голубым мечтам был нанесен резко и безжалостно.

– Извините. Но ведь я не сам себя назначил. Вот мое предписание, – пролепетал растерявшийся док.

– Понимаю. Но все же разобраться в вашем назначении придется. Идите.

Разговор, торжественно начавшийся, печально подошел к финишу. Свидетелями его были и старпом, капитан третьего ранга Курин, и зам., старший лейтенант Бесполый, которому в нашей повести будет уделено достаточно внимания.

Круто повернувшись, я вышел и отправился к себе. Настроение было отвратительное. Мысль о том, что своему будущему подчиненному я невольно перешел дорогу, возможно, испортил карьеру, здоровенной занозой сидела в мозгу. Захотелось вернуться на крейсер, напиться спирта и уехать в Совгавань. Учебный корабль начал обучение молодого офицера по законам жесткого флотского порядка. Грустные мысли эскулапа были прерваны кратким решительным стуком в дверь

каюты, которая резко распахнулась и гостеприимно пропустила уже знакомого нам лейтенанта Мегердичева.

Решительная скороговорка посвященного во все корабельные тайны помощника командира по снабжению заполнила ограниченное пространство помещения.

– Представление, как я понял по твоей грустной роже, состоялось. Спорим, что кэп наговорил тебе гадостей. Не обращай внимания. Кораблем командует удивительная троица. Все они, при формировании ТОФовского экипажа перед убытием в Кронштадт для перегона корабля, списаны с Камчатки. Сам понимаешь, что любая флотилия лучших людей не отдаст. Вот и избавляется от всякой шелупони. У нас на корабле их называют просто: три дурака. Давай ко мне. Тяпнем по пятьдесят – дышать легче станет.

– Спасибо, дружище. Но ведь еще день рабочий. Да и настроения нет.

– Ладно. В таком случае, до вечера. Скажу мужикам, что надо встречу организовать. Сделаем, не переживай.

Я сидел и думал о том, насколько все же сложно начинать самостоятельную жизнь на флоте. Случайное стечение обстоятельств, отсутствие контакта (психологической совместимости) с любым случайно встретившимся в жизни самодуром-командиром приводит начинающего службу офицера к полнейшему разочарованию в выборе военной профессии, желанию уйти с флота. Это, в свою очередь, сказывается на качестве выполнения служебных обязанностей, что влечет за собой очередные взыскания, оскорбления со стороны начальников. Снежный ком нарастает лавинообразно. В итоге – хрупкий хребет начинающего жить молодого человека ломается, приводит к психологической драме, трагедиям. Немногим ушедшим с флота на “гражданку” впоследствии удается найти себя, приспособить собственный образ мышления к совершенно отличной от армейской (тем более флотской) среде.

После ужина офицеры корабля, исключая руководящую троицу, принимали в свой коллектив нового товарища. Торжество закончилось к утру. Запасы корабельного “шила” изрядно испарились.

Но зато я заручился поддержкой коллектива на предстоящей, судя по всему – тернистой, дороге к славе. .

После подъема флага по корабельной трансляции прозвучала команда: “Начальнику медицинской службы прибыть в каюту командира”. Столь официальное приглашение не сулило ничего хорошего. Ощетинив иголки, я дисциплинированно двинулся в пасть дракона. Войдя в каюту, увидел сидящего в расхлябанной

позе командира и решительно курсирующего вдоль переборки заместителя по политической части. Метр с кепкой ростом, кривые ноги и ярко выраженная сутулость последнего к взаиморасположению не взывала. Маленькая лисья мордочка с бегающими глазками, руки за спину… Ну и фрукт. Хотелось стукнуть щелбаном по лбу.

Зам начал решительно и твердо, обращаясь к командиру.

– Товарищ командир. Вчера я успел навести справки в политуправлении. Этот лейтенант очень непрост. У него лапа в Москве.

“Во дает”, – подумал я. Однако продолжал стоять молча. Выдав “на гора” подобный абсурд, зам вопросительно уставился на доктора. Командир, глубокомысленно потрогав свои “а ля эстет”, спросил:

– Лейтенант, это правда?

– Так точно! Лапа в Генштабе. Так что если подобные сцены будут повторяться, я вас просто сожру. Разрешите идти?

Медицинская служба на корабле была представлена стоматологом капитаном Кащеевым и тремя старшинами срочной службы – Румянцевым, Стойковым и Губским. Предстоял поход. Учебный поход с курсантами ТОВВМУ. В Индию. Порт Мадрас. К этому нужно было готовиться. Притом очень серьезно. Ведь на плечах моих уже лежала полная ответственность за жизнь и здоровье людей. Подготовка корабля к походу всегда одинакова на всех кораблях: сплошной аврал, проверки, сборы, разборы, грудь четвертого человека и партийно-политическая работа. Она довольно точно описана в предыдущих главах. Подробности не существенны.

Старший лейтенант Шишкин перед походом был переведен на Камчатку.

Глава 20
ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Перед выходом в море на любом корабле обязательно проводится партийное собрание. Объявление об этом событии в жизни военморов, написанное готическим шрифтом, вывешивается на “доске объявлений” за неделю до... Ежедневно секретарь парторганизации и ЗКПЧ внушает коммунистам, что к собранию надо серьезно готовиться, чтобы разговор получился честный, открытый, принципиальный, острый, объективный, самокритичный, деловой и так далее. Учитывая принцип единоначалия в вооруженных силах и принцип демократического централизма в партии, это практически невозможно. Любая критика единоначальника в партийном порядке влечет за собой расправу с критикующим в порядке дисциплинарном. Притом, формулировка причины наказания принципиального коммуниста никогда не содержит в себе ничего похожего на преследование за критику. Боже упаси! Все объективно! За халатность и нерадивость!

Тема разговора, называемого “повесткой дня партийного собрания” на флоте формулируется четко, кратко и ясно, как божий день. Можно привести здесь пять повесток проводимых на флоте собраний, которых будет достаточно на все случаи жизни в течение двадцати пяти календарных лет службы любого коммуниста.

1. “Об итогах подготовки корабля к длительному плаванию и задача коммунистов по успешному выполнению задач похода”.

2. “Итоги БП и ПП летнего (или зимнего, или за год) периода обучения и задачах коммунистов по их совершенствованию в зимнем (летнем, на следующий год) периоде обучения”.

3. “О ходе выполнения решений XXIV (XXV, XXVI) съезда КПСС от 00.00... любого года и задачи коммунистов по коренному улучшению (укреплению) воинской дисциплины (быта, снабжения, лечения, пьянства, хулиганства)”.

4. “Итоги выполнения задач... и задачи коммунистов”.

5. а) прием в члены КПСС кандидата в члены КПСС Петрова; б) персональное дело коммуниста Сидорова.

Все! Больше изобретать нечего! Навсегда!

Собрание коммунистов состоялось и на УК “Бородино”.

– Товарищи коммунисты! На учете в нашей партийной организации состоит: членов КПСС – X, кандидатов в члены КПСС – У. Присутствует на собрании (X + У) – Z. Все отсутствуют по

уважительным причинам. (Секретарь партийного бюро).

– Какие будут предложения по открытию собрания?

– Открыть! (Из зала).

– Кто “за”? “Против”? Единогласно! (Секретарь).

– Для нормальной работы собрания необходимо избрать рабочий президиум. Какие будут предложения? (Секретарь).

– Предлагаю избрать президиум в количестве эн человек.

– Кто “за”? “Против”? Единогласно! Персонально? (Секретарь).

– Иванов, Петров, Сидоров…

– Кто “за”? “Против”? Единогласно! (Секретарь).

Голос из зала всегда подготовлен. Кандидаты в президиум записаны на бумаге заместителем и вручены предлагающему секретарем перед собранием. Президиум занимает свои места. Притом, каждый избранный стремится попасть в председатели, так как на долю секретаря собрания выпадает обязанность вести все записи и впоследствии оформлять протокол собрания. Однако председателем всегда становится старший по должности или сроку службы.

Председатель:

– Товарищи коммунисты! На повестке дня сегодняшнего партийного собрания два (три) вопроса. Первый… Второй… Для работы собрания необходимо выработать регламент. Докладчик просит…?

– Двадцать-тридцать минут. (Докладчик).

Председатель:

– Выступления в прениях предлагаю до десяти минут. Кто “за”? “Против”? Единогласно. Слово предоставляется докладчику.

Доклады начинаются всегда одинаково.

– Товарищи коммунисты! Особенность нашего партийного собрания заключается в том, что оно проходит в условиях, когда весь советский народ, воодушевленный решениями … съезда КПСС, положениями, изложенными в речи ГС ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР на встрече с трудящимися города… уверенно идет по пути строительства коммунистического светлого будущего. Когда империалистические круги Запада и США нагнетают военный психоз. Когда НАТО вооружается до зубов и тем самым дестабилизирует обстановку в мире…

Мы, коммунисты, комсомольцы и весь личный состав корабля (соединения, объединения) единодушно и полностью поддерживаем и одобряем миролюбивую внешнюю и конструктивную внутреннюю политику КПСС. Свою главную задачу мы видим в том, чтобы быть готовыми всегда выступить на

защиту священных рубежей нашей Родины.

Коммунисты нашей партийной организации правильно понимают... Каждый на своем посту делает все... Результат...

Наряду с тем имеется ряд существенных недостатков. Так, в штурманской БЧ, в электромеханической БЧ (руководитель капитан Петров), медицинской службе (руководитель беспартийный Иванов) имеет место... И мне непонятно... почему?... как это возможно?... Товарищи неправильно понимают!.. Идут вразрез с решениями!.. Не воодушевлены! Льют воду на мельницу!.. Я думаю, коммунисты дадут принципиальную оценку действиям этих товарищей...

Доклад всегда заканчивается на высокой патриотической ноте: “Уверен, что коммунисты справятся... решат...” Председатель: “Доклад окончен. Какие будут вопросы к докладчику? Нет? Есть предложение вопросы подавать в президиум в письменном виде. Переходим к прениям по докладу. Кто желает выступить?

Первым выступать не хочет никто. И уж после призывов: “Активнее, товарищи, активнее!”, председатель предоставляет слово одному из присутствующих.

Глядя в бумагу, долженствующую засвидетельствовать, что выступающий упорно готовился к собранию, но на которой в лучшем случае записано три строчки, вышедший на трибуну с пафосом начинает речь, в которой признает, что “критика, прозвучавшая в его адрес в докладе, правильная”. Затем: “...докладчик верно заметил, указал и т.д.”. После обязательного вступления, начинается принципиальная оценка деятельности береговых учреждений, от которых зависит подготовка корабля к походу. Эти учреждения обязательно “не выписали”, “не привезли”, “нет на складе”. Крупные береговые начальники лейтенанта “не приняли”, “отказали”. Бюрократы в отделах “закрылись на обед” или “уехали в командировку”. И именно в этот момент и в тот день, когда у корабела появилась возможность в эти отделы обратиться. Итак, в недостатках виноват берег. Затем часть вины с собственных плеч перекладывается на плечи товарищей. Механик “не обеспечил водой” (паром, газом, мазутом); СПК “отправил в патруль” и т.д.

Но, товарищи коммунисты, свои недостатки я вижу, желание работать есть. Все будет сделано. Заверяю”.

Следующий действует по той же накатанной схеме. Механик валит на снабженца, снабженец – на механика, связист – на помехи в эфире, минер – на минно-торпедную базу, доктор – на всех вместе взятых, так как “санитарная культура экипажа не на высоте”. Итак, пререкания по докладу закончены.

Заключительное слово докладчика. Председатель:

– Слово для зачтения проекта постановления предоставляется коммунисту имярек. “Проект” готов еще в позапрошлом году. Однако, в него внесены изменения дат, номеров съездов и названия “речей” великих. Плюс – фамилии ответственных и исполнителей.

– Поступило предложение принять “проект” вцелом (или с дополнениями).

– Кто “за”? “Против”? Единогласно.

– Товарищи коммунисты! Повестка дня нашего собрания исчерпана. Время для справок и объявлений.

Занавес. Три часа партийной демократии истекли. Начинаются будни. Единоначалие. Облегченно вздохнув, коммунисты отправляются по каютам. Пить чай.

Глава 21
ПОХОД

Проверка готовности корабля к походу представителями вышестоящего штаба завершена. “Добро” на выход записано в журналы боевой подготовки боевых частей и служб. Аврал закончен. Согласно приказу главнокомандующего, каждый член экипажа перед походом имеет право на пятисуточный отдых. Это “де юре”. “Де факто” подобной возможности не имеет никто, кроме заместителя по политической части, который сам себе хозяин. Командир может сойти на берег к любимой жене в ночь перед выходом. Изобретательные лейтенанты могут отдохнуть на берегу... после отбоя, так как вахтенным на юте стоит лейтенант, а старпом в это время или спит, или играет в шешь-бешь. Однако, здесь нельзя исключить вероятность “пролета ”.

...День выхода корабля из Владивостока был солнечным и торжественным. На борту находилось несколько сотен будущих офицеров флота, оркестр ТОВВМУ и около пятидесяти офицеров-руководителей-преподавателей-воспитаталей. Каждый член экипажа смотрел на пассажиро-балласт с плохо скрываемой снисходительностью, но доброжелательно-гостеприимно. На пирсе пестрой стаей махали прощально крылышками те, коим суждено будет в будущем иметь честь стать женами защитников морских рубежей. Некоторые из них эту честь уже имели, наверняка есть и такие, которым посчастливится этой чести избежать вовсе.

Оркестр на астрономической палубе наяривал “Прощание славянки”. Потерянно бродили по кораблю или непрерывно курили в каютах офицеры-воспитатели. Экипаж работал. Приготовление к бою и походу, съемка с якорей, проход узкостей по учебной тревоге. Высокий психологический подъем, необъяснимая радость, ощущение собственной значимости. И, наконец, берега исчезают за горизонтом. Пар постепенно покидает стесненную волнением грудь. Начинается монотонно-размеренный бег дней, недель, месяцев. Вахта. Отдых. Завтрак. Обед. Ужин. Вечерний чай. В перерывах между приемами пищи работа, работа, работа. То есть то, что на флоте считается “не жизнь”. “Жизнь” – это время между вечерней проверкой и подъемом, когда личный состав уже готовится ко сну или спит, а офицеры и мичманы, наконец, получают возможность заняться тем, чего требует душа или тело.

Принято считать, и в этом чаще всего убеждают нас

“правильные” книжки о жизни армии и флота, что личное время офицеры и мичманы посвящают политическому самообразованию, подготовке к занятиям на следующий день или же душевной беседе с молодым доверчивым матросом. Это не совсем так. Представьте: с 6.00 до 22-23.00 общаться и беседовать с личным составом приходится поневоле. Это же семнадцать часов в сутки!!! Разве после столь длительного общения “потянет на контакт”??? Корабль – это не батальон мотопехоты, где, надраив до блеска сапоги, после ужина можно уйти домой или в парк, оставив вверенный личный состав на попечение старшины роты. Корабль – это закрытый контур, выброшенный в открытое море, где общение между людьми исключительно тесное. Даже при желании моряки не имеют возможности избежать контактов с нелюбимым субъектом. Вот уж где богатое поле деятельности ученым, изучающим вопросы психологической совместимости.

Подготовка к занятиям? На бегу, непосредственно перед занятием или же в процессе его проведения. Но только не в личное время. Но о том речь впереди.

В четыре часа утра в мою каюту отчаянно забарабанили. С криком: “Умирает! Курсант умирает!” – в дверь ломился дежурный по низам. Побудка не из приятных…

Вскочив с постели и уточнив, что “курсант умирает” в амбулатории, куда он доставлен с астрономической палубы, я бросился туда. Хотя слово “бросился” не совсем точно выражает степень поспешности. Ведь все же это был первый из пациентов в моей практике, решивший столь поспешно и неожиданно умереть в открытом море. Притом, в море Японском. К слову “бросился” уместно добавить “стремглав”, “сломя голову”, “впереди собственного визга” и так далее.

На кушетке без сознания лежало молодое тело, вокруг которого толпилось около десятка моряков. Дирижировал хороводом фельдшер, старшина первой статьи Стойков. Получив несколько пощечин по бледным, покрытым испариной щекам, нюхнув изрядную долю нашатырного спирта и освеженный холодной водой, умирающий пришел в сознание. Из анамнеза болезни стало известно, что во время несения вахты больной вдруг почувствовал резкую “кинжальную” боль в животе, от которой потерял сознание. “Очнулся” уже в медблоке. Ранее постоянно жаловался на боли в желудке, изжоги. При обследовании больного, я обнаружил “дискообразный живот”. Это классическая триада симптомов не вызывает обычно сомнений у любого врача. Диагноз – прободная язва желудка. Врачи, читающие эти сроки, со мной согласятся. Итак, нужна срочная операция. Полостная. Для меня – первая в море.

– Стойков! Готовьте операционную. И больного.

– Понял.

О предстоящей операции было доложено на ГКП. Я принялся за написание истории болезни, что никому из врачей не доставляет удовольствия. Через час, в течение которого готовилась операционная, клиническая картина у больного изменилась и говорила уже в пользу острого аппендицита. Я был в растерянности, однако вида не показывал, изображая из себя Пирогова перед больным и подчиненными.

Грохнула дверь медотсека, и в нее, горбатясь под тяжестью наследственности и фотоаппаратуры, прошмыгнул лекарь человеческих душ. Товарищ Бесполый.

Поздоровавшись с доктором, он деловито направился к больному и, к удивлению публики, начал обследование. Даже живот потрогал. На мой недоуменный взгляд глубокомысленно изрек:

– Я на эсминце полгода жил в каюте с доктором. Как вы думаете лечить больного?

– Позвольте узнать ваше просвещенное мнение, коллега.

– Вы не иронизируйте, доктор. Я думаю, что здесь нужна операция, – вполне серьезно заявил зам.

– Совершенно с вами согласен.

– А вы ядовиты. Но к делу! В целях пропаганды передового опыта я буду фотографировать ход операции. Потом выпустим боевой листок. Стойков! У вас все готово?

Подобная наглая распорядительность привела меня в состояние крайнего недовольства (сказано мягко). Однако, сдержав себя, спокойно сказал:

– Слушай сюда, старший лейтенант. Ваш спич неуместен. Никаких распоряжений в данном заведении я не позволю. Это раз. Фотографировать будешь на комсомольском собрании. Операционная стерильна, и попытки пропагандировать мой отсутствующий опыт могут угрожать жизни больного. Это два. И, в – третьих, освободите помещение! Мне надо работать.

Визг поросенка, идущего под нож – ничто в сравнении с визгом уязвленного замполита:

– Вы!!! Вы китайский шпион! На кого вы работаете?! Я вас сгною! Я вам покажу дисциплину!

Это все изложено для читателя, никогда не имевшего возможности слышать язык боцманов. И вдруг среди криков и топота раздалась спокойная команда, относящаяся к матросам:

– Становись!

Команда исполнена мгновенно.

– Слушай мой приказ! Взять этого распоясавшегося кретина и

выбросить из медблока! Исполнить!

Несмотря на то, что визг достиг апогея, Бесполый шлепнулся тощим задом на палубу у выхода медотсека. Броневая дверь лязгнула, изолировав озабоченных происшествием эскулапов от внешнего мира. Операция происходила под глухо доносившийся вой поверженного “коллеги”.

При разборе инцидента адмирал взял меня под защиту. Однако будущее рисовалось мне в мрачных тонах. В лице заместителя командира по политической части я нажил смертельного врага, хотя и приобрел массу сторонников и окончательно утвердился в коллективе. К сожалению, на флоте и подобное возможно.

X X X

Однообразие походных суток известно каждому моряку. На любом корабле. Однако в каждом отдельном случае в жизни каждого отдельного корабля имеется своя изюминка. Уставы, руководящие документы и распорядок дня в изюминке неповинны. Все зависит от характера и уровня подготовки командира, а также от его личных представлений о методах управления вверенным ему коллективом. Особенность командира УК “Бородино” состояла в том, что он был глубоко убежден в недобросовестности всех окружающих его людей. Любые рекомендации специалистов по сугубо специфическим вопросам воспринимались командиром с открытым недоверием. Имея довольно смутные представления в деле организации снабжения, медицинского обеспечения, применения оружия или связи, он безапелляционно заявлял:

– Доктор! Запомните как “Отче наш”! На корабле самый грамотный в медицине человек – это я! Вы – мой заместитель.

Или:

– Каждый снабженец – вор. Посему, любой вопрос снабжения должен быть доложен мне для принятия решения.

И так далее. Лишив тем самым офицеров всякой самостоятельности, требуя докладов по самым незначительным вопросам жизни и деятельности корабля, он просто физически не успевал решить все сам. Поэтому все дела успешно “заваливались”, что в свою очередь служило причиной для недовольства командования служебной деятельностью офицеров.

– Наиболее приемлемая система управления на корабле – сталинская, – глубокомысленно изрекал командир перед строем лейтенантов. Полная централизация власти! Ваш незначительный

опыт службы, товарищи офицеры, дает мне полное право предположить, что вы пока не в состоянии решить, за что вначале хвататься: за сисю или за писю. В походе любой командир большую часть времени проводит на ГКП, независимо от времени суток и точки в мировом океане, он несет ответственность за безопасность корабля. Персональную ответственность перед партией и правительством. Капитан второго ранга Чухрай напоминал об этом экипажу три раза в сутки:

– Товарищи офицеры! Я отвечаю за корабль персонально перед партией и правительством. Поэтому холодный чай, который вестовой принес мне на ходовой, я расцениваю как подрыв авторитета командира. Помощник по снабжению!

– За бездушное отношение к офицерскому составу я объявляю вам строгий выговор!

– Есть!

Несмотря на то, что к управлению кораблем старший помощник командира капитан третьего ранга Курин официально допущен не был (допуск объявляется приказом командующего после сдачи кандидатом в командиры массы зачетов), товарищ Чухрай на время своего отдыха допускал его к управлению кораблем самостоятельно. О чем и делалась запись в вахтенном журнале. Спал же командир не в каюте, а в штурманской рубке, помещении смежном с ГКП. Часы отдыха его зависели от плотности обеда и убеждения, что именно гениальный руководитель может работать в ночные часы (по-сталински). К тому же в тропиках работа днем малопродуктивна из-за высокой степени солнечной радиации, губительно действующей на мозговые центры (я правильно понимаю, док?). Посему с 12 до 18.00 командир спал в штурманской рубке. И разбудить его разрешалось только в крайних случаях, грозящих гибелью кораблю. Очередной тур отдыха начинался с 22 часов и продолжался до часу или двух часов ночи. Командирская бессонница вступала в свои права именно с этого момента. Проснувшись в два часа ночи, повелитель вдруг решал, что офицеры, уставшие и издерганные за прошедший рабочий день, достаточно отдохнули, молоды, здоровы, к тому же, бездельники и должны бодрствовать вместе с ним. Это решение немедленно трансформировалось в команду по корабельной трансляции:

– Офицерскому составу построиться на левом (правом) крыле ходового мостика! (В зависимости от направления ветра).

Сонные, выдернутые из коек, лейтенанты, прибывали на ГКП. За теми, кто команду не слышал (а сон у лейтенанта исключительно крепкий), отправлялись рассыльные. Через полчаса хмурые и недовольные защитники морских рубежей

стояли в строю, ожидая вводной по отражению атак подводного противника.

– Товарищи! Я пригласил вас, чтобы напомнить, что командир несет персональную ответственность перед партией и правительством за безопасность вверенного ему корабля. Я удивлен, что в кубрике номер четыре матрос Ходжаев спит без простыни. Помощник по снабжению!

– Я!

– Сколько у нас матрасов на корабле?

– Не помню, товарищ командир. Днем сосчитаем.

– Ясно. За запущенность учета вещевого имущества на корабле объявляю вам выговор.

– Есть!

– У меня все, идите.

Проклиная в душе подобную командирскую прыть и самого командира, офицеры отправлялись по каютам. Рабочий день окончен.

XXX

Утро, как известно, начинается с рассвета. Подъем, туалет. Малая приборка. Завтрак. Построение по большому сбору. Поличная поверка. “Офицерскому составу прибыть на ходовой”. 8 часов 30 минут. Построились.

– Товарищи офицеры! Я пригласил вас на ГКП, чтобы напомнить, что я несу персональную ответственность перед партией и правительством за вверенный мне корабль... Доктор, вы ночью проверяли вахту?

На всех кораблях принято в дополнение к дежурной смене, дозору по живучести, погребам и т.д. “расписывать офицеров” на “ночную проверку вахты”. Никакими документами этот перл бдительности не предусмотрен. “Проверяющие” не знают, что проверять, почему нужно дублировать официально стоящих на вахте людей. От недоверия? Для перестраховки?

– Так точно, проверял.

– Товарищи офицеры! Читаю вам записанные доктором в журнале проверки замечаний: 1. Мусор в кормовом гальюне. 2. В тамбуре кладовой провизии отсутствует плафон. 3. Матрос Гегидзе бродит после отбоя по кораблю. И это все? Разве это проверка? Мне стыдно за офицера! Лейтенант Иванов!

– За отсутствие политической бдительности объявляю вам выговор!

– Есть!

– Вопросы есть? Нет? Все свободны. По плану.

Та же история с небольшими вариациями повторяется ежедневно. Только выговоры объявляются разным офицерам. Политическая бдительность отсутствует поголовно. Ночная проверка вахты не организована.

Если человеку сто раз повторить, что он свинья, то на сто первый человек захрюкает. Упорная последовательность в оценке деятельности офицеров командиром корабля навела лейтенантов на мысль: необходимо хотя бы один раз проверить корабль по-настоящему. Каждый моряк знает, что на корабле существует масса помещений, куда неделями никто не заглядывает. Это вентиляторные выгородки, тамбура, шахты, коридоры кабельтрасс. Однако, требования к их содержанию те же, что и требования по содержанию кают-компаний офицеров. Все должно быть “в образцовой чистоте и исправности”. Однако, “в действительности все выглядит иначе, чем на самом деле”.

В один из вечеров, накрыв в каюте стол для подкрепления сил и вооружившись терпением и решительностью, я и Мегердичев решили обойти и посмотреть все помещения корабля на предмет “выявления замечаний”. Этим своим рвением в службе мы решили доказать командиру, что хоть капля политической бдительности в нас все же есть.

К утру обход корабля был закончен. То, что мы выявили, могло потрясти устои Вселенной, но никак не привычный ко всему флотский организм.

Ржавчина, разграбленная электропроводка, мусор, затопленные трюма, горы промасленной ветоши, грозящие возгоранием окурки... Персонально отвечающий командир должен был быть представлен к увольнению без пенсии.

Изложив увиденное шершавым языком плаката в журнале обхода, мы решили “нечаянно” показать этот журнал старшему на переходе – адмиралу. Тем самым доставить командиру удовольствие иметь с ним беседу по поводу...

Утром, объявив офицерам причину приглашения на ГКП, командир спросил:

– Кто сегодня ночью проверял вахту? Я не вижу журнала замечаний.

Вперед выступили я и Мегердичев. С кислой миной человека, потерявшего совершенно секретный документ, Мегердичев сказал:

– Товарищ командир. Мы с доктором сегодня, в соответствии с вашими указаниями, всю ночь обходили корабль, выявили массу замечаний. К утру записали их в журнал и вот, когда по команде двигались на ГКП, в коридоре нас встретил адмирал и

указанный журнал потребовал к себе. Так что все наши недостатки, художественно оформленные, лежат на столе у адмирала. Думаю, что он вас с ними ознакомит.

Командирский организм, изношенный двадцатью пятью годами флотских неожиданностей, бледнеть начал с лица. Кровь уходила в нижние части тела.

– Штурман! Почему не обработана до сих пор карта погоды? Объявляю вам выговор!

– Есть!

Трое суток аврала по “устранению выявленных замечаний” измотали команду. Ночные бдения офицеров были отменены. Политическая бдительность оказалась в наличии.

XXX

9.00. В медицинском отсеке начинается прием больных, время приема регламентировано приказом командира, выписка из которого, взятая в рамочку, висит на двери амбулатории. 9.00 – 11.00. Это время отдано врачу, больным, здоровью военморов. Де-юре. Де-факто строгий приказ командира не действует. Вызов к старшему помощнику. Здесь док услышит историю, что нахальный таракан забрался в холодильник и съел сахар, следовательно, знания, полученные врачом в вузе – обыкновенная глупость. Больные ждут.

Вызов к заместителю. Здесь док узнает, что его подчиненный, матрос Губский, матерно выражал недовольство отсутствием порядка на камбузе. Следовательно, моральный облик офицера не лезет ни в какие рамки, не соответствует моральному кодексу строителя коммунизма. Попутно док узнает, что работает на китайскую разведку.

Больные ждут.

Большой сбор, совещание, политинформация, занятия по плану командира или другого начальника.

Больные ждут.

Любая попытка врача не прибыть на любое из мероприятий заканчивается выговором за отсутствие понимания задач текущего момента.

Амбулаторный прием окончен. И чтобы провести его в соответствии с требованиями руководящих документов и медицинской науки, врач должен работать в обеденный перерыв, если в нем сохранилась хоть капля гуманизма и чувство врачебного долга окончательно не вышиблено флотом из души эскулапа.

Итак, с 12.00 до 15.00 (адмиральский час) корабельный эскулап потратил на лечение больных. 15.00 – 17.30 – время, отведенное приказом командира на амбулаторный прием. Вместо приема – сборы, разборы, грудь четвертого человека. С 18.00 до 20.00 прием больных осуществляется фактически. В личное время врача. Вот вам и суточное планирование. Говорят, что представителям иностранных разведок на нашем флоте работать гораздо труднее, чем в Японии. Это связано с тем, что мы планируем одно, делаем другое, а получается третье.

Глава 22
ИНДИЯ

Прошли Японское море. Яркое южное солнце покрыло потом лысину старшего помощника. Иллюминаторы ощетинились фанерными воздухозаборниками. Тела механиков начали покрываться потницей. Расход спиртового раствора бриллиантовой зелени начал увеличиваться прямо пропорционально возрастанию температуры воздуха. С входом в Корейский пролив на корабле была дана команда переодеться в тропическую форму одежды, выданную всему экипажу и пассажирам накануне.

Тропическая форма есть шедевр художественной и конструкторской мысли бездельников из конторы, называемой НИИ формы одежды МО. Если бы хоть одному из модельеров, создавшему сей образец и получившему благодарность начальника, в приказном порядке пришлось облачиться в собственное произведение, беспризорники старой Москвы не рискнули бы его ограбить. А жена, оставив художнику мебель и вещи, рванула бы в Сибирь.

Представьте, читатель, матросские брюки, застегивающиеся в поясе по бокам – справа и слева – и не имеющие ширинки. Теперь отрежьте штанины на уровне колен, замените сукно на хлопчатобумажную синюю тряпку и... тропические шорты готовы. Теперь всуньте в шорты размером номер 50 моряка номер 44. Сверху наденьте балахон 58 размера, называемой тропической рубашкой. Чучело готово. Свободный покрой указанного костюма, по гениальной мысли авторов, должен обеспечивать свободный доступ воздуха к телу. Пилотка с длинным козырьком плюс тропические тапочки из свиной или воловьей кожи с бумажной подошвой. Финиш. Стоять в тапочках на нагретой тропическим солнцем металлической палубе невозможно: жжет ноги.

Тропическая форма для офицерского состава не разработана. Приходится пользоваться формой рядового состава. Однако, как известно, голь на выдумку хитра. Офицеры нашли приемлемое решение: отрезали рукава кремовых рубашек, изобразив пароходный комплект: синие матросские шорты плюс облегченный вариант повседневной рубахи. Красота? Тапочки для офицера стоят червонец. Вместе с дырками в них.

XXX

Утром вошли в Цусимский пролив – место героического сражения нашей русской эскадры, погибшей с честью по вине прогнившего царизма, как утверждают историки. Здесь же погиб и крейсер “Бородино”, покрыв неувядаемой славой это священное для всех русских моряков имя.

Предстоял траурный митинг и возложение венка в точке гибели наших соотечественников. Траурные церемонии всегда печальноторжественны. А если они проводятся вдали от Родины, в море, торжественность и святость момента сжимает душу и наворачивает слезы. Моряк чувствует себя оторванным от пуповины, Одиноким и беззащитным. Ощущение океанской бездны, в которой покоятся жизни твои собратьев, становится физическим. Поневоле начинаешь представлять себя кандидатом в покойники. Ясно видишь горе своих родных и близких, слезы матери, одиночество жены и сиротство дочери.

“По первому сроку оденьтесь, братишки,
По первому сроку.
Положено в чистом на дно уходить морякам:".
(А. Розенбаум)

В 8.00 строй моряков и курсантов, одетых по первому сроку, замер. Траурный митинг начался. Речь, произносимая заместителем командира по политической части, каждым словом своим обнажала тщетность собственного бытия и величие подвига предков. В такие минуты все обиды отходят в прошлое, кажутся мелкими. Тихая траурная музыка. Флаг приспущен. Строй преклонил колена. Два курсанта торжественно медленно спускаются по трапу к воде, держа венок с бескозыркой на вытянутых руках. Среди пронзительного молчания венок, как дань уважения павшим, закачался на волнах. Минута молчания. Прощайте, дорогие товарищи. Вас не забыли. Ваш подвиг переживет века.

Винты вспенили воду за кормой, и “Бородино” ушло курсом к своей собственной славе.

XXX

Три недели плавания подходили к концу. Индийский океан мерно покачивал округлые формы УК мерной океанской зыбью. Температура воздуха перевалила за 40 градусов. Неисправность системы кондиционирования воздуха изгнала моряков на верхнюю палубу: спать в кубриках стало невозможно. Организмы

включили механизм терморегуляции на полную мощность. Количество потребляемой воды увеличилось впятеро. Солнечные ожоги изнеженных умеренным климатом тел приняли массовый характер, несмотря на проводимую санитарно-просветительскую работу.

Корабль подходил к иностранному порту Мадрас, Индия. Слоны и йоги. Инд и Ганг. Касты государственных чиновников и неприкасаемых. Хэппи мэн, Шива, буддизм. Экзотика. Радж Капур.

Подготовка к заходу в иностранный порт на всех кораблях флота напоминает “сватовство майора”. Только майор ждет на берегу, а невеста в ожидании вожделенной встречи глотает валерьянку и исходит потом нетерпения за пределами видимости береговой черты.

Прежде всего ребра и бока невесты стонут от грохота молотков, сбивающих ржавчину и старую краску, готовясь к наложению новой изрядной порции косметики. Это называется на флоте “покрасочные работы”. Их проведение на корабле всегда вызывает головную боль: кроме грохота имеет место быть стойкий противный запах покрасочных материалов, заполняющий все жилые и служебные помещения. Замазав бородавки и плешь на теле невесты, дружина ее начинает извлекать из рундуков заплесневелые от высокой влажности суконные штаны (не замерзнуть бы в тропиках!), грязные бескозырки и стоптанные “хромочи”. Обильная пена, шипение утюгов, пятна гуталина на трудовых мозолистых руках мореманов. Затем общекорабельный смотр формы одежды. Потом все повторяется сначала. “Устранение замечаний по форме одежды”.

Из политических мероприятий, проводимых перед заходом, в репертуаре обязательны:

1. Лекции и политинформации по группам о географическом, военно-политическом и экономическом положении страны захода.

2. Инструктаж специальным корреспондентом от КГБ по вопросам политической бдительности и сохранения военной и государственной тайн.

3. Партийные и комсомольские собрания с повесткой дня “О задачах коммунистов (комсомольцев) по качественному решению задач в иностранном порту”.

4. Лекция “О профилактике инфекционных заболеваний и предупреждении заноса на корабль особо опасных инфекций в иностранном порту”.

5. Издание приказа командира с объявлением “пятерок” для схода личного состава на берег.

6. Разное.

7. Подсчет имеющихся инвалютных грошей в соответствии с курсом местной валюты.

8. Воспоминания “бывалых”.

XXX

В порт Мадрас входили ярким солнечным утром. По бортам солидно расхаживали бойцы “невидимого фронта” – вахта бдительности. Из иллюминаторов кают высовывались любопытные рожи офицеров и мичманов. Командир бегал по ходовой рубке с борта на борт, выкрикивая команды и ругая любого подвернувшегося под руку военмора за нерасторопность и безграмотность, попутно награждая гримасой улыбок лоцмана. Корабельный “профессор” английского языка силился изобразить беглую речь и мастерство двухстороннего перевода с английского на русский и обратно.

Корабль пришвартовался лагом (бортом к пирсу). Швартовы заведены, якорь отдан. Из иллюминатора моей каюты взору предстали мусорные баки с копошащимися в них огромными, аккумулировавшими в себе тропический зной, крысами. Для предупреждения проникновения этих страшных зверюг на корабль, на швартовы немедленно были надеты крысоотбойники – фанерные круги диаметром до 80 сантиметров.

Здесь же стояла машина представителей советского консульства. “Представители” в каюте командира пили “чай” и кушали кусок черного хлеба с маслом и селедкой, попутно знакомя командование корабля с правилами поведения в порту Мадрас.

Я был озабочен предстоящей закупкой питьевой воды. По существующим карантинным правилам, прежде, чем принимать воду на корабль, начальник медицинской службы обязан получить на воду санитарный паспорт, проверить качество воды и только после этого дать разрешение на включение насосов, о чем сделать запись в вахтенном журнале. Санитарно-карантинная служба флота перед выходом в море снабдила меня эпидемической обстановкой в порту Мадрас: холера, чума, менингит, брюшной тиф... Волосы стояли дыбом. А когда я увидел, что к борту пришвартовалась ржавая водоналивная баржа и корабельные трюмные начали присоединять к ней шланги, то взревел белугой и бросился к представителю консульства.

– Здравствуйте. Лейтенант Иванов. Прошу вас дать мне информацию о качестве местной воды и возможности контакта с

местными карантинными властями, – обратился несчастный док к представительному представителю.

– Могу вас успокоить: вода здесь отвратительного качества, так что без предварительного кипячения мы ее не пьем. Это ответ на ваш первый вопрос. Карантинных властей в порту нет, так что контакт с ними невозможен. Для военного моряка это ответ номер два.

Речь звучала спокойно, солидно, литературно правильно, приводя меня в трепет.

– Товарищ командир! Я в соответствии с требованиями корабельного устава и приказа ГК ВМФ №... от... прием воды на корабль запрещаю, – требовательно уставившись в глаза командира, изрек несчастный док.

– Идите отсюда, доктор. Без вас голова трещит. Воду принимать!

Последнее распоряжение повергло меня в прах. “Против лома интеллект бессилен.”

Несмотря на неограниченную власть, данную докторам корабельным уставом в вопросах сохранения здоровья военнослужащих, вода была принята. Однако, власть была реализована тем, что количество хлорки, залитое в цистерны, напоминало экипажу о врачевателях до конца похода.

XXX

Инструкции, полученные экипажем перед выходом в город сводились к следующему: не бросаться на мелочи, не обращать внимания на политические манифестации, не поддаваться на провокации, не курить, не пить воду и соки, не подавать милостыню, вести себя достойно. Этими “не” советский моряк должен продемонстрировать мощь и миролюбие советского государства.

Описывать красоты и экзотику Индии, пестроту и контрасты ее городов нет необходимости, так как этот труд взвалил на себя журнал “Вокруг света” и успешно с ним справляется. Впечатления о Мадрасе – специфические для военного моряка: плюс пятьдесят градусов, суконные черные штаны, тяжелая фуражка, море пота и постоянно рискующие потеряться среди пестрой рыночной толпы члены вверенной под командование пятерки. И никаких провокаций.

XXX

Второй день визита будоражил умы офицеров корабля и курсантов ТОВВМУ предстоящим ужином, организованным морскими властями Мадраса. Список приглашенных долго муссировался на верхних этажах корабельной власти. Из ста процентов желающих посетить великосветский раут, нужно было выбрать самых достойных, способных высоко нести знамя чести советского офицера. Всего двадцать человек, включая офицеров ТОВВМУ. К вечеру кандидатуры были всесторонне обсуждены, согласованы и утверждены. Я в их числе.

К 19.00 к трапу был подан автобус. Когда “достойные” заняли свои “законные места”, взволнованный командир благословил их напутственной речью:

– Я, как несущий персональную ответственность перед партией и правительством за вверенный мне корабль, предупреждаю: если какая-нибудь свинья нажрется сверх меры – сгною. Все прониклись ответственностью.

Советский народ знает Индию в основном из кино. Красоты природы, красивые женщины со звездами во лбу, мужественные мужчины. Именно такой уголок местного колорита предстал взору офицеров, прибывших в резиденцию старшего морского начальника штата Мадрас. Дневная жара сменилась вечерней прохладой. Термометр застрял на отметке + 35 градусов. Двор, обрамленный пышной тропической растительностью, яркий свет электрических фонарей, яркие наряды красивых женщин. В углу – стол, уставленный разнокалиберными яркими бутылками. Закусок не видно. А ля фуршет. Нарядные, в белых костюмах и белых чалмах офицеры индийского флота. Представитель советского консульства с супругой, несколько переводчиков для обеспечения светских разговоров представителей дружественных государств. Первый тост, провозглашенный старшим морским начальником ВМС знаний английского языка не требовал. Индия плюс Советский Союз равняется дружба. Ответный тост также в переводе не нуждался.

Советский Союз и Индия равняется дружба. Ясно. На закуску русскому военмору – два кубических сантиметра оригинально приготовленного мяса. Языки постепенно развязывались. На вопросы “ду ю спик инглиш” и “парле ву франсе” в голове почему-то вертелось “ди киндер геен ин ди шуле” и “дер тишь”, что значит в переводе с немецкого – стол. Несмотря на исключительную резвость переводчиков, свободный обмен мнениями был неловок и мучителен. Посему, предпочтение отдавалось тостам, непонятность смысла компенсировалось доступной пониманию пантомимой. Через два-три часа, когда представитель ТОВВМУ непринужденно обнял за талию супругу

консула, по молчаливому согласию гости начли прощаться с хозяевами. Все чинно, красиво и с достоинством.

По прибытии офицеров на корабль, командир вызвал к себе меня и Мегердичева. Несмотря на позднее время, мысль его работала четко. Заботы дня грядущего теснились в отягощенной ответственностью командной голове. С удовлетворением объявив прибывшим лейтенантам, что “наши не подкачали”, командир приступил к обсуждению меню завтрашнего обеда, устраиваемого согласно требованиям дипломатического протокола. Несмотря на то, что к составлению торжественного меню доктор имеет такое же отношение, как ООН к отсутствию колбасы в магазинах Владивостока, он, как видим, был приглашен. Причина призрачна – запас высококачественного медицинского спирта в аптеке. Дело в том, что на “представительские” цели военная торговля отпускает спиртное в количестве, достаточном для первого тоста “Советский Союз + Индия – дружба”. На тост ответный спиртного хватает только для глав делегаций. Другие официальные лица вынуждены перебиваться кваском, что допустить никак невозможно, учитывая торжественность момента.

При известной ловкости и природной сметке русского человека, обычный спирт может быть превращен в коньяки любых марок, включая Наполеон и Камю, ликеры виски, и даже шампанское. К работе по изготовлению напитков был привлечен старшина Стойков на том основании, что его брат получил фундаментальное винодельческое образование в винодельческом институте, о чем свидетельствовала запись в автобиографии старшины.

Удостовериться в качестве изготовленного напитка можно лишь путем дегустации, на что было получено специальное разрешение командования. К утру “напитки” были готовы. Вместе с “алхимиками” их породившими. Трудовой алхимический подвиг был вознагражден освобождением от служебных обязанностей до обеда следующего дня.

XXX

Последний визит советских моряков в дружественную Индию обещал быть программно насыщенным. Консульство СССР по согласованию с местной стороной организовало для гостей автобусную экскурсию в Махачипурам – экзотический город-поселок-поселение. Он находится в пятидесяти километрах от Мадраса. Выехали утром. Богатая красками индийская природа, ласковое утром тропическое солнце, лазурь океана, вдоль

которого пролегал “маршрут следования”, приземистые, крытые тростником хижины, во дворе которых играла детвора, забота партии и правительства об организации труда и отдыха военных моряков, создавали ощущение беспечности и блаженства.

Наскальная скульптура, буддистсткие храмы, пестрая толпа торговцев, предлагающих разнокалиберные поделки из дерева, поделочных и полудрагоценных камней, производили впечатление на гостей до тех пор, пока форменки не промокли от пота и суконные штаны не прилипли к телу. Каждый мечтал о шортах и белых тапочках. Не до экзотики. На обратном пути мы посетили питомник для крокодилов. Ферма по откорму и выращиванию дамских сумочек и модных штиблет. Система искусственно построенных водоемов, каждый из которых предназначен для рептилий определенного возраста: ясли, детский сад, начальная школа, восьмилетка, СПТУ, университет и... пожалуйте в крематорий. Необходимо только предварительно снять кожу. Крокодилы сидели в воде, спасаясь от полуденного зноя и вызывая зависть у посетителей. По просьбе общественности старый индус воззвал к крокодильской совести посредством серии непередаваемых звуков и представил животных к смотру. В ожидании угощения, крокодилы нехотя выбрались из воды и медленно поползли к забору, отделявшему любопытных гостей от кровожадных хозяев. Наиболее шустрый или наиболее голодный представитель зубастого племени, опередив остальных, раскрыл свою пасть в надежде на угощение. Наиболее же изобретательный из гостей немедленно среагировал на это шуткой. В английском стиле. В пасть полетела зажженная сигарета. Коротко тявкнув, крокодил нырнул в пруд. За ним немедленно последовали остальные. Строевой смотр не состоялся.

Прибыли на корабль. Выслушали замечания. Провели разбор организации захода и партийное собрание с повесткой дня “Итоги захода в порт Мадрас и задачи коммунистов на период перехода в порт Владивосток”.

Деловой заход закончен. Осталось поделиться впечатлениями друг с другом.

До Владивостока добрались без приключений.

Глава 23
ОТПУСК

Корабль стоял на тридцать третьем причале. “Уж небо осенью дышало”. Хотя сентябрь во Владивостоке можно считать месяцем летним. Но была уже вторая его половина. После отбоя офицеры, среди которых был и я, сидели в каюте за дружеским столом, вспоминая минувшие дни, перебирая в памяти перипетии службы и мечтая об отпуске, когда можно будет улететь “на Запад” к родным, забыть тревоги, походы, вызовы, сборы и разборы.

– Знаете, мужики, наверное, моя жена рожает, – неожиданно обратился я к “народу”. — Уж больно на душе неспокойно.

Народ выдал по поводу серию известных флотских шуточек и анекдотов. Однако, все же предчувствия не обманули. Именно в этот момент Ниночка, находясь в роддоме в Полярном, сделала меня отцом. Чем объяснить предчувствия? Рассуждением о биополях, телепатией, магией черной или белой, которыми заполнены страницы малонаучных изданий? Но до сих пор никто не сумел объяснить это явление, хотя о предчувствиях в своей жизни может рассказать почти каждый. Казалось бы, медики, изучая физиологию, учение о высшей нервной деятельности, психику в норме и патологии, должны бы ближе всех подойти к объяснению подобных явлений. Однако, мировая медицина молчит или придумывает более или менее правдоподобные нелепицы, вбивая в мозг обывателя лишь специальную терминологию. А что по этому поводу скажут атеисты? Разве что “темнота и необразованность человека приписывают все необъяснимое, сверхъестественное и непознанное Богу”. Отсюда – “опиум народа”. И сразу все становится легко объяснимо и понятно.

В шесть часов утра я был на переговорном пункте.

XXX

На корабль я пришел в семь часов. По распорядку – завтрак. Офицеры, во главе со старпомом Куриным, сидели за столом. Войдя в кают-компанию, я радостно объявил:

– Товарищи! У меня дочка родилась!!!

– А почему же ты еще не пьян? – мгновенно среагировал старший помощник.

– Будет сделано, – заверил лейтенант.

Поздравления от друзей я принимал в аптеке. К моменту подъема флага офицерский состав корабля, в соответствии с традициями, доказал верность морскому братству, что было отмечено командиром в устном приказе. Письменно подобные вещи не обнародуются.

Если говорить о “флотских традициях”, то кроме достойной славы военно-морского флага, их существует довольно много. Отмечать в “дружном флотском коллективе” принято:

– назначение на должность;
– прибытие к новому месту службы;
– присвоение очередных воинских званий;
– убытие в отпуск;
– рождение детей;
– дни рождения отцов;
– начало учебного года;
– итоги боевой и политической подготовки;
– праздничные дни календаря...

Однако, самая здоровая печень подобных нагрузок не выдержит, посему многие даты остаются “неотмеченными”. Но в отсутствие знаменательных событий, можно отметить “день рождения отставной козы барабанщика”. Особенно торжественно отмечается на флоте “факт прибытия комиссий и инспекций”. И, зачастую, качество организованной встречи и количество “дефицитов” из корабельной провизионки, истраченных на изготовление “шашлыков”, определяет качество оценки, выставляемой инспекцией проверяемым частям. Корабельному офицеру разрешается причаститься перед обедом и перед ужином, что называется “команде руки мыть”! На подобные фокусы командование и политические органы смотрят сквозь пальцы. Это в порядке вещей. Ведь даже имеется стихотворное оправдание происходящему;

“Вечно грязный, вечно потный
Офицер сидит пехотный.
Пьян и с половой тоской
Офицер сидит морской".

Что поделаешь? Период застоя. Преследование “за пьянство” начинается в том случае, если виновный в употреблении спиртных напитков “попадает” в комендатуру, не способен утром выйти на подъем флага или же количество возлияний мешает выполнению служебных обязанностей. Каждый моряк обязан в любое время суток быть готовым занять свое место “согласно расписанию по боевой готовности номер один”. Эти традиции

пришли на корабли Советского флота из темных глубин дореволюционного прошлого, когда в кают-компаниях официально столы накрывались винами и водками, а каждый командир отличался собственным рецептом “медведя”. Матросы же получали ежедневно свою законную чарку водки. В настоящее время ликеры, наливки и коньяки заменяются спиртом, выдаваемым для технического обслуживания корабельной электроники и электротехники. Не баре! Из низов! Народ и армия едины.

XXX

Командир корабля вызвал меня в каюту. После подъема флага.

– Доктор! Ваша дочь появлением на свет подрывает боевую готовность корабля. Я поздравляю вас и даю два часа на оформление документов. С ноля часов завтрашнего дня – вы в отпуске. Через два часа на корабле вас быть не должно.

– Есть!

Отпуска офицерского и мичманского состава должны быть спланированы, внесены в “график отпусков” и утверждены командиром. И подобный “график” есть на каждом корабле. Для галочки. Дата отпуска, как и выстрел в артиллерии, вещь случайная. Все зависит от внешних обстоятельств и внутренних побудительных мотивов в глубинах командирского мозга.

Два часа, отведенные командиром на оформление отпуска, – срок призрачный и нереальный, учитывая четкость организации простого делопроизводства на корабле.

Прежде всего, необходимо издать приказ о том, что “с такого-то числа товарища имярек полагать убывшим в очередной отпуск за 19.. год сроком на сорок девять суток. Выписать воинские перевозочные документы от а/п Владивосток до а/п Ленинград и обратно”.

Это значит, что писарь в данный момент занят напечатанием докладов, лекций и других руководящих бумаг. Просто занят. Или же его “нет на месте”. Счастливый отпускник, проявив чудеса изворотливости и максимум близости к людям, все же приказ отпечатать сумел. В этот момент командир оказывается занят и приказ подписать не может. Время уходит с быстротой взбесившегося мустанга.

Наконец, приказ подписан. Галопом к финансисту. Он занят. Или, в худшем случае, деньги в кассе отсутствуют. Финансист, заручившись обещанием убывающего “отблагодарить”, деньги

находит. Из своих личных (?) сбережений. Ура! Сейчас же к офицеру, заведующему ВПД (воинские перевозочные документы). Он занят. Его нет на корабле. Ушел в отдел. Или же, по закону подлости, закончились бланки ВПД. Если Фортуна не повернулась задом к отпускнику, то “заручившись обещанием”, офицер-заведующий документы выписывает. Их же необходимо заверить гербовой печатью, которая находится в сейфе командира. Командир занят. Убывающий обязан сдать свои дела и свои обязанности своему боевому заместителю, о чем в письменной форме доложить командиру. Надо еще собрать личный чемодан, закончить начатые дела… Надо сделать очень многое. А “время ни на миг не остановишь”. Часы идут. Старинные. Штурманские. Если очень повезет, аврал может быть закончен часов до пяти-шести. Далее – в аэрокассу. Билетов никогда нет. Срок вылета откладывается суток на десять. За счет отпуска. Коробка конфет, бутылка коньяка или шампанского, цветы представителям Аэрофлота сокращают десятидневный срок до суток. Можно, правда, вложить в удостоверение личности банальный червонец. Однако, среди офицеров флота дача взятки в виде денежных знаков не принята.

К 23.00 с помощью товарищей к убытию в отпуск я был подготовлен. Даже спиртное было доставлено на корабль, так как в данном случае использование корабельного спирта на угощение товарищей не поощряется: расходы покрываются из сумм, выданных лейтенанту на “путь следования” и на проведение отпуска.

Утром, взгромоздив на себя чемодан “мечта оккупанта”, в сопровождении корабельного стоматолога, я убыл в аэропорт. Сердце рвалось к любимой жене и дочери. В Полярный.

XXX

Через восемнадцать часов (одиннадцать часов полетного времени плюс семь часов ожидания в “портах посадки”) я стоял на пассажирском морском вокзале в Североморске. Штормовая готовность, объявленная по Кольскому заливу, отменила все пассажирские рейсы на Полярный. В маленьком ветхом деревянном домике (сейчас вместо него построено современное здание) собралось более сотни пассажиров. Среди них – половина женщин с маленькими детьми. Темнота, спертый воздух, чадящая углем буржуйка в углу, чемоданы, баулы, плач детей и агрессивность молодых мам. И никаких обещаний пассажирам со стороны представителя администрации, грозно сверкавшей

глазами из амбразуры кассового окошечка. Каждый несет свой чемодан. Короткие полярные сумерки, называемые днем, пронзительный морозный ветер и неизвестность больно ударяли по нервам путешественников. В двадцать один час к пирсу пришвартовался торпедолов, прибывший за пассажирами из Полярного. Десятиминутная свалка. Призывы к порядку мичмана, командовавшего пассажирским торпедоловом, и, наконец, долгожданное:

– Отдать носовой!

– Отдать кормовой!

Треск-звонок машинного телеграфа...

Я вышел на пирс в Полярном, промокший до нитки: место, доставшееся мне на время перехода, находилось на корме “лайнера”, заливаемое солеными водами разбушевавшегося Кольского залива.

XXX

В отпуске, наконец, был зарегистрирован брак, и Ниночка с Оксанкой взяли на себя обязательство носить с честью фамилию Иванова, о чем “в книге записей актов гражданского состояния сделана запись за номером...” Отделом ЗАГСа Исполкома Полярнинского горсовета Мурманской области.

Глава 24
СЛОЖНОСТИ БЫТИЯ

Отпуск пролетел мгновенно. Холодная полярная ночь колючим снегом секла лица прохожих. Так и хочется написать: птицы собирались на юг. Билеты на рейс Мурманск-Ленинград-Владивосток лежали в кармане. На плечах моих лежала ответственность за две жизни.

“Ну, теперь уж, – думал я, – командование всех рангов сразу же позаботится о молодой семье и предоставит, наконец, квартиру. Даст возможность молодому отцу реализовать свои конституционные права и обязанности по сохранению и обустройству созданной экономической ячейки общества. Сомнений не было. Вера в торжество справедливости и уверенность в завтрашнем светлом будущем была абсолютной. Но по философскому учению истина абсолютная в процессе познания может перейти в истину относительную...

Из Мурманска самолет вылетел по расписанию. Волнения и советы провожающих остались внизу. Мерно гудели вентиляторы. Рев турбин за бортом вызывал чувство беспомощности перед тысячным табуном заключенных в металл лошадей.

– Уважаемые пассажиры! По метеоусловиям Ленинграда наш самолет совершил посадку в аэропорту города Таллина. Вылет рейса на Ленинград задерживается до 9.00 следующих суток, – бесстрастным голосом стюардесса вгоняла в дрожь незадачливых наших героев тем, что рейс на Владивосток, абонированный ими, улетал в 20.00 суток текущих.

Но... с аэрофлотом не спорят. В аэровокзале я устроил свое семейство в комнате “матери и ребенка”, а сам собрался было отправиться на прогулку по историческим местам древней столицы советской Эстонии, что уже и сделали многие случайные ее гости, как вдруг тот же бесстрастный голов изрек:

– Пассажиры рейса 1521, прибывшие из Мурманска! Просим пройти в зал отправления для поездки в самолет.

Не верь ушам своим! Обстановка меняется оперативно. Получить вещи в камере хранения! Быстрее! Бегом в комнату матери! Еще быстрее! Запеленать спящего ребенка!.. Быстро, насколько возможно!!! Бегом на посадку! Еще быстрее! Все. Пристегнуть привязные ремни!

Владивосток... Рейс улетел. Спасибо аэрофлоту. Следующий рейс – в 20.00, через сутки. Билеты перерегистрированы. Снова “комната матери и ребенка”, куча пеленок, скисающее молоко,

уставшие молодые мамы, бессонная ночь для отцов, по-воровски просовывающих головы в дверь “комнаты” в надежде получить задание от супруги, позволяющее скоротать 30-40 минут, отдавшись целенаправленной деятельности.

Через сутки аэрофлот казенно пригласил в полет. Двухмесячная крошка настойчиво заявляла свое несогласие с уровнем сервиса слабым криком. Все виды режима, рекомендованные советской педиатрической наукой для гармоничного развития организма и личности, разбиты в пух и прах. Три взлета, три посадки. Три аэровокзала, в буфете которых – “кожа индюка”. С ума сойти можно и взрослому человеку.

Владивосток встретил прибывших пассажиров ветром, морозом и висевшей в воздухе туманной мутью. В числе встречающих особенной прытью выделялись таксисты, вербующие пассажиров удобными салонами такси и непомерной таксой: по червонцу с усталого носа.

И это при официальной стоимости поездки в девять рублей со всех носов вместе взятых!!! Дочурка заходилась в плаче. Однако, без возражений последовала в машину. Путешествие обещало быть завершенным. Все “валились с ног”.

В гостинице ТОФ за барьером сидела ухоженная и довольная жизнью, не склонная к полноте женщина. Рядом с ней стоял капитан-лейтенант, рекомендовавший себя “представителем политуправления ТОФ”. На мою просьбу оформить номер, последовало категорическое “мест нет”.

– Товарищи, – я пытался воззвать к братским чувствам официальных лиц. Ребенок измучен! Жена, как видите, плачет. Игра в одни ворота... Смуглые в кепках постояльцы флотской гостиницы сочувственно смотрели на блистающего анодированным алюминием парадной формы флотского офицера, не имеющего возможности вложить “зелененькую” в удостоверение и тем самым обеспечить отдых своим родным.

Оставив плачущую жену в вестибюле, я отправился на причал, в надежде, что любимый учебный корабль приютит своего эскулапа вместе с семейством. Так и случилось. Корабль стоял на месте, призывно сверкая огнями палубного освещения и попыхивая мирным дымком стояночного дизеля.

Схватив по счастливой случайности подвернувшееся такси, я отправился в гостиницу ТОФ и благополучно доставил семью на корабль, предварительно обматерив бдительную мегеру.

XXX

Корабль встретил своего блудного сына ласковым теплом штатной докторской каюты. Размеры жилища 2,5 х 2 метра. На троих. Узенькая койка для молодых супругов. Письменный стол для ребенка, рундук для пеленок. Вода в умывальнике трижды в день. По графику. Колокола громкого боя, команды по корабельной трансляции, десять раз в течение часа заставляющие вздрагивать мирно спящую на письменном столе малютку. В медицинском отсеке, закрытом для приема больных, развешаны пеленки. Стерилизаторы полным ходом обеззараживают соски и бутылочки. На “плитке электрической с закрытым элементом” аппетитно булькают молочные смеси. Личный состав срочной службы с каждым днем все больше убеждается в “заботе партии и правительства о Вооруженных силах”. Конкурсы в военные училища стремительно катятся вниз. Прогулки на свежем воздухе задымленного десятками кораблей причала обеспечивают рост здоровой подрастающей смены – единственного привилегированного класса в нашем государстве.

Мой рабочий день начинался так:

– Я, как несущий персональную ответственность перед партией и правительством за вверенный мне корабль, не могу допустить того бардака, который вы, лейтенант, устроили на корабле. Здесь не семейное общежитие. Даю вам трое суток на устройство личных дел. И чтобы в течение этого срока детский сад был закрыт!

– Товарищ командир. Я понимаю, что семье здесь не место. Мне стыдно перед вами, перед матросами. Но идти мне ведь некуда.

– Снимите комнату! Не вы первый и не вы последний. Вспомните присягу. Стойко переносить тяготы и лишения военной службы – ваша обязанность!

– Но ведь ни жена, ни тем более ребенок не присягали в этом. За что же они наказаны? Прошу доложить командующему флотом о создавшейся ситуации!

– Идите! Разберемся.

Затем беседы подобного содержания повторялись в каюте заместителя, однако эмоциональная окраска их была более яркой. Окончание рабочего дня, как однояйцевые близнецы, было похоже на начало.

Проходили дни за днями. Форменные железные башмаки лейтенанта истерлись об асфальт владивостокских улиц, вдоль и поперек исчерченных маршрутами бездомного военмора, в отчаянье гонявшегося по городу в поисках жилья. Тщетно!

Маленькая девочка своим появлением на свет захлопывала двери сдающихся внаем комнат и квартир перед носом готового

на любые условия отца. Отчаянье постепенно охватывало душу.

Более стойко переносила “тяготы и лишения” своего замужества молодая мама.

– Надо верить, надеяться и ждать. Не отчаивайся, все будет хорошо, – ежедневно внушала она готовому разрыдаться папаше. Однако не раз я замечал покрасневшие от тщательно скрываемых слез глаза своей любимой.

Корабль получил задание следовать на ремонт в Находку. Все. Срок пребывания в комфортной “малосемейке” закончился. Посоветовавшись с женой (не для того, чтобы выбрать оптимальное решение, так как выбора не существовало), я, собрав последние деньги, отправился в кассу аэрофлота, чтобы (в который раз!) отправить семейство из негостеприимного Владивостока “на Запад”. Однако, как видно, черная полоса на тельняшке жизни сменилась белой. На площади Борцов за власть Советов меня окликнул капитан третьего ранга Самофал, как помнит читатель, старший помощник крейсера “Дмитрий Пожарский”. Выслушав невеселую историю нашего героя, он предложил:

– Давай-ка, лейтенант, гони за пол-литрой. Я тебе смогу помочь. Мой товарищ из поселка Тихоокеанский ушел на полгода в море. Семью отправил в Ленинград. Могу временно предложить тебе двухкомнатную квартиру.

– Согласен на все. Спасибо. Я не забуду этого…

– Не духарись. Получай ключи. Адрес… На втором этаже в этом же подъезде живет мое семейство. Будем соседями.

Сборы в путь были недолгие, тем более, что они были еще и приятны. Собрав чемодан в последний раз прокипятив соски, семейство отправилось на автовокзал. На горизонте забрезжила “звезда пленительного счастья”.

В поселок приехали вечером. Исстеганные песком и ветром пятиэтажки радостно приветствовали новоселов широко раскрытыми глазницами светящихся окон. Открыв собственным ключом дверь несобственной квартиры, молодые родители, наконец, обрели уютный, хотя и временный шалаш, который мог успешно конкурировать с раем.

Накормили малышку и уложили ее в постель. Колыбельную петь не понадобилось. Полюбовавшись на собственное произведение, счастливые мать и отец отправились в местное кафе. Голод – не тетка, первый и единственный бокал шампанского, выпитый Ниночкой, разразился в ней приступом истерического хохота. А может, это “Бородино” выходило из истомленной души столь необычным способом.

Глава 25
РЕМОНТ

Очередные три дня, отпущенные командованием на устройство семейных дел, истекли. Оставив в уютном гнездышке своих птенцов, я уехал к месту службы. Во Владивосток.

На корабле полным ходом шла подготовка к ремонту. По команде сверху каждый матрос, как хозяин своего “заведования” или боевого поста, письменно докладывал по команде список неисправной матчасти. Командиры отделений, собрав информацию от подчиненных, докладывали то же старшинам команды, мичманам. Мичманы, объединив ее, писали руководящую бумагу командирам групп. Те – выше. Наконец, полная картина неисправностей механизмов собиралась воедино у командира электромеханической боевой части. Механик, нещадно эксплуатируя единственного писаря, рожал документ под названием “ремонтная ведомость”. Этот документ, в свою очередь, должен быть представлен дирекции ремонтного предприятия. Военные, совместно с гражданскими властями, исходя из требуемого объема работ, тщательно подсчитывают стоимость ремонта, называют цифру в два миллиона рублей. И адресуют ее в техническое управление, требуя денег. Признав обоснованность требований, бюрократы техупра выделяют на ремонт… двести тысяч. И ни цента больше!

Узнав о кознях вышестоящих механиков, офицеры корабля изливают свое благородное негодование на механика корабельного. Тот, в свою очередь, объявляет: “Вы, товарищи, неправильно понимаете…” Начинается процесс изъятия из ремонтных ведомостей тех работ, которые не могут быть оплачены заводу из мизерных сумм ремонтного бюджета. Эти работы должны быть выполнены “силами личного состава”. Ремонтные ведомости становятся похожими на павлина, у которого выдернут хвост. Да и крылья ощипаны. И никак не отражают истинное состояние корабля. В ощипанном виде они представляются заводу. Тем самым, прибывший на ремонт корабль попадает в полнейшую зависимость от любого произвола дирекции ремонтного предприятия и специалистов-ремонтников.

Поясним. Один из пунктов ведомости гласит: ремонт главного дизеля номер 1. Все ясно. Однако, ремонт топливной аппаратуры этого дизеля из ремонтной ведомости исключен за неимением денег. Но ремонтировать ее все же надо, так как при неисправности системы подачи топлива даже капитально

отремонтированный дизель – груда металлолома. Что делать? Официальным порядком любой начальник цеха и любой уважающий себя слесарь-ремонтник и ключом не шевельнет, чтобы начать ремонт этой злополучной “аппаратуры”. Нужно искать компромиссные решения. И они находятся. Сначала в каюту командира электромеханической боевой части, где стоит великолепно сервированный стол, приглашается начальник цеха. За рюмкой чая, как и положено на дипломатических раутах, начинается дипломатический торг. Механику нужен ремонт. Начальник цеха всегда испытывает дефицит рабочих рук. Для черновых и подсобных работ. В результате переговоров часть личного состава превращается в товар – “рабочая сила”. В обмен на него получается согласие представителя администрации на ремонт топливной аппаратуры.

Причем, стоимость запасных частей, материалов и ремонта техническое управление флота в данном случае не оплачивает. Материальные ценности возникают из ничего. Заключенная сделка на бумаге не фиксируется, дабы не плодить улик для следователя или прокурора. На основании устного джентльменского соглашения между представителями заказчика и исполнителя на корабль прибывает десант слесарей-ремонтников. Группа захвата. Сразу же выясняется, что группа не имеет материалов и ЗИПа для проведения ремонта. Их просто нет на складе. И в ближайшей пятилетке не будет. Снова в права вступает всесильная дипломатия. Рюмка чая. Колбаса. Тушенка. К концу переговоров вагон с нужным оборудованием наконец-то прибывает из западных районов страны. Предприятие – поставщик выполняет социалистические обязательства и договор по поставкам. Ремонт начинается. Все тип-топ.

Однако, как мы помним, остаются невыполненными работы по ремонту “силами личного состава”. Для их обеспечения нужны комплектующие детали, металл, кабели, дерево, клей и так далее. Всего этого нет на корабле, но есть в цехах, куда откомандирован личный состав для проведения подсобных работ. Из мусора, уборкой которого занимаются на территории завода матросы, извлекается металл, кабели, дерево, клей и т.д. Роли меняются: все это уже есть на корабле, но нет в “цехах завода”. Командир и другие официальные лица о подобной системе перераспределения материальных ценностей не имеют ни малейшего представления. Все перед законом чисты, как надраенные медные чайники. Ремонт “силами личного состава” идет своим чередом. Лязг и грохот, запахи краски и горящих сварочных электродов круглосуточно царящие на корабле, вызывают головную боль и желание напиться или подать в

отставку. Любой срок, в течение которого корабль должен полностью излечиться от всех своих хворей и задышать полной грудью, оказывается недостаточным. По окончании ремонта корабль в ремонте все же нуждается. Поэтому ежемесячно на кораблях планируются ППР (плановопредупредительный) и МПР (межпоходовый) ремонты, проводимые “силами личного состава”: ничто не вечно под луной, как не вечны и корабельные механизмы. Жизнь. Диалектика.

XXX

УК “Бородино” совершил переход в Находку и встал в док. Для ремонта. В канун нового 1979 года. Декабрь. Минус двадцать пять по Цельсию. Важная деталь. Жизнь личного состава на корабле обеспечивается с помощью или посредством систем жизнеобеспечения: отопление, освещение, камбуз, фановая система, водоснабжение. Все автономно. В комплексе – живой организм – корабль. Постановку корабля в док можно сравнить с глубоким наркозом, когда дыхание и кровообращение поддерживается специальной аппаратурой. Вода подается с берега, электропитание – с берега. Стоит отключить хотя бы один из аппаратов, и… пациент умер. “Удобства” на стапель палубе в виде продуваемой всеми ветрами деревянной клетушки. Пара для отопления корабля всегда недостаточно. “Народ” спит в верхней одежде. В рундуках копятся горы нестиранных носков. Тела покрываются мазутом и грязью. Из интимных уголков корабельной утробы несет мочой. И выходит, что “санитарная культура личного состава низкая”.

XXX

Новый год шумно отпразднован в дружной флотской семье (праздник-то семейный). Жены и дети военморов напрасно ждали своих любимых отцов к праздничному столу и одиноко тоскующим новогодним елкам. Своим собственным детишкам моряки-офицеры предпочитают “детей” в матросской робе.

XXX

Послепраздничные будни начались с того, что на корабль заявилась команда слесарей-ремонтников в брезентовых робах.

Трудовой энтузиазм светился на лицах. Большинство из них сразу предложило свои услуги по ремонту матчасти доктору. (Кстати, ремонт оборудования медотсека был официально заявлен в ремонтной ведомости). Бригадир слесарей приступил к переговорам, имея на своей стороне главный козырь: обещание качественно произвести ремонт. Сразу же заказчику были продиктованы размеры контрибуции с требованием выплатить ее немедленно ввиду чрезвычайных обстоятельств. В случае несвоевременности выплаты, размеры контрибуции увеличивались, а срок ремонта обещал растянуться на неопределенное время. Ультиматум был поставлен “победителями” до начала боевых действий. На стороне заказчика стоял закон, деньги, отпущенные на ремонт техническим управлением, и вера в торжество справедливости. Ультиматум был отвергнут решительно и бесповоротно. “Победители” удалились, горестно жалуясь на судьбу и головные боли.

На следующий день в медблок пришли два мастера, вооруженные ножовками и гаечными ключами. В течение часа аккуратные и чистые помещения превратились в развалины: словно Мамай орудовал. Рабочие удалились за горизонт. Осада корабельной аптеки началась. В итоге ремонт был закончен. Качественно. Но – не в срок.

Победила дружба. Однако, аптека все же потери понесла существенные.

XXX

Спущенный на воду корабль медленно возвращался к жизни. Исправно работали генераторы, освещая корабль и обеспечивая током разной силы аппаратуру. Вспомогательный котел, вырабатывал достаточное количество пара. Фановая система исправно выплевывала за борт все, чему положено плавать за бортом. Но... вода на камбуз и в каюты не подавалась. По чьей-то халатности, при постановке корабля в док вода из питьевых магистралей слита не была. Новогодний Дед Мороз сделал свое подлое дело: заморозил систему подачи воды напрочь. Горы нестиранных носков в рундуках продолжали расти. Вода на камбуз доставлялась обрезами, что значит – ведрами. Механики приступили к ремонту. “По случаю наличия неисправностей” сход с корабля был запрещен всем. На флоте это называется коллективной ответственностью. Все за одного.

Избитые ремонтом офицеры с завистью взирали на

недоступный берег, где в ожидании “блудных отцов” томились их жены и дети. Перед глазами стояли картины из журналов для мужчин, запрещенных к ввозу в Союз законом. Как известно, любое насилие порождает протест. В данном случае протестующие устроили беседу за круглым столом. Обсуждался вопрос организации схода офицеров на берег.

Корабельный устав разрешает сход на берег до 60 процентов офицеров и мичманов. Дежурная смена, остающаяся на корабле, обеспечивает порядок и нормальную повседневную жизнь корабля. Это раз. Дисциплинарным уставом ВС СССР такая мера, как запрещение схода на берег офицеру, не предусмотрена. Это два. Однако, на флоте самым распространенным видом наказания офицера является все же запрещение схода. Возможность встречи с семьей (и без того редкая для моряка) зависит от благорасположения старшего помощника, от его настроения в данный момент. Корабельный офицер не может спланировать заранее выходной, культпоход в кино, отдых на природе, приглашение гостей в дом или же посещение друзей. Все зависит от набора случайных обстоятельств.

С точки зрения медицинской науки, подобное положение вещей вызывает в человеке чувство неуверенности в себе, полнейшей незащищенности, угнетения. Да плюс к тому, неловкость перед собственной женой, ожидания которой бывают постоянно обманутыми. “Работа среди офицеров, направленная на укрепление молодых семей, является одной из важнейших задач политорганов и женсоветов”. Среди офицеров работать можно: беседа, предупреждение, разнос, наказание... А как работать среди жен, неустроенность быта и постоянный недостаток денег у которых вызывает мысли об ошибках молодости? Обсуждение данного вопроса на флоте находится под запретом. Иногда, правда, досужие писки из центральных военных газет выносят на публику “положительный опыт работы” женсоветов. Возможно, где-то он и существует. Возможно.

За круглым столом свое мнение высказал каждый. Мнения разные, вывод один: командир – дурак. И старпом – дурак. Я, несмотря на то, что было уже около трех часов ночи, набрал номер телефона командирской каюты. Трубка долго молчала, затем прохрипела сонным голосом персонально ответственного:

– Слушаю. Командир.

– Ты дурак!

– Кто это говорит? – взревела трубка.

– Все говорят.

Военно-морская шутка.

Оценив по достоинству юмор и позлословив в адрес

командира, офицеры разошлись по каютам. Связист, мучимый бессонницей, поднялся на ходовой мостик, где в великом возбуждении расхаживал командир, пережевывая только что полученную по телефону информацию.

– Что вам здесь нужно?! – ласково обратился военоначальник к подчиненному.

Редко отказывающие в присутствии командира тормоза на сей раз сорвались с колодок. Офицер, сжав кулаки, пошел на командира:

– Я бабу хочу! Ясно тебе?! Не могу видеть больше эту проклятую железку!

Командир резво ретировался в каюту.

На следующий день состоялось партийное собрание с повесткой дня “О недостойном поведении коммуниста Костина”. Но коммунисты в лице младшего офицерского состава в обиду товарища не дали, признав требования его вполне справедливыми.

XXX

На завтрак в кают-компанию – офицеры собрались не в лучшем настроении. Я прибыл в числе последних. Помощник командира по снабжению, виновато опустив голову, стоял перед старпомом. В воздухе носилось грозовое электричество. Наиболее ласковым словом в речи, произносимой начальником в адрес подчиненного, было слово “мать”. Смысл происходящего я все же уловил: на завтрак был подан соленый чай.

И пусть читатель не думает, что подобный деликатес – результат чьей-то оригинальной шутки или же плод экспериментов, проводимых иногда флотскими коками. Все прозаичней. При постановке корабля в док, в некоторые цистерны закачивается забортная вода для так называемой балансировки: корабль на клетях должен стоять “на ровном киле”. Цистерны питьевой воды использовать для этих целей категорически запрещено. Но... все бывает.

Моментальная оценка обстановки и выводы из нее для меня были неутешительными: на корабле создалась реальная угроза возникновения вспышки инфекционных желудочно-кишечных заболеваний. Змея на погонах эскулапа скорбно опустила голову. Я стремительно бросился на камбуз. О, удача! По счастливой случайности завтрак личному составу выдан еще не был. Открыв сливные краны пищеварных котлов, под удивленный ропот дежурного кока, доктор вылил весь завтрак прямо на палубу.

Личному составу был выдан сухой паек. Здоровье экипажа не пострадало.

“В целях недопущения подобных случаев”, как того требуют руководящие медицинские бумаги, о данном инциденте я доложил флагманскому врачу соединения, чем вызвал неудовольствие командования корабля. Выполнив свой служебный долг, я получил строгий выговор “за отсутствие контроля”... Командир попал на ковер к адмиралу.

Глава 26
СНОВА В МОРЕ. ЦЕЙЛОН

И снова предстоял поход. Снова с неизбежностью неизбежного корабль, отшвартованный к 33 родному причалу, готовился к плаванию. И опять с курсантами. Но курс лежал на Цейлон, неизвестную Республику Шри-Ланка. Цикл повторялся. Детали несущественны. Как говорят на флоте: “те же яйца, только в профиль”. Те же сборы, проверки, разборы. Снова виноваты тылы, “бюрократы и дегенераты”. Размеренную жизнь корабельного коллектива могло разрушить только цунами, так как землетрясения водоплавающим не грозят. В перерывах между боями – сход, ресторан, культпоход с горячо любимым личным составом в кино.

У читателя может сложиться впечатление, что слово “ресторан” встречается довольно часто. Никаких денег не хватит. Но тем не менее ... это так. Деньги, в сущности, не нужны. Презренный металл. Нужен ум. Организаторский талант. Обычная военно-морская предприимчивость. Получив свои дальневосточные 250 рублей, уплатив долги и партийные взносы, по возможности обеспечив семью куском хлеба, лейтенант флота остается без гроша в кармане. Но... положение обязывает. Ни в коем случае нельзя признаться в своей нищите никому, “кроме лучших друзей, кроме самых любимых и преданных женщин”. Стыдно.

В каждом военморе живет тщеславный Портос, сверкающий позолотой перевязи только спереди. Но отдыхать просто необходимо. Денег, повторяем, нет. Зато в наличии бутылка спирта, консервы “Севрюга” и “Говядина тушеная”. Дары моря укладываются в портфель-дипломат, три рубля в кармане, знакомые официантки в “Горизонте” или в “Золотом Роге”. Все. Чувствуешь себя Рокфеллером. Город “у твоих ног”. “Ура” и “чепчики”!

Лейтенанты настроены были на победу. Вечер морозной дымкой, словно контрабандным гипюром, укрыл суровую флотскую действительность. В портфеле томились консервы, как эритроциты в бедренной артерии. Все искало выхода.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Команда по корабельной трансляции требовала “прибыть в кают-компанию”. Прибыли. Сели. Изготовились.

– Товарищи офицеры! – начал командир. – Я собрал вас для того, чтобы сообщить следующее. Сегодня китайские войска

начали боевые действия против дружественного нам Вьетнама. Памятуя о конфликте на острове Даманском, мы не можем гарантировать, что оружие китайских милитаристов не повернется в сторону наших границ. Это первое. Второе. Дальнейшее развитие событий во Вьетнаме может потребовать участия нашего флота в оказании помощи дружественному вьетнамскому народу. В соответствии с… на корабле с этого момента объявляется часовая готовность. Сход на берег лично с моего разрешения. Вопросы?

Здесь же выступил заместитель по политической части. После перечисления пяти признаков империализма и примеров “возрастания его агрессивной сущности в последнее время”, товарищ Бесполый вдруг несанкционированно заявил:

– Я считаю, что каждый член нашего экипажа должен написать рапорт с просьбой о зачислении добровольцам во вьетнамскую армию.

У всех присутствующих, и прежде всего у командира, “глаза на лоб полезли” от такой политической прыти.

– А если я не напишу рапорт? – заявил Мегердичев с сарказмом.

Зам подпрыгнул на месте. Ткнув указующим перстом в грудь вопрошающего, Бесполый заорал:

– Вы китайский шпион! На кого вы работаете?

И тут, впервые, командир в присутствии офицерского состава резко остановил своего ретивого заместителя:

– Бесполый! Прекратите эту несусветную чушь! Офицеры свободны.

Город Владивосток наполнился различными слухами, включая самые нелепые. В текст известной песни о листьях, которые кружатся над городом и не дают возможности спрятаться и скрыться от осени, были внесены коррективы. В измененном виде она звучала так: “Лица желтые над городом кружатся…” И называлась она песней китайских парашютистов. Словно в период летних отпусков из касс аэрофлота исчезли билеты “на Запад”. Престиж военных среди местного населения заметно вырос. На потепление взглядов прохожих и пассажиров общественного транспорта офицеры ответили максимальной предупредительностью. Безотказным пропуском на вечера отдыха в увеселительных заведениях стали погоны вместо кепок с длинными козырьками. С эстрады зазвучала музыка “для наших гостей, офицеров с противолодочного корабля…” Однако, наблюдать этот патриотический подъем могли немногие из военных: готовность, объявленная командующим по флоту, приковала офицеров к своим командным пунктам. Каждый

занимался своим нелегким делом, таким нужным Родине в минуту опасности трудом.

XXX

Ниночка с дочкой жила в Техасе, как называют поселок Тихоокеанский моряки. Я уже жалел о том, что приложил столько усилий к этому, а не отправил ее своевременно в Полярный или же к своим родителям в Белоруссию. Неопределенность политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и непредсказуемость собственной судьбы, зависимость ее от любой вводной вышестоящего штаба, рождали тревогу за семью. Непроверенные слухи о том, что поход на Цейлон может быть заменен другим походом, вернуться из которого, якобы, придется не всем. Ох уж эти проклятые слухи! Порождаются ведь они только недостатком объективной информации. Игра же в “секреты” – любимая в нашей могучей стране.

И я засел за письмо своим родителям.

“Здравствуйте, дорогие мои папа и мама! Это письмо я писать вам не хотел, так как любой сюрприз должен предстать всегда в максимальном блеске. Но обстановка складывается так, что мое молчание может привести к нежелательным последствиям. Помните, еще будучи в Горьком, я просил вашего согласия на брак с любимой девушкой Ниной. В этом вы не поняли меня, приведя массу доводов в нежелательности брака. Так вот... Ниночка – моя жена. У нас есть маленькая дочка Оксанка. Я хотел вас с ними познакомить в очередном отпуске. Но если случится так, что они приедут к вам без меня, прошу вас их любить и жаловать, так как это самые дорогие мне люди. Простите, что сделал все сам, молча, не поставив вас в известность. Но, как мне кажется, все к лучшему. Советов спрашивают, чтобы не следовать им, а если и следуют, то только для того, чтобы в будущем было кого упрекнуть. Я же не хотел упрекать вас ни в чем и никогда. Так что можете быть спокойны. Ниночка – прекрасный человек. Именно такая жена и нужна моряку. Я счастлив. Остальное – мелочи. До встречи! Привет Могилевским. Целую. Ваш мореман.”

“Успокоив” таким образом родителей на счет своего ближайшего и отдаленного будущего, я занялся вопросом обеспечения настоящего и будущего своей семьи. Денег, как всегда, не хватало. Цены на продовольственные и промышленные товары кусались. Прежде всего надо было решать продовольственную программу. Обсудив вопрос с помощником по снабжению и найдя (или нашед) приемлемое решение, док начал

искать возможность “отправить гонца” в Техас, что учитывая отмену всех увольнений, представляло значительные трудности. Но и здесь решение было найдено. Выписав своему старшине первой статьи Стойкову отпускной билет, заверенные бланки которых имеет любой уважающий себя корабельный офицер, ранним утром, без ведома начальства, доктор “спустил” его с корабля: основная задача – не попасть в руки комендантских патрулей. Но для этого и существует гражданское платье. Стойкое Дима (а не старшина первой статьи) вернулся на корабль глубокой ночью, великолепно выполнив поручение своего шефа. “Кто не рискует, тот не пьет шампанское”. Продуктами на ближайшее время семья была обеспечена.

XXX

Обстановка постепенно разряжалась. А может, просто люди к ней адаптировались? Но не было уже той психологической напряженки, царившей на кораблях две недели назад. Все шло по расписанию. И сборы, и разборы. И грудь четвертого человека была на месте. В назначенный день на корабль прибыло бестолковое курсантское племя. Итоговая проверка готовности корабля к походу. Вышестоящим штабом выдано “добро”.

Накануне выхода в море лейтенанты решили организовать культпоход в ресторан, испросив разрешение начальства. Выбрали “Волну”. Не по уровню сервиса, а “токмо по причине наличия варьете”. Администрация ресторана и артисты-неудачники узнав, что утром их случайные гости уходят “на войну”, финансировали отдых офицеров из неисчерпаемых кладовых теневого бизнеса. В расписание работы увеселительного заведения были внесены коррективы: бал прекратился в четыре утра. В 9.00, прощально взревев, корабль покинул родную базу. Жизнь на несколько месяцев вперед остановилась.

В кают-компании рассказывали анекдоты, приключения, играли в домино, нарды, тараканьи бега. Предпоходовые страсти и прощальные волнения улеглись. Офицеры ТОВВМУ, несмотря на свои должности и высокие звания, все же чувствовали себя гостями. И перед корабельной лейтенантурой вели себя тихо. А может, просто забавлялись в душе над задиристо прыгающими петушками?

Я рассказывал.

Поехали три лейтенанта в санаторий. Доктор, особист и политработник. Познакомились с тремя отдыхавшими в санатории женщинами. По окончании отпуска улетели домой, а

женщины начали делиться впечатлениями о своих знакомых.

– Мой доктор, – говорит первая, – в первый день подарил цветы и сразу же увел меня в свой номер. И когда на двадцатый день я ему предложила искупаться в море, он удивленно воскликнул:

– А что, здесь еще и море есть?

Вторая:

– Мой кавалер почему-то два дня знакомился с моей биографией и спрашивал о родственниках. Потом, пробормотав “согласен”, показывал чудеса любовной техники.

– А мой, – говорит третья, – в первый день прочитал мне лекцию о международном положении, ночь провел со мной в постели, а в последние двадцать дней упрашивал, чтобы я никому об этой ночи не рассказывала.

Кают-компания взорвалась хохотом. И вдруг ко мне подошел заместитель и зашелся в крике:

– Я вам не позволю бросать тень!.. Ваши анекдоты играют на руку китайским шпионам! Выйдите вон из кают-компании!

Офицеры еще больше развеселились, но мне было не до смеха. Побледнев, я медленно встал и среди возникшей тишины четко произнес:

– Вы не имеете права удалять меня отсюда! Я ведь могу...

– Вы – китайский шпион! Товарищи офицеры! Смотрите! Он мне не подчиняется! Я отдам его под суд! – верещал зам.

– Вестовой! – обратился я к матросу-вестовому. – Отныне мою пайку я жертвую заместителю. В кают-компанию я не зайду до тех пор, пока товарищ Бесполый публично передо мной не извинится.

И ушел в каюту.

Коллектив подавленно молчал. Брань из уст заместителя, раздавшаяся вслед уходящему, еще более сгустила атмосферу.

XXX

Через полчаса в каюте у доктора собрались командиры боевых частей, каждый старался свести все произошедшее в кают-компании к шутке. Тут же разрабатывалась тактика действий в защиту лейтенанта, так как известно, что “у сильного всегда бессильный виноват”. А сила и власть была на стороне заместителя, что исключало напрочь объективность в оценках. Победить в данном случае могло лишь упорство в достижении цели, последовательность в действиях жаждущего торжества справедливости. (Хотя и трудно по прошествии времени объективно оценить правоту каждого, как и степень вины).

Однако доктор считал себя правым, в чем единодушно был поддержан лейтенантским коллективом. Но все же решающим моментом в разрешении любого флотского конфликта выступает позиция старшего начальника, а чаще всего – нежелание этого начальника что-либо решать. О том, что доктор отказался от посещения кают-компании, было доложено командиру. Вызвав меня к себе, адмирал пытался решить дело путем переговоров, однако я стоял на своем: экипаж сыт оскорблениями, ежедневно расточаемыми заместителем. Может быть, публичное извинение пойдет на пользу хаму. Адмирал с предложенным мнением согласился и обязал заместителя извиниться перед врачом. И тут началось:

– Начальнику медслужбы прибыть в каюту заместителя! – команда по трансляции. Ожидание лекаря человеческих душ напрасно. Звонок в каюту врача:

– Я что, должен вас целый час ждать? – требовательный фальцет оскорбленного руководящего честолюбия. Ответа нет. Гудки. Стук в дверь. Персональное посещение.

– Извините, моя каюта – мой дом, охраняемый конституцией. Я вас в гости не приглашал (доктор – заместителю).

Крик, оскорбления. И так в течение недели. И все же товарищ Бесполый вынужден был принести извинения доктору на общем собрании офицеров. Редчайший случай! На сей раз торжество справедливости обошлось лейтенанту в энное количество погибших нервных клеток.

XXX

И снова тропический зной томил распаренные тела. Снова в иллюминаторах торчали фанерные листы, направляя в каюты потоки горячего воздуха. Испуганно выпрыгивая из-под форштевня, веером разлетались летающие рыбки. Обессиленные перелетом и заблудившиеся в океанских просторах, птицы садились на палубу и провода антенн в поисках спасения.

Корабельный любимец кот Брашпиль лениво отворачивался от плюющих прямо в сытую его морду крыс. Руководство по медицинскому обеспечению гласит: “Дератизация (то есть уничтожение грызунов) на корабле должна проводиться систематически. Организует ее заместитель командира части по тылу (то есть помощник по снабжению). Проводит ее личный состав под руководством командиров подразделений (то есть боевых частей) под контролем медицинской службы.

Однако, ни на одном из кораблей ни один из командиров

никогда в жизни и не подумает спросить любого из командиров боевых частей и, тем более помощника по снабжению, “почему борьба с грызунами не организована?”. Для подобных вопросов существует доктор. Перед выходом корабля в море санитарно-карантинные власти обязательно проверяют, есть ли на корабле крысы.

И они имеются в обязательном порядке. Установив наличие крыс, санитарно-карантинные власти выдают кораблю “международное свидетельство об освобождении от дератизации”. Заверенное гербовой печатью, оно удостоверяет, что крыс на корабле нет. Здесь же делается предписание командиру, в котором те же карантинные власти указывают, что “дератизация на корабле не организована, заселенность грызунами высокая”. Два документа. Один используется командиром для отчета перед вышестоящим командованием. Другой – как повод для наказания доктора. Изобретательность флотских эскулапов в области тщетных попыток вывести наглое крысиное племя не имеет границ. Наиболее доступным способом их уничтожения является способ механический: петли, дубина, крысоловки. Но он малоэффективен. На каждом корабле издается приказ командира:

– За каждую сотню уничтоженных крыс удачливый охотник поощряется отпуском с выездом на Родину. Это великолепная лазейка для нерадивых военморов, которые неспособны или ленивы настолько, что не могут заслужить отпуск успехами в боевой и политической подготовке. Объединившись в неформальную группу, расписав график отпусков, неформалы обеспечивают поощрение каждому из членов группы по очереди. Номер обычно проходит один-два раза. Затем командир, раскусив нехитрую неформальную механику, в нарушение собственного приказа, отпуска прекращает.

С этим отлов грызунов автоматически сходит к нулю. Можно и искусственно завысить цифры павших в битве за матросский отпуск животных. Система проста, как песня. Матрос приносит тело погибшего вурдалака в амбулаторию для регистрации в “журнале учета уничтожения грызунов”. Доктор, отметив рвение военмора крестом напротив его фамилии, выбрасывает крысу в иллюминатор. Второй матрос, участвующий в сделке, ловит выброшенное тело сачком и вновь предъявляет ее для регистрации. Таким образом, одна крыса может быть зарегистрирована десять и более раз. Эффект, как видите, невелик.

Второй способ – химический. Он представляет собой ни что иное, как изготовление отравленных приманок и разбрасывание

их по кораблю. Однако крысы, отведав угощения, погибают в самых недоступных местах и через неделю весь корабль источает жуткие ароматы. Химия командованием не поощряется, поэтому малоэффективна.

Способ биологический. Отловить десяток крыс, сунуть их в бочку и оставить без воды и пищи. Через неделю из всей компании остается в живых самая свирепая из них. Окрестив разбойницу “крысоедом”, ее выпускают на волю. По замыслу, озверевший крысоед, должен сожрать всех своих родственников, населяющих корабль. Но о настоящих крысоедах каждый военмор знает только из рассказов бывалых. Способ, таким образом, неэффективен вовсе.

Изучив опыт предшествующих поколений, я решил изобрести свой собственный способ. Корабельный кот Брашпиль, в течение двух лет мирно соседствовавший с корабельными грызунами, по моему приказанию был доставлен в изолятор и брошен в бочку, где в неволе томилось около десятка крыс. По замыслу эскулапа, через неделю из Брашпиля должен был получиться отменный крысоед. Скорее всего, в докторские расчеты вкралась ошибка. Брашпиль, оказавшись в бочке, взвыл уссурийским тигром и немедленно приступил к осуществлению медицинской программы. Через пять минут борьба была закончена. В бою Брашпиль потерял уши и половину хвоста. Выпущенный из бочки, он ошалело рванул из медотсека и, вместо того, чтобы вступить в бой с противником, выпрыгнул за борт. Операция по спасению самоубийцы успехом не увенчалась. Жаль.

Офицеры, помянув погибшего товарища, изобрели новый, еще более оригинальный способ “избавления”. Успех был гарантирован огромными затратами коллективной творческой мысли на изобретение. Крыса, отловленная на камбузе, была доставлена в трансляционную рубку, где к ней была применена четвертая или пятая степень устрашения. Вопли истязаемой были записаны на магнитную пленку. Во время большой приборки запись, без предварительного согласования с командиром, бала запущена по всем линиям корабельной трансляции. По замыслу, крысы, устрашась содеянного с их товаркой, выскочат из “шхер” и бросятся за борт. Однако, первым из каюты выскочил командир и “влепил” доктору строгий выговор. За инициативу.

И эти, обреченные на успех способы борьбы с грызунами, оказались неэффективными.

XXX

Все необходимые или предписанные приказами и инструкциями мероприятия перед заходом в иностранный порт были проведены. Военморы жаждали зрелищ, так как хлеб имелся в избытке. Порт Коломбо, отгороженный от океана искусственной дамбой-молом, гостеприимно принял в свои объятия изнуренных походом моряков. Получив причитающиеся валютные гроши, моряки десантировались в город, наполнив улицы специфическим русским языком, белыми форменками и соленым потом. К услугам “отдыхающих” предоставлены были кафе, рестораны, такси и фирменные богатые магазины. Однако любая роскошь претит советскому человеку, поэтому предпочтение отдавалось пешим прогулкам с ледяной пепси-колой и дешевым пестрым лавочкам, в изобилии разбросанным в хаотическом беспорядке улиц. Шла бойкая торговля чаем “Липтон”, китайскими ручками и не нужной никому бижутерией из поддельных драгоценных металлов. Возвращающиеся на корабль моряки трясли тощими пакетами покупок перед бдительным оком таможенной комиссии, строго следившей за соблюдением таможенных правил. Однако закупаемых бриллиантов ей обнаружить не удалось.

XXX

По приглашению советского посольства адмирал, командир и СПК убыли “на прием”, проинструктировав дежурную службу по вопросам бдительного несения вахты. Увольнение личного состава на берег было по какой-то причине отменено. Старшим начальником на корабле остался заместитель командира по политической части капитан-лейтенант Бесполый. Несколько раз построив экипаж по большому и малому сбору, и тем самым израсходовав весь служебный пыл, капитан-лейтенант решил наладить дружеские связи с экипажем стоящего на рейде сухогруза из Германской Демократической Республики. Однако замыслы свои обнародовать пока не стал. Он вызвал к себе дежурного по кораблю и приказал:

– Подготовьте баркас. Со мной идут командир БЧ-5 и помощник по снабжению. На руле – заместитель механика по политической части. Команда баркаса остается на корабле. Старшим на период моего отсутствия назначаю вас.

Удивленный дежурный, возведенный в ранг командира корабля первого ранга с лейтенантскими погонами на плечах, пытался возражать, ссылаясь на приказания адмиралу никого и никуда с корабля не спускать. Но тут же был обвинен в

принадлежности к китайской разведке, за что мог быть привлечен к партийной ответственности, вплоть до исключения из членов КПСС. Приказ начальника был исполнен точно и в срок, хотя и не беспрекословно. Утвержденные начальником фамилии офицеров были занесены в вахтенный журнал. Баркас, отчаянно стреляя двигателем “Дагдизель” под флагом зама отчалил от борта корабля и двинулся навстречу интернациональной славе. Бдительная вахтенная и дежурная служба осталась нести свою нелегкую ношу.

Расплавленный диск тропического солнца склонялся к закату. Воздух, густо настоянный на местной травке, известной почечным больным под названием “пол-пола”, благотворно ласкал измученные курением легкие. Ничто не предвещало грозы. Лишь легкое беспокойство по поводу незаконного схода офицеров, организованного заместителем, омрачало комфорт дежурной смены.

Поступившая на корабль вводная нарушила покой экипажа и размеренное течение точного корабельного времени. В течение двух часов адмирал, как оказалось, ждал на пирсе любое корабельное плавающее средство, чтобы иметь возможность вернуться на корабль, полной мерой отпуская при этом комплименты страдающим рядом командиру и старшему помощнику. Карусель закрутилась.

– Электрику на стрелу! Кран к работе изготовить! Команде катера номер один в катер! Катер к спуску!

Командирский катер, использование которого было по соображениям высшего порядка запрещено самим же командиром, резво побежал навстречу адмиральскому гневу. Через двадцать минут решительная поступь адмирала сотрясала трап. Позеленевший от ярости командир и притихший почему-то старший помощник следовали в кильватер.

Вежливо, насколько это возможно в подобной ситуации, командир высказал в адрес дежурной службы все, что думает о доставшихся ему в подчинение офицерах, их родителях и военных училищах, готовивших специалистов для флота. А когда узнал, что на корабле отсутствуют четыре офицера во главе с заместителем, потребовал к себе доктора с валидолом и валерьянкой.

Группа моряков, отправленная на поиски незаконно отдыхающих, обнаружила баркас возле германского сухогруза. На паелах спал богатырским сном рулевой. В кают-компании, зажав в зубах нож, изображал лезгинку для гостеприимных хозяев идеолог учебного корабля. Механик с помощником изображали там-тамы. Поблагодарив хозяев, гости мирно покинули борт

мирного труженика моря.

XXX

На обратном пути, когда корабль был в Малакском проливе, состоялись выборы в местные советы депутатов трудящихся. Еще до выхода в море на корабле был создан избирательный участок. На партийном собрании я был единодушно назначен председателем избирательной комиссии, что в переводе с флотского означает “брошен под танк”. В обязанность председателю вменялось:

1. Получить избирательные бюллетени в райкоме.

2. Затребовать с прибывающих на корабль курсантов открепительные талоны (а если таковых не окажется, и так сойдет).

3. Напечатать списки избирателей согласно ШДК (штатно-должностная книга).

4. Затребовать списки убывающих в поход избирателей-курсантов (а если вдруг таковых не окажется, то и так сойдет).

5. Выступить по корабельному телевидению с рекламой кандидата в депутаты (озвучить заранее полученные листовки с его биографией) – трижды.

6. Создать в ленкаюте уголок избирателя и закрыть его на замок (чтобы брошюры не растащили).

7. Сложить все списки и документы в папку. Папку закрыть в сейф и опечатать мастичной печатью.

Что и было сделано. Предвыборная компания закончилась. Папка из сейфа ждала своего часа.

Накануне выборов:

1. Построить в кают-компании две избирательные кабины.

2. Сделать две избирательные урны.

3. Назначить отличника, который первым придет на избирательный участок. Вменить в обязанность дежурной службе своевременно отличника разбудить.

4. Раздать части избирателей шпаргалки с патриотическими лозунгами, которые будут написаны на избирательных бюллетенях.

5. Заготовить телеграмму в адрес политического управления с указанием времени начала и окончания выборов, количества участников, единодушно отдавших свои голоса за блок коммунистов и беспартийных и фамилию отличника, вовремя разбуженного дежурной службой.

6. Отпечатать тексты лозунгов, которые будут завтра

написаны избирателями, трижды не забыв о лично дорогом.

7. Опечатать готовую к выборам кают-компанию и, удовлетворившись выполненным, уйти спать.

В день выборов:

1. Проснуться раньше всех, хлебнуть кваску или чаю и открыть избирательную процедуру.

2. Усадить за стол членов избирательной комиссии по алфавиту.

3. К моменту прибытия на избирательный участок отличника проверить готовность трансляционной рубки к исполнению гимна.

4. Делать серьезное лицо и следить за ходом выборов.

5. По окончании голосования закрыться на замок и, вместе с членами комиссии, провести подсчет голосов.

6. Заполнить протоколы выборов, сложить их в папку, закрыть в сейф и опечатать мастичной печатью.

7. Снять пробу с праздничного обеда.

Итого: 21 пункт избирательных хлопот. Плюс благодарность всем членам комиссии в приказе командира за великий энтузиазм масс. Выборы прошли на высоком идейном и политическом уровне.

XXX

Командиру войсковой части... Рапорт... Настоящим докладываю, что 12.03.1979 года из строя вышла рефмашина. В результате, температура воздуха в кладовой повысилась до + 10 градусов. Это привело к размораживанию колбасы полукопченой. В размороженном состоянии колбаса находилась несколько суток, что привело к ее дефрастированию. Употребление ее личным составом может привести к пищевым отравлениям или к вспышке желудочно-кишечных заболеваний. До проведения санитарной экспертизы указанной колбасы, выдачу ее личному составу запрещаю. Начальник мед. службы лейтенант Иванов. 13.03.79 г.

Рапорт был подан командиру. Прочитав его, он произнес:

– Я, как несущий персональную ответственность перед партией и правительством за вверенный мне экипаж, могу сказать, что ваш рапорт – ни что иное, как обычная перестраховка. Колбаса вполне доброкачественная и выдавать мы ее личному составу будем!

Рапорт доктора ставил перед командиром несколько проблем. Во-первых, необходимо было назначать административное расследование причин выхода из строя

рефмашин. Во-вторых, назначать виновного в порче дорогостоящего продукта и удерживать стоимость ущерба в размере одной трети оклада денежного содержания провинившегося. В-третьих, возня с экспертизой, списанием продукта инспекторским свидетельством, объяснения с ревизорами. Проблем слишком много...

– Дело в том, товарищ командир, что согласно статье N руководства... в отдельном плавании при сомнительном качестве продуктов, врач единолично принимает решение о реализации их, о чем докладывает по команде. Я вам доложил, что колбасу есть нельзя. Если вы принимаете другое решение, прошу на моем рапорте наложить резолюцию.

Командир задумался. Одно дело – отдать приказание в устной форме... Его к делу не пришьешь. И всегда остается возможность отказаться от своих слов или же объявить, что приказание было неверно понято. Другое дело – письменно зафиксировать свое решение. Это уже материал для прокурора. Поэтому никакой командир никогда не будет противоречить врачу в письменной форме. Зато правом голоса пользуется неограниченно. Медицина – единственная область на флоте, абсолютно недоступная пониманию командного состава.

– Ладно, доктор, делай, как знаешь. Но вся ответственность лежит на тебе.

– Понял. Разрешите идти?

– Идите.

Только что описанной официальной процедуре предшествовала процедура неофициальная. В каюту ко мне пришел помощник по снабжению лейтенант Мегердичев. Вид его свидетельствовал, что дело снабжения корабля всеми видами довольствия где-то дало трещину, и снабженцу грозят большие неприятности. Так и было.

– Я к тебе за советом и помощью, док, – начал Мегердичев. – Сегодня снял остатки копченостей (то есть произвел взвешивание и учет). Картина не очень... С приходом во Владивосток на борт приходят ревизоры, а у меня не хватает триста килограммов колбасы. Причины, известны тебе не хуже, а может быть и лучше, чем мне. Что делать?

Умение оперативно ориентироваться в обстановке, делать выводы из ее оценки и принимать верные решения – одно из необходимых офицеру качеств. Доктор и предложил свой удавшийся план. Дело оставалось за малым: в этот план обязательно должен был быть посвящен механик, так как выход из строя рефрижераторной машины грозил ему выговором в приказе. Мех тут же был приглашен в каюту доктора, где и

состоялось подписание договора. Механик никогда не будет против решений доктора и снабженца.

В оставшиеся две недели похода до Владивостока экипаж колбаской балован не был. Де факто. По меню и накладным на выдачу продовольствия те же моряки колбаску кушали. Де юре.

Ревизия, проведенная представителями продовольственной службы флота, нарушений и недостач в деле снабжения корабля не выявила. Командир, догадавшийся об истинной причине произошедшего, проведения санитарной экспертизы продуктов не потребовал.

Глава 27
ПОВСЕДНЕВЩИНА

Вернувшись из похода, корабль швартовался к любимому 33 причалу. Напряжение спало. Организмы, измученные солнцем, знойным воздухом и соленой водой, требовали отдыха. Нервная система открыла предохранительные клапаны, отводя избыток переполнявшей аорту крови в селезенку. Курсанты, окруженные яркой толпой поклонниц, убыли к месту службы. В ТОВВМУ. На корабле установилась необычная тишина. Перед бурей. Командир убыл с докладом о результатах похода к жене (вышестоящий штаб). Офицеры, семьи которых находились во Владивостоке, убыли на сход. Старший помощник пил чай, закрывшись в каюте со своей боевой подругой. Лейтенанты, оставленные на корабле, правили службу. Я спал в каюте. Во сне проклинал корабль, море и старшего помощника, запретившего сход к семье “до выяснения обстановки”, то есть на неопределенное время. Корабельный пес Пират тявкал в коридоре, хотя сход ему запрещен не был. Матросы стирали робу и смывали с себя слои тропического пота вместе с кожей. Режим экономии воды был снят, так как она подавалась с берега. Глухо тренькала гитара, хрипел разбитый магнитофон, обнажив все свои токоведущие части, тем самым создавая предпосылки к электротравматизму. Медленно и грустно день катился к закату.

Проснувшись, я отправился к старшему помощнику под предлогом доклада об антисанитарном состоянии буфета и кают-компании, нерадивости вестовых и дежурного по низам, не обеспечившего прибытие на медицинский осмотр лиц нового кабузного наряда. Старпом, которому до смерти надоело вечное недовольство корабельного эскулапа, которого только что оторвали от милой беседы с любимой женой, истомленной длительной разлукой, среагировал на доклад доктора неожиданно смело:

– Док! Вот тебе отпускной билет. Катись к чертовой матери суток на десять! Без тебя тошно.

Через десять минут я, зажав под мышкой пакеты с “колониальными” товарами, скорой рысью бежал к автовокзалу.

Последний автобус в направлении Техаса ушел. Червонец, олицетворявший собой весь мой наличный капитал, не позволял воспользоваться услугами такси, так как стоимость поездки только в одном направлении была вдвое больше финансовых возможностей путешественника. Однако, сервис владивостокских

автопредприятий предусматривает подобные ситуации, предоставляя пассажирам возможность производить оплату услуг в виде натурального обмена. Один из таксистов согласился отвезти моремана к жене, потребовав вознаграждения в количестве одной банки чая “Липтон” и пачки импортных резиновых изделий, пользующихся повышенным спросом, что не позволяет нашей промышленности наладить их производство.

К месту назначения я прибыл к полуночи. На звонок, уточнив предварительно личность звонившего, открыла заспанная, пахнущая парным молоком, жена. Быстро накрыв на стол и глядя, как муж уничтожает домашнюю стряпню после осточертевших макаронов “по-флотски”, она выкладывала накопившееся новости: главной среди которых было полное взаимопонимание, установившееся между мамой и дочкой. Беседа продолжалась до утра, изредка прерываемая недовольным кряхтением дочурки.

И все же основную новость молодая жена тактично оставила на утро. За завтраком она сообщила, что всему на свете приходит конец, как подошел он и “безмятежному” пребыванию в случайно снятой квартире. Реальной угрозой семейному счастью обрисовалось на горизонте возвращение из Ленинграда хозяйки квартиры, временно предоставленной в распоряжение четы. И снова молодому семейству предстоял марафон в бесперспективных поисках временного пристанища. Однако, я все же имел сообщить и более утешительные вести. Корабельная жилищная комиссия решила предоставить мне комнату в двухкомнатной квартире строящегося дома, о чем и был составлен “протокол заседания жилищной комиссии”. Но поиски жилья организовать было необходимо, так как военные строители, возводившие во Владивостоке шалаши для влюбленных, не всегда беспрекословно, точно и в срок выполняют приказы вышестоящих строительных начальников и взятые социалистические обязательства. Таким образом, новоселье откладывается на неопределенное время.

“Надежда – мой компас земной...” Десять дней, отпущенных мне судьбою и старшим помощником, пролетели мгновенно. Попытки найти и снять квартиру в Техасе к успеху не привели. Снова пришлось упаковывать чемоданы, запечатать в атласный конверт ребенка и уехать во Владивосток, где к услугам молодой семьи была готова каюта, узкая корабельная койка и письменный стол для ребенка. Все возвращалось на круги своя. Хорошо еще, что Ниночка стоически переносила все преимущества семейной жизни военного моряка и бытовые удобства, созданные заботой государства для своих защитников. В течение двух месяцев, проведенных на корабле в ожидании жилплощади, супруги

пришли к выводу, что самым оптимальным решением в их ситуации будет новое путешествие мамы вместе с дочуркой в западном направлении. Тем более, что родители мои готовы были радостно встретить своих незнакомых родственников. Снова аэропорт. Снова самолет. Снова слезы разлуки. И снова томительное ожидание, выматывающее душу. На неопределенный срок.

XXX

На корабле жизнь шла своим чередом. По итогам похода заместитель командира по политической части был снят и назначен с понижением. Механик был снят и назначен с понижением. Заместитель механика пополитической части был снят и назначен на равнозначную должность. Помощник командира по снабжению был снят и назначен с повышением на новостроящийся корабль.

Все четверо пострадали за несанкционированную попытку налаживания интернациональных связей в порту Коломбо, превратившуюся в обычную пьянку порочащую честь и достоинство советского офицера. Забегая вперед, читателю уместно сообщить, что капитан-лейтенант Бесполый был изгнан из вооруженных сил за проступки, дискредитирующие социалистический образ жизни. Педагог и целитель душ военморов сгорел на собственной дурости.

XXX

Корабль готовился к комплксной проверке специалистами вышестоящего штаба. “Если не наелся, то и не налижешься”, – гласит народная мудрость. Флотская мудрость выдает к руководству военморам следующий перл: “Сделал – запиши, не сделал – запиши дважды”. Внемля сему мудрому совету, моряки до одури скрипели перьями, пишущие машинки загружены были до предела и еще сверх того. Рулоны бумаги изводились на изготовление плакатов и призывов к отличной работе, политической бдительности и преданности лично Леониду Ильичу. Авральные работы по покраске корабля, подготовке формы одежды и изолированию оголенных концов электропроводки выматывали душу.

Личный состав тренировался четко и, что особенно важно, громко приветствовать начальника. Внешняя атрибутика должна

быть на высоте. Пыль с переборок смывалась с помощью порошка СФ-3 и затаривалась в бочки, чтобы быть в готовности своевременно засыпать глаза проверяющих специалистов и вышестоящего начальства. Столы в кают-компании накрывались как для дипломатического приема. Однако, спиртное в меню отсутствовало: “помыть руки” можно было и в каютах. При благосклонном расположении созвездий. Взыскания сыпались как из рога изобилия. Командир кипел буйной энергией, подавая пример исполнительности и служебного рвения всему экипажу. Каждое построение по большому и малому сбору превращалось в небольшой митинг. Смысл выступлений и речей руководящего состава сводился к следующему: “Вы все можете, я в вас верю, но в случае... покажу Кузькину мать”. Особенно убедительно звучала последняя мысль. В подтверждение сего, корабельный пес Пират, сидя на задних лапах и приложив переднюю к уху, коротко тявкнул, присоединяя свой голос к общему грому, издаваемому сотнями голосов военморов, приветствующих начальника. Круглосуточная, вернее, кругломесячная нервотрепка, устроенная командиром, желающим во что бы то ни стало не ударить в грязь лицом, издергала нервы офицерам и измучила личный состав. Неоднократные обращения врача с просьбой предоставить экипажу два дня отдыха, расценивались командиром никак не иначе, чем медицинская диверсия и саботаж. Экипаж недовольно роптал, а как известно, подобные настроения успеху не способствуют. Накануне к проверке все было готово.

В 7.50 по трапу медленно поднимался адмирал. Экипаж замер по команде “смирно!”. Все внимание – на адмирала. Это значит, что все, происходящее за кадром, значения в данный момент не имеет. А жаль. На левом шкафуте специально подготовленный и проинструктированный матрос готовил сюрприз горячо любимому командиру: задрав хвост бедному Пирату и плеснув изрядную порцию скипидара прямо на собачий срам, шутник вытолкнул ошалевшего от неожиданной ласки любимца публики прямо на ют, к замершему в почтении строю. Обычно во время построений пес занимал свое место в строю и почтительно внимал Командирским речам. А здесь, в момент отдачи командиром рапорта старшему морскому начальнику, среди звенящей тишины, нарушаемой лишь голосом отдающего рапорт командира, раздался собачий визг, постепенно переходящий в пронзительный вой. Подскочив прямо к ногам ошалевшего от неожиданности командира, ошалевший от боли Пират с размаху уселся задом на холодный металл палубы и, загребая лапами, оглашая стенаниями акваторию Золотого Рога, начал описывать циркуляцию вокруг строя давящихся смехом

моряков.

– Доктор! – взревел командир, – держи ее, она взбесилась!

Офицеры вышестоящего штаба хохотали на пирсе. Адмирал коротко резюмировал:

– Это баржа во главе со шкипером.

Месячный труд, затраченный на подготовку корабля, был сожжен несколькими граммами медицинского скипидара. Пират пострадал дважды: в дополнение к поруганной собачьей чести, он потерял право прописки на корабле. Административное расследование, проведенное лично командиром со всей тщательностью, виновных не выявило. По итогам проверки, медицинская служба, единственная из всех, получила отличную оценку. Возможно потому, что флагманский врач, проводивший проверку, знал истинную причину внезапного бешенства Пирата.

XXX

Я готовился в отпуск. По плану. Были закуплены подарки родным, в холодильнике томились “хвосты” кетин. Документы, заверенные командиром, лежали в кармане. Протокол заседания жилищной комиссии, в котором среди кандидатов на получение жилья, была и фамилия эскулапа, лежал на столе председателя гарнизонной жилищной комиссии. Будущее было ясное, как взор младенца. Тем более, что командир корабля подписал представление на присвоение врачу очередного воинского звания – старший лейтенант медицинской службы и отправил его по кадровым инстанциям. Срок присвоения очередного звания истекал в конце июня. Все отлично.

Глава 28
“АЛЕКСАНДР СУВОРОВ”

Пути господни неисповедимы, как и судьбы военморов. Моя судьба готовила своему протеже очередной воинский подарок…

…После длительного ремонта в Дальзаводе крейсер “Александр Суворов” был оторван от стенки и под буксирами вытащен “за ноздрю” в центр бухты Золотой Рог. По приказу командующего, он должен был занять место в точке номер один тридцать третьего причала, сменив в ней своего изношенного собрата и нашего знакомца – крейсер “Дмитрий Пожарский”. Командовал “Суворовым” “заводской” командир капитан первого ранга Мишкин, человек, органически не переносивший даже упоминание о море и походах. То ли собственные способности его, то ли помощь неизвестной, но тем не менее, волосатой лапы, в течение двадцати лет безупречной службы переводили его с одного ремонтирующегося корабля на другой. Каперанг предпочитал видеть море с берега.

В русском флоте для присвоения званий лейтенанта, капитан-лейтенанта и выше моряки должны были иметь “плавательный ценз”, что уже само по себе гарантировало весьма высокий уровень морской выучки и достаточный опыт корабельной службы. Великий смысл и государственная мудрость! Отбросив условности коррумпированного царского флота, современное военное законодательство позволяет расти в морских воинских званиях офицерам, наблюдающим разгулы морских стихий с Южного берега Крыма. Лейтенанты, волею судеб засевшие в береговых отделах или же на ремонтирующихся кораблях, достигают всего того, что и офицеры плавающего состава. И еще, в дополнение, живут размеренной семейной жизнью, посещают тетры и кино… Но об этом – позже.

Так вот, крейсер “Александр Суворов” стоял в центре бухты Золотой Рог, на виду у жителей и гостей города Владивостока, прямо перед окнами штаба ТОФ. Командир его, заводской каперанг Мишкин, тщетно дергал ручки машинного телеграфа: крейсер, проявляя упрямство тысяч ослов, не желал повиноваться. Не желал становиться в стойло – злополучную точку № 1. Командиры стоящих у пирса кораблей сочувственно качали головами и отпускали соленые шуточки в адрес своего незадачливого коллеги. Командующий флотом наливался бешенством и изливал его на – притихших подчиненных. Капитаны судов, не имеющих возможности выйти в море по

расписанию, материли дежурного по рейду. Жители и гости города Владивостока многозначительно переглядывались, в полной уверенности, что “военные снова учения затеяли”. Через шесть часов ковбой-неудачник все же сумел укротить дикий нрав своего взбесившегося мустанга (а может быть, сам мустанг утратил волю к сопротивлению) и загнал его в определенное диспозицией место, прочно приковав цепями к берегу. Смахнув пот, согнав краску стыда с лица и ушей, ковбой заперся в каюте в ожидании суда Линча, грозившего ему в ближайшее время. Стоявший борт о борт с “мустангом” крейсер “Пожарский” тихо пенял своему налитому силой собрату изношенным скрипом своих механизмов, благославляя на ратные подвиги и желая ему семи футов под килем.

Утром следующего дня на пирс прибыл командующий флотом. Командиры в почтении замерли возле трапов своих кораблей. Здесь же стоял и командир “Пожарского”, капитан второго ранга Сергеев. Возле трапа “Суворова”, опустив голову, готовый ко всему, стоял каперанг Мишкин. Командующий флотом, пригласив с собой Сергеева, взошел на борт крейсера “Суворов”. Команда заводских тружеников, именуемых моряками, нестройно ответила на приветствие. Командующий флотом держал речь:

– Товарищи суворовцы! Для вас с настоящего момента не существует тяжелой, но мирной заводской жизни. Впереди океан, боевая учеба, походы, шторма. По этому славному пути вас поведет новый командир, которого я вам и представляю. С 9.00 он вступает в командование вашим крейсером. Крейсер “Пожарский” на ремонт поведет товарищ Мишкин. Ваш новый командир прошел все ступени нелегкой корабельной службы. Опытный моряк и судоводитель, мастерски владеющий тактикой применения артиллерийского, ракетного и других видов оружия. Зовут его В.Н. Сергеев. Работать он вас заставит, а воевать научит.

И, обращаясь к Сергееву, продолжал:

– Формирование эикпажа разрешаю проводить по своему усмотрению. Любые перемещения офицеров по вашему требованию будут мной утверждены. Командирам на передачу дел даю два часа. В случае выявления в процессе передачи дел любых криминалов, гарантирую помощь прокуратуры и отделов флота.

Обменявшись рукопожатием с Сергеевым, командующий убыл с корабля. Личные вещи командиров крейсеров поменялись местами. Приказ министра о назначении Сергеева командиром крейсра “Александр Суворов” был подписан через двое суток. Вот такие фокусы выкидывает Фортуна.

XXX

Я упаковывал чемодан, когда в каюту, постучав, вошел флагманский врач. Как принято на флоте, медицинский начальник начал издалека. Расспросил о здоровье, семье, настроении. Похвально отозвался об организаторских способностях лейтенанта, оценил опыт, приобретенный им в плаваниях. Любые дифирамбы, исходящие от начальства, никогда не бывают случайны и настораживают. Я “сделал стойку”.

– Как вы считаете, лейтенант, – приступил к главной цели своего визита флагман, – сумели бы вы справиться с должностью начальника медицинской службы крейсера?

– Думаю, что нет. И вот по каким причинам. Через два дня я должен ехать в отпуск. Это раз. Второе. На “Бородино” мне подошла очередь получать квартиру, а любое перемещение по службе, в данной ситуации, этой возможности меня лишит. Семья моя снова “зависнет в воздухе”. И, наконец, третье. Здесь я отработал службу, сжился с экипажем, заработал определенное уважение командования. С предлагаемым вами перемещением по службе я не согласен.

Подумав немного, флагман изрек:

– Я предлагал вам должность, почетную для лейтенанта. Понимаю причины вашего отказа и сожалею, что мы не пришли к согласию. Желаю всего хорошего.

И удалился, оставив в душе моей смутную тревогу.

Через сутки командующим флотом был подписан приказ о моем назначении начальником медицинской службы крейсера “Александр Суворов”. В представлении на должность, оформленном кадровиками задним числом, было написано: “Флагманским врачом проведена личная беседа с кандидатом. Офицер с назначением согласен”. Вот так. Через месяц у меня истекал срок пребывания кандидатом в члены КПСС, и партийная организация УК “Бородино” должна была принять меня в семью передового, наиболее испытанного авангарда советского народа. Отпускной билет изъят. Гарнизонная жилищная комиссия получила информацию: “В связи с тем, что лейтенант Иванов приказом командующего флотом назначен к новому месту службы, квартиру из фондов УК “Бородино” выдать ему не представляется возможным.” И подпись: командир учебного корабля, капитан второго ранга Чухрай.

Звонок в каюту командира в два часа ночи.

– Слушаю. Командир.

– Кроме того, что ты дурак, ты еще и сволочь!

– Кто говорит?

– Все говорят.

Гудки. Хотя, по-своему, командир и прав.

“Хвосты” красной рыбы кеты из аптеки перекочевали на стол, превратившись в закуску на “проводах” моих к новому месту службы.

XXX

Размышления мои о превратностях судьбы и особенностях флотской службы всеми цветами радуги расцвечены не были. Что знал я о флоте, да и о Вооруженных силах вообще с момента начала своей карьеры? Кроме парадных маршей и блеска погон – ничего. В институтах, на военно-медицинских факультетах, в академии обучающимся шесть лет подряд внушают: “Вы – представители самой гуманной профессии. Вы – беззаветные бескорыстные стражи здоровья. Вы, прежде всего, – врачи, а потом уж – офицеры.” Прежде всего – врачи... Военная атрибутика на заднем плане. Сострадание к каждому болящему! Все силы и знания – благородному делу охраны здоровья благородных защитников Отечества! И вот молодой врач в звании лейтенанта приходит на флот. Ответственность перед законом любого военного человека наступает при нарушении положений военной присяги. Ответственность военного врача – при нарушении военной присяги и присяги врача Советского Союза. Слишком высока ответственность! И именно с напоминания об ответственности начинается первое знакомство молодого врача с командиром-военоначальником. “Доктор, вы должны, обязаны, отвечаете...” Эти слова обязательны в любой беседе с врачом. Особенно раздражает вопрос-утверждение: “Но вы же принимали клятву Гиппократа?!” Напичканный неимоверным количеством теоретических знаний, освоивший разные методики лечения, влюбленный одну из сотни медицинских специальностей, настроенный на ведение кропотливой научной работы, врач корабля с первых шагов своей службы убеждается в том, что все, чему его учили в “альма-матер" нужно забыть, как кошмарный сон. Командир – единоначальник, имея самые смутные представления об организации работы медицинской службы, не имеет никаких представлений о вопросах лечения и профилактики болезней. Однако, считает себя способным принять правильное решение по вопросам оказания помощи больному. Считается возможным на резолюции врача об освобождении заболевшего от вахт и работ написать: “Это не больной, а обычный симулянт. Вы, доктор, не понимаете своего

назначения на корабле.” Обидно. Нервные болезни и отклонения в психике пациентов-матросов могут быть признаны командиром только в том случае, если приведут к чрезвычайному происшествию. Вместе с тем, даже справедливая и естественная реакция подчиненного на неверное решение начальника может повлечь за собой приказание: “Доктор! Перед вами псих. Обследуйте его.” И бесполезно доказывать, Что вопросы психиатрической экспертизы не по силам и не в компетенции лейтенанта от медицины.

На современном уровне развития медицинской науки хорошим специалистом можно стать в одной из ее областей, занимаясь оказанием узко специалзированной медицинской помощи. Специализированные корабельные хирурги, получившие первоначальные навыки в проведении хирургического лечения, практически лишены возможности совершенствоваться в избранной специальности. Они вынуждены сочетать в себе хирурга и терапевта, окулиста и невропатолога, эпидемиолога, ЛОРа, гигиениста, организатора... Следствием универсальности знаний является их посредственность. Врачи постепенно теряют квалификацию, интерес к медицинской науке, выпестованный в аудиториях учебных заведений, и, что самое страшное, – становятся равнодушными к больным, параллельно к этому приобретая опыт бюрократических отписок и налаживания контакта со строевым и политическим начальством. Восстановить потерянное за годы корабельной службы впоследствии удается с величайшим трудом, а чаще всего, не удается вовсе.

Право собственного мнения имеет каждый врач, однако, отстоять его удается не каждому, завоевав себе репутацию посредственного офицера, скандалиста, что влечет за собой дисциплинарную расправу. От нее врач не защищен ничем. Он во власти своего начальника. На флоте ходит анекдот-быль:

Командир вызывает к себе врача и объявляет:

– Доктор, пока последний таракан не будет уничтожен на корабле, представление к получению очередного звания я вам не подпишу.

Целый месяц, забросив все дела, врач занимался уничтожением тараканов. Представление было положено на стол командира. И только последний занес перо для того, чтобы поставить свой автограф, как “вдруг из подворотни выползает таракан, тараканище...” Представление подписано не было. Анекдоты рождаются жизнью.

Мы говорим: врач обязан, должен, теряет, теряет... Эти понятия на флоте абсолютные. Имеет право – понятие относительное. Попадая в подобный переплет, выпускник

Академии оказывается абсолютно не готовым к жесткой флотской действительности. Выживает сильнейший. Многие ломаются. Примером тому – бывшие военврачи “Пожарского”, о которых было сказано выше. Примеров можно привести десятки. Некоторые сгибаются и плывут по течению. И от степени мутности потока зависит, к какому берегу прибьет плывущего. И только самые удачливые, способные или же усидчивые достигают всеми желаемого, но немногим доступного успеха. Правда, имеется еще категория “позвоночников”. Но это категория особенная.

Работа корабельного врача подобна айсбергу: основная ее часть скрыта от взоров окружающих и командования. Поэтому часто вместо “медслужба” в каюте старшего помощника звучит “мёдслужба”. Именно потому должностные оклады врачебного состава самые низкие. Потери моральные вознаграждением материальным не компенсируются.

Художественная литература, исповедуя принципы социалистического реализма, военная пресса, поющая под аккомпанемент политических управлений, подобную реальную картину обнародовать не может. Слабо! Каждому дорог свой кусок хлеба с маслом. В реальной жизни, тем более в жизни воинских коллективов, между своими принципами и мнением начальника нужно выбирать последнее, если во главу угла ставить собственный покой и благополучие. “Инициатива на флоте наказуема”. Народная мудрость.

Глава 29
СНОВА НА КРЕЙСЕРЕ

Покинув “Бородино”, я прибыл на крейсер. Мощью десятков орудий и сотен тысяч лошадиных сил пахнуло в лейтенантскую душу. Весь экипаж находился на верхней палубе. Колоритная фигура командира, окруженная офицерами, заметна была издали. Третьи сутки подряд корабль авралил, смывая заводскую грязь и наводя на свои бока лоск, называемый “морской культурой”. Шестилетний срок заводского ремонта напрочь изгладил из памяти обновленного исполина настоящий густой и свежий кедровый запах выдраенного песочком деревянного настила. Крейсер забыл о том, что когда-то штормовал в океанах, выплескивал смерчи огня из пушечных жерл, гордо демонстрировал советский военно-морской флаг в Англии. Забыл и о том, как в кровь обдирая борта, пробирался сквозь тяжелые льды Арктики. В медицине это называется ретроградной амнезией, то есть отсутствием памяти на события, предшествующие травме. А заводской ремонт для корабля есть ни что иное, как тяжелое хирургическое вмешательство по замене изношенных органов и систем. Хирургическая травма. И всем известно, насколько трудно приживаются пересаженные органы. Организм старается их отторгнуть, как чужеродные. И требуется исключительно титанический труд коллектива ученых во главе с академиком, чтобы заставить работать новый орган в унисон со всей сложнейшей совокупностью других органов и систем.

“Академик” на юте проводил конференцию. Зная крейсерский организм в совершенстве, академик делился опытом и намечал программу. А так как его умение ораторствовать, переплетая точнейшие сведения по теории и практике эксплуатации корабля и его оружия с откровенной “лапшой” небылиц, то недостатка в слушателях академик никогда не испытывал. “Главный”, реально представляя себе глобальную задачу по реанимации корабля, подбирал себе коллектив единомышленников, людей, способных, по его мнению, вдохнуть жизнь в спящую плоть находящегося в наркозе исполина. Я был одним из многих, обещанием командующего исполнить все требования по перемещению офицеров, “обреченным на повышение”. Сергеев запомнил меня еще с “Пожарского”. Чем-то лейтенант подкупал, несмотря на его резкую прямоту, что на флоте из разряда достоинств переведено в разряд недостатков. Да и не только на флоте.

Я подошел к группе офицеров, внемлющих наставлениям

“академика”. Командир, заметив меня, радушно распростер объятия, словно доктор был, по крайней мере, его родным племянником, возвратившим дядюшке свой давний долг.

– Товарищи офицеры! Представляю вам нового члена нашего коллектива. Иванов. Этот лейтенант сможет навести порядок в авгиевех конюшнях медицинской службы нашего крейсера. И на “Пожарском”, и на “Бородино” зарекомендовал себя исключительно толковым офицером. Я так прямо командующему и сказал, что сейчас на “Бородино" служит мной воспитанный офицер, необходимый мне для наведения порядка на крейсере. (И когда только воспитать успел?!)

– Кто такой? – спросил командующий.

– Да тот симпатичный хохол, который отличился еще на “Сенявине”!

– А, вспомнил. Ну, если вы его требуете к себе, я не возражаю.

Командующий никогда не видел меня, так что “вспомнить” не мог. Подобный разговор никогда не происходил. Все было гораздо проще. Однако, командир должен был показать всем, что именно он формирует команду, именно он помнит “своих” офицеров, именно его просьбы не могут быть неудовлетворенными командованием флота. И “хохлом” я не был.

– Дежурный по низам! Отнесите вещи лейтенанта в каюту! (Все повторяется). Вы, доктор, сегодня можете отдыхать, устраиваться. С завтрашнего утра можете приступать к работе. Если есть вопросы ко мне, прошу в любое время заходить в каюту.

– Да, товарищ командир! Вопросы у меня есть. И от их решения зависит, насколько качественно и с какой отдачей я смогу работать на корабле.

– Хорошо, лейтенант, потом. Идите.

XXX

В каюте № 26, штатной каюте начальника медицинской службы, на верхней койке лежал капитан-лейтенант, имеющий некоторое сходство с Басовым в роли Дуремара из “Буратино”. Дуремар спал. Переборки были выкрашены в шаровый цвет, как и внешние контуры крейсера. Шторы, положенные по штату каюты, отсутствовали. На столе стоял телефонный аппарат и лежало около десятка истрепанных папок “Дело”. Нижняя койка представляла собой щит из неоструганных досок. Под умывальником стояли две гири. Своей мрачностью и убогостью, каюта напоминала келью отшельника с острова Валаам.

Разбуженный произведенным моим вселением шумом в

кают, Дуремар открыл глаза и молча уставился на меня. Доктор решил почему-то, что военмор страдает головной болью, так как гримаса на лице проснувшегося даже отдаленно не напоминала приветливость и радушие, с каким обычно встречают моряки вновь прибывающих товарищей.

– Начмед Иванов, – представился доктор. – Служил на “Пожарском” и “Бородино”. Сейчас, как я понял, служить будем вместе.

Дуремар никак не отреагировав на незваного гостя, продолжал лежать. Я пустил в ход козырного короля в надежде расшевелить негостеприимного хозяина.

– Давай-ка, дружище, прыгай с ветки! За мою прописочку могу, не отходя от кассы, предложить по пять капель.

Дуремар, выражение лица которого не изменилось, изрек:

– Меня зовут Славой.. Начальник химической службы. Фамилия Серебряный. Я не пью.

И замолчал.

– Ты что, дустом присыпанный? – удивился доктор. – Сказки рассказывать будешь своей бабушке. Слазь, кому говорю!

Никакой реакции. Ладно. Не каждое лыко в корабельном переплетении лаптей в строку.

Через пять минут, добив доктора окончательно, начхим произнес:

– Я не пью! – и встал с постели.

– Я, Петя, сегодня же перееду в свою каюту. Просто здесь мне было удобнее в отсутствие начмеда. Могу прямо сейчас уйти, если ты хочешь.

По закону дружбы и войскового товарищества было бы невежливо со стороны доктора признаться, что химик исключительно проницателен. Прямо-таки телепат.

– Ну что ты, Слава! Какие могут быть претензии! Живи... пока.

Однако, капитан-лейтенант, прихватив гири, считая их наиболее ценным имуществом, удалился. Через пять минут в каюту пришел старшина команды химиков и унес папки “Дело”, захватив туалетные принадлежности, побросал в картонный ящик из-под папирос “Беломорканал” вещи, прихватил с нижней полки деревянный щит и... молча удалился.

XXX

Первоочередной задачей встала проблема наведения порядка в каюте. В списке телефонов КАТС я нашел номер амбулатории и

позвонил.

– Дзержинский на проводе, – раздался в трубке голос. Акцент явно свидетельствовал, что Дзержинский родился в республике Средней Азии.

– Вас беспокоят из кабинета № 26 Смольного. Зайдите ко мне, товарищ Дзержинский. Говорит начмед крейсера лейтенант Иванов.

Крякнув от неожиданности, Дзержинский четким голосом, но с акцентом произнес:

– Ест! Извинитэ, товарыщ лэйтэнант!

Через минуту в дверь постучал и, получив разрешение, вошел старшина второй статьи. Ушами его можно было освещать помещение или жарить на них яичницу с колбасой.

– Старшина команды медиков, фельдшер, старшина второй статьи Ходжаев, – представился вошедший.

– Садись, Дзержинский. Меня зовут Петр Иванович. Сразу же определим задачи. На ознакомительные беседы время выделим позже. Посмотри вокруг. Как ты считаешь, можно жить в подобном сарае? Нет. И воспитывать личный состав здесь тоже нельзя. Тем более, работать с Дзержинским. Сколько ты прослужил?

– Два года. За “Дзержинского” прошу прощения.

Вопрос о сроке службы не праздный. От него зависит, какие поручения можно дать моряку и что исполнять самостоятельно, организуя исполнение по официальным каналам.

– Два года – это не год. Посему ставлю тебе задачу. Первое. Каюта должна быть выкрашена в светло-голубой цвет. Второе. Новые прикроватные шторы, шторки на иллюминаторы, шторы к умывальнику. Третье. Сейф, установленный и закрепленный по всем правилам надежного обеспечения сохранности секретных документов. Четвертое. ГКС (громкоговорящая связь) с амбулаторией. И пятое, наконец. Холодильник. К нему приложение! Колбаса, консервы (не морская курица в томате, конечно!), графин с водой. Три стакана. Записал?

– Так точно! Сколько на все это вы даете времени?

– А сколько тебе нужно?

– Сутки, товарищ лейтенант!

– И даже на колбасу?

– Так точно!

Несказанно удивившись, я, однако, вида не подал.

– Хорошо, даю двое суток.

– Я просил у вас сутки, товарищ лейтенант.

Ну ва-щщщ-е…

– Очень хорошо! Вы отличный старшина, Дзержинский!

Думаю, что сработаемся. Мне, как я понимаю, нужно освободить помещение прямо сейчас?

– Так точно!

– Добро, старик! Ухожу. Желаю успеха!

Взглянув на часы, лейтенант ушел. Было ровно 11.00

XXX

Комплектование офицерского корпуса крейсера шло по принципу, провозглашенному командиром: на боевом плавающем корабле должны служить “боевые плавающие офицеры”. Все, что было “в заводе”, обрекалось на сожжение, или, по крайней мере, на “ломку”: ремонтная заводская психология, ремонтная заводская организация, ремонтная культура, заменявшаяся культурой морской. Около тридцати процентов офицеров было списано с корабля и заменено другими. Притом, все “другие” назначены на “Суворов” с “Пожарского”. Следовательно, я в новом коллективе был не одинок в роли новичка. Рядом были друзья, с которыми пройдена не одна тысяча миль, съедено определенное количество соли и выпито несколько декалитров флотского компота. Количество других напитков... типа чая, учету не подлежит.

Назначение мое на крейсер произошло хотя и не случайно (все же офицер знал крейсерскую организацию), но лишь вследствие непредвиденного стечения обстоятельств, порождаемых флотской действительностью. Начальник медицинской службы крейсера, дела которого должен был принимать я, находился на лечении в психиатрическом отделении госпиталя с диагнозом “наркомания”. Что явилось побудительной причиной столь низкого падения офицера-врача, останется для флота тайной. Но однажды капитана медицинской службы Манулова (так звали доктора), нашли в открытой настежь каюте мертвецки пьяным. Рядом с ним валялись вскрытые, но уже пустые ампулы с промедолом. Ото сна восстав, “наркоман” объявил, что выпил сто ампул указанного медикамента. Строевые и политические начальники моментально записали доктора в разряд психически ненормальных и направили на лечение в девятое отделение главного госпиталя. Впоследствии “наркоман” был демобилизован из Вооруженных сил. Нюанс: приняв подобную дозу промедола, врач-самоубийца должен был скончаться на месте, не успев крикнуть “мама”.

Свято место пусто не бывает. Освободившаяся вакансия должна быть заполнена. Флагманский врач, заглянув в свою

“книгу по работе с кадрами”, где учитывается прохождение по службе всего офицерского состава медицинской службы соединения, лучшей кандидатуры на пост министра здравоохранения крейсера, чем моя кандидатура, не обнаружил. И так как “офицер с назначением согласен”, то это назначение состоялось. И никаких разговоров с командующим о “симпатичных хохлах”.

XXX

Получив командирское “добро” на отдых, этим разрешением я и воспользовался, тем более, что знакомство с врачами, младшим и средним медперсоналом, решил начать в отремонтированной, приведенной в порядок каюте. Да к тому же и не “карась” уже: никакой моряк не упустит подобное “добро”, выпадающее в жизни довольно редко.

Покинув каюту собственную, я направился в каюту “жизнерадостного толстяка” Магдича, с которым читатель уже вкратце знаком. На крейсере Магдич врастал в должность комдива (командира дивизиона) артиллерийской боевой части. С “Пожарского” он прибыл дней десять назад и уже, по логике вещей, должен был обзавестись чайником, чаем (грузинский, второй сорт) и, возможно, куском колбасы.

Магдич жил в каюте, расположенной напротив камбуза рядового состава, что наполняло ее специфическими запахами жаривших котлет или гуляша. Последнее обстоятельство имело свое отрицательное влияние на благородные попытки артиллериста бороться с собственным весом. Но и положительные моменты в сем проглядывались: диспозиция жилого и служебного помещений позволяла, не выходя из помещения жилого, затребовать те же котлеты (или “мослы”) из помещения служебного. Тем более, что камбузный наряд назначается из своих же братьев-артиллеристов. Только рангом пониже.

Я был встречен исключительно радушно, шумно и хлебосольно. Тут же, не отходя от кассы, с камбуза была затребована дюжина котлет (благо, время к обеду), заварен крутой чаек и задраена на замок каюта. А последнее означало, что не хлебом единым жив человек. Есть вещи и поважнее. И покрепче.

В возникшей оживленной беседе, состоящей из монолога расчувствовавшегося встречей артиллериста, я начал “врастать в особенности обстановки” психологического микроклимата в

корабельном коллективе. Стало известно, что “старпом добряк и командовать не может”, “офицеры – отличные ребята, но есть среди них и дерьмо”, “большой зам опасен тем, что постоянно “держит всех за яйца”. Все, как везде, ничего нового. Откуда же взять исчерпывающие сведения, если сам рассказчик – новичок в коллективе. Но ведь общая картина складывается из разрозненных фактов.

Кое-что, заслуживающее внимания, все же определилось.

– Мой зам, – рассказывал Магдич, – старший лейтенант Шевельной, исключительно опасен. Живет среди лейтенантов на броневой палубе. Естественно, в курсе всех нюансов жизни “броневухи”. За ночь набирает информацию, а утром обо всем докладывает “большому заму”. И, главное, на все претензии офицеров эта сука нагло заявляет: “Я коммунист, я не закладываю, а докладываю. Партийцы должны быть честны.” И хотя бы сам не пил или по бабам не шастал! Своей “информацией снизу”, сволочь, получает отпущение грехов себе самому. За... мучил весь коллектив. Убери его как-нибудь с корабля!

– Как это я смогу его убрать?! – спросил я. – Да он “большому” дороже золота. Ты ведь его командир, вот сам и воздействуй.

Однако понятие “командир” в данной ситуации не означает “начальник”. Гораздо проще на флоте “съесть” самого командира, чем заместителя по политической части.

Магдич, узнав, что доктор на сутки не имеет своего угла, щедро предложил услуги своей собственной каюты. Верхнюю коечку. Что было с благодарностью принято.

XXX

Перед ужином я был представлен офицерам корабля. За столом командиров боевых частей, начальников служб было определено старшим помощником место, на котором мне предстояло долго клевать свою норму продовольственного снабжения. Так же, как и за столом самой царицы Екатерины, места за столами в кают-компании расписаны в соответствии с занимаемой офицером должностью. “Командирский” столик занимали старший помощник, заместитель большой и помощник маленький. Командир обедает в верхнем салоне, и за столом в кают-компании его место всегда пустует. Облагодетельствовать офицеров своим присутствием командир может в любой момент по собственному желанию. К сожалению, на новых кораблях подобное невозможно из-за отсутствия салона. (Гибнут традиции!

Вместе с престижем командиров.) Слева от командирского стола располагаются за обедом командиры боевых частей и начальники служб: штурман, артиллерист, командир БЧ-7, механик, помощник по снабжению, доктор. Справа от него – стол политработников – заместителей командиров БЧ, редактора газеты, пропагандиста. Остальные офицеры рассажены за столами, стоящими перпендикулярно вышеназванным. Отдельно – никогда не пустующий гостевой. В центре – окно буфетной, единственное окно на корабле. В углу – всегда пустующий холодильник “ЗИЛ”.

Каждый стол обслуживается назначенным вестовым. И только два стола – старшим вестовым: командирский и стол начальников, перечисленных под указателем “слева”. Процедура приема пищи описана выше.

XXX

После ужина механик, капитан третьего ранга Басурин, пригласил доктора к себе в каюту. Там уже находился командир БЧ-7, капитан третьего ранга Пряхин и артиллерист капитан-лейтенант Борисов. Знакомство состоялось еще за ужином, однако офицеры уточнили кое-какие данные из биографии доктора вообще и из флотской биографии в частности. И дали несколько полезных советов, суть которых сводилась к следующему:

– Несмотря на то, доктор, что ты – еще лейтенант, однако же являешься начальником службы, следовательно, компанию водить можешь только с командирами боевых частей. В случае, если будешь замечен в чаепитиях с командирами дивизионов или групп, из нашего коллектива будешь исключен, не будучи туда принятым.

Все, о чем говорим или будем говорить, все, что делаем или будем делать в нашем коллективе, должно умереть в нем. Никакой информации снизу. И вниз. Вся информация куда бы и кому бы то ни было, должна исходить от нас только после всеобщего обсуждения. Конечно, это не касается вопросов служебных.

Мысли механик излагал четко, не оставляя возможности двоякого толкования. Меня несколько обидело предупреждение об “информации снизу”, о чем я и заявил всему коллективу.

– Доктор, мы предупредили тебя честно и прямо, так что обижаться на нас ты не имеешь права. А то, что ты все же обиделся, – хороший признак. Мы, кажется, сумеем найти общий

язык.

На сем и порешили. Ночь прошла без замечаний.

XXX

Назавтра, ровно в 11.00, я постучал в свою собственную каюту. Дверь открыл Ходжаев.

– Товарищ лейтенант, ваше приказание выполнено.

Я ахнул (про себя). Переборки сверкали нежно-голубым цветом эмали. Постель, заправленная совершенно новым комплектом простыней, была скрыта за новыми габардиновыми шторами. Такие же шторы скрывали от взора постороннего умывальник. Сейф на месте, аппарат ГКС, обозначенный красной сигнальной лампочкой (под питанием, значит), на месте. Холодильник на месте. Стол обтянут зеленым сукном и покрыт оргстеклом. В углу, на специальном столике, телевизор “Горизонт”, размер экрана 49 сантиметров по диагонали. Содержанием холодильника можно было не интересоваться. Открыв сверкающий изнутри белой краской рундук (шкаф), я увидел аккуратно развешанную на плечиках форму, выстиранные и отглаженные рубашки.

– Дружище Ходжаев; – обратился я к моряку, молча наблюдавшему за своим удивленным начальником, – подобной прыти я, честно говоря, не ожидал. Спасибо большое! Вот это по-товарищески! Спасибо!

– Разрешите идти?

– Идите. В 15 часов – построение. Начинаем службу.

– Есть!

В 14.45 в строю стояло восемь человек: три офицера, три матроса и два старшины. Один матрос, согласно докладу врача-хирурга, находился на вахте, дежурил в амбулатории. На мое приветствие подчиненные четко прокричали здравицу в честь начальника. Хорошо. Внешний вид личного состава. Отлично. Пока все отлично. Что впереди?

– Товарищи, – несколько волнуясь, начал я. – Нам предстоит несколько лет совместной жизни. Служба – само собой. Она известна и проста, как правда, хотя море и не балует своих сыновей. В этом вы убедитесь в первом же походе. Знаю точно. Совместная жизнь – дело гораздо более сложное и тонкое. Каждый из нас имеет свой характер, темперамент, свои взгляды на жизнь, свои национальные черты, свой запас дурости. Из всего лабиринта наших с вами личностей мы должны сложить единый целостный организм. Сразу хочу предупредить, что успех нашего

общего дела будет зависеть от степени нашей доброты друг к другу. Далее. Я с уважением отношусь к годкам, так как их опыт и знание службы – клад для общего дела бесценный. Но если я замечу самое малейшее проявление годковщины, в какой бы форме оно ни выразилось, замалчивать и укрывать я ничего не буду. В службе основным принципом будем считать следующий: каждый несет свой чемодан. Одно дополнение к нему: если устанет несущий, товарищ обязан ему помочь. И последнее. Старшина второй статьи Ходжаев!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

– За проявленную инициативу и добросовестную работу по ремонту каюты № 26 объявляю вам благодарность!

– Служу Советскому Союзу!

– Встать в строй!

– Есть!

В холодильнике оказалось: колбасы твердого копчения две палки, колбасы полукопченой две палки, “севрюга в томате” четыре банки, фарш сосисочный – две банки, языки говяжьи в желе – две банки, варенье из лепестков роз – одна банка, вода минеральная “Ласточка” – пять бутылок. Стаканов оказалось шесть. По количеству командиров боевых частей. Опыт корабельной службы – великая вещь.

ГЛАВА 30
ЭСКУЛАПЫ

Совещание офицеров медицинской службы было назначено на 16 часов. Необходимо было выяснить обстановку по состоянию дел в медицинской службе, ближе познакомиться с офицерами, поставить задачи и наметить пути их решения. Судя по тому, что было отражено в медицинской документации, бегло просмотренной мной, дела в системе здравоохранения крейсера были неважными: ни боевая подготовка, ни повседневная работа даже спланированы не были. Помещения медблока, осмотренные мной, производили удручающее впечатление: вместо традиционного белого были выкрашены в тот же “шаровый” цвет. Можно было с определенной долей вероятности предположить, что бывший командир корабля страдал аномалией цветовосприятия, насаждая по всему кораблю “царство серых теней”. И только матросы производили отличное впечатление своей подтянутостью и безукоризненной белизной рабочего платья. Но в этом видна была невооруженным взглядом заслуга старшины команды Ходжиева.

В 15.55 офицеры-врачи прибыли в каюту начмеда. Окинув взглядом каюту, врач-терапевт произнес:

– Да-а, Петр Иванович, видно туго нам придется! Круто взят старт. Но... приятно.

Представим врачей.

Григораш, лейтенант, окончил Военно-медицинскую Академию им. С.М. Кирова с отличием, терапевт. На крейсере десять суток. Холост.

Романов, лейтенант, окончил ВМФ при ГМИ, хирург, служил на крейсере “Адмирал Сенявин”, на “Суворове” пять суток. Женат, один ребенок.

Холодов, окончил первый Ленинградский медицинский институт, стоматолог. Старший лейтенант. На крейсере полтора года, призван в ряды ВМФ на два года, женат, семья в Ленинграде, двое детей.

Три крупных специалиста отечественной военно-морской медицины ждали ценных указаний своего начальника, руководителя столь высокого ранга. Все были ровесниками, однако устав волею случая поставил одного над остальными, что, возможно, щекотало самолюбие последних. Ведь все же морально легче подчиняться старшему по званию и по возрасту, чем своему погодку: так и подмывает сказать: “Вася, не духарись!” Учитывая

последнее обстоятельство, приказная командно-административная форма управления в данном случае могла не сработать. От первого впечатления друг о друге зависел успех дальнейшей работы. Бывает и так, что новый начальник, психологически неверно рассчитав первую встречу с подчиненным коллективом, получает приговор “мудак”. Все. Этот эпитет смывать со своего чистого имени придется годами. Подчинения своим приказам добиться можно, но взаимопонимания – нет, или очень трудно. В любом случае, распоряжения начальника анализируются его починенными, несмотря на уставное — “действия и приказы начальника не обсуждаются”. И если коллектив решил, что начальник “мудак”, то анализ его деятельности всегда будет окрашен в оттенок недоброжелательного злопыхательства, и в колесах его служебной карьеры всегда будут торчать палки. Успех начальника делают подчиненные специалисты.

– Товарищи, – начал я, – я не говорю “товарищи офицеры” или "товарищи лейтенанты”. Просто товарищи. Военную атрибутику оставим для строевых смотров. Мы – врачи. И в нашей работе безразлично, кто лежит на столе – матрос или адмирал. Перед богом и скальпелем все равны. Должны быть равны, по крайней мере. Нет дизентерии адмиральской, есть болезнь, с которой мы должны бороться. Желание произвести личное благоприятное впечатление на начальника в ущерб здоровью матроса считаю недопустимым врачебным преступлением. Может это и резко сказано, но честно, несмотря на нашу полную зависимость перед командиром. Ознакомившись с положением дел в медицинской службе, могу с уверенностью сказать, что все делалось здесь в расчете на внешний эффект. Свидетельство тому – опрятность матросов и мрачные лица экипажа. Я не могу и не хочу пользоваться пакетом номер один, обвиняя всех тех, кто был до нас, в нерадивости, однако, правде надо смотреть в лицо: дела обстоят неважно. Нас четверо. Вместе, работая в одной упряжке, мы сможем успешно сдвинуть с места и тащить воз крейсерского здоровья. При первом знакомстве с командиром, еще на “Пожарском”, он мне сказал: “Тот командир, который не понял значения медицины для боевой готовности корабля, не станет никогда настоящим командиром.” Это значит, что все наши начинания будут поддержаны командованием, что вселяет уверенность. Нужно работать. Сейчас авторитет нашей службы на корабле и на флоте стоит на нуле. Необходимо вывести ее в передовые. Не для знамен, конечно, хотя и не без этого. Сейчас мы наметим сообща программу нашей деятельности. Придерживаться ее будем неукоснительно, внося коррективы на

ходу. У каждого из вас имеется перечень должностных обязанностей, откорректировав который совместно, мы окончательно узаконим. Каждый понесет свой чемодан.

По вопросу об индивидуальной воспитательной работе, за которую ответственность несу я, в соответствии с окладом, считаю, что воспитывать вас – бессмысленная трата времени. Вы можете позволить себе все, что считаете нужным. Вино и женщины – ваше личное дело. Требование у меня одно: вовремя стоять в строю на подъеме флага и четко выполнять свои обязанности. Средства достижения успеха – по вашему выбору. Вопросы схода отрегулируем так: один из вас постоянно на корабле. Кто – решайте сами. Если на корабле буду находиться я, на берег могут сходить все, согласовав вопрос со мной, так как вводные все же неизбежны. Вопросы, товарищи? Нет. Вопросов не бывает, если все понятно или же не понятно ничего. Ясна моя позиция?

– Исключительно ясна. И мной принимается, – ответил терапевт.

– Все “за”.

– Отлично! Теперь приступим к обсуждению программы. Излагаю свою. Первое. В медицинские помещения больной должен входить радостно: врачевание, как вам известно, начинается с белого халата врача. Трое суток отводим на аврал по покраске медблока. Краску беру на себя. За это время вы, товарищ Романов, спланируете работы и выдадите мне программу отработки операционной бригады и все, что нужно для хирургии. Сергей Петрович представит график санации личного состава, рассчитанный на три месяца. Наведение лоска на стоматологический кабинет – дело ваше. Вы, Владимир Николаевич, беретесь за организацию амбулаторного приема и планируете медосмотр экипажа. Срок – пять суток. Каждый из вас подает мне список медикаментов и оборудования, необходимых, по его мнению, для нормальной работы. На себя беру организационные вопросы, снабжение, боевую документацию и боевую подготовку, отрабатываю аптеку и регулирую отношения с начальством. Свобода творчества – полная. И пусть работа воспитывает нас всех вместе.

И в заключение. Дури во мне хватает. Если вдруг кто-нибудь будет мною обижен, или я начну пороть какую-нибудь ересь, скажите мне об этом прямо в глаза. Если же вопросы подобного рода пойдут ко мне через “зама” или другого начальника – не взыщите. “Шестерок” у нас не должно быть, хотя они и есть в каждой службе. Такова система.

Поговорив о женщинах, рассказав несколько анекдотов,

офицеры разошлись. Совещание закончилось. Военные совещания отличаются от производственных тем, что в финале начальник может объявить: “Мы посовещались, я решил.” Возражений не последует. И это далеко не всегда хорошо. Доктора согласились с предложенной мной программой. Это внешне. А что у каждого в душе и черепе?

Офицеры произвели очень хорошее впечатление на начальника. Настораживал только хирург: уж больно преданно он смотрел в глаза и слишком одобрял мысли шефа. Такие опасны. О них на флоте говорят “без мыла в задницу влезут”. Однако я знал, что первое впечатление может и подвести.

XXX

Для успеха затеянного докторами предприятия необходимо было заручиться поддержкой командира, так как осуществление его требовало определенных усилий всего экипажа и определенного материального обеспечения. Я отправился к нему. Выслушав серию историй из жизни флота, доктор по пунктам изложил свою программу. И нашел полное взаимопонимание: командир одобрил предложенный план по всем пунктам. Однако позиции нужно было укрепить по всем правилам военного искусства.

– Товарищ командир, имея определенный опыт, я знаю, что проведение таких общекорабельных мероприятий, как медосмотр, всегда встречает яростное сопротивление командиров подразделений, так как нарушает плановый ход работы и боевой учебы в боевых частях. Могу ли я быть уверенным в вашей постоянной помощи?

– Да, доктор! Пока экипаж не почувствует заботу о каждом из своих членов, ждать хороших результатов на выходе не приходится. Матрос должен быт сыт, одет и здоров. Здоровье я поставлю на первое место. Кроме предложенного тобой, я прошу обратить самое серьезное внимание на организацию питания личного состава. Ко мне доходит много жалоб, народ недоволен. Корабельные снабженцы мне пока незнакомы, и на них я положиться не могу. Нужно прощупать этих мафиози. Займись лично.

– Есть, товарищ командир. Теперь разрешите несколько личных вопросов. Во-первых, я прошу вас узнать, когда мне будет присвоено очередное звание, так как срок уже вышел, а представление, отправленное с “Бородино”, в управление кадров еще не попало. Во-вторых, моей семье жить негде. На “Бородино”

я должен был получить квартиру, и документы на ее оформление находятся в МИС. Однако, с моим назначением к вам по вашему же требованию (хитрит лейтенант), командир “Бородино” сыграл отбой. Первый раз по квартирному вопросу я “пролетел” на “Пожарском”, второй раз “пролетаю” на “Бородино”. Поселить жену и дочь на боевом корабле я не могу. Достаточно того, что они жили в моей каюте около четырех месяцев. Прошу доложить об этом командующему флотом. В случае, если эту квартиру за мной не оставят, в море пойти я не смогу. Корабль, конечно, подготовлю, но сам в последний момент сбегу. И пусть тогда разбирается трибунал.

Глупый лейтенантский максимализм! Сергеев всегда помогал своим офицерам. Сделал бы все, от него зависящее, и в данном случае без условий со стороны лейтенанта. Возможно. Однако, возможно и то, что зная решительность своего починенного еще по “Пожарскому” (помните случай с междугородными переговорами, когда я оставил борт уходящего корабля?), командир, не исключая вероятности исполнения глупости, высказанной врачом в столь категоричной форме, все же приложил больше усилий для решения данной проблемы. Кому нужны ненужные ЧП?

Через трое суток командир сообщил, что позвонив товарищу из управления кадров, он включил фамилию доктора в приказ о присвоении званий, который на днях будет подписан командующим флотом. Безо всяких представлений. А гарнизонная жилищная комиссия, игнорируя звонок командира “Бородино”, решила все же оставить квартиру за мной. Вот это командир! Такого можно прикрыть от пули собственной грудью, даже забыв требования устава. По собственной инициативе. Отныне я был готов идти с командиром в любую передрягу. “По зову боевой трубы” и без такового.

XXX

Проведение покрасочных работ на корабле связано со многими неприятностями, могущими возникнуть в случае пренебрежения личного состава к определенным уставным требованиям, специальным “Правилам окраски кораблей и судов ВМФ”. Вплоть до гибели людей. Однако, подобные случаи единичны, хотя и бывают. Гораздо сложнее проблема получения краски, тем более – белой эмали. Кроме того, что шкиперские отделы всегда отпускают ее в количествах на 50 процентов меньших, чем положено по нормам, так еще и военные строители

обостряют проблему, сдавая в эксплуатацию квартиры офицерам флота с массой недоделок.

Вот вам пример взаимодействия родов войск: желание строителей сытно обедать усугубляет проблемы лакокрасочного дефицита на далеких от строительных проблем кораблях. Хорошо зная подобные нюансы флотской службы и то, что покрасочными материалами на корабле заведует строевой помощник, капитан-лейтенант Найчик, а не снабженец, я, завернув в газету кусок колбасы и “пять капель”, отправился в каюту главного боцмана. Старший мичман с кавалерийской фамилией Драгун олицетворял всем своим видом и манерами класс истинно флотских лучших старых боцманов. Огромного роста, голубоглазый, балагур, весельчак и отъявленный матерщинник, он пользовался всеобщей любовью и уважением экипажа за неиссякаемый запас оптимизма, доброту и тонкое знание всех нюансов своей сложной профессии. Послушав его “рассказы из жизни”, любой бюрократ из ЗАГСа сменил бы фамилию Драгун на более известную – Мюнхгаузен, исключив баронский титул (все из народа).

Главный боцман встретил эскулапа так, как будто всю предшествующую визиту жизнь ждал этого посещения. Рассказав тут же историю о том, как в Тихом океане вместе с корабельным врачом оперировал больного по поводу аппендицита. Причем врач, испугавшись вида крови, потерял сознание (мать-перемать этих хилых врачей), и оперировать ему пришлось одному. Ужасно измучился, но победил. Больной прямо из операционной ушел на боевой пост. Доктор полностью признал заслуги мастера военного дела в области военно-морской хирургии, однако при этом заметил:

– Надо же было, Григорыч, так надраться, чтобы подобная херня приснилась! Ну, молодец! Подобных вам боцманов на флоте уже нет, да и не будет.

Все! Любое количество краски для медотсека было обеспечено вместе с квалифицированной помощью личного состава боцкоманды. А когда молодой офицер вытащил из-за пазухи колбасу и “капли”, тем самым выказав уважение старому морскому волку… Туши фонарь!

…Покрасочные работы в отсеке организовал лично главный боцман. Через два дня заведование медицинской службы могло соперничать по ухоженности со спальней Людовика XIV. Главный боцман признал, что я на операции в обморок не упаду. Командир объявил начмеду благодарность за содержание “заведования”, личный состав медслужбы, включая офицеров, сделал выводы. И только строевой помощник Найчик “ломал голову и руки”. Но так уж устроена флотская жизнь, что одновременно все довольны

быть не могут.

XXX

Медицинский осмотр экипажа, проведенный врачами, выявил ряд больных, нуждающихся в стационарном лечении в условиях берегового стационара. Многие были госпитализированы в корабельный лазарет, десятки матросов нуждались в амбулаторной помощи. Результаты осмотра повергли в недоумение даже видавшего виды командира. Политический состав во главе с “большим замом”, обязанный корабельным уставом “заботиться о здоровье личного состава”, требовал привлечения к ответственности командиров подразделений за отсутствие заботы о моряках. Началась компания за “здоровый образ жизни”. На каждом совещании один из лейтенантов отправлялся на конюшню, проклиная ретивых докторов. Запись в книге больных, “нуждающихся в освобождении от вахт и работ сроком на трое суток”, повергла командиров групп, башен и батарей в раж служебного усердия. Что и требовалось доказать.

XXX

Ранним солнечным утром июльского дня повелением вышестоящего медицинского начальства, я был вызван в медотдел флота. Прямо к генералу Макаренко. Трудно объяснить подобный парадокс, но я шел на прием к генералу в ожидании чего-то хорошего (обычно подобные вызовы военморов не радуют). Возможно, этому способствовало обаяние, мягкий юмор и постоянная (хочется написать – хроническая) доброжелательность умудренного опытом человека. Постучав в дверь и получив разрешение войти, я четко доложил:

– Товарищ генерал! Начальник медицинской службы крейсера "Александр Суворов”, лейтенант Иванов прибыл по вашему приказанию!

– Садись. Как служба идет?

– Все отлично, товарищ генерал.

– Наслышан. Что за террор ты устроил на корабле? Говорят, что у вас чихнуть никто не смеет, не спросив разрешения врача. Впрочем, так и надо. Сейчас зайди к полковнику Абаскалову, он тебе объяснит причины вызова. Если что-нибудь будет нужно, заходи в любое время.

– Товарищ генерал, – решил я не упустить редкую

возможность, – мы подготовили заявку на имущество и оборудование для крейсера, необходимое для качественной работы. Ревизию провели полную. Сейчас готовим документы на списание всего, выслужившего положенные сроки. Утерянное будет списано инспекторским свидетельством, которое уже отправлено на подпись командующему.

– Давай заявку. Да-а, – усмехнулся генерал, посмотрев документ, – доведешь ты нашего снабженца до инфаркта.

И наложил резолюцию: "Д. Фадеев! Обеспечить полностью... в порядке исключения.” Пожалел, видно, т. Фадеева.

– Ну, будь здоров.

– Спасибо, товарищ генерал. Разрешите идти?

– Иди-иди. Работай.

Из кабинета генерала я отправился на поиски полковника. Тот сидел, заваленный грудой всевозможных папирусов, сосредоточенно щелкая клавишами “Электроники”. Увидев вошедшего, полковник поздоровался и предложил мне сесть. Осведомившись о службе и здоровье, приступил к делу.

– Петр Иванович, к нам из Москвы прилетает комиссия по проверке организации безопасности работы специалистов с генераторами сверхвысоких частот (СВЧ). Подготовку этих специалистов по линии медицинской службы мы решили предъявить к проверке на твоем крейсере. Это приказание генерала. Чем уж ты ему по душе пришелся, я не знаю, но почему-то он уверен, что именно ты его не подведешь. Что скажешь?

– Что я могу сказать? От вашего предложения, тем более приказания генерала, у меня волосы встают под фуражкой. Бумаги мы сделаем, это нетрудно. Но что делать с личным составом? Мы только что сумели проверить все медицинские книжки и провести медосмотр. Обследование специалистов СВЧ я планировал через десять дней. Это мероприятие “вбито” в корабельный план. За изменение срока обследования и срыв планов других подразделений мне командиры БЧ голову отгрызут. И так уж на меня зуб точат. Срок вы тоже ставите нереальный – сутки. Поликлиника не сможет в один день провести полное обследование около сотни человек, при том что на допуск к работе с СВЧ необходимо заключение военно-врачебной комиссии (ВВК). Нет, это нереально!

– Хорошо понял тебя, лейтенант. Иди и сам признайся в своем бессилии генералу.

Исключительный ход конем. Флотские полковники джигитовку освоили на “ять”.

– Нет уж, товарищ полковник! Генерала я подводить не намерен! Вы бросили меня под танк, прекрасно зная, что на

корабле я всего десяток дней. Хорошо же. Я сделаю все, но потребую вашей помощи, вернее, помощи генерала. Командира я упрошу, перед “бычками” повинюсь, но...

Именно этого полковник и добивался, чтобы лейтенант начал “ломить рогами в открытую дверь”. Вот и задел самолюбие. Ох, уж этот Евгений Андреевич! Ох, уж этот полковник!

...Но в таком, случае нужен автобус для доставки личного состава в поликлинику и приказание генерала о работе поликлиники в течение суток по обследованию только моих матросов.

– Хорошо, пойдем к генералу.

– Нет, еще рановато. Сейчас я утрясу все вопросы с командиром, а потом позвоню и сообщу результат. А вы уж, пожалуйста, уговорите генерала.

– Это сложно, конечно, но для тебя я постараюсь. Давай, действуй!

Вот это да! Я, одураченный легко и просто полковником, уже выступал в роли просителя!.. Эмоции всегда мешают переговорам. Думать надо!

Прибыв из отдела, я прямым ходом направился к командиру.

– Ну, что еще стряслось, док?

– Товарищ командир! Я только что от генерала Макаренко. Совершенно случайно мне удалось его уговорить помочь нам в организации обследования специалистов СВЧ. По плану у нас это мероприятие через десять дней, так что план придется корректировать. Но генерал согласился выделить нам автобус, закрыть флотскую поликлинику и провести обследование в течение суток. Если мы не сумеем воспользоваться этой внезапной помощью, то затратим неделю. Параллельно обследуем гидроакустиков и водолазов. И всего за один день! Это же удача!

Командир, взвесив предложение врача, взял микрофон корабельной трансляции и подал команду:

– Командирам боевых частей и старшему помощнику прибыть в каюту командира!

И когда все были в сборе, сказал:

– Товарищи офицеры! Здесь лейтенант подал хорошую идею – провести обследование корабельных специалистов в один день. С этим вопросом я послал его к генералу Макаренко. Генерал откликнулся на мою просьбу, зная сложную обстановку на крейсере, и дал добро. Завтра флотская поликлиника будет работать только для нас. Мы сэкономим много времени и сил. Командующий даже автобус нам дает. Старпом, скорректируйте план на завтра! Вам, доктор, сегодня же составить списки

нуждающихся в обследовании специалистов. Вам, товарищи офицеры, обеспечить явку личного состава. Все. Все свободны!

Я не верил ушам своим. Да и зачем им верить, если дело все-таки делается. Цель оправдывает средства.

Обследование проведено полностью. Генерал был доволен полковником, полковник поблагодарил лейтенанта, командиры боевых частей остались довольны генералом за экономию времени. И только командира никто не благодарил. Стоп! По заключению московской комиссии, крейсер “Александр Суворов” был объявлен лучшим кораблем в организации безопасности работ, связанных с токами СВЧ. Командир корабля – В. Сергеев.

Глава 31
ПОЛИТБОЙЦЫ

Дни проходили, слетая листками календаря с письменного стола в урну для мусора. Накал организационных страстей в медицинской службе постепенно превращался в повседневный четкий ритм обычной работы хорошо отлаженного воинского подразделения. Личный состав медицинской службы проникся доверием к своему порывистому начальнику, начальник, в свою очередь, мог быть уверен в своих подчиненных. Экипаж корабля уверовал в своих молодых энергичных эскулапов, и в часы амбулаторного приема в медотсеке постоянно толпились моряки. Лечение и профилактика были поставлены на промышленную основу. Оборудование медотсека было завершено. Флотский снабженец посылал в мой адрес громы и молнии и проставлял цифири в графе “назначено к отпуску”, сопровождая свою бюрократическую канитель криками “караул!” и “грабят!”. Однако, покосившись на грозную генеральскую резолюцию, уступал. В результате, на крейсере имелось облепиховое масло, женьшень и многие другие “дефициты”, что давало возможность проводить лечение по последнему слову медицинской науки. На медицинскую службу обрушился поток поощрений командования. Особенно горячим поклонником перемен, происходящих в медслужбе и на корабле, был заместитель командира по политической части, капитан второго ранга Купреенко. На каждом совещании он ставил в пример самоотверженный труд врачей, находя среди командных слов такие обороты и словосочетания, что даже Пушкин им мог бы позавидовать.

Однажды утром я зашел неожиданно в лабораторию и увидел, что матрос Дегтяников сосредоточенно вращал регулировочные винты микроскопа “Биолам”, исследуя “мазок”, взятый подпольным образом у кого-то из членов экипажа. Несмотря на то, что Дегтяников был наиболее грамотным фельдшером и имел моральное право на проведение данного исследования, все же он обязан был доложить врачу о столь неординарном заболевании. Флот, как известно, укомплектован молодыми парнями, что неизбежно влечет за собой ситуации, называемые в среде моряков “вляпаться”. Ничего позорного в этом нет. Любая венерическая болезнь – все же только болезнь, не более. И это понимает любой врач. Однако, командование и политические органы расценивают “насморки” половой сферы пышущего здоровьем молодого мужика, как крайнюю степень

морального падения, хотя в биографии многих из них самих случаи “намотания на винт” имеют место.

– Дегтяников, – обратился я к растерявшемуся моряку, – чей капитал у вас под мелкоскопом?

– Старшего лейтенанта Шевельного (фамилия изменена из соображения врачебной тайны), товарищ лейтенант.

– Почему об этом не знаю я?

Я сел на место Дегтяникова, отрегулировал зеркалом поток света, поднял конденсор и заглянул в окуляр. То, что я увидел, в микробиологии называется диплококками Нейссера и трихомонадами. На флоте же подобное сочетание микроорганизмов именуется более поэтично – “букет”.

– Черт возьми! “Самый принципиальный коммунист крейсера”, призывающий всех к чистому облику партийца, ежедневно заклад... докладывающий по команде о любом случае грехопадения сослуживцев... Вот это да!

Медицинские циркуляры требуют проводить лечение венерических заболеваний в стационарах госпиталей. В обязательном порядке. Но ведь с библейских времен известно, что запретный плод всегда сладок. Поэтому в действительности, статистические данные по этому разделу заболеваемости не соответствуют тем, что любовно занесены в таблицу главным “кожевенным” врачом флота. Зато он имеет возможность красиво и с полной уверенностью в своей правоте вещать с трибуны: “В результате целенаправленной санитарнопросветительной работы, венерическая заболеваемость на флоте в текущем году снизилась на три процента по сравнению с аналогичным периодом прошлого года”. Бурные продолжительные аплодисменты и грамота венерологу. В действительности, повторяем, подобные болезни лечатся врачами частей, так как врачебный гуманизм никогда не позволит бросить своего “корефана” под танк служебных неприятностей. Статистика держится на военнослужащих срочной службы, которым “все равно ничего не будет” и тех офицерах и мичманах, которые в перерывах между боями побывали дома, и которым “все равно деваться некуда”. Проводя подпольное лечение товарищей по оружию, врачи частей рискуют, так как “насморки” не столь безобидное заболевание, часто трудно поддающееся лечению и приводящее к различным тяжелым осложнениям. Но – кто не рискует, тот не пьет шампанское... коньяки и марочные вина. Это единственная ситуация в корабельном звене отечественной медицины, когда степень риска компенсируется материально (не деньгами и не подарками, конечно) в пропорциональном соотношении. Плюс преданность сослуживцев.

Вспомнив просьбу товарища-артиллериста о желательном изгнании “принципиального” с корабля, органически ненавидевший всех “шестерок”, дающих “информацию снизу” о своих товарищах, я, захватив с собой “вещдок” в виде мазка, утром отправился к главному венерологу флота. Командование корабля “снизу” информировано о данном случае не было. И не только из соображений врачебной этики.

Полковник Грибов встретил хмурого коллегу радостным приветствием:

– Здорово, лейтенант! Что, сам винты повредил?

Я, коротко изложив самую суть, сказал:

– Товарищ полковник! Наш корабль через две недели уходит в длительный автономный поход. Шевельного, по изложенным выше причинам, я лечить, просто не хочу. Да и при возможных осложнениях рисковать жизнью больного в условиях “автономки” не стоит. Хотя, признаюсь вам честно, будь на месте Шевельного другой человек, я бы рискнул.

– Хорошо излагаешь, коллега! Честно. Я тебе и твоим товарищам помогу. Мне самому, “шестерки” измотали клубок нервов за годы службы. Оставь мазок и медкнижку мне, и можешь идти. Сам не пролети!

– Спасибо, товарищ полковник, постараюсь!

После обеда в каюте большого зама раздался телефонный звонок с указанием снять Шевельного с довольствия и отправить на стационарное лечение в кожное отделение главного госпиталя. Ориентировочный срок лечения – месяц. В случае выхода корабля в море раньше, чем будет закончено лечение больного, возбудить ходатайство перед управлением кадров о замене офицера. Последнего направить в распоряжение УК ТОФ.

“Большой зам” немедленно вызвал меня к себе.

– Петр Иванович, вы не знаете, что случилось с Шевельным? Почему его отправляют в госпиталь?

– Знаю, товарищ капитан второго ранга, но сказать не могу. Если это сочтут возможным высшие этажи медицинских властей, они поставят вас в известность.

Возмущению “большого” не было предела. Узнать! Доложить! Лечить! Молчать! Кругом! Бегом!.. Однако, добиться чего-либо от лейтенанта не удалось.

Шевельной был снят с должности и отправлен в распоряжение УК ТОФ (не по причине болезни, а токмо из-за ограниченного лимита времени). Вместо него на корабль пришел другой политработник – Игорь Вислявский. Поток поощрений командования, изливаемый на медицинскую службу иссяк. Перемены, происходящие в медицинской службе, начали срывать

ход плановой подготовки корабля к выходу в море. На совещаниях эпитеты и словосочетания в адрес медицинской службы поменяли свою окраску на противоположную. Артиллеристы многозначительно улыбались, ласково здороваясь с начмедом.

Глава 32
ХИМИК

Была суббота. Я лежал в каюте и читал книгу о репрессиях в Красной Армии, об истории “вербовки” немецкой разведкой маршала Тухачевского. Книга из каталогов библиотек была вычеркнута, поэтому стук в дверь заставил читателя быстро сунуть ее под подушку. (А вдруг зам стучится?) В каюту вошел начхим корабля. Я встал, задернул постель шторой и предложил гостю баночку.

– Кофе? Чай? – привычно спросил я. “Пять капель” не предлагал, так как помнил о том, что химик спиртное не пьет.

Не ответив на приглашение и сосредоточив взгляд на лице ждущего ответа доктора, химик торжественно провозгласил:

– Петя, я приглашаю тебя в кабак!

– Ты же не пьешь, Слава. Что я с тобой в кабаке буду делать?

– Я на корабле не пью. У меня родился сын. Теперь трое, – хмуро произнес химик.

– Это же отлично! Теперь ты в соревновании с Михайловым (военный дирижер, знакомый уже читателю обладатель двух детей) вышел на первое место!

– С Михайловым я соревнуюсь по боевой и политической подготовке, – так же хмуро, но четко произнес химик.

– А может плюнешь на принципы, и сейчас прямо здесь отметим рождение наследника?

– Нет. Одевайся, пошли!

Пришлось повиноваться, хотя большого желания не возникло. Но обижать товарища тоже ведь не хотелось.

В молчании сошли с корабля, вышли за КПП, пересекли Площадь борцов за власть Советов, прошли мимо “Арагви”, “Золотого Рога”, "Челюскина”, добрались до ресторана “Владивосток”. Все молча. Сели за столик. Командование парадом химик взял на себя.

– Нам по два салата, горячее и графинчик, – заказал он подошедшей официантке. – И побыстрее!.

Что-то в госте было такое, что заставило обычно ленивую официантку моментально исполнить заказ.

Разлив водку по фужерам, хотя на столе и стояли рюмочки, химик скомандовал:

– Давай!

Я хотел было возразить против фужеров, произнести здравицу в честь новорожденного, поздравить счастливого

родителя. Но родитель опередил.

– Давай! Я сказал!

За первым графинчиком последовал второй. На третьем я запротестовал:

– Слава! Мы же отдыхать сюда пришли, а не нажираться как – свиньи.

Вылив в себя третий “графинчик”, химик подал команду:

– Танцуем! Приглашаем вон тех двоих в черных платьях.

– Не гони лошадей!

– Танцуем. Я сказал!

В душе доктора начал закипать гнев, однако, памятуя о том, что военнослужащие должны себя вести в общественном месте достойно, он подчинился. Пригласили дам. Химик, молча глядя прямо в глаза партнерше, водил ее по кругу, совершая резкие и неожиданные маневры. Закончив танец, молча усадил подругу в кресло. Второй танец последовал за первым. Женщина, приглашенная мной, сказала:

– Доктор, (выдали погоны) прошу вас передать вашему другу, чтобы он мою подругу больше не приглашал, она его боится.

– Ну что Вы! Отличный парень! – однако, просьбу передал.

Химик, повторив несколько раз команду “графинчик”, задолго до окончания вечера был готов к транспортировке на корабль. Несмотря на мое великое желание набить товарищу физиономию, я молча доставил счастливого (по-настоящему теперь) отца семейства в каюту и уложил его на щит из неструганных досок. Судя по количеству спиртного, уничтоженному химиком в один вечер, “дустом присыпан он не был”.

Глава 33
СТАРПОМ ДМИТРИЕВ

Корабль готовился к приему гостей. По решению политического управления крейсер с неофициальным, но дружеским визитом должны были посетить работники Гостелерадио. Притом, не простые корреспонденты и операторы, сгибаемые тяжестью оптики, а сами председатели телерадиокомитетов всех союзных республик. Вместе с ними – дикторы центрального телевидения. А среди последних – Светлана Жильцова. На крейсере моряки, перепутав важность, значение и ранги персон, говорили:

– Нас посетит Светлана Жильцова с группой товарищей, помогающих ей делать передачу.

Что поделать? У моряков всегда на первом месте – женщина, а потом уж ранги, хотя любой корабельный лейтенант все же важнее. Командирский кок в “мыле” курсировал между “провизионкой” и камбузом, гремел тонким стеклом фужеров и тяжелым фарфором с клеймом ВМФ. Изготовление коктейлей “а-ля шило” с растворимым кофе приняло массовый характер, т.к. в салон могли быть приглашены только высокопоставленные персоны, а вкусить праздника хотелось всем. В том и состоит суть воинской службы, что радость, горе и труд делятся на всех поровну.

На высоте морального и политического подъема экипажа, в одно из солнечных июльских воскресений, на крейсер по трапу взошли уважаемые гости. Никогда не смущающиеся вниманием миллионной аудитории телезрителей, здесь гости застенчиво переминались с ноги на ногу, скромно задавали вопросы о назначении той или иной “железяки”, охали, слушая пояснения командира о мощи корабельных орудий. И “ахать” было чему. Даже офицеры, досконально знающие возможности своих пушек, готовы были к тому же. Командир умел подать товар лицом.

Галантные, лоснящиеся с ног до головы кавалеры из системы радио– и телевещания, мило предлагали дамам пройти вперед по крутым корабельным трапам. Подтянутые офицеры тут же вносили коррективы в общепринятые правила хорошего тона и проходили вперед сами. Откуда же знать сановным “председателям”, что, следуя по трапу в кильватер женщине, вежливый товарищ может созерцать то, что глубоко скрыто под платьем. А это уже невежливо.

После взаимных выступлений-рассказов об особенностях и

трудностях своей работы и общей фотографии на память, наиболее важные “председатели”, прихватив женщин, отправились в салон. Остальные, отыскав своих земляков, разбрелись по каютам. Ко мне, белорусу, в каюту зашел председатель Гостелерадио БССР, после того, как отдал дань уважения заместителю по политической части. Поговорили о том, о сем на “белорусской мове”. Общих знакомых не нашлось.

Вдруг председатель предложил:

– Хотите, доктор, я передам радио-музыкальный привет от вас вашим родным?

– Это великолепная мысль! Спасибо!

Я написал адреса и фамилии родителей, сестер, жены и дочки, отдал их “председателю” с просьбой передать песню “Заветный камень” в исполнении Леонида Утесова.

Встреча гостей прошла в теплой дружественной обстановке. Родители мои, слушая привет от сына, проливали слезы в бессилии своем улететь к нему на Дальний Восток, на крейсер, в каюту № 26. Большое спасибо председателю.

XXX

Крейсер стоял на тридцать третьем причале в ожидании приказа о выходе в длительный автономный поход. Цистерны залиты водой для мытья и питья. Мазута запас полный. Вода для котлов под завязку. Провизионные кладовые “забиты” до отказа. Экипаж укомплектован на сто процентов. Готовность проверена десятками комиссий, “проверяющих” в индивидуальном порядке и по собственной инициативе. Ход проверок и их результаты занесены в “Журналы боевой подготовки”, акты и предписания, замечания устранены или ловко замаскированы. Диагноз: “Корабль к выходу в море готов”. Можно расслабиться.

На крейсер прибыли офицеры штаба эскадры, в распоряжение которой с момента подписания приказа на выход, поступала мощная боевая единица со всеми потрохами.

“И никуда, никуда нам не деться от этого “...начальства. Среди прибывших находился и медицинский флагман – майор Данилов. Только, что закончил командный факультет Военно-Медицинской Академии. Тридцать пять лет, невысокого роста, округлые формы “военно-морской груди” плотно обтянуты кителем. В должности флагмана впервые. Практического опыта работы нет. Важностью и апломбом залит по самые ноздри, только ступив на палубу крейсера, потребовал к себе начальника медицинской службы. Я прибыл. Представился.

– Моя голубоглазая радость, – начал свою речь Флагман, – я надеюсь, что отдельная каюта для меня уже приготовлена? Об этом и говорить не стоит, моя голубоглазая радость. Медслужба, естественно, тоже готова. Экипаж здоров. Это все, что пока нужно, моя голубоглазая радость. Проводите меня в каюту и отнесите вещи. Знакомиться будем позже. У меня все, моя голубоглазая радость.

— Товарищ майор, вряд ли я могу порадовать вас, так как медицинская служба хотя и готова к походу, однако, каюта вам еще не подготовлена. За вещами вашими пришлем дежурного по амбулатории Пока приготовят каюту вам, прошу быть гостем. Могу предложить кофе, чай или обед, если вы вдруг голодны. Я вам представился. Фамилия моя – Иванов, звание – лейтенант медицинской службы, зовут Петр Иванович. Любая форма обращения ко мне из трех, мной предложенных, меня удовлетворит. “Голубоглазую радость” с повестки дня прошу снять.

И это в присутствии начальника штаба и офицеров эскадры! Нехорошо. Майор, подхватив чемодан, рысью двинулся за лейтенантом под ехидный смешок офицеров.

В каюте начмеда, обдумав на ходу дальнейшую линию своего поведения, флагман вместо кофе потребовал к себе медицинские книжки командного состава крейсера. (Слишком поспешно, слишком прозрачно).

По ГКС я отдал дежурному по амбулатории распоряжение о подготовке каюты для начальника и велел принести в каюту к себе требуемые медицинские книжки. Сосредоточенно пролистав их, он увидел, что все положенные виды обследования командованием корабля выполнены. По заключению ВВК все офицеры годны к службе в плавсоставе ВМФ: и командир, и зам, и старший помощник. И вдруг флагман сделал стойку:

– Это что такое? У вас старший помощник болеет гипертонией! А вы докладываете, что все здоровы. С такой болезнью в море идти он не может! Что за бардак у вас в медслужбе? Сейчас же уберите старпома с корабля!

– Товарищ майор! Кричать я тоже умею. Состояние здоровья старшего помощника я знаю. С гипертонией первой степени в море он ходить может. К тому же имеется заключение ВВК.

– Моя голубоглазая радость, когда вы еще под стол пешком ходили, на нас уже кителя шили. Не надо писать против ветра. Опасно. Мы на военной службе. Старпом будет списан с корабля, а вы получите свой выговор.

Спокойно взяв микрофон, я спросил:

– Кузиев! Я долго буду ждать доклада о готовности каюты

начальнику? Ускорьте процесс и проводите гостя, он устал.

Слабая попытка взять верх. Но... выше задницы не прыгнешь.

Доклад о заболевании, препятствующем старпому выходить в море, был произведен. Машина закрутилась. И уже к вечеру старший помощник, капитан третьего ранга Пшеничный знал, что с крейсером, которому отдано столько здоровья и сил, придется расстаться. Судьба военмора делала резкий поворот, больно ударяя при этом сапогами по ... ниже пояса. На карьере офицера был поставлен жирный и красный медицинский крест. И вряд ли кто-нибудь узнает, что судьба человека бала решена чемоданом, вовремя не отнесенным в каюту.

Вечером, после вечерней поверки, командиры боевых частей устроили “отвальную” своему старшему помощнику. Хирург, заглянувший в каюту, понял, что для решения служебных вопросов он выбрал не самое удачное время: начальник медицинской службы сервировал стол.

XXX

В праздничном приказе командующего о присвоении очередных воинских званий, приуроченном к дню Военно-Морского Флота, лейтенанту Иванову было присвоено очередное звание – старший лейтенант медицинской службы. Командиры боевых частей отпраздновали это событие в дружном флотском коллективе.

А через сутки я получил ордер на комнату в двухкомнатной квартире. Метраж – семнадцать квадратов плюс балкон. И хотя дом еще достроен не был, новоиспеченный хозяин торжественно зарегистрировал ордер в домоуправлении и получил расчетную книжку под номером.

Жизнь – великолепная штука.

XXX

Понедельник. Суеверные в душе моряки в этот день в море стараются не выходить, находя в свое оправдание тысячу объективных и одну субъективную причину. Однако, с приказами шутки плохи. Командующему в море не выходить, поэтому сроки выхода он назначает, не считаясь с суевериями. Так и вышло на этот раз. В воскресенье офицеры весело прбстились с семьями. Наказали женам “вести себя прилично”, детям – слушаться маму и учиться хорошо. В 7.00 в понедельник заняли места на своих

командных пунктах. Слегка хмельные от ласк остающихся на берегу жен и от предчувствия каверз океанских стихий, офицеры, как эхо, повторили команду, поданную командиром:" Корабль к бою и походу приготовить!" С глухим стуком броня дверей, люков и иллюминаторов сократила мир до размеров командных пунктов и боевых постов, отрезав своих сыновей от жизни своей страны. Родина прощально помахала вслед уходящим... Ничем не помахала, т.к. дата выхода корабля в поход держится в секрете, хотя в гарнизонах женщины знают о ней даже раньше самих уходящих.

Оторвавшись от причала, крейсер медленно двинулся к выходу из бухты "Золотой Рог" и ... застопорил ход на внешнем рейде. Причин задержки выхода на корабле никто никогда не знает, так как приказание остановиться поступает обычно без уточнения причин. И экипаж в подобной ситуации находится в положении пассажиров остановившегося в чистом поле поезда. Рождается миллион слухов и версий. От самых "простейших" до сложнополитических – "умер глава государства, ожидается изменение курса". Притом достоверность всех известна из самых компетентных источников. На поверку же все бывает иначе и проще, как и оказалось на сей раз. Через сутки нетерпеливого ожидания, экипажу было "доведено до сведения", что по курсу предполагаемого перехода коварный тайфун "Бетси" развил буйную деятельность, что создает целый ряд навигационных опасностей для плавания даже такого гиганта, как крейсер. Мелкие морские трудяги были загнаны в норы. Спокойно отсиживаясь в тепле, они сочувственно пыхтели паром своих маломощных котлов, беспокоясь о судьбе своих собратьев, волею судьбы испытывающих удары "Бетси" в открытом море, уповая на милость Нептуна и мастерство своих командиров. Прочность конструкции в данной ситуации тоже не последнее дело.

Потоки дождя, расшвыриваемые ураганными порывами ветра, хлестали по крейсеру и Владивостоку. Жены моряков возносили молитвы Нептуну и всему коллективу обитателей Парнаса о ниспослании удачи своим кормильцам. "Кормильцы" же, если говорить об экипаже крейсера, с тоской глядели на берег, где в трудную минуту, оставленные в одиночестве, штормовали их семейства. Моральный климат в коллективе штормовал вместе с "Бетси". Сведения о том, что "в городе остановилось движение, два трамвая, смытых с Ленинской улицы, унесло в Амурский залив, есть разрушения", неизвестно откуда взявшиеся, и, естественно, ничего общего не имеющие с действительностью, портили сон и аппетит. Вынужденное безделье, если так можно назвать систему мероприятий, проводимых на корабле при

объявлении штормовой готовности, натягивало нервы, как якорь-цепи, удерживающие крейсер в заданной точке акватории. Финансисты, защищенные прочными стенами официальных зданий и нежно ласкающие взорами бронированные дверцы несгораемых сейфов, тайфуны в расчет не принимают, выводя в ведомостях на получение моряками “денежного довольствия” свои “сальдо” и “бульдо". Загнать бы их упитанные телеса под палки “Бетси”! Хотя бы один-единственный раз! Или сунуть туда же министерских чинуш, утверждающих расценки на оплату труда моряков! Ну да ладно! Черт с ними! Пусть греют свой геморрой в тепле уютных канцелярий. Жаль, что материться нельзя на страницах печатных изданий. Компенсируем это ограничение достаточным количеством теплых слов, раздающихся в адрес финбюрократов в клетушках корабельных кают. Читатель их не услышит.

XXX

Понедельник, воздвигнувший “Бетси” на пути крейсера, сменился пятницей, выдавшей “добро” на выход из Золотого Рога. Четверо суток накалявшаяся буйная кровь в артериях и венах корабля, всей силой своей надавила на лопасти винтов и вспенила, наконец, соленую воду взбаламученных штормом морских глубин. Приободренный затишьем в природе и движением корабля старший помощник Дмитриев, временно приступивший к исполнению должностных обязанностей, собрал офицеров на совещание. При отсутствии знаний устройства корабля и крейсерской организации (т.к. раньше он служил только на эсминцах), новый руководитель-единоначальник избрал свой тернистый путь завоевания авторитета в коллективе офицеров. Мастерски владея казенно-бюрократически-командным языком, старпом начал с воспоминаний – о деяниях великих флотоводцев прошлого, победах русского оружия на суше и на море. Основной упор сделал на человеколюбии знаменитых военачальников, проявляемом последними в отношениях к своим подчиненным. Проведя, таким образом, историческую параллель между А.В.Суворовым и собой лично, всей тяжестью авторитета Генералиссимуса старпом обрушился на помощника командира по снабжению, капитана третьего ранга Крепкого и начальника службы “М” старшего лейтенанта Иванова, не желающих должным образом наладить питание офицеров в кают-компании. Всей силой того же авторитета старпом подчеркнул, что на двух вышеназванных бездельников, наконец-то, найдется управа в

лице страстного поклонника и последователя военных гениев – старшего помощника командира, беззаветно преданного интересам офицерских желудков. В лице СПК военморы отныне обретали отца-заступника.

Два назначенных козла отпущения скорбно склонили свои рога к ногам обласканных начальником товарищей. Третьим козлом, брошенным к пьедесталу, оказался заведующий столом военный дирижер Михайлов, оказавшийся вдруг совершенно неспособным к руководству работой вестовых. Жалкие попытки последнего проблеять что-либо в свое оправдание, закончились выговором с оригинальной формулировкой “за бездушное отношение к офицерскому составу”. Отныне надо было понимать, что отношение к офицерам будет “душным” или “душевным”. Недостаточно точно и ясно истолковав смысл пламенных речей “отца-заступника”, офицеры поняли, что корень слова “душевный” происходит от глагола “душить”, а не от существительного “душа”. Вот уж эта всеобщая бестолковость людей с высшим образованием!

В корабельном уставе ВМФ записано: “Первенствующим лицом в кают-компании является старший помощник командира корабля, а в его отсутствие – старший из присутствующих в ней. …

Офицеры обязаны иметь общий стол в кают-компании, заведующего столом они выбирают из своей среды… По истечении трех месяцев заведующий столом имеет право отказаться от своих обязанностей. В случае недовольства офицеров заведующий столом, последний может быть переизбран в любое время. Заведующий столом в своей работе руководствуется указаниями старшего помощника командира корабля. Он несет ответственность за состояние инвентаря кают-компании и руководит работой вестовых. В соответствии с решением собрания офицеров о выделении денежных средств на улучшение питания в кают-компании (приобретение фруктов, свежих овощей и т.п.) заведующий столом организует закупку продуктов и приготовление пищи”. Зачитав офицерам статьи корабельного устава, старший помощник предложил перейти к выборам заведующего столом, с обязанностями которого не справлялся, по его мнению, военный дирижер Михайлов. Однако, коллектив офицеров придерживался мнения собственного, утверждая единогласно, что Михайлов – лучший “заведующий” на флоте, в мире и во Вселенной. Подобное утверждение никогда не имеет под собой реальной почвы и продиктовано совершенно другой причиной: перевыборы “зав. столом” чреваты избранием на этот почетный пост любого из недовольных. Кому же охота

взваливать лишний почет на свой собственный загривок? Это прекрасно сознавал революционер в области кают-компанейских дел – старший помощник. Накалившиеся страсти мгновенно были погашены тем, что старпом отдал на заклание собрания офицеров мою кандидатуру. Сразу же Михайлов был признан никуда не годным заведующим, а я – способным и даже талантливым организатором питания. Док и был единогласно избран собранием офицеров на должность зава, несмотря на протестующие вопли избираемого. Каждый из избирателей отныне на три месяца был застрахован от руководящих указаний старшего помощника.

Как и положено, для законного оформления бумаг по передаче дел и обязанностей заведующего столом была избрана счетно-мандатная комиссия, в обязанности которой входила единственная задача – поставить свои подписи на акте, написанном сдающим и принимающим дела, даже если в этой формальной бумаге будет перепечатана глава из романа Достоевского “Идиот”. Все равно этот “акт” никто читать не будет.

Денежные суммы кают-компании офицеров складываются из двух так называемых фондов – буфетного фонда и расходных средств. Каждый приходящий на корабль офицер вносит пять рублей в “фонд Ауфета ”. На эти деньги заведующий столом покупает сигареты, мелкую канцелярщину и зубную пасту. По мере необходимости офицеры закупают неприхотливые предметы сервиса, именующиеся в буфете, за их полную стоимость. К окончанию распродажи т.н. буфетный фонд снова восстанавливается. И заведующий закупает новую партию товара на распродажу. Замкнутый цикл. Офицеры, уходя с корабля к новому месту службы, никогда не забирают из буфета свою законную пятерку. Простой арифметический подсчет показывает, что за двадцать пять лет существования корабля, сменившего свой офицерский коллектив раз десять, в буфете должна скопиться сумма никак не меньше трех-пяти тысяч. Однако, математические выкладки хороши только при вычислении данных стрельбы. В делах буфета арифметика бессильна: сумма средств фонда, деленная на 5, всегда точно соответствует количеству офицеров, проходящих службу на корабле в момент проведения ревизии.

Фонд расходных средств складывается из пятерок, ежемесячно вносимых в него офицерами в день получки. Эти пятерки расходуются на приобретение свежей петрушки и укропа. Осенне-зимне-весенние месяцы, когда петрушка на рынках отсутствует, и летние месяцы, когда корабли ведут напряженную

боевую учебу в море, дают богатую почву для фантазий зав. столом в области улучшения питания офицеров. Однако, зав на то и поставлен, чтобы умело расходовать любые суммы даже в условиях жестокого дефицита укропа. Поэтому, в актах о передаче дел и делишек одного зава другому всегда тишь и благодать. Точность отчетных цифирей безукоризненна, и положенные деньги всегда в наличии. Молодцы!

Итак, оформив положенный акт и получив положенные подписи комиссии, закрыв в сейф жалкие остатки наличествующих сумм, я приступил к исполнению своих обязанностей заведующего. Однако, деньги оставались нетронутыми, питание офицеров не разнообразилось, вестовые по-прежнему спали в рабочее время, задраив буфет на ключ и бросив на палубу флотскую универсальную суконную шинель, используемую в данном случае вместо матраса. Это давало повод старшему помощнику два раза в неделю объявлять мне взыскание “ за бездушное отношение к офицерскому составу” и “за халатное исполнение обязанностей заведующего столом.” Карточка взысканий и поощрений начальника медицинской службы заполнялась катастрофически быстро, притом в разделе “взыскания”. Взыскания, налагаемые на военнослужащего, имеют своей целью оказать воспитательное воздействие на личность провинившегося, однако, чаще всего, вызывают противоположный эффект. Десятикратно наказанный выговором подчиненный приходит к заключению, что “получка все равно осталась в неприкосновенности”, и что “старпом далеко не Ушинский”. Основы военной педагогики и психологии изучать нужно не в училищной программе, забываемой начисто с приходом на корабли, а при назначении офицера на должность старшего помощника, да и любую другую, связанную с управлением личным составом.

Доведенный до точки кипения постоянно повторяющимися сценами публичной порки, я начал искать защиты у своих товарищей, командиров боевых частей. В результате старший помощник с удивлением стал замечать, что его приказания – независимо от того, кому они отдавались, – выполняются беспрекословно, но не в срок. К тому же – не точно. Каждый выговор, занесенный в служебную карточку эскулапа, оборачивался для старпома разносом в командирской каюте за неумение и неспособность его организовать должным образом службу на корабле. Не в состоянии уловить взаимосвязь явлений, бледнолицый брат-старпом с упорством обреченного продолжал ежедневно наступать на одни и те же грабли, превращаясь в предмет постоянных шуток в каютах офицеров. По крейсеру

ходил анекдот. Один из офицеров, хвастаясь перед товарищами своей твердолобостью, ежедневно демонстрировал следующий фокус для любопытных. Взяв гвоздь и приставив его к переборке, он одним ударом головы вогнал гвоздь по самую шляпку в металл, что вызывало восторженное одобрение окружающих. Но однажды фокус не удался. Фокусник, приставив к переборке гвоздь, нанес знаменитый удар. Гвоздь погнулся, но в переборку не полез. Секрет неудачи объяснялся просто: с обратной стороны переборки, приставив к ней свой лоб, внимательно подслушивал разговоры собравшихся старший помощник командира.

Услужливые “товарищи” данный анекдот довели до сведения старшего помощника, что вызвало новый виток наказаний вступившего в негласную борьбу с начальником корабельного министра здравоохранения. Разорвать сей порочный круг могло лишь стихийное бедствие, которым в воинском коллективе является групповое неповиновение воле начальника. После очередного выговора, записанного в мою служебную карточку, я прибыл в каюту старшего помощника.

– Я не вызывал вас, а слушать ваши бредни не намерен за неимением времени, – вежливо, как того требует дисциплинарный устав, встретил визитера старший помощник.

– Несмотря на это, товарищ капитан третьего ранга, вам все равно придется меня выслушать, т.к. я прибыл и буду говорить от имени командиров боевых частей. Наш коллектив, обсудив сложившуюся ситуацию, решил отныне все ваши приказания игнорировать до тех пор, пока вы публично не уничтожите мою карточку взысканий и поощрений, – спокойно заявил доктор. – Ваши потуги изломать крейсерскую организацию, уподобив корабль эскадренному миноносцу, ни к чему не приведут. Вотум недоверия заявить вам меня уполномочили офицеры. В случае несогласия с нашими условиями, конфликт станет достоянием командира. Придется проводить официальное расследование, что повлечет за собой массу неприятностей.

И ушел, оставив старшего помощника в состоянии психологического шока.

Первое же невыполненное командиром БЧ распоряжение старшего помощника заставило вызвать к себе виновника конфликта Иванова, в чем старпом был искренне убежден. Однако, я искренне был убежден в виновности старшего начальника, о чем свидетельствовала поддержка, оказанная мне коллективом. Исписанная выговорами карточка была предана уничтожению посредством разрыва. Конфликт был погашен.

В романе Соболева “Капитальный ремонт”, в творчестве Станюковича (да и не только у них, но и в учебниках истории),

можно найти массу примеров того, как за малейшую попытку протеста против произвола начальника люди шли на каторгу. Статья первая неписанного корабельного устава гласит: “Начальник всегда прав”. Статья вторая не противоречит первой: “Если начальник не прав, руководствуйся статьей первой”. Эти незыблемые правила не допускают исключений. И если “в борьбе за правду” в данном случае победил подчиненный, это совсем не означает абсолютности торжества идеалов справедливости. Все относительно. Начальник, отступив от своих позиций под воздействием коллектива подчиненных, “оставляет за собой право расправиться с подчиненными в будущем”, возможности для этого жизнь поставляет целыми пачками. Подчиненный же не может надеяться на постоянную поддержку своих товарищей (случай наш просто уникален), т.к. все хотят спокойно получить очередное звание, летом уехать в отпуск, вовремя попасть домой и т.д. Любой “правдолюбец” на флоте ощущает лишь молчаливое сочувствие товарищей, иногда высказываемое ими при закрытых дверях каюты за рюмкой крепкого чая. Любой нарушитель спокойствия в нашей демократической флотской системе на каторгу сослан быть не может, зато он никогда не получит того, что именуется “моральными стимулами в воинской службе”. При отсутствии же стимулов материальных, он, как оказывается, будет лишен всего, что можно обрести, продав свою жизнь жестокой флотской машине. Поэтому, на воинской службе, как нигде, в практику взаимоотношений между военнослужащими входит “виляние хвостом” и ценится умение лизнуть в тот момент, когда необходимо для пользы дела “гавкнуть”.

“Не бойтесь врагов: в крайнем случае, они могут тебя убить. Не бойтесь друзей: в крайнем случае, они могут тебя предать. Бойтесь равнодушных! Они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют предательства и убийства”. Равнодушие порождается всей флотской системой воспитания. С высоких трибун, отчаянно колотя кулаками в грудь, ораторы заявляют о необходимости воспитания в военнослужащем инициативности. Параллельно этому существует выверенная опытом поколений флотская поговорка-убеждение: **инициатива на флоте наказуема**. Присяга требует от военнослужащего быть честным. О том же вещает флотская печать, постыдно замалчивающая истинное положение вещей под предлогом сохранения военной тайны. Не зря же многие флотские многотиражки, да и центральные флотские газеты, носят почетное название “брехаловка”. Инициатива получает одобрение верхов, когда она “спущена” сверху. “Инициатором социалистического соревнования под девизом: “Все, что создано

народом, будет надежно защищено” в зимнем периоде обучения выступил крейсер “Варяг”. Это сообщение означает: командир “Варяга” совместно со своим заместителем был вызван в политический отдел, где ему и была вменена в обязанность данная инициатива, без которой крейсер и так сделал бы все, чтобы надежно защитить завоевания социализма. "Инициатива” крейсера вместе с девизом перекочевывает на страницы дефицитной белой бумаги и десятками тысяч экземпляров “индивидуальных социалистических обязательств” моряков оседает в папках командиров подразделений для того, чтобы по прошествии шести месяцев быть использованной в режиме пипифакса. Новая инициатива последует за первой, порождая радужные отчеты и донесения. Сплошной махровый формализм в деле соревнования порождает сплошное махровое равнодушие, однако, правду об этом говорить строжайше запрещено. Обязательный энтузиазм и “правильное понимание” происходящего гарантирует военнослужащему правильную и спокойную жизнь. Количество молока, получаемое от одной коровы, не зависит от “цифирей”, проставленных в отчетах, однако, именно “цифири”, умело сфабрикованные председателем колхоза, обеспечивают последнему благосклонность райисполкома и обкома партии, что может вылиться в “Золотую звезду”, повешанную на лацкан парадного фрака. Вот вам и связь между Военно-морским флотом и сельским хозяйством.

Равнодушие порождается и тем, что с первых шагов военной службы человеку внушается мысль: рассуждать вредно – за тебя думает начальник, который всегда прав. “Пусть лошадь думает, у нее голова большая”.

Старшина, проводя первое занятие с новобранцем, спрашивает "карася”:

– Ты кем был на “гражданке”?

– Математиком. Корни извлекал.

– На “гражданке” ты был соплей, я из тебя человека сделаю. Вот тебе лопата! Иди-ка на делянку и поизвлекай корни от обеда и до забора.

Этот анекдот тоже взят из жизни. Это совсем не означает, что старшина абсолютный “пень”. Для тех, кто читал книги о порядках, царящих в армиях капиталистических государств, о системе “оболванивания” подчиненных солдат сержантами, не может быть тайной, что любая военная машина может существовать и качественно работать только при условии выработки у личного состава автоматизма действий и беспрекословного умения повиноваться. Для чего же нужно не нужное никому словоблудие о демократии в Вооруженных Силах,

которая противоречит основному принципу армейской и флотской, т.е. военной жизни? Не проще бы было сразу же открыто поставить перед человеком, идущим служить, условие: “Любая мысль о свободном творчестве должна быть выброшена из головы. Свобода, как осознанная необходимость, должна быть направлена к единственной цели – исполнению “приказаний старшего начальника.” Подкрепив сей постулат определенным количеством денежных знаков, юридически жестко обвеховав вышеназванное условие, чтобы у военнослужащего и мысли не возникло о его нарушении, можно было бы сберечь для государства миллиарды рублей, тратящихся ныне на ремонт техники, выходящей из строя из-за плохого ухода и безграмотной эксплуатации. Любая работа должна быть оплачена в соответствии с количеством сил, на нее затраченных. Основной принцип социализма, сформулированный Лениным, должен из разряда лозунгов перейти в жизнь: “ От каждого по способностям, каждому – по труду”. Побудив заинтересованность в воинском труде, государство получит его качество. Военные расходы сократились бы вдвое, если бы государство догадалось резко поднять доходы своих защитников. Лозунгами сыт не будешь.

> “Государство армию должно лелеять. Если государство армию перестанет лелеять, народ перестанет ее уважать” (Г.К. Жуков).

Создавая видимость демократии, заявляя о ней с высоких и низких трибун, демагоги от военно-политическо-психологическо-педагогической мысли тем самым порождают демагогию и болтовню, заменяющую порой живое творческое дело. Пустая болтовня, процветающая на флоте, подрывает самые основы дисциплины и порядка. Попытаемся к этой теме вернуться, так как она, по мнению автора и подавляющего большинства специалистов-офицеров ВМФ, всегда актуальна.

Глава 34
ВЬЕТНАМ

Трафаретной для художественных произведений о флоте стала фраза: “Корабль шел курсом на север. Усталый командир зорко вглядывался в пустынный горизонт”. Так вот, крейсер следовал курсом на юг. Усталый командир действительно находился на ходовом мостике, только зорко в пустынный горизонт не вглядывался, так как это занятие, бессмысленное само по себе, на вторые сутки командиру надоедает. От него человек просто устает. А если перечислить обязанности командира корабля в плавании, то станет ясно, что на бессмысленные наблюдения у него времени нет. Как нет времени на безделье у любого члена экипажа корабля, добросовестно выполняющего свои, предписанные уставами и другими руководящими циркулярами, обязанности. Если сутки растянуть на тридцать шесть часов, исключить из распорядка дня время на отдых и прием пищи, то и тогда военморам не хватило бы одного часа, чтобы оставить довольными служебной деятельностью офицера всех начальников одновременно. Выручает служивых флотская мудрость, гласящая: “Работа не волк, в лес не убежит”, или “... сто лет простоит”.

Врачи трудились, воодушевленные решениями двадцать пятого съезда КПСС. Служба снабжения, тоже воодушевленная, пахала ниву обеспечения экипажа вещевым, шкиперским и продовольственным имуществом. Интересы службы “М” тесно переплетаются с интересами службы “С”, особенно по вопросам организации питания личного состава. Даже специальные статьи уставов имеются, предусматривающие их взаимодействие.

“Все пищевые продукты, доставляемые на корабль, подлежат обязательному медицинскому контролю в целях определения их доброкачественности и соответствия установленным требованиям, “при приготовлении пищи необходимо **обращать внимание** на закладку в котел полной нормы продуктов, соблюдения санитарных правил их кулинарной обработки, вкусовые качества приготовляемой пищи и на ее разнообразие. Контролирует качество продуктов помощник командира корабля по снабжению совместно с начальником медицинской службы”. Очень мягкие формулировки в уставе 1978 года издания: “ необходимо обращать внимание”, “совместно”... Правда, устав этот писан только для ВМФ. Инструкция по контролю за объектами продовольственной службы части (корабля) к такому

важному виду обеспечения личного состава подходит более жестко: “начальник медицинской службы части **контролирует** организацию доставки, загрузки продовольствия на корабль, размещение и условия хранения, выдачу на камбуз, закладку в котел и выход готовых блюд. Плюс к этому доктор организует проведение исследований суточного рациона на калорийность. Помощник командира по снабжению за все эти вопросы **отвечает**”.

Кузов машины, доставляющей продовольствие на корабль, в соответствии с правилами транспортировки, должен быть оцинкован специальными листами пищевого цинка. Это условие не выполняется на Флоте никогда. (Разве что музейный вариант для верхнего начальства). Грузчики обязаны ходить в белых Гендеровских штанах, иметь специальные фартуки. Утопия Сен-Симона и Фурье! Чистые брезенты, лабораторный контроль выдаваемых со склада продуктов… Сказки Шахерезады! Склады, как довольствующий орган, всегда стараются подсунуть кораблям то, чему истекают сроки хранения, что не пользуется спросом, или что испорчено окончательно. Выступая в роли просителей, корабельные снабженцы вынуждены искать взаимоприемлемые компромиссы. Получая некондиционный товар, они одновременно компенсируют свой служебный риск некоторым количеством ветчины, сосисок, осетрины (все в консервированном виде), которые по существующим нормам для надводных кораблей не положены. Можно, правда, так называемый “дефицит” получить со склада и без заведомого нарушения санитарных норм. В таком случае надо делиться с ближним в обычном соотношении три к одному. Пропорции – дело вариабельное. Требуется при этом исключительная изворотливость снабженца, чтобы и овцы, и волки, и матросы были сыты и, одновременно, целы. Но для этого и получают служители желудков специальное снабженческое, или, как говорят на флоте, воровское образование.

Доставленное к трапу корабля продовольствие следует загрузить в специальные помещения – провизионки. По маршруту движения мясных туш или ящиков с маслом выстраиваются особенно доверенные лица, дабы предотвратить усушку и утруску. Наиболее ценные виды продуктов (дефицит) в сопровождении снабженца доставляются в нештатную, часто не известную никому, шхеру. Учет его производится в тайной книге продовольственной службы.

Хранение продовольствия – особая и сложная задача. Несовершенство рефрижераторных машин и, особенно, низкое качество специальной подготовки личного состава их

обслуживающего, порождают массу проблем при создании требуемого для сохранения продуктов микроклимата, особенно трудно сохранить скоропортящиеся продукты – мясо, жиры, масло, овощи. Именно они доставляют львиную долю хлопот снабженцам, механикам и докторам, т.к. при нарушении технологии хранения могут обеспечить кораблю желтый флаг на мачту, т.е. массовую вспышку пищевых токсикоинфекций. Именно из-за них разыгрываются баталии между продслужбой и механиками, т.к. любой факт порчи продовольствия первые обосновывают выходом из строя рефмашин, т.е. валят вину на вторых. Вторые отбиваются от первых записями в журналах эксплуатации этих же машин, где черным по белому записано, что более надежно и стабильно работающей техники в мире просто не существует. И мясо с душком, и записи в журналах – факты юридически ценные и обоюдно достоверные. Любая комиссия, проводящая расследование (если таковое все же проводится) по фактам, виновных не найдет, – испорченное мясо в пищу личному составу не выдается. Однако, всегда все сыты и с мясом, хотя взамен испорченного дополнительные нормы не предусмотрены. Поистине флотский феномен.

Выдача продуктов из провизионок на камбуз, несмотря на простоту церемонии, – искусство, берущее начало, скорее всего, в Древней Греции, когда гладиаторы для качественного ведения боя должны были быть прекрасно накормленными. Но и посылающие их на бой не должны остаться внакладе, матрос должен быть здоров и сыт. Все количество продовольствия, положенное ему по норме, должно быть доведено до матроса полностью. Вопрос. Из каких фондов обеспечить встречи гостей, работу комиссий, штабов, организовать дополнительное питание при посещении кораблей друзьями-сослуживцами, если нормами снабжения все это не предусмотрено? Как, в конце концов, получить тот знаменитый “дефицит”, который нормами тоже не предусмотрен?

Мастером-фокусником по продовольственной части на крейсере был мичман Фомкин, в простонародии – Фомич. Невысокого роста, полулыс, полустроен, полукривоног, косоглаз, и, как говорят на флоте, шустр, как веник, лет под пятьдесят. На флоте из них – лет тридцать. Служебный опыт – самый ценный капитал, тем более, если он помогает увеличивать капитал, материально выражающийся в дензнаках. Круглосуточно его голос можно было слышать на камбузах, в кладовых, на баке, на юте и на шкафуте. В нужные моменты, словно телепатически чуя угрозу или же просто ее намек на трудное дело сбережения продовольственных ценностей, закрывшись от всего мира

бронированной дверью продканцелярии, мичман усердно потел, отображая в кучах бумаг вкуснейшие обеды и ужины, неусыпным личным бдением поставляемые к матросскому и офицерскому столу. Ревизоры, даже в рангах Холмсов и Шерлоков, не смогли бы найти в дебрях отчетных цифирей ни сучка, ни задоринки. Фомич – это то, чем гордится самый дружный в мире коллектив – корабельный.

Однако, памятуя о приказании командира “прощупать честных мафиози”, и имея за спиной определенный опыт корабельной службы, я не особенно доверял ретивому мичману, бурной тирадой реагирующему на любое, самое незначительное замечание в адрес продовольственной службы. К тому же, несмотря на разницу в служебном положении и различия в званиях, мичман никаких действий по указанию врача не предпринимал, предпочитая заменять их словесной шелухой и рассуждениями о трудностях, поджидающих меня на служебном пути, в случае, если я не прекращу давать указания ветерану флота. Столь прозрачные намеки рвали душу свежеиспеченного старшего лейтенанта медицинской службы на мелкие части, обугливая их по краям. Однако, доктор прекрасно понимал, что лобовой атакой укрепленный мафией бастион не взять. Нужно было начинать осаду со всей тщательностью военного и бюрократического искусства. Эта наука дается великой усидчивостью и шишками на служебном лбу любого военмора любой специальности и любых творческих способностей. Голыми руками опытного мичмана не возьмешь. Словам, даже клятвенным заверениям на флоте не верят. Нужна бумага. Вернее, грамотно, по всем правилам бюрократического искусства оформленная “бумага”. Но над ней нужно поработать, и немало поработать, чтобы родившись в муках, тыльной своей стороной “бумага” не ударила по морде собственного родителя.

Выдача продовольствия из провизионных кладовых на камбуз производится согласно военной науке следующим образом. В продканцелярии хитрый мичман выписывает накладную на выдачу продуктов в точном соответствии с утвержденной командиром меню-раскладкой и отдает ее не менее хитрому, но более простоватому в деле снабжения дежурному по камбузу, который назначается из мичманов-артиллеристов, или же коку-инструктору, менее простоватому, чем товарищ артиллерист. Зажав в руке подписанную бумагу, мичман, совместно с лицами суточного камбузного наряда, следует в провизионку, где орудует хитрый баталер – продовольственный, обязательно азиатской национальности. На тщательно отрегулированных весах последний взвешивает с точностью до миллиграмма все, что

послано к матросскому столу на сегодняшний день. При взвешивании, доставке продуктов на камбуз и закладке их в котел присутствует дежурный врач или фельдшер. Это – согласно инструкции. В жизни вся процедура упрощена “до безобразия”, как любит выражаться корабельный боцман Драгун. Бумаги оформляются задним числом, а продукты отпускаются из провизионок “на выпуклый военно-морской глаз”, но в обязательном порядке, в достаточном количестве. Я начал с того, что ежедневно, совместно с представителями общественности, взвешивал мясо, доставленное из провизионок на камбуз, на медицинских весах в амбулатории. Результат взвешивания заносился в тетрадь по графам: положено по нормам, выдано на камбуз, недостает. Недостача свидетельствовалась подписями общественности, Телепатические способности Фомича находились, судя по всему, в планово-предупредительном ремонте, т.к. идущих по следу докторов он не учуял. Итоги месячной работы были, что называется, “монтана”, конец всему и вилы в бок: около тонны мяса недовложено во флотские желудки, не считая таких мелочей, как сгущенное молоко, колбаса, масло. Вот это размах хитрого Фомича!

Оформив lege artis протокол следствия, заверив его подписями очевидцев, я вызвал мичмана в каюту. Старый морской волк, отчаянно кося глазами в предчувствии порки, вошел и, поздоровавшись, вопросительно уставился на меня.

– Садитесь, – пригласил я, – разговор может быть долгим.

Мичман сел на вращающийся винтовой стул, оглядел каюту и резко открыл холодильник! Пустые полки навели снабженца на мысль, что разговор, вопреки предчувствиям, пойдет по обычной колее.

– Петр Иванович, что-то у вас в холодильнике пусто? Это явно мое упущение в службе. Есть у меня несколько оригинальных вещичек. За свою службу вы вряд ли пробовали подобную вкуснятину. Присылайте Ходжаева, а уж для вас я расстараюсь.

– Что-то вы ласковы стали не в меру. Однако, речь пойдет не о наших взаимных симпатиях. Несмотря на ваши постоянные требования о невмешательстве в область ваших же махинаций, я рискнул все же навлечь на себя гнев ваших покровителей. Вот в этой бумаге, я показал протоколы, – отражена месячная деятельность местного Корейко. Открылись поразительные факты, требующие объяснения. Думаю, что прокурор флота по возвращении нашего корабля во Владивосток, даст достаточно обоснованную оценку вашим махинациям, а экипаж и командир корабля уже сегодня выразят вам свою признательность.

В результате длительного, ярко эмоционально окрашенного диспута, заверений в том, что отныне овцы будут более, чем сыты, а морские волки мирно будут пасти свою паству, стороны сошлись на следующем: 1. Излишки мяса и молокопродуктов, скопившиеся в провизионках, будут в течение месяца выданы личному составу в качестве дополнительного питания. 2. Любые распоряжения медицинской службы отныне приобретают силу закона, обязательного к исполнению с первого предъявления. 3. Протоколы следствия ложатся на самое дно сейфа и могут быть извлечены при первом же нарушении подписанного договора. 4. Нервную систему командира надо беречь, т.к. любые криминалы, вскрывающиеся на корабле, не способствуют его служебному росту.

В результате проведенной операции питание личного состава значительно улучшилось. Морской волк Фомич напялил на себя овечью шкуру, а докторский холодильник… Но это уж была инициатива старшины первой статьи Ходжаева.

XXX

Хирург крейсера, лейтенант Романов невысокого роста, тощ, порывист в движениях, точен в формулировках, решителен, самолюбив и работоспособен. Теоретическая подготовка по хирургии основательна, однако, практические навыки, естественно, отстают от теории. Лейтенант! Недостаток их компенсируется хирургическим бесстрашием и отсутствием сомнений в целесообразности применения скальпеля, как средства лечения. Любовь к начальству и постоянная готовность к самопожертвованию ради него, – врожденная. И постоянно светится на лице с яркостью неоновой рекламы. Тяготы и лишения военной службы и повышенная требовательность со стороны ретивого молодого начмеда налагают на чело военэскулапа печать хронической усталости, которая мастерски демонстрируется хирургом в беседе со старшими начальниками. Ковать свое служебное счастье надо смолоду. Горн, ярко пылающий и старательно вздутый, может компенсировать недостатки в качестве металла. Побольше блеска! Об одном из качеств души врача-хирурга поведал мне майор Данилов.

– Петр Иванович, мне, как вашему начальнику по специальности на время похода, хотелось бы вас предупредить, что Ваша внеслужебная деятельность не может укрыться от моего всевидящего ока, т.к. ваш подчиненный Романов исключительно честен в оценках. На мои вопросы о том, чем занимается начмед

после двадцати одного часа, он откровенно мне заявляет:

– Сервирует стол для встречи командиров боевых частей.

– Призываю вас к осторожности, так как излишняя честность подчиненного может выйти вам боком. Вот так, моя голубоглазая радость.

– Спасибо. Я учту ваше предупреждение.

Больной острым аппендицитом обратился за помощью вечером, когда вьетнамское тропическое солнце собралось нырнуть в джунгли. Романов, осмотрев больного, прибыл с докладом к начальнику. Сама решительность и готовность.

– Петр Иванович, я сейчас пойду на операцию. За успех можете не переживать. На моем счету уже около четырехсот аппендэктомий, сделанных самостоятельно, операционная к работе будет готова через час. Прошу быть моим ассистентом.

Сраженный наповал цифрой “четыреста”, я, однако, и в лежачем положении голову не потерял, и мысленно уменьшил количество полостных операций, проведенных хирургом, раз в десять.

– Несмотря на ваш колоссальный опыт и мое полное доверие к вам, как специалисту, операцию буду проводить я сам по следующим причинам: во-первых, в море вы пока еще не оперировали ни разу, и несмотря на Ваши заслуги, я все же сам должен убедиться в вашем мастерстве, так как ответственность за все происходящее в медслужбе лежит все же на мне. Поэтому вы будете ассистировать.

Во-вторых, не исключено, что излишнее ваше рвение к скальпелю, может повредить больному. А ведь о нем, прежде всего, мы должны думать. Следующая операция – ваша. И давайте-ка без излишних эмоций. Скажите, кстати, терапевту, чтобы на время проведения операции в операционной было обеспечено музыкальное сопровождение. Не рок и не бит, конечно.

Хлопнув дверью, обиженный напрасным (как он полагал) недоверием, хирург удалился. Операция прошла успешно. Операционная бригада получила благодарность командира, врач-хирург в дополнение получил от меня указание тренироваться в вязании хирургических узлов и параллельно изучать теоретический ход операций. Цифру “четыреста" необходимо было уменьшить раз в сорок.

XXX

Бухта Камрань живописными изгибами врезается в береговую

черту южного Вьетнама. Аквамарин чистейшей, не запятнанной мазутом морской соленой воды, призывно манит к себе, обещая прохладу и снятие стрессов, накапливаемых нервной системой моряков с рачительной добросовестностью мольеровского скупого. Белизна песка естественных пляжей может конкурировать с сахарной пудрой, живописные сопки, поросшие бурной тропической растительностью, напоминают голову человека, больного сифилисом, демонстрируя симптом гнездного облысения – результат действия применявшихся во время войны с американцами дефолиантов, взорванные пирсы и разрушенные при оставлении Вьетнама американской армией коттеджи, дополняют картину. Изобилие заржавевшего оружия и боеприпасов, валяющихся на берегу и утопленных в море, щекочет нервы и напоминает белорусские партизанские военные края. Хочется поиграть в войну. Слухи о скрывающихся в джунглях вооруженных бандитах, ночные выстрелы и редкие, непонятно мерцающие огоньки на сопках, вселяют тревогу.

На пляж экипаж отправлялся по сменам. Пересчитанные десятикратно и столько же раз проинструктированные по правилам безопасности на воде, матросы загружались в корабельный баркас, чтобы через десять минут исполнить команду “в воду!” Плавать, естественно умели все, даже те, кто до службы воду видел лишь в кувшине. Доктор, зажав под мышкой зеленую с красным крестом сумку на случай оказания помощи утопленнику, дымил сигаретой на корме, демонстрируя всем вредную привычку курения табачных изделий. Корабельный помощник Найчик, свесив военно-морскую грудь, скороговоркой отчитывал замешкавшихся, угрожая нерадивым отречением от купания. Боцман Драгун рассказывал очередную байку из серии “‘Майская ночь или утопленница”. Механик отчаянно крутил ручки акваланга, недовольно шипевшего стравливаемым воздухом. Наконец, баркас двинулся “ к камню”, как назван был один из уютных участков берега, отведенного местными властями для отдыха советских военморов. Яркое солнце равнодушно плевало в спины оживленных мореманов свою лучистую энергию, гарантируя корабельной медицине работу по лечению ожогов первой и второй степени.

И, наконец, долгожданная команда вышвырнула в воду зноем истомленные, покрытые потом и прыщиками тела моряков. Насыщенная йодом и солью вода ласково пощипывала кожу. Имеющие при себе трубки и маски, с интересом приступили к созерцанию богатейшего и красивейшего, как турецкий паша, подводного мира Южно-Китайского моря. Все дно на отмели было усеяно морскими, вооруженными острыми роговыми шипами,

звездами. Заросли мертвых кораллов, утыканные черными, ощетинившимися длинными иголками пятнами ежей, походили на царство Черномора, хранящего под колпаком-невидимкой желанную всеми Людмилу. Плавно раскачивающиеся живые кораллы нежно ласкали любопытные мужские руки. Мириады снующих всюду разноцветных рыбок наглядно демонстрировали скудость ассортимента Владивостокского зоомагазина. Души, оставив отдыхающие тела, резвились самостоятельно. Призывы к соблюдению воинской дисциплины разбивались о камень.

Одинокие пальмы, увешанные гроздьями созревающих, но еще недозрелых кокосовых орехов, манили к себе любознательные умы военморов. Удовлетворить любопытство военного человека не могут никакие научные труды и типографские издания. Посему возникает необходимость все увиденное потрогать своими руками.

Вспомнив босоногое детство, два лейтенанта, обдирая кожу на бедрах, взобрались на пальмы. С великим трудом им удалось сорвать и сбить палками недозревшее национальное богатство дружественной страны. Привиделась картина, как утробно урча, удачливые добытчики повлекли трофеи в пещеру, предвкушая радостные визги детишек и ласково-поощрительные взгляды своих половин. Однако вместо ласковых хранительниц очага, лейтенантов с кокосами ждал на юте верховный жрец в лице заместителя по политической части. Грозно сверкнув очами, метнув в оцепеневших представителей рода стрелы Перуна, жрец кликнул вече под названием “общее собрание офицеров”. Собравшиеся в кают компании офицеры, едва успев выразить восторг добычливым своим товарищам, были ошарашены предложенной темой внепланового сборища… Речь держал зам.

– Товарищи офицеры! Наша могучая Родина делала и делает все для того, чтобы помочь разоренному Вьетнаму. Для этого ввозится техника, продовольствие, медикаменты. Советские люди единодушно одобряют и поддерживают… Народ Вьетнама единодушно признателен… И на фоне всеобщего подъема нашлись офицеры (в нашем экипаже!), которые своей неумеренной алчностью подрывают устои социализма, разоряют национальное хозяйство и пытаются грабить национальные богатства наших вьетнамских друзей! Вы думаете, что это кокосы лежат перед вами? Нет! Нет, это попранные плоды нашей национальной дружбы! Политическая близорукость наших офицеров не поддается оценкам! Позор!…

Ярлыки готовы и пришлепнуты на растерянные рожи ничего не понимающих охотников за скальпами, то есть за кокосами, пардон. Глубокие политические оценки в комплексе с

безукоризненным знанием политической ситуации, вытекающие из речи пламенного трибуна, защитника Вьетнамско-Советской дружбы, подняло жреца на недосягаемую высоту во мнении покорно внемлющих сему словесному вулкану офицеров-руководителей. Сыновние благородные чувства переполняли сердца тех, кто вместе с оратором готов был завтра же, если того потребует обстановка, идти в бой.

... Лейтенанты получили по выговору.

Глава 35
ЯСАКОВ

Основная деятельность всех без исключения кораблей ВМФ может уложиться в простейшую схему: подготовка к ... (проверке, визиту, встрече), собственно... (проверка, визит, встреча), разбор итогов и устранение замечаний. И так по замкнутому циклу.

На сей раз корабль готовился к встрече заместителя командующего флотом, вице-адмирала Ясакова, идущего на крейсере “Адмирал Фокин” с визитом в СРВ. Одна фамилия замкома, напоминавшая времена сбора ясака (дани) Золотой ордой с угнетенного русского народа, приводила в трепет всех военморов, которым предстояло испытать на себе тяжелую длань власти самодура и хама в адмиральских погонах. О его стиле руководства и манере общения с подчиненными на флоте ходили легенды, в коих он выступал в роли не иначе, как Соловья-разбойника или же Синей бороды. Однако, правда, отличие все же существовало: Соловьем пугают детишек, а Ясаковым пугали взрослых людей, привыкших смотреть в лицо океану. Один из рассказов гласит.

Однажды, проводя совещание руководящего состава флота, Ясаков позволил себе мило пошутить...

Объявлен перерыв в совещании. По команде: “Товарищи офицеры!” все замерли по стойке смирно, провожая начальника. С важностью советника первого класса по проходу, мимо застывших в неподвижности людей, движется Ясаков. И вдруг в ряду видит невысокого роста, щупленького капитана второго ранга. Останавливается и спрашивает:

– Кто такой? (Чьих будешь, холоп?)

– Капитан второго ранга Петров!

– Товарищи! Да он же одной ногой в могиле стоит! В следующий раз найти сюда мужика потолще!

И ушел. Шутка. Что поделаешь? Этих “шуток” в нашем повествовании наберется не меньше дюжины. Ведь впереди еще масса событий, походов, кораблей...

XXX

Ясаков, прибыв на корабль, был встречен командиром и всей командой под бравурные звуки встречного марша. Все по уставу. Едва поздоровавшись с командой, адмирал заявил:

– Устал… Эти приемы за…мучили. Спать!… Корабль к бою и походу приготовить! Идем во Владивосток, командир!

Неожиданно свалившееся на голову приказание оптимизма военморам не прибавляло, т.к. по всему маршруту перехода в ЮКМ и Японском морях свирепствовал тайфун. Это с одной стороны. А с другой срок пребывания в походе сокращался вдвое, и вместо шести месяцев разлуки с родными – три, что вызывает всегда в душах моряков сначала недоумение (такого не может быть никогда!), а затем восторг и ликование.

Командир все же посчитал своим долгом предупредить адмирала об опасности, т.к. любой тайфун, несмотря на нежное женское имя, все же не ласкает, а ломает кости.

– Товарищ адмирал! По курсу – тайфун!

– Ты что? Не моряк? Через тайфун! Я на день рождения к жене опаздываю. Механика – ко мне в каюту с докладом о состоянии корпуса и средств борьбы за живучесть. – И ушел.

Через две минуты командир БЧ-5 постучал в дверь адмиральской каюты. Получив разрешение, вошел. Развалясь в кресле и отвернув голову к иллюминатору, адмирал даже не взглянул на вошедшего.

– Товарищ адмирал! Капитан третьего ранга Басурин по вашему приказанию прибыл, – доложил механик в затылок начальнику.

– Я что, к вам голову должен поворачивать? – грозно спросил адмирал.

Механик вынужден был занять диспозицию “пред очи” и повторил доклад.

– Зачем пожаловал?

– По вашему приказанию… на заслушивание… – пролепетал растерявшийся военмор.

– Ни хрена себе! Курский соловей нашелся! Е… я тебя буду!

После окончания милой беседы, взмыленный механик выскочил из каюты и попросил у доктора валидол.

XXX

Темно-зеленые громады волн били наотмашь и в печень, и в челюсть. Корпус скрипел и стонал. Крейсер вздрагивал всем своим могучим телом, вызывая неприятную немоту в животах военморов, многие из которых украшали блестящий линолеум палубы ароматными лужами желудочного содержимого. Сотни тонн взбесившейся воды обрушивались на палубу беззащитной громадины в двадцать тысяч тонн весом, срезая и унося за борт

леера, “химические” бочки и другие предметы, прочно приваренные к металлу палубы. Крен, достигающий на особо огромной волне 42 градуса при угле заката в 52 градуса, невольно настраивал на грустные размышления о бренности бытия, вселяя тревогу в просоленные души моряков. Жена адмирала, умудрившаяся так неудачно родиться, неспокойно ворочалась в постели, проклинаемая никогда не видевшими ее людьми. Посуда в кают-компании с грохотом и звоном летала из угла в угол, срываясь со штатных креплений. Балансируя тарелками, как после хорошей попойки, моряки пытались (хотя и далеко не все) отведать первое блюдо, перепаренное в герметически закрытых котлах, проливая борщ на штаны и рубашки, уподобившись младенцам.

Описывать все ужасы и романтику плавания в штормящем океане здесь не стоит, т.к. все это неоднократно описано Станюковичем, Колбасьевым, Соболевым и другими маринистами . Однако, одну из неизвестных широкому кругу жителей суши сторону этого ада все же надо отметить.

Я лежал на коечке и с регулярностью метронома стукался головой в холодильник, закрепленный по штормовому, а пятками пробовал прочность “дюралевой” переборки. Желудок в унисон качке то подкатывал к горлу, то опускался в малый таз. Несмотря на это, а может быть и благодаря тому, в голове зарождались крамольные мысли. Вспоминалась почему-то услышанная где-то история о том, что на одном из кораблей во время шторма за борт был смыт военмор, на котором оказалось надето: пальто меховое, куртка из овчины с латексным покрытием, тулуп постовой и два морских бинокля. Имущество, утонувшее вместе с несчастным, было списано на злые шутки Нептуна. Еще несколько ударов головой в холодильник привели к тому, что я встал и, цепляясь за леера, отправился на ГКП, где в вахтенном журнале сделал следующую запись. “Широта... долгота... ветер 30 м/с, волнение 11 баллов. В лаборатории, сорвавшись с креплений, кислородный баллон разбил: микроскоп “Биолам” (заводской номер 1538415), бутыль со спиртом (количество спирта 20 кг), лампу настольную – 1 шт., пробирки лабораторные – 30 шт., ступку фарфоровую с пестиком – 1 шт.” Здесь же на ГКП в очереди к вахтенному журналу стоял помощник командира по снабжению, капитан третьего ранга Крепкий, записывающий в расход 500 тарелок, 500 стаканов... Механик, боцман, артиллерист.. У всех что-либо было разбито или же смыто за борт. Даже военный дирижер Михайлов внес в общий список разбитое вдребезги расстроенное корабельное пианино. Внутрипроверочная комиссия, назначенная командиром,

вооружившись выписками из вахтенного журнала, заверенными командиром, произвела расследование и вынесла приговор: “ Имущество, перечисленное в графе НР… разбито во время шторма. Вины личного состава в уничтожении материальных ценностей нет. Сумма ущерба в размере … руб., … коп. подлежит списанию инспекторским свидетельством за счет государства”.

Накануне прихода в порт Владивосток инспекторское свидетельство было утверждено адмиралом. Стоимость торжеств по случаю дня рождения жены замкома составила … сумасшедшие деньги!

В заливе Петра Великого, когда до Владивостока оставалось не более пяти миль, избитый и израненный крейсер, израсходовав весь запас мазута, вынужден был остановиться. Адмирал, чувствуя за собой “долю” вины в случившемся, без шума вызвал к борту крейсера катер командующего “Шторм” и убыл домой, пообещав к утру прислать танкер для заправки корабля, что и выполнил в точности.

Глава 36
БЫТОВУХА

Утром крейсер воткнул свою корму в знакомую нам точку № 1 тридцать третьего причала. Радостно возбужденные военморы вмиг разбежались по домам, где и произвели переполох своим неожиданным прибытием. Моя же семья находилась на Западе, и идти мне было просто некуда, кроме ресторана. Однако, посещение увеселительных заведений военморами происходит только по вечерам. Посему, я решил отправиться с осмотром в новую, полученную перед походом квартиру. Тем более, что после предстоящего отпуска, доктор планировал привезти и на законных основаниях вселить в наконец обретенное собственное гнездо свое многострадальное семейство. Однако, подводные камни ждут моряка в самых неожиданных местах. На звонок дверь открыла незнакомая женщина с испуганным взглядом и настолько изящной фигурой, что иначе, как тощей, ее назвать было нельзя. Ну, прямо, Кащей Бессмертный!

– Хозяин квартиры, – солидно представился я. – А вы кто?

Злобно сверкнув глазами по лицу названного гостя – хозяина, Кащей Бессмертный ласково-извинительно пропела:

– Вы извините... Я жена лейтенанта Авоськина с “Бородино”. Вы ушли в море, а нам сказали, что квартира пока пустует... Вот мы и решили временно поселиться в ней... Деваться ведь некуда.

Прошедший все круги лейтенантского “рая”, я отнесся к этому заявлению с пониманием и сочувствием. Несмотря все же на некоторую досаду по поводу занятости “гнезда”, я счел возможным сыграть в “благородство”, о котором много читал в романах о мушкетерах и уставах ВС СССР.

– Ладно! Я понимаю вас. Сам через это прошел. Сейчас я уезжаю в отпуск, и у вас, таким образом, остается время для поиска квартиры. Два месяца – вполне достаточно. (Уверенности в голосе добродетели не было).

Штрихи, штрихи... военно-морских будней.

Вечером в ресторан военморам попасть не удалось. Проявляя заботу об отдыхе офицеров, о прочности семейных военно-морских уз, командующий флотом приказал крейсеру срочно сняться с якоря и швартовов, оторвав от семей истосковавшихся по ним людей, уйти в Советскую Гавань. Это, чтоб служба раем не казалась. Проклиная в душе тот пылесос, баранку которого каждый крутить решился добровольно, офицеры по экстренному вызову собрались на корабле к 22 часам, оставив (в который раз!)

своих заплаканных жен, матерей-одиночек, за празднично-убранными, но уже наполовину опустошенными столами.

Выслушав краткую, эмоциональную речь командира о том, что международная обстановка в районе Императорской Гавани резко обострилась в результате возросшей агрессивности империализма на современном этапе, и что крейсер крайне необходим для поддержания штанов “москитному флоту”, сдерживающему агрессивные поползновения на наши рубежи, офицеры разбрелись по каютам. Но и спать не пришлось. Трель тревожного горна загнала всех на боевые посты и командные пункты: предстояло экстренное приготовление к бою и к походу, затем проход узкостей, затем ... краткие мгновения отдыха и ... утро туманное, утро седое.

Крейсер входил в сумрачный декабрьский Татарский пролив. Борта корабля, в кровь обдираемые шугой, мирно шуршали, сливая звук с мерным гулом машин и вентиляции, навевая сон и грешные мысли. Ни о какой боевой подготовке не было и речи. Крепость человеческих организмов и психики имеет свои пределы. Но уставы и приказы не учитывают такую мелочь, как психофизиологические нагрузки на пушечное мясо. Офицер в сорок пять лет, отправляемый Родиной на пенсию, должен быть высосан системой до конца.

Военморов, еще две недели тому назад гревшихся под тропическим солнцем и адаптированных к нему, Советская Гавань встретила двадцатипятиградусным морозом и глубоким белым пушистым снегом, покрывающим скалистые берега. Воды залива и бухт разрезали белоснежные сопки черным контрастом, выделяя жизнь моряков из жизни судостроителей и торгашей черной полосой. Обычного при входе в родную базу психологического подъема не было. Берег, так коварно выбросивший измотанных длительным походом людей из Владивостока, был почти ненавистен. Не интересовали даже знакомые притоны в виде гостиницы “Советская Гавань” и кафе – "телевизора” в п.Бяуде с его всегда зарезервированными столиками и приписанными к этим столикам женщинами первой и не первой свежести.

XXX

В связи с тем, что резкая смена климата вызвала на корабле эпидемию острых респираторных заболеваний, и медикам пришлось круглосуточно бороться с коварными вирусами, в отпуск я был отправлен только на “ёлочку”. Но и это было очень

хорошо. По поводу отпусков на флоте существует четкая система разграничений по званиям, должностям и специальностям. Каждому овощу свое время. А вот и народная мудрость.

“Просидев штаны до дыр, в отпуск едет командир”.

Это значит, что в отпуск он всегда идет случайно-неожиданно. В зависимости от обстановки может и вообще лишиться такового, заручившись при этом туманными обещаниями командования соединить два отпуска (но не более девяноста суток) в следующем году. Что ж. Он командир! Ему командуют “смирно!”. За все надо платить.

“Солнце жарит и палит, в отпуск едет замполит”.

Каждый командир предоставляет отпуск своему заместителю в лучшее время года, проявляя о нем заботу, зачастую диктуемую страхом испортить с ним отношения и тем самым обрести в лице политработника штатного стукача. Ведь доклады в политический отдел обо всем, что иногда позволяет себе командир, проводятся его заместителем по политической части. Вот и мотай на ус.

“В поле мерзнут глухари – в отпуск едут технари”

Это и понятно. Зимой корабли в Советской Гавани стоят вмерзшие в лед, что и дает механикам возможность оторваться на время от своих вечно ломающихся железок.

“Зреют фрукты, зреют вина – в отпуск едет медицина”.

Хотя этот художественный перл и не относится к врачам плавсостава, все же доля правды в нем есть. Ведь как-то надо оправдывать сидящую на погонах эмблему медицинской братии... Чаша со змеей означает буквально следующее: хитрый, как змей, и не дурак выпить! А вообще-то, врачи ходят в отпуск по жесткому графику, т.к. люди болеют вне зависимости от сезона, и лечение их должно быть организовано всегда. Это замполит может убыть в отпуск в любое время без малейшего ущерба для боевой готовности.

Кто на что учился...

Отсидев двое суток в гостинице “Советская Гавань” и, наконец, прорвавшись на самолет, летевший до Хабаровска, я двинулся в отпуск. Авиапредприятия Дальнего Востока по уровню своей комфортности достойны быть занесенными в Красную Книгу, т.к. подобного сервиса нельзя увидеть больше нигде. Синее деревянное здание совгаванского аэропорта с руководящей колокольней на крыше находится километрах в пяти от города. Чтобы утром попасть на самолет, нужно изрядно поволноваться в ожидании автобуса, курсирующего по свободному графику, т.к. поймать такси невозможно. Хотя эта услуга местных автобаз для пассажиров предусмотрена, но... это только в отчетах о расширении сферы услуг и росте их объемов. Однако же, все

жаждущие попасть в аэропорт, все же туда попадают, вопреки даже стараниям местной транспортной конторы. Остается главное – не сломать ноги и шею на сталактитах местного гальюна и ... мелочи – зарегистрировать билет и сесть за столик находящегося прямо в зале ожидания кафе-буфета, обслуживаемого вечно сонными, но всегда готовыми прийти на помощь работниками общепита. За определенную мзду, конечно. Наконец, взревев двумя моторами, комфортабельный лайнер АН-24, подняв в воздух тучи песка (полоса-то грунтовая), уносит Вас на встречу отпускным прелестям.

И вот Хабаровск – основная перевалочная база для всех дальневосточников. Едва успев приземлиться, я снова поднялся в воздух на долгожданном ИЛ-62, выполняющем рейс на Ленинград. Через восемь часов – очередная посадка. И пересадка на Минск – родную свою Белоруссию. В Минске я приземлился в 23 часа, что не внушало оптимизма, т.к. последние автобусы на Новогрудок – конечный пункт путешествия перед родной деревней – уже ушли. Надо было думать о ночлеге, довольно тугой кошелек и тяжелый чемодан, в котором лежали дальневосточные гостинцы, вселяли уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Взяв такси в аэропорту, я бодро отдал команду:

– В гостиницу!

Однако, объехав все отели города (так, по крайней мере, сказал таксист), военно-морской эскулап оказался вышвырнутым на улицу. Посреди ночи и в родной столице. Вот и весь фокус. Офицеры гвардии при гнилом царском режиме, отправляясь в театры, не имели права садиться в партере дальше третьего ряда из соображений престижа военной формы. Советская флотская гвардия не имела права на койку в гостинице ... за свои же собственные деньги.

Я устало и растеряно стоял возле своего тяжелого чемодана. Разница во времени давала о себе знать. На Дальнем Востоке было, как-никак, семь утра. Из грустных размышлений о тленности бытия военмора вывел женский голос.

– Эй, морячок! Что, заледенел? Спать негде?

Рядом стояли трое, подвыпивших и улыбающихся – мужчина и две женщины и с заинтересованным участием смотрели на эскулапа.

– Вы угадали, спать действительно негде. Вот прилетел из Совгавани в родную Беларусь, а она меня отвергает. Ни в одной гостинице места нет, а устал так, что челюсть сводит, – честно признался я.

– Поехали, морячок, с нами. По крайней мере, постелью тебя обеспечим.

Увидев некоторые колебания приглашаемого, дама, добродушно улыбнувшись, сказала:

– Да ты не волнуйся... Не ограбим... И услуг не потребуем. И весело расхохоталась.

Утром хорошо отдохнувший и плотно позавтракавший военмор, поблагодарив гостеприимных хозяев, но даже не попытавшись запомнить адрес своих благодетелей, уехал на вокзал. Спасибо хорошим людям.

Через пять часов его обнимала жена, дочка, папа и мама. Организация проведения отпуска в деревне зависит от времени года: летом – сельхозработы плюс разъезды “по гостям”, зимой разъезды “по гостям” плюс “разъезды по гостям”. Зимой отпускнику в деревне делать нечего, кроме как круглосуточно травить родителям и соседям были и небылицы флотской жизни. Очень уж благодарные слушатели! И каждый сосед норовил пригласить в гости. И не только потому, что он гостеприимен, а для того, чтобы иметь возможность рассказать потом другим, как весело был проведен вечер с моряком, и какие страшные и забавные истории были при этом услышаны. А посему читателю вряд ли было бы интересно читать отпускные подробности зимнего отпуска военморов.

Отпуск всегда пролетает быстро – не боевая служба! Не успели мы оглянуться, как пришло время собирать чемоданы и снова (в который раз!) лететь на Дальний Восток. Очень уж дальний, хотя и нашенский. Расцеловав всегда плачущую маму ... Все повторяется с неизбежностью вечного круговорота воды в природе.

Самолет приземлился в аэропорту города Владивостока. Получив багаж и укутав от пронзительного январского ветра дочку Оксанку, мы укатили в город навстречу своей первой собственной комнате в двухкомнатной квартире. Хотя душу мою томили нехорошие предчувствия, однако, о них не было произнесено ни слова. И предчувствия не обманули.

Попытка открыть дверь собственным ключом не увенчалась успехом. На звонок открыла дверь знакомая нам Кащей Бессмертный и сразу же с места в карьер выплеснула в лицо ошарашенной Ниночке кучу сведений.

– А ... приехали! Можете уезжать обратно, сейчас квартира уже наша! Я не знаю, где вы болтались полгода. Право на квартиру вы потеряли. А мое право на нее удостоверено ордером.

И предъявила ордер к смотру. Я был ошарашен не меньше своей жены. Но мужское самолюбие не позволило мне отступить без боя. Любая человеческая подлость вызывала во мне приступ необузданной ярости. Однако, ситуация была не из тех, в которой

можно было дать этой ярости выход. Нужна была трезвая мысль, которая от неожиданности в голову не приходила.

– Погодите кричать, – внешне спокойно обратился я к Кащею. В этой ситуации надо разобраться. Позвольте пока пройти в комнату. Мы все же с дороги и довольно продрогли.

Видно этот довод был принят Кащеем заслуживающим внимания, т.к. она все же неохотно посторонилась и пропустила “хозяев” в квартиру. Немного согревшись, я начал действовать.

– Что мы имеем на данный момент? Первое, факт дикой непорядочности человеческой. Вы воспользовались нашим отсутствием и нашим гостеприимством для того, чтобы отнять нашу же квартиру. Несмотря на то, что муж Ваш служить только начал. Второе. Мы имеем два законных ордера, один из которых выписан незаконно. Это не вызывает сомнений, но с этим придется, видно, долго разбираться. Посему решим так. Временно моя жена с дочкой будут жить вместе с Вами, или же Вы вместе с ней. Ваш муж и я будем жить на кораблях, благо оба они стоят на 33-м причале, что я видел по пути сюда. Такое решение Вас устроит?

Несколько испуганная моим решительным тоном, Кащей согласилась.

Первым делом предстояла встреча с Авоськиным. На плечах его были такие же, как и у меня, погоны, военного врача. Лейтенант. И по наивности своей я думал, что уж со своим собратом договориться сумею и выясню все недоразумения сразу же. Однако, все оказалось сложнее.

Я поднялся по трапу “Бородино”, вошел в столь знакомый медицинский отсек и попросил дежурного фельдшера пригласить в отсек начальника медицинской службы, коим и был здесь гражданин Авоськин, именуемый на флоте товарищем. Через несколько минут в амбулаторию зашел заспанный лейтенант в мятом кителе, огромного роста и необычайной толщины. Мысленно сравнив мужа и жену Авоськиных, я вместо приветствия невпопад произнес:

– Слушай, как же жена тебя выдерживает? Ведь раздавишь!

Подобное обращение редко кому может понравиться, а здесь с подобной нелепостью вдруг обратился соперник по благополучию. Что перед ним Иванов, Авоськин понял сразу, хотя ранее мы не встречались. К встрече он готовился заранее и тщательно, что и позволило ему сразу же броситься в атаку.

– Если Вы, Иванов, в чем нет сомнений, прибыли ко мне по квартирному вопросу, то могу сказать, что Вы зря теряете время. Право на квартиру вы получили вместе со своим ордером, но потеряли его в тот момент, когда ордер на ту же квартиру

получил я. Сочувствую, но помочь ничем не могу.

Вот это номер! Меня ударили прямо в солнечное сплетение. Прощать удары все же было не в моих правилах, но удар был слишком силен. Никогда еще так дружно не рушились во мне понятия о благородстве, чести офицера, человеческой порядочности, морском братстве.

– Homo homini lupus est, – только и сумел ответить. (Человек человеку волк). Сволочь ты, лейтенант! Не заслужив и ничего не сделав для флота, ты уже подрезаешь под корень своего товарища. Нехорошо начинаешь службу. Нехорошо.

– Каждый живет, как умеет. А вам посоветую вспомнить пословицу: на флоте е... челюстью не щелкают.

На том и разошлись.

Следующий визит я нанес командиру “Бородино”. Знакомый нам капитан второго ранга Чухрай, выслушав меня и поразмыслив, произнес.

– Помочь я вам ничем не могу. Документы на квартиру Авоськину подписывал старший помощник в мое отсутствие. Зам доложил жилищной комиссии, что Вы уехали в Советскую Гавань, и квартира во Владивостоке вам не нужна. На этом основании и подписали бумаги. Примите мои сожаления по столь печальному факту.

Я, не проронив ни слова, ушел из каюты. При этом понял, что выбрасывать из медотсека заместителя по политической части безнаказанно нельзя. Даже если это и диктуется обстановкой.

На крейсере меня встретили радостно, как встречают в семье долго отсутствовавшего блудного сына. Но в семье дружной. Доктор был сразу же приглашен в каюту механика, где ему были предложены традиционные “пять капель”, отказаться от которых обычно не смеет ни один флотский офицер. Сюда же прибыли “ по авралу” артиллерист, штурман и командир боевой части 7 (управления). Видя невеселую физиономию своего эскулапа-товарища, узнав причины столь подавленного настроения его, товарищи, хорошо знавшие флотские порядки, тут же забросали каюту массой историй, порождаемых жилищной проблемой, и советов, как поступить в сложившейся ситуации. Однако, смысл их сводился к тому, что ...”выбросить из квартиры непрошенных гостей и выставить у входа вооруженную вахту”, что было и неразумно, и незаконно, и на выходе ничего не давало.

Советов было много, но никто почему-то не предложил подать рапорт на имя Большого Зама.

Командир крейсера Сергеев сразу же, как и положено командиру, сориентировался в обстановке, и дал единственно правильный, как оказалось, совет.

– Своими надеждами на законный исход дела ты, док, ничего не добьешься. Законы у нас, к сожалению, не в чести. Однако, других путей добиться правды я тоже не вижу. Посему, подавай в суд. По месту жительства. Военный трибунал подобными делами не занимается. Моя помощь тебе будет состоять в том, что я предоставлю тебя в твое собственное распоряжение. Сколько нужно тебе времени для твоих личных дел, стольким и располагай. Вместе с тем, не могу снять с тебя и твои служебные обязанности. Корабль, как ты знаешь, снова готовится в поход, следовательно, по линии медслужбы ты его должен подготовить. Работай хоть по ночам. Сил и молодости в тебе достаточно. И еще один совет… Не горячись и не набей кому-нибудь морду… Хотя и сделать это, честно говоря, не мешает.

Спасибо, командир. Спасибо.

Переночевав на крейсере в своей каюте, утром я был уже в подъезде своего злосчастного дома.

– Я отвезу вас сейчас в Техас к Марселю. Побудете там, пока я выясню все вопросы по квартире. Собирайтесь, – только и смог я предложить своему семейству.

И многострадальное семейство привычно и безропотно вновь погрузилось на колеса и убыло в неизвестность. Жгучий январский ветер, в течение недели свирепствовавший над Владивостоком, угомонился. Даже природа сжалилась над маленькой девочкой и ее мамой. Знакомый вокзал, привычная толчея у окошка кассы. Поехали!

Четыре часа по пути в злополучный Техас, под мирное посапывание дочурки и вздохи жены, я размышлял.

С одной стороны, все газеты пестрели лозунгами о заботе КПСС и советского правительства о Вооруженных Силах. Каждое партийное собрание на корабле начиналось традиционным уверением в том, что все моряки да и вообще весь личный состав Армии и Флота единодушно поддерживают, приветствуют и с горячей благодарностью принимают эту заботу. А с другой – уже два года семья лейтенанта в труднейших условиях борется за свой угол под солнцем. С одной стороны, родина взяла на себя монопольное право в любую минуту потребовать у лейтенанта жизнь в уплату… В уплату за что? За то, что военмор дышит ее воздухом? За то, что ест ее мясные консервы? За то, что партийные функционеры из крайкома, горкома и десятков райкомов имеют возможность мирно жить, пить и петь? За предоставленную возможность Советскому народу мирно трудиться? Да, конечно, за это. Но почему тогда советский народ не может предоставить лейтенанту или хотя бы его семье минимум жизненных удобств? В обмен на жизнь!

В романе Пикуля “Крейсера” описан трогательный эпизод прощания офицеров с берегом перед выходом в море. И высказана всем военным морякам понятная мысль: Родина в лихую годину потребовала у офицеров жизни за ту массу привилегий и удовольствий, которыми были обеспечены ее сыны в мирное время. “Материальная часть” человеческого “я” требует, как и любой механизм, постоянного ухода, чтобы в тяжелую минуту иметь возможность выдать на гора все, на что организм способен. И моральное здоровье, являющееся надстройкой, полностью зависит от крепости организма и уравновешенности психики. А вот этот самый “уход” отсутствует. Следовательно, что-то не отлажено в системе, не продумано, несправедливо и негуманно? Но, не дай бог, произнести эту мысль вслух!

Оставив плачущую жену и ничего не понимавшую в маминых слезах дочку в Техасе на попечение бывших соседей, Сергея и Любы, я первым рейсовым автобусом уехал во Владивосток. На стол одного из чиновников народного суда Первомайского района легло заявление Иванова о том, что по непонятным причинам на одну и ту же жилую площадь – в нарушение закона выписано два ордера, из-за чего попрана справедливость, коей пронизано все советское общество, снизу доверху. И её, справедливость, нужно обязательно и в срочном порядке восстановить,

Двое молодых людей из следственной части прокуратуры, с которыми я познакомился во время подачи заявления, мило улыбаясь и угощая вконец оробевшего истца чаем, внимательно выслушали его печальную повесть о Ромео и Джульетте, плачущей в настоящее время в Техасе. А выслушав, дружно заверили Ромео, что дело “верняк”, и что сомневаться в его справедливом исходе не стоит. Однако, при этом необходимо предоставить в суд следующие справки и документы... Перечень их обрекал ходатая по делу на длительные мытарства и довольно солидные расходы, т.к. объехать на городском транспорте все необходимые конторы можно было только за месяц, а срок от подачи заявления до вынесения приговора не должен превышать тридцати суток. Учитывая время подготовки процесса века непосредственно в суде, бумаги должны были быть представлены гораздо раньше, что вынуждало собирающего сии папирусы пользоваться владивостокскими такси, водители которых никогда не дают сдачи. Однако... цель оправдывает средства. Этот сомнительный лозунг в данной ситуации можно было принять буквально и вне всяких сомнений. И началось...

Через месяц я получил повестку в суд. Само слово “суд” пугает любого советского человека, наслышанного о судах

сталинской инквизиции, а человека военного пугает вдвойне. Масса анкет, заполнение которых является одной из сторон жизни военнослужащего, постоянно вопрошает его о судимостях. И если вдруг ... дальнейшая карьера может быть положена на полку. Тем более карьера моряка, часто уходящего за границу. Поэтому я уже несколько дней донимал товарищей сомнениями: гражданский суд над человеком... Судимость это или нет? Несмотря на коллективные уверения друзей в том, что ... "этого не может быть никогда", сомнения оставались.

В день суда, приняв "пять капель" для храбрости, облачившись в парадную форму, взяв с собой для "поддержки штанов" столь же нарядно одетого механика, капитана второго ранга Басурина, доктор убыл на экзекуцию. В коридоре мрачного полуразвалившегося здания Первомайского суда два парадных офицера смотрелись инородными телами среди изжеванной и грязной публики, кучковавшейся здесь же. Зато ничем не выделялись среди нее (публики) лейтенант Авоськин в том же изжеванном кителе рядом со своей траурно одетой супругой. Чувство сострадания вызывал маленький ребенок, плакавший на руках "ответчицы" по делу. Чувство неловкости и вины перед "ответчиками" охватило меня. И лишь вспомнив заплаканное лицо своей супруги и мытарства, которые приходилось переносить семье, я не отказался от дальнейшей неприятной процедуры суда.

Наконец, последовало приглашение войти "истцу" в зал заседания суда. За столом сидела очень красивая голубоглазая с пышной белой прической женщина, вид которой резко контрастировал с убогой обстановкой самого "зала", оказавшегося маленькой обшарпанной комнатой. Этот контраст настолько поразил меня, что все вопросы, последовавшие в мой адрес, проскакивали мимо ушей, а ответы на них были сбивчивыми и нелогичными, несмотря на простоту задаваемых вопросов. Но, несмотря на всю бестолковость истца, решение суда было категоричным: "Ордер, выданный ответчику Авоськину считать недействительным. Выселить ответчика Авоськина из квартиры №... дома №... по улице 50 лет шефства ВЛКСМ без предоставления жилой площади в связи с допущенной ответчиком Авоськиным подделкой документов при получении ордера". Решение суда может быть обжаловано в десятидневный срок в Приморском краевом суде.

Все! Финиш! Ура!

Спокойно! Система не дремлет. И она стоит на страже интересов всех лиц, служебная компетентность и добросовестность которых поставлены под сомнение решением

суда районного масштаба. И надо было ожидать, что указанные чиновники будут защищаться. И победить их будет гораздо труднее, чем какого-то несчастного лейтенанта Авоськина.

Однако, восторженно веря в восторжествовавшую справедливость, я впереди собственного визга (флотск.) умчался в Техас оповестить жену о благоприятном исходе дела.

Десять суток в ожидании рассмотрения дела в краевом суде я интенсивно готовил корабль к выходу на боевую службу, наверстывая упущенное время. Командира ни в коем случае подвести было нельзя, благодарно памятуя о предоставленной им эскулапу свободе действий.

На десятые сутки я (опять повесткой!) был вызван в краевой суд, и спокойный, уверенный в успехе, отправился туда. Даже без поддержки товарищей. После трех часов томительного ожидания под дверью зала заседания эскулапу вдруг сообщили, что дело его, рассмотренное районным судом, исчезло, а потому необходимо всю карусель начинать сначала. Эта новость настолько ошеломила меня, что даже не попытавшись выяснить что-либо, я ушел к себе на корабль. И безбожно напился спирта, предназначенного для медицинских целей. В нарушение требований корабельного устава.

– Система тебя победила, – резюмировал командир назавтра. – Мы придумаем что-нибудь. Не сорвись только. Флоту не нужны мозгляки!

Через два дня в ККОС крейсера была организована встреча офицеров с ветераном флота, начальником ГТУ, адмиралом Новиковым, который прибыл на ТОФ с инспекционной проверкой совместно с начальником тыла ВМФ адмиралом Мизиным. Оба ветерана поселились в комфортабельных каютах танкера, стоящего рядом с крейсером на 33-м причале. Адмирал Новиков, рассказав офицерам о боевом пути, закончил свое выступление так.

– Сынки! Я знаю, что в жизни у вас будет много трудностей. Но если кто-нибудь из вас будет нуждаться в моей помощи – обращайтесь ко мне, и вы эту помощь получите. Пока что я тоже числю себя членом вашего экипажа.

Своим выступлением адмирал натолкнул меня на мысль, а мысль – в свою очередь – родила документ.

Начальнику тыла ВМФ адмиралу Мизину

ЖАЛОБА

Я, старший лейтенант мед. службы Иванов П.И., начальник медслужбы КРЛ “А. Суворов”, обращаюсь к Вам по поводу отсутствия у меня жилой площади. С августа 1977 года по июнь 1978 года проходил службу на КРЛ “Дмитрий Пожарский”, где

стоял в очереди на получение жилья. Однако, в июне 1978 года переведен к новому месту службы на УК “Бородино”, где в течение года тоже стоял в очереди на жилье. В июне 1979 года на УК “ Бородино” мне были оформлены документы на получение квартиры, однако, приказом КОМ ТОФ я снова переведен к новому месту службы на КРЛ “ А. Суворов”, успев, однако, получить ордер на комнату в двухкомнатной квартире но адресу..., но вселиться в нее не успел, т.к. ушел в поход. В мое отсутствие, незаконно оформив документы, в квартиру вселился начальник медицинской службы УК “Бородино” лейтенант мед. службы Авоськин. Решением Первомайского суда города Владивостока ордер лейтенанта Авоськина был признан недействительным, и дело по кассационной жалобе лейтенанта Авоськина было передано в краевой суд, где по неизвестным мне причинам было потеряно.

В настоящее время моя семья проживает в п.Тихоокеанском у знакомых. Наш корабль готовится на боевую службу. В море уйти я готов, но, не устроив семью, этого сделать не могу.

Прошу Вас разобраться в этом вопросе и помочь мне обеспечить семью жильем.

Дата Подпись.

В этом документе для меня содержалось больше риска, чем надежды на успех. Во-первых, жалоба подавалась не “по команде”, как того требует дисциплинарный устав, а “через голову” непосредственного начальника. Даже “через голову” ряда прямых начальников, включая и командующего флотом, который мог одним росчерком пера вышвырнуть старшего лейтенанта со службы или же отдать его под трибунал. Во-вторых, реакция местного начальства на саму суть жалобы могла быть крайне негативной, а местное начально от инспектирующего отличается тем, что оно всегда рядом, инспектирующее – в далекой Москве.

Однако, несмотря на все “против”, жалоба попала адресату. И буквально через несколько часов перепуганный доктор был посажен черную “Волгу” и доставлен в управление начальника тыла ТОФ. В кабинете последнего уже стояли по стойке “смирно” председатель гарнизонной жилищной комиссии контр-адмирал Белюков и один из : клерков – полковник Васильев. Лекция, прочитанная начальником тыла флота своим подчиненным, звучала, как длительное “до” последней октавы. Полковник Васильев, выскочив в “предбанник”, прошипел мне прямо в лицо:

– Ну, лейтенант, теперь ты до пенсии квартиру не получишь!

Однако... Назавтра в краевом суде “дело” нашлось, и сразу же было рассмотрено. Злополучная комната осталась за мной. Авоськину была предоставлена комната по новому адресу и

выделена машина для перевозки вещей.

Овцы остались сыты. Волкам намяли бока. Через неделю, проведя в комнате косметический ремонт, я торжественно водрузил свое семейство на законно оформленную, но с боем взятую жилую площадь.

Глава 37
УЧЕБНЫЕ СТРЕЛЬБЫ

Срок выхода крейсера на боевую службу был перенесен повелением свыше на неопределенное время. Огромная работа, проведенная коллективом корабля по подготовке его к походу, даром не прошла. Возросло боевое мастерство и выучка личного состава. Даром были загублены только несколько тонн бумаги, ушедшей на составление всевозможных планов, актов и отчетов. Но в виде исключения шкиперская служба флота увеличила нормы снабжения корабля бумагой, и потери были компенсированы. Нервная, психическая и физическая энергия людей, истраченная на подготовку корабля к походу, никакими нормами не регламентирована, поэтому компенсации не подлежит. Золотой фонд боевой готовности бесхозен.

Незаметно наступила весна – начало сезона интенсивной боевой подготовки. Планом БП крейсера на год были предусмотрены стрельбы из всех видов корабельной артиллерии (главный, универсальный, зенитный калибры), по всем видам мишеней (воздушная, морская, береговая) и в любых условиях обстановки (днем и ночью, в штиль и в шторм, в условиях противодействия противника и применения им ОМП и без такового). Это краткое перечисление боевых упражнений в жизни означает такое количество труда, пота, бессонных ночей, авралов, тревог, что возложи их на каракумского верблюда, он бы издох, не пройдя и половины дистанции.

Предстояло выполнить береговую стрельбу (по береговому, невидимому в прицелы крейсера, полигону). В сложностях этой стрельбы пусть разбираются артиллеристы. Для корабельных же врачей любые стрельбы “токмо грохот” (если они не приводят к ЧП с гибелью или ранениями людей). Полигон находился в глухом районе побережья Татарского пролива. Для корректировки огня в тайгу необходимо было высадить корректировочный пост, привитый, как положено, вакциной против клещевого энцефалита. А так как весной в этом районе отмечается ход горбуши на – нерест и выход королевских крабов на побережье, то кроме корпоста в тайгу должна была быть высажена “группа захвата” для ведения разведки рыбных запасов. Тем более, что район, открытый для стрельб, всегда закрыт от рыбнадзора да и любого другого недремлющего ока. Надо сказать, что на Дальнем Востоке денежные знаки, официально принятые в государстве, ценность имеют относительную. Поэтому

и загадка такая ходит..."Зеленое, хрустит, но не деньги. Что такое? Ответ: 50 рублей". Стабильно высокий курс держат две валюты: спирт и красная икра. Впрочем, и балыки из породы лососевых.

Коренные дальневосточники, особенно жители Камчатки, севера Хабаровского края, амурцы и аборигены Приморской глубинки, знают сто способов честного отнятия "милостей у природы", несмотря на то, что на борьбу с этими способами государство ежегодно мобилизует специалистов рыбнадзора со всего Союза, даже из Москвы и Ленинграда.

Ну, допустим, москвичи, дело простое: сезонники, приезжающие сколотить капитал. Цивилизованный браконьер всегда с ними может договориться. Да и все "пришлые" таковы. К тому же они не знают местных условий. Сложнее "работать", если приезжие объединяются с местными егерями и "надзорцами", да в помощь себе мобилизуют милицию со специально обученными собаками. Такими кордонами перекрываются все дороги, которых, надо признать, довольно мало. Новички, по случаю, за бутылку приобретшие пару "хвостов", обязательно попадаются в рыбнадзоровские ловушки. На них-то и делается видимость рыбинспекторской активности путем составления "актов" и предъявления штрафных санкций. Общее количество задержанных публикуется в журнале "Человек и закон" И ... полный ажур. Официальные браконьеры, охраняющие рыбные запасы от браконьеров-любителей, могут пожинать лавры. Правда, надо признать, что среди них есть истинные энтузиасты и искренние защитники природы. Они-то и делают погоду в деле рыбоохраны. Им-то и надо давать и деньги, и катера, и ордена.

Но дальневосточный браконьер против энтузиастов вооружен многовековым опытом браконьерства. В разгар рыбного сезона перекрыты дороги. Хорошо. Рыбный пират на них и не полезет. В укромном таежном уголке он спокойно будет делать свое подлое дело, Заготавливая рыбные деликатесы, засаливая их и зарывая в яму. А потом, когда в прессе будут звучать здравицы в честь рыбнадзора, а его инспекторы, сидя в своих благоустроенных квартирах, будут плести женам и любовницам были и небылицы о своих подвигах, браконьер по первому снегу, не боясь мороза и рыбинспектора, спокойно вывезет из тайги свои незаконные запасы.

Перекрыты дороги и реки... Чепуха! На то у браконьера есть кореша", а у последних – вертолеты пожарной охраны, геологоразведки и воинских частей. Тоже мне! Противопоставить дружинника с палкой на дороге дружному племени истинных детей природы – браконьеров? Смешно! Смешно и печально. Даже

в большей степени печально, чем смешно.

Так вот. В “группу захвата” вошли доктор, фельдшер, шкипер, баталер продовольственный и один из матросов службы “С”. Возглавил ее помощник по снабжению известный нам Крепкий. Обязанности четко распределены. Фельдшер и матрос-снабженец должны были на себе в заплечных мешках таскать консервы, воду и другие напитки, а также при случае выполнить обязанности “прислуги за все”. Шкипер, продовольственник-помощник, как мастер по добыче и рыбной разведке, несли на себе основные функции по рыбной разведке и добыче. Я, как никогда не видевший живой свободный ход горбуши, в группу вошел потому, что вошел. Ах, да! Я должен был оказывать медицинскую помощь.

Настрой группы был боевой. Тем более, что у каждого на боку болтался пистолет ПМ, фельдшер вооружился карабином СКС, а доктор, пользуясь благорасположением крейсерского начальника боепитания, мичмана Гумирова, красовался перед товарищами деревянной кобурой автоматического пистолета конструкции Стечкина. Патроны к оружию лежали в вещмешке в количествах, необходимых ...на все случаи тревожной таежной жизни.

Крейсер стоял в восьми кабельтовых от пустынного побережья, мерно покачиваясь на могучей ласковой груди Тихого, в прямом и переносном смысле слова, Океана. Ласковое апрельское солнце прогревало кедровый настил палубы, извлекая из него запах хорошо отдраенного песочком смолистого дерева. Под четкие команды и убористый матерок главного боцмана Григорьича на воду спущены баркас (мореходность до пяти баллов, пассажировместимость 80 человек) и шлюпка (шестивесельная, мореходность до трех баллов). В баркас загрузился личный состав корпоста и “группы захвата”. Провожающие весело подначивали уходящих, смотрели на них с завистью: кому из моряков не хочется провести денек на берегу? Взяв на буксир шлюпку, баркас, стрельнув дымком дизельного выхлопа, медленно направился к берегу. Метров сто не доходя до кромки материковой части страны (есть еще острова), баркас застопорил ход, т.к. ближе подойти к берегу не позволяли глубины. Полоса прибоя, неоглядно тянувшаяся на север и юг, грозно шумела и плевалась соленой слюной наката. И если вдали от берега океан медленно и ласково-плавно качал своих покорителей, то у берега, бушуя, как ревнивая жена, не хотел выпускать их на сушу. Ревность вполне объяснимая. Однако, задачи, стоящие перед горсткой людей, казавшихся молекулой или даже атомом на фоне безбрежности земли и моря, требовали высадки их на берег во что бы то ни стало. Приказ. И пусть в душе каждый поеживался, представив себя в беззащитной шлюпке

на гребне волны, но вида, естественно, никто не подал. Только необычное возбуждение и излишняя шумная суета выдавали волнение людей. Впрочем, высадка прошла без замечаний, о чем по рации было доложено на крейсер. Баркас ушел, утащив за собой шлюпку. Люди, отрезанные от уюта кают, остались одни. На западе лежал весь Союз, на востоке шумел Великий или Тихий.

До места расположения полигона было километров пять, и командир корпоста, построив своих подчиненных, спешно убыл в тайгу. "Группа захвата", предоставленная судьбе, осталась на берегу.

Так как судьбу делают люди, а любое дело без плана – не дело, то и приступили к выработке стратегии и тактики поведения, с учетом наибольшей эффективности выполнения предстоящей задачи, но при этом требуя строжайшего выполнения норм безопасности. План, в общих чертах, выглядел следующим образом: пройти по побережью на юг до первой, переполненной рыбой речки, где стать лагерем и приступить к отлову деликатесов. Затем обед, вызов по рации плавсредств и... триумфальное возвращение на крейсер. С уловом, само собой!

Величие природы поражало. Полоса прибоя, тянувшаяся к горизонту, была завалена горами гниющей и свежей морской капусты, в двадцатиметровых листьях которой тут и там шевелились запутавшиеся и выброшенные потому на берег огромные крабы. Некоторые них были присыпаны песком и шевелиться уже не могли, однако, представляли лакомую добычу, как для чаек, беспечно разгуливающих по песку, так и для людей, случайно оказавшихся в данной пустынной точке планеты. Цепочки уток, испуганно-часто махая крыльями, пролетали над морем во всех направлениях. Вековая тайга с кривыми, изуродованными солеными ветрами стволами лиственниц, елей и пихт, была завалена вековым буреломом. Кедровый стланик еще какие-то ползуны охраняли покой гномов и ведьм от вторжения человека. Священная тишина этих священных мест нарушалась только шумом прибоя. Душа очищалась, выплескивая свои грехи в пространство. Время теряло свою власть над человеком, засасывая в вечность.

Молча и долго шли по гладкой, плотно слежавшейся отшлифованной природой и морем КСП (контрольно-следовой полосе), оставляя на ней четкие следы нарушителей покоя. Изредка путь преграждали каменные осыпи и завалы плавника, выброшенные океаном на берег – эти памятники человеческой безмозглости, или свидетельства трагедий гибели лесовозов, иногда случающихся в океане, вконец, уперлись в торосистую

стену льда, ярко-радужно сверкавшую на солнце. Обследовав ее, пришли к печальному выводу, что рыбалка самым безжалостным образом сорвана – реки и речушки Хабаровского края не очистились еще ото льда. Мастер добычи, живописавший прелести рыбалки и утвердивший веру людей в свой многолетний опыт общения с дальневосточной природой, потерпел полное фиаско. Жалкий лепет на тему необычайно суровой прошедшей зимы, сковавшей на необычно долгое время льдом пресноводные водоемы именно в этом году, остался жалким лепетом. На море лед тает быстрее, чем в озере или реке. Это объясняется просто. Лед в море соленый, как и вся жизнь моряка. И тот, и другой умирают раньше обычного.

Первая часть плана была сорвана по не зависящим от планировщиков причинам. И, следовательно, вторая его часть вступала в свои права раньше намеченного срока. “Прислуга за все” быстро собрала хворост, благо, недостатка в нем не было. Очень долго, как и положено морякам, возилась с разведением костра. Продовольственник, поднаторевший в этих делах, нарезал душистый хлеб, вскрывал банки ветчины и “севрюги в томатном соусе”, раскладывал на газетном листе со статьей об успехах антиалкогольной пропаганды колбасу. Нашлась и пара банок консервов, окрещенных моряками “братская могила” за их содержимое в виде набора костей, покрытых цыплячей кожей. Доктор, в обязанности которому вменялось оказание медицинской помощи, колдовал над приготовлением “эликсира жизни” – спиритус вини. А где латынь – там нет места сомнениям в полезности для здоровья всего, что горит.

Уютно расположившись у костра, “группа захвата”, потерявшая свое предназначение, но этим ни в коей мере не удрученная, дружно приступила к “легкому завтраку”. Первая и вторая пошли легко, благо, священнодействие проходило на свободном воздухе, вне опасения быть в любой момент “схваченным за руку” заместителем по политической части. Языки развязались. Пошли в ход рыбацкие истории, охотничьи были, амурные похождения участников. О политике за трапезой не говорят, т.к. ее хватает и на политических занятиях. Незаметно перешли на проблемы владения стрелковым оружием. Каждый из рассказчиков, как оказалось, мог продемонстрировать стрельбу “по-македонски”, что означает ведение огня из двух пистолетов одновременно обеими руками. Тут же был найден красный пластмассовый поплавок от рыболовных сетей и воодружен на шест, вбитый в песок на расстоянии двадцати пяти метров – обычная дистанция стрельбы из пистолета Макарова. Кому приходилось вести огонь из этой системы оружия, тот знает, что

хорошей кучности попадания добиться из него трудно: малейшее отклонение коротенького ствола от прицельной линии дает значительное отклонение пули. Однако, импровизированная мишень была вдребезги разбита в считанные минуты. В дело были пущены шапки, и через полчаса от них остались лишь клочья, но и те годились “для прикрытия головы”.

Укротив таким образом свой воинствующий пыл, участники баталии только теперь обратили внимание на то, что солнце закрыто тучами, а на горизонте стоит стеной белая полоса тумана. Крейсера не видно – успел утонуть уже в плотном молоке. Сразу же стало понятно, что и третий пункт плана выполнен быть не может. В условиях нулевой видимости никто не рискнет снимать с борта плавсредства и, рискуя жизнями людей, отправлять их за находящимися на берегу, благо, последние экипированы для жизни в тайге не менее, чем на неделю.

Осталось единственное – позаботиться о строжайшем соблюдении мер безопасности. А для этого необходимо выработать новый план. По поводу планов.

Отдыхающий военмор приехал к отцу-крестьянину в деревню летом. Посмотрев на бессистемную, казалось, работу тружеников сельского хозяйства, решил внести в нее элементы флотского порядка

– Мне непонятно, отец, как можно работать, не имея перед собой четкого плана? Предлагаю план на завтра. Если будет вёдро – идем косить сено, если дождь, едем в лес за дровами. Женщины, в случае дождя, лепят пельмени. Если же мы идем косить – делают голубцы. Вопросы есть? Нет. Утверждаю.

Утром ничто не предвещало дождя, и, вскинув на плечи косы, мужчины ушли на луг. Женщины занялись голубцами. Не успели мужики пройти первый прокос, как набежали тучи и пошел дождь.

Мореман, командовавший на сей день парадом, отдал распоряжение.

– В дождь у нас по плану работа в лесу. Сворачиваемся? Косцы вернулись домой.

– Так, бабы, голубцы разлепить! Делать пельмени!

Поехали в лес, но по дороге дождь прекратился, выглянуло солнце. Вернулись домой.

– Пельмени разлепить, делать голубцы!

Итог работы за день известен: ни сена, ни дров. Да и в желудках пусто. Все, как на флоте. К счастью, иногда.

Быстро собрав остатки трапезы, закопав пустые банки из-под консервов в песок и загасив костер, “группа захвата”, согласно единственному имеющемся в новом плане пункту, доложив свое

решение на крейсер, двинулась на воссоединение с личным составом корпоста. Ночь предстояло провести в тайге, а утром, если позволит погода, обеспечить выполнение стрельб крейсером. Пройдя километров семь по пеленгам, выдаваемым рацией корпоста, уже в сумерки группы соединились возле зимовья неизвестного охотника на обрывистом скалистом берегу океана. У самого уреза воды разожгли огромный костер, под угли которого в землю зарыли обмазанных глиной уток, предварительно добытых удачливыми охотниками из состава корпоста. Установили график дежурства у костра на ночь и приступили к заготовке крабов. Не к отлову, а именно к заготовке, т.к. крабы сами выбирались на берег, привлекаемые светом костра. Оставалось только брать их голыми руками, отрывать клешни, а туловище с панцирем бросать в костер. Вот и вся премудрость.

В тумане шумел прибой. Разносился рев далекого крейсера подающего сигналы опасности. Мирно потрескивал костер, изредка разбуженная сновидениями тайга вскрикивала предсмертным криком очередной жертвы. Уставшие за день бойцы, подстелив под себя химкомплекты, расположились у костра, пытаясь уснуть. Прелесть ночи и необычайность обстановки нежным теплом разливалась по сердцу и загрубевшей от ветров и соленных брызг, коже. Блаженная ночь, оставшаяся в душе на всю жизнь.

С первыми лучами солнца туман начал редеть. Команда, поданная с крейсера, мигом подняла всех на ноги. Пробежка, умывание, завтрак, горячий, пахнущий хвоей чай, которым никогда не придется побаловаться в кают-компании. Корпост ушел на определенное ему место и приступил к выполнению определенной правилами артиллерийских стрельб работы. Оставшиеся у костра наводили порядок в зимовье и вокруг него, готовили и пили чай, стараясь вобрать в себя его необычайную прелесть.

Отгрохотав залпами, крейсер выслал тот же баркас и тот же шестивесельный ял за моряками, проведшими ночь вне расположения части. Пробившись сквозь прибой, шлюпка подошла к берегу. Нагруженная крабами и людьми, со второй попытки вырвалась на спокойную воду. Всего предстояло сделать три рейса, каждый из которых становился опаснее предыдущего, т.к. волна с каждым ударом становилась злее. Последним рейсом уходила с берега “группа захвата”. Имевший определенный навык управления шлюпкой, я должен был сесть на руль, следовательно, войти в нее последним. Гребцы, налегая на весла, с трудом удерживали шлюпку носом к волне. Сдвинуть тяжелую посудину,

придать ей первоначальное ускорение – это задача последнего, садящегося в неё. Напрягшись всем корпусом, уперев ноги в скользящие под ногами булыжники, я сделал первую попытку. Но набежавшая волна одним ударом сбила меня с ног и бросила на камни. Химкомплект мгновенно наполнился ледяной водой. Однако, на счастье, уходящая волна поставила меня в вертикальное положение, лишив тем самым возможности захлебнуться. Приняв ледяной душ, незадачливый рулевой стал резвее и ... вторая попытка увенчалась успехом.

На баркасе меня встретили чисто флотской шуткой:

– Док! Ты сам мог бы и тонуть, но прежде, чем это сделать, нужно было оставить нам ключи от аптеки. Ведь за помин твоей души...

Но бледные лица товарищей говорили о том, что смешного в данной ситуации было мало.

На крейсере, успешно выполнившем все боевые упражнения, озябших военморов ждал горячий душ, теплая постель и вечно недовольный старший помощник.

Глава 38
ПРАЗДНИК

Снявшись с якоря, корабль направился в Советскую Гавань – родную базу после долгой зимовки во Владивостоке. Предмайское настроение (было 29 апреля), успешно выполненные стрельбы в начале периода плавания (что само по себе праздник для моряка) вызвали в экипаже высокий патриотический подъем. Веселая суета и пенные брызги большой приборки, бравурная какофония звуков духового оркестра, репетирующего новые марши под руководством военного дирижера Михайлова, заливистый лай молодого симпатичного пса по кличке Чоп, недавно поселившегося на корабле, поднимали эти самые патриотические настроения еще выше. Командиры боевых частей, сидя в каюте механика, планировали организацию отдыха личного состава корабля в праздничные дни И рассуждали о том, как лучше этот отдых организовать для себя лично. Именно, рассуждали, т.к. планированием отдыха командиров БЧ занимается старший помощник и командир лично. В медицинской службе праздничные роли среди офицеров-врачей были распределены: каждый имел возможность сойти на берег на двое суток при непременном условии четкого обеспечения дежурства на корабле, график которого был составлен и утвержден мной. Сам же начмед ждал решения Командира.

Торжественно, под звуки духового оркестра вошли в бухту Бяуде, раздвигая носом плавающие тут и там льдины. Лихо развернувшись, “швартонулись” кормой к стенке и завели на бочки швартовы. Прочными канатами и тросами крейсер приковал себя к земле до получения нового приказа на выход. Вахтенная и дежурная служба заступила “по-якорному”. Часовой занял свой пост при входе на пирс, символизируя недоступность военного организма для случайного гражданского люда, собирающегося на берегу поглазеть на эволюции красавца-корабля, флагом своим и стремительными обводами приглашающего в походы, шторма и романтику.

В 16 часов 29 апреля четким голосом командира корабельная трансляция разнесла по всем жилым и служебным помещениям команду:

– Командирам боевых частей, начальникам служб прибыть ко мне в каюту.

Значение этой команды понял каждый из приглашенных: командир вызывает, чтобы объявить свою командирскую волю в

распределении времени отдыха.

Энергично жестикулируя, командир, как гостеприимный хозяин, рассаживал прибывающих гостей-подчиненных на диваны и в кресла. А гости, испросив разрешения войти, чинно рассаживались, с долей подобострастия глядя на командира.

– Ну что, мужики, – начал свой обычный монолог Сергеев, – поработали мы славно. Пора и отдохнуть!

Чешские или болгарские врачи и социологи провели исследование различных социальных групп населения с целью узнать, кто больше всех говорит, т.е. выявить наиболее болтливый контингент населения. И, к всеобщему удивлению, нашли, что женщины, которым молва всегда приписывала первенство в этой области человеческого бытия, на самом деле занимают второе место. На первом стоят… моряки, вернувшиеся из плавания.

Так вот, командир “Суворова” полностью подтверждал этот социологический вывод. Монологи его могли длиться часами. Истории и были лились, как из рога изобилия, в каждом новом случае видоизменялись, обогащаясь новыми деталями, обретая фантастическую и нереальную окраску. Но своему командиру моряки прощали этот недостаток, т.к. его человечность и доброта в сочетании с решительностью и твердой волей делали его настоящим командиром, могущем и высечь за провинность, и защитить.

Выслушав наставления по питейному, любовному и служебным делам, получив “добро” на выходные дни, сказав несколько раз “спасибо” за пожелания счастливого отдыха, командиры БЧ удалились в каюты для подготовки к сходу на берег.

Механик вызвал к себе одного из “группачей” (командира группы) и отправил его в г. Советская Гавань заказывать номера в гостинице для каждого, идущего на сход. Это на случай, если в процессе празднования Первомая кому-нибудь захочется остаться один на один с собой, вне шумной и пьяной компании. Я вызвал к себе приборщика каюты – старшину второй статьи Суменкова и держал перед ним краткую, но содержательную речь.

– Сынок! (Ничего себе, сынок. Всего на пять лет моложе.) В 18.00 я должен сойти с трапа, со мной – три человека. Вопросы? Нет. Свободен. Приборщик, понимающе улыбаясь, удалился.

В 17.30 в каюту была доставлена тщательно вычищенная и выглаженная форма. Быстро одевшись, я убыл в каюту механика, в которой застал уже готовых к сходу, т.е. тщательно отутюженных артиллериста и командира БЧ-7. В 17.45 все четверо зашли в каюту эскулапа, где на столе стояли четыре рюмочки, лежали бутерброды и … 400,0 спирта этилового высшей

очистки. (Приборщик свое дело знает туго).

В 17.50 по кораблю разнеслась команда:

– На катер № 1! Катер к правому трапу! Командиры боевых частей, идущие на сход, приглашаются в катер!

Высшая честь, которая на крейсере может быть оказана офицерам. Командир предоставил в их распоряжение свой личный катер и лично отдал команду на его спуск. Знал командир, как поддерживать авторитет своих ближайших помощников.

XXX

Праздники отшумели гомоном торжественных речей, собраний, митингов и разборов замечаний по проведению праздников. Редкие гости корабля, стоящего в глухой бухте Бяуде, посмотрев на флаги расцвечивания и напившись корабельного спирта, сердечно благодарили моряков за интересные экскурсии и полученное удовольствие

Праздники прошли без замечаний, следовательно, для тех, кто правил дежурную и вахтенную службу в выходные и праздничные дни, праздники не существовали вовсе. Вместо них – работа, работа И нервное напряжение. Это отдыхающей смене повезло. Будни, вступая в свои права, снова требовали от военморов пота и крови. Ежедневно авралы, тревоги, учения, тренировки, занятия, приборки, покраски, сборы, разборы… Без остановки и передышки. Выходы в море, караулы, патрули, разгрузки вагонов, уборки территории… Черт знает еще что, но без передышки и остановки. Раз запущенная машина остановиться не может до самой смерти. Как и акула, проводящая в движении всю свою жизнь и пожирающая все живое на своем пути.

И если от нее удается вырваться какой-либо жертве, то только с израненным телом и исковерканной психикой. В таких вот буднях пролетела весна, На исходе было лето. 1980 год был прекрасен тем, что отпуск я провел в июле и августе когда “зреют фрукты, зреют вина”. Хорошо – о - о – о …

XXX

Первой новостью, услышанной мной по прибытию из отпуска на корабль, была та, что крейсер снова готовится в длительный океанский поход. И без “Б”, как говорят на флоте. По серьезному.

Ясно. Значит, снова предстоит подготовка всех звеньев сложной медицинской цепи. Снова ночи без сна, дни, наполненные руганью и свалкой из-за накладок различных мероприятий плана подготовки друг на друга. Снова проверки вышестоящими штабами и устранение замечаний. Снова ремонты. Все знакомо и трепета не вызывает. Прорвемся.

Основной проблемой, стоящей перед начальником медицинской службы крейсера, была проблема укомплектования коллектива фельдшерским составом взамен уходящих в запас. Фельдер на флоте – такой же дефицит, как кетовый балык в полесской глубинке. Медицинские училища страны, отдающие (вынуждено) предпочтение прекрасному полу, и на десять процентов не обеспечивают Вооруженные Силы потребным количеством среднего медперсонала мужска пола. Поэтому, медицинские службы частей комплектуются трактористами и токарями, что не способствует повышению качества медицинской помощи. Тем более в отдельном плавании в отдаленных районах океана, где ответственность за жизнь каждого члена экипажа зависит от грамотных действий (и оперативных к тому же!) каждого члена медицинского коллектива. Памятуя это, я в течение месяца обивал пороги официальных кабинетов, “пуская в ход официальные рапорты” и применяя официально-недозволенные приемы, в надежде заполучить на свой любимый крейсер трех положенных по штату фельдшеров, вместо везде предлагаемых мне идейно-закаленных и морально устойчивых рабочих и крестьян. Идейная и прочая закалка и устойчивость хороша в сочетании с профессиональной выучкой, без которой она превращаются в громкий, пустой звук победных реляций на торжественных собраниях. Однако, везде встречая сочувствие и понимание чиновников, сдвинуть сей важный вопрос с мертвой точки мне не удалось. Рассчитывать не приходилось ни на спирт, ни на хвосты красной рыбы, обычно выручающей просителей в сложной ситуации.

А тем временем крейсер перешел во Владивосток “под проверку комиссией штаба флота ”. Узнав, что комиссию будет возглавлять адмирал Ясаков, командир корабля строго-настрого приказал своим офицерам "расшибиться в доску”, но чтобы никаких замечаний по вопросам подготовки корабля к походу не возникло, т.к. последствия любого замечания могли быть непредсказуемыми и трагичными. Решения Ясаков принимал моментально. Вследствие оных любой, даже самый добросовестный лейтенант, мог оказаться далеко от своего корабля с измаранными, ненужными военмору записями в личном деле.

Накануне проверки экипаж крейсера, отложив массу неотложных дел, занимался большой приборкой. К моменту прибытия комиссии “ медь, железо были отдраены, барашки расхожены и смазаны”.

Наконец, в ККОС собрались все офицеры крейсера и представители штаба флота. В ожидании Ясакова кают-компания гудела, как потревоженный улей. Офицеры штаба отдавали последние приказания своим младшим товарищам, инструктировали по правилам докладов старшему начальнику. Все они были одинаково заинтересованы в благополучном исходе проверки, т.к. все одинаково отвечали за степень готовности крейсера к походу, разница состояла лишь в том, что младшие товарищи уходили в море, а старшие – оставались на берегу. Прохлопы в подготовке корабля к походу могли стоить младшим товарищам жизни, а старшие рисковали получить лишь выговор в приказе.

Ясаков, встреченный офицерами, замершими по стойке “смирно”, пригласил всех садиться и сел сам.

– Итак, начнем со штурмана. Командир БЧ – 1.

– Командир! БЧ-1, капитан третьего ранга Егоров, – представился штурман.

– Готовы к походу?

– Так точно!

– Вы подтверждаете готовность? – обратился адмирал к флагманскому штурману флота.

– Так точно!

– Отлично. Артиллерист!

– Командир БЧ-2, капитан третьего ранга Борисов.

– Готовы?

– Так точно!

И так по всем боевым частям и службам. Кратко. Ясно и четко. Привычно. Наконец, очередь дошла до начальника мед.службы.

– Доктор!

– НМС, старший лейтенант Иванов!

– Готовы к походу?

– Никак нет!

Если бы вдруг в лысину командира трюмной группы Ермолова ударила молния, то это не произвело бы такого обвально-оглушающего впечатления на адмирала, привыкшего слышать, что врачи всегда и везде готовы. И ко всему.

– Причины, лейтенант? (Так, уже одна звездочка с погон слетела).

– Товарищ адмирал! Медицинская служба крейсера не

укомплектована фельдшерским составом. Ходить по морям с токарями вместо медработников считаю опасным.

– Резонно, – подумав, согласился адмирал. – Я, товарищи офицеры, на примере этого лейтенанта сейчас научу вас, как не надо служить. Ответьте мне, доктор, что Вы лично делали, чтобы укомплектовать Вашу службу специалистами?

– Обращался с данным вопросом по команде, а также в письменной форме к НМС объединения, полковнику Ушакову. Однако, получил отказ, мотивированный отсутствием в объединении данной категории специалистов.

– Что еще? Вы были у Макаренко? (НМС флота)

– Так точно!

– Лично на приеме у генерала?

– Так точно.

Сквозь маску равнодушной суровости проглянуло что-то вроде интереса к происходящему. Ведь лейтенанты на прием к генералам попадают исключительно редко. Разве что, “на ковер“.

– Что же вам ответил генерал?

– Он ответил, что вопросами комплектования кораблей занимается отдел комплектования штаба флота.

– Значит, отказал ?

– Так точно.

– Х-м... И что же вы сделали дальше? – с явным интересом спросил адмирал.

– Был на приеме у начальника отдела комплектования штаба флота.

– А как же вы попали к нему? – искренне удивился начальник.

– Случайно, товарищ адмирал!

– Х-м... И что же вам сказал начальник отдела комплектования?

– Мне неудобно повторять то, что он мне сказал, товарищ адмирал.

Предчувствуя необычный финал совещания, дающий начальнику возможность заняться воспоминаниями о собственной лейтенантской молодости, адмирал, искренне заинтересованный, потребовал ответа.

– Мне он сказал, товарищ адмирал, буквально следующее: “ Иди ты на ..., товарищ лейтенант!”

– Все правильно, – захохотал адмирал, – куда же еще могут послать лейтенанта?!

Тут уж дружно захохотали все офицеры...

Через двое суток в мое распоряжение прибыли три молодых фельдшера: Крайков, Матин и Суменков. Несмотря на острую

дефицитность специальности и неудовольствие начальника медицинской службы флота.

XXX

Время съемки с якоря было выбрано с учетом высокой бдительности японской разведки и неограниченных возможностей “вражеских шпионских “спутников, с интересом следящих за всеми эволюциями нашего героического флота в темное время суток. Плюс режим полного радиомолчания. Это давало возможность аж на шесть и более часов отодвинуть для врага тайну выхода крейсера на выполнение боевой задачи. Темной и пасмурной, туманной ночью всплакнувшие жены проводили своих подвыпивших мужей на катер, увозивший (в который раз!) отцов семейств в туманную неизвестность. В 00.00, всосав в себя якорь-цепи и вспенив воду винтами, дрожь которых передалась всему корпусу, крейсер взял курс в далекий Индийский океан. Отныне бег времени и сама жизнь были втиснуты в суровую размеренность походных вахт и дежурств. Все привычно и до боли однообразно.

Глава 39
ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Начальнику медицинской службы предстояло познакомиться поближе с новыми членами коллектива, прибывшими на корабль непосредственно перед выходом в море, по грозному повелению Исакова. Три новых члена, три винтика, три личности. Совсем не много. Но ведь три души, которые, как известно – потемки.

Наиболее колоритной фигурой из трех (в плане психолого-педагогической работы) представлялся матрос Крайков, с которого и начал я изучение личного состава, пригласив подчиненного в каюту “ на ознакомительную беседу”. Среднего роста, брюнет, избыток веса килограммов в десять (в 20 лет!), нетороплив (слишком нетороплив!) в движениях. Крайков, прибыв в каюту, лениво представился новому начальнику.

– Садитесь, Крайков. Мне кажется, вы не в духе.

– А что радоваться, товарищ старший лейтенант?

– Веселиться-то, может, и нечего, но и ходить, повесив нос, оснований нет. Что обозначает ваша татуировка на груди?

На нее я обратил внимание еще в первый день прибытия Крайнова на крейсер: черви вокруг левого соска и знак вопроса над ним.

– Да так ... грехи молодости, – нисколько не смутившись, ответил матрос.

Из беседы выяснилось, что Крайков отчислен с последнего курса медучилища за драку, в которой он нанес тяжкие телесные повреждения товарищу, и тот на длительный срок попал в больницу. Стараниями родителей, дабы уберечь свое чадо от тюремной решетки, Крайков был призван на службу и отправлен на ТОФ. Подальше от органов правосудия. Стало известно также, что новоиспеченный мореман имеет сына в возрасте трех лет, А маме этого дитяти 17 (!).

– Вот это да! Вы что же, Крайков, испортили тринадцатилетнюю?

– И не сели на скамейку?!

– Мне же самому тогда было шестнадцать.

– А как же на это посмотрели ваши родители?

– А никак! Предки, кажется, откупили меня...

– А жениться на ней вы не думаете? Ведь ребенок...

– Я не дурнее паровоза...

— Содержательный ответ. Видите ли, Крайков..., жизнь, в конечном итоге, расставит все на свои места. Кесарю будет

воздано кесарево. Думаю, что в ближайшее время Вы сумеете понять некоторые святые истины. Я помогу Вам в этом, коль уж родители доверили мне Ваше воспитание… на три года.

Было ясно, что никакие, даже самые проникновенные слова о долге и чести. Родине и присяге не проникнут в душу и даже под кожу этого циничного отпрыска класса гомо сапиенс. А воспитать защитника из него – обязанность начальника. Ведь дорогой Леонид Ильич с трибуны съезда заявил: “Армия – школа воспитания”. Фраза лидера, подхваченная многоголосьем идеологического аппарата, начисто отвергала применение мер принудительного воздействия, оставляя в арсенале воспитателя догмы политико-воспитательной работы, несостоятельность и неэффективность которой была ясна и младенцу. Однако, за неимением другого, тот же идеологический аппарат жестоко отстаивал ее непогрешимость, оправдывая свое существование и право на кусок хлеба. С маслом.

Через неделю после выхода из Владивостока врач-стоматолог, старший лейтенант Корнев, сменивший на крейсере своего коллегу Холодова, пришел к начальнику с жалобой на Крайкова, не желающего выполнять свои не столь уж сложные обязанности.

– Самое печальное, Петр Иванович, – возмущенно говорил расстроенный эскулап, – что на все мои требования Крайков с ухмылкой заявляет: “А что мне работать, коль здесь не платят!”

– Ладно, подумаем, что делать. Так как Вы, Анатолий Васильевич, тоже на флоте без году неделя, то и вам будет полезно освоить азы военно-морской педагогики. Беру на себя вашего бездельника. А ВЫ учитесь!…

Мне было ясно, что традиционные выговоры и нудные нравоучения Крайкова не проймут. Нужно было изобретать что-либо посильней. И доктор отправился за помощью к механику.

Изложив суть вопроса, док был понят и помощь со стороны “деда” была обещана. За “валюту”, конечно. “Ковать железо” приступили, не отходя от кассы. В каюту командира БЧ-5 были вызваны старшины котлов и вахтенные механики, несущие ходовую вахту. Смысл полученного ими инструктажа состоял в следующем.

Необходимо из разгильдяя сделать человека, применив к нему благородные меры воспитания тяжким матросским трудом, однако, не нарушая при этом технику безопасности. Дать лишь возможность воспитуемому реализовать свое почетное конституционное право на труд на самых трудных и, следовательно, почетных участках трудового фронта. “Какой русский не любит быстрой езды? Какой корабельный труженик-механик откажется от лишних рабочих рук?” Ясность задачи

подтвердили все. Единодушно и дружно.

Я вызвал к себе Крайкова. Четко усвоивший за две недели нахождения на корабле, что система воспитания, принятая в ВМФ СССР гарантирует его от шлифовки линьками на баке, матрос развязно-вызывающе стоял перед начальником, переминаясь с ноги на ногу, и заложив руки, которые требовалось держать вдоль туловища, за спину. Словно не замечая нарушения порядка, я пригласил матроса садиться и дружески спросил:

– Как служба, нравится? В коллективе не обижают?

– Нормально.

– Это хорошо. А как вы считаете, где легче служить – в БЧ-5 или в МС?

– Конечно, в МС! Какие могут быть сравнения?

– Но ведь и там не платят!? А ребята отменно несут вахты и при температуре 50 – 60 градусов в котлах, при этом не требуя платы.

– Козлов везде хватает…

Еле сдержав себя, я спокойно продолжал:

– Вы, конечно, козлом себя не считаете? Ясно. Но, надеюсь, вы не настолько козел, чтобы отказаться помочь этим, по вашему выражению, козлам в течение десяти суток? Заодно изучите устройство корабля, что должен знать каждый матрос.

– Можно, если вы так хотите.

– Да, я так хочу. С завтрашнего дня вы поступаете в распоряжение вахтенных механиков. Идите.

– Есть.

Воспитательный процесс начался. Кратко изложив распорядок дня воспитуемого, получаем такую картину.

6.00. Подъем, зарядка, завтрак. В котел. Работа. Умывание. Обед. Вместо адмиральского часа – котел. Умывание, ужин. Котел. Вечерний чай. Вместо личного времени – котел. Умывание. Отбой. 23.00.

Что такое “котел” в ВМФ знает любой, послуживший на паротурбинных кораблях: это занятие тяжелой атлетикой в сауне с периодическим приемом мазутного душа при нырянии в колодцы для отстоя льяльных вод с целью очистки их (колодцев) от грязи. Человеческая фантазия может изобрести в дополнение к этому все, что угодно. А ведь фантазия моряков богата.

На седьмые сутки дантова ада Крайков прибыл в каюту НМС и со слезами на глазах держал краткую эмоционально-окрашенную в черный цвет речь. Весил при этом он на двенадцать килограммов меньше, ноги в коленях дрожали.

– Товарищ старший лейтенант! Я все понял, буду служить… Эх, на как я буду служить!

– Вы, Крайков, поняли еще далеко не все. В этом я убежден. Однако, если поняли хотя бы немного, то польза, несомненно, есть. И все же, несмотря на то, что работать вам в БЧ-5 тяжело, оставшиеся трое суток от назначенных вам десяти, вы отработаете. И заметьте, я не объявляю вам наказания. Вы просто помогаете товарищам. Своим товарищам, а не козлам. Идите.

Крайков ушел, а я попросил механика умерить пыл своих педагогов. Было это выполнено или нет, но нерадивость молодого матроса излечена была радикально. Вопросов о низких ставках заработной платы более не возникало.

XXX

Через несколько дней утром в амбулатории я завел разговор о проблемах, связанных для моряков, для военных моряков, подчеркнем, с получением почты. Длительное отсутствие вестей из дома здорово действует на нервы. Мозг непроизвольно рисует безобразные сцены измен, ужасы болезней своих близких и тайные происки агентов империалистических разведок, направленные на подрыв семейных устоев и личного благополучия несчастного скитальца морей. Эти невольные сюрреалистические картины не способствуют повышению боевой готовности корабля и часто приводят к нервно-психическим срывам военморов, оскорбляя, незаслуженно в подавляющем большинстве, верно ждущих на берегу боевых подруг. Гражданские моряки, имея на борту одну радиостанцию, имеют возможность ежедневно, если не жаль денег, давать домой и получать из дома телеграммы, звонить по радиотелефону в любую точку Союза. Военные же, имея на борту в пятьдесят раз больше радио – и другой аппаратуры связи, подобной жизненно необходимой возможности лишены. Точка в мировом океане, где находится в данный момент военмор, является секретом. Жены и матери должны быть лишены возможности запеленговать координаты своих мужей и сыновей, а последние, в свою очередь, должны стойко переносить несуразности инструкций по связи, изданных в знаменитом 37-ом году, увеличивая количество тягот и лишений, определенных присягой. Глупость, нелепость и равнодушие к человеку, порожденные шпиономанией, сочетаются с нежеланием работать у чиновников политуправлений и КГБ, громогласно заявляющих о желании упрочить семьи офицеров и поцеловать любого загрустившего по дому моряка прямо в сахарные уста. И к тому же, взасос.

Кают-компания, месяц не получавшая писем, наполняется

воспоминаниями о земле, женах и детях. Рассказы и выдумки, проникнутые нежной грустью, – четкий барометр нерасторопности почтовых ведомств, или слишком высокой политической бдительности, окружающей проверенных соответствующими органами военных моряков и их жен.

– Вы, Крайков, написали письмо матери? – спросил я. – Ведь с прибытием на место будет возможность отправить почту домой.

– Никак нет, – бодро ответил вышколенный в котлах, подтянутый и чистенький моряк.

– А вот это нехорошо. Мать ведь волнуется за единственного сына, ждет весточки. Матерей надо уважать и любить. Согласны?

– Так точно.

– Хорошо. В 23.00 покажете мне написанное домой письмо.

– Есть.

В 23.00, получив доклад от дежурного по медицинской службе о проведенном отбое личного состава, я вызвал в каюту Крайнова.

– Вы написали письмо?

– Никак нет.

– Идите пишите. По готовности покажете мне.

– Разрешите завтра это сделать?

– Нет, дорогой. Приказания надо выполнять беспрекословно, точно и в срок.

Через полчаса страничка письма, измазанная остатками обеда, была представлена начальнику. Не читая текст, разбуженный начмед прочел своему подчиненному небольшое нравоучение.

– Неаккуратность оформления вашего краткого послания, Крайков, свидетельствует, во-первых, о непочтении к своей собственной матери, а, во-вторых, о неуважении к военно-морскому флагу, чистота которого будет замарана вот этим жирным пятном на листе бумаги, который вы хотите отправить домой. Но я вам этого не позволю. Письмо должно быть написано на четырех листах, аккуратным почерком и без помарок. Будить меня разрешаю в любой момент, как только письмо будет готово. Все ясно?

Сверкнув побелевшими от бешенства глазами, матрос удалился. Задача ему была поставлена почти непосильная. Однако, привив матросу “любовь к службе” с помощью механиков, я решил прививать почтение к родителям своими собственными методами. Злополучное письмо, рождаемое в течение трех ночей подряд, не дающее возможности матросу, занятому от подъема до отбоя, элементарно выспаться, было, наконец, одобрено, запечатано в конверт и готово к отправке.

– Вы должны понять, Крайков, что любой моряк не имеет морального права называть родителей предками. Они родили и вырастили вас здоровым, чему лучшим подтверждением является то, что находитесь на корабле. Следовательно, кроме благодарности и любви к ним, вы ничего испытывать не должны. Разве что нежность еще. И таким вот способом, который вам явно не по душе, я решил напомнить об этом. Отныне еженедельно, по пятницам, я должен видеть точно такое же письмо, написанное вами родителям. Надеюсь вы согласитесь, что во всяком деле нужна система? А теперь разрешаю вам сутки спать. Передайте мое распоряжение дежурному. Идите.

– Есть.

Глава 40
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Через двадцать суток перехода, однообразие которых прерывалось лишь яркими красками восходов и закатов, крейсер прибыл в точку рандеву с кораблем управления эскадры. Двадцатое декабря, Яркое ласковое солнышко и буйная зелень острова Сокотра никак не напоминали предновогодние очереди в магазинах холодного декабрьского Владивостока, где, иссеченные снежными вихрями, ждали праздника и своих родных оставленные семьи моряков.

Перед экипажем на юте выступил с краткой речью командир. – Товарищи суворовцы! Я поздравляю вас с успешным завершением перехода. Как-никак мы пересекли два океана. Объявляю благодарность л/с БЧ-5, не допустившему поломок материальной части, и личному составу медицинской службы. Пять полостных операций в корабельных условиях – это не мало. Весь экипаж проявил себя достойно. Спасибо. Наша задача – предъявить корабль флагману и офицерам штаба эскадры к смотру, показать товар лицом. Отныне на ближайшие полгода мы поступаем в полное распоряжение местных властей. Докажем, на что мы способны. Благодарю за службу!

– Служим Советскому Союзу! – дружно разнеслось над акваторией Индийского океана.

Флагманский корабль эскадры, лесовоз ледового типа, построенный в начале пятидесятых годов, в пяти кабельтовых угрожал могучему крейсеру своей округлой, высоко задранной кормой и адмиральскими погонами дислоцировавшегося на нем заместителя командира эскадры Семенова, слухи о самоуправстве которого достигли ушей моряков еще во Владивостоке. Не успел командир крейсера закончить речь, сообщив, что “за такие морские прогулки люди платят большие деньги, а нас сюда бесплатно привезли”, как семафором лесовоз потребовал крейсерский командирский катер к своему борту. За адмиралом и группой офицеров штаба. Легкая океанская зыбь раскачивала крейсер бортовой качкой градусов до десяти. И в обычных условиях спуск плавсредств на воду представляет собой довольно сложное и опасное мероприятие, а на волне – тем более. Командир, оценив обстановку, приказал спустить рабочий баркас, т.к. тот примерно в два раза легче катера и управиться с ним при спуске проще. Да и на волне он устойчивее. Однако, командир, заботясь о безопасности людей, совершил непростительную для

моряка его уровня ошибку: к подъезду начальства должен подаваться лучший экипаж. Парадный. Меры последовали незамедлительно: вахтенный офицер крейсера моментально был снят с вахты, баркас отправлен к борту крейсера, командирский катер спущен на воду и, вздымая пенный бурун, понесся к лесовозу. Баркас-труженик поднят на борт. Публично высеченный командир, разумное решение которого одобрено не было, матерился в кругу офицеров и рассказывал сказки и были из практики эксплуатации корабельных плавсредств, неразумное использование которых часто приводило к ЧП, чем оправдывал возникшую неловкость.

Экипаж построен по большому сбору для встречи начальника. Начальник, невысокого роста, коренастый контр-адмирал, встречен, обласкан и уведен в каюту командира, где и состоялась первая порка, устроенная адмиралом неуместно самостоятельному моряку.

Но в данный момент офицеров корабля меньше всего интересовали адмиральские страсти. Вместе с начальником на борт крейсера прибыли флагманские специалисты, столь же грозные и неприступные, как и сам начальник. От результатов их работы по проверке готовности крейсера к выполнению боевых задач, от того, что будет доложено адмиралу при разборе итогов этой проверки, зависело, кому из корабелов суждено будет испытать удары линьками. А посему, виляя хвостами, одновременно их поджав, командиры боевых частей и начальники служб подчеркнуто радостными голосами приветствовали своих коллег чином повыше, выражая готовность разбиться в пыль, выполняя все распоряжения заведомо умного флагманского специалиста.

Проверять медицинскую службу прибыл знакомый уже нам майор медицинской службы Данилов. Увидев меня, он радостно заулыбался.

– Здорово, моя голубоглазая радость! Рад видеть тебя снова, как дела? Семья? Настроение?

С таким же выражением радости на лице я вежливо отвечал на вопросы, заранее готовясь к порке. Но этого, к удивлению, не произошло. От проверки службы флагман отказался, мотивируя свое решение очень просто:

– Ну ее на хер, твою службу. Наосто...чертело все в конец. Видеть не могу это железо. Тебе морячить, ты и отдувайся. А я ухожу. Уже приказ подписан. Буду морпехов лечить. Лучше налей по пять капель.

Что и было исполнено незамедлительно.

На разборе проверки, состоявшемся в ККОС, флагманские

специалисты все, как один, дружно подтвердили верную позицию адмирала, заявившего, что “корабль совершенно не отработан, личный состав неподготовлен, партийно-политическая работа хотя и организована в соответствии с требованиями руководящих документов, однако, совершенно неэффективна". Оценка – “неудовлетворительно”. Кораблю объявлен “организационный период сроком на десять суток”. Все. Флажки убыли на лесовоз, унося трофеи в раздутых зеленых холщовых сумках, предназначенных для переноски секретных документов.

Глава 41
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Приближался новый, 1981 год. Вдали от родных и Родины. Яркое тропическое солнце, лазурное море вокруг и слепяще белый песок недалекого берега острова Сокотра, напрочь отметали мысли о новогоднем (в привычном для нас понимании) празднике с его веселой елкой, сугробами и морозом. Однако, шампанское и коньяк, припрятанные в аптечном сейфе, привычно дожидались своего часа. В кубрике рядом с медотсеком военный дирижер Михайлов истязал личный состав оркестра: готовилась новогодняя праздничная программа. Гром барабана и вопли духовых инструментов истязали нервы обитателей камбузной палубы. К вечеру 31 декабря – главный боцман старший мичман Драгун – извлек из недр рефкамеры и установил на юте елку, привезенную из Союза. Украшенная гирляндами из цветной бумаги, она весело захлопала ветками, обдуваемая знойным тропическим ветром. Дежурная смена под руководством того же боцмана вынесла из кубриков и установила на юте столы и баночки. К 23.30 столы были празднично накрыты. Лица некоторых из членов экипажа были более красны и распарены, чем могло их раскрасить тропическое солнце. Глаза масляно блестели. Тут и там возникали излишне эмоциональные диалоги. В 00.00 командир поздравил всех своих боевых товарищей с Новым годом, пожелал крепкого здоровья и удач в БП и ПП. После чего начался праздничный концерт, в котором, кроме оркестра, приняли участие все желающие. В перерывах между номерами офицеры группками и поодиночке покидали праздничную арену для того, чтобы поздравить друг друга в каютах. Но, чтобы не быть заподозренными замом в грехе возлияния, возвращались обратно на ют еще более раскрасневшиеся и возбужденные, чем достигали обратного эффекта. Несмотря на это, наказание никому не грозило, т.к. отпущение грехов гарантировалось массовостью явления их. Зам предпочел действовать по здоровому флотскому принципу: если пьянку невозможно предупредить возглавь ее и преврати в мероприятие. К четырем утра концерт был закончен. Усталые моряки отправились отдыхать в кубрики, за чем бдительно проследила дежурная смена. Празднование Нового года продолжалось в каютах. За закрытыми дверьми.

Печально, конечно, что красивые традиции Русского флота, когда офицеры все праздники встречали в торжественной и

дружной кают-компании, превратились в обычную пьянку в закрытых на замок каютах. Обстановка всеобщей подозрительности, боязнь быть схваченным за руку, поднимающую бокал, разобщает офицеров, воспитывает в них неуверенность и изворотливую нечестность. Даже пьяный в стельку офицер или мичман, стоя перед начальником, будет с пеной у рта доказывать, что последнюю рюмку спиртного он выпил в прошлогоднем отпуске. Боязнь партийной ответственности превращает зрелого мужчину в нашкодившего, виляющего хвостом младенца. Стыдно. Однако, никакие меры дисциплинарного и партийного воздействия не могут искоренить живущего в русском человеке желания “помыть руки” перед обедом, снять стресс после напряженного трудового дня, или же просто отметить праздник или торжественную дату. Это прекрасно понимают все категории начальников и воспитателей из политорганов, но никто из них не скажет об этом вслух. В годовых отчетах по воинской дисциплине едва ли наберется десять “ грубых проступков, связанных с употреблением спиртных напитков” на тысячу человек личного состава, хотя в действительности их можно насчитать никак не менее тысячи. Липа на флоте цветет исключительно пышным цветом, не избавляя флот от простуды и кашля. Так надо. Для спокойствия начальства и карьеры подчиненных. Да и начальственной карьеры тоже.

XXX

Жизнь протекала с размеренностью хорошо отлаженного часового механизма. Светлые пятна в ней, вроде организованного купания и отдыха на девственно-чистых великолепных пляжах острова Сокотра, выпадали не чаще одного раза в неделю. Старший помощник В.Г. Халевин, “вздрюченный” начальником штаба эскадры, “дрючил” офицеров, отрабатывая боевую подготовку и сыплющиеся, как из рога изобилия, вводные. Политическая подготовка, Которой руководил заместитель по ПЧ, была “организована в соответствии с требованиями руководящих документов”. Проводить политические занятия – довольно сложная наука, освоить которую за двадцать пять лет службы удается не всем, несмотря на массу методической литературы, издаваемой ГПУ СА и ВМФ. Не помогает и научно-практические конференции, сборы руководителей групп политзанятий, методические занятия и семинары. Бестолков человек на ниве политпросвещения рабочих и крестьян, одетых в матросские

робы! Тематика занятий определяется специальной инструкцией-брошюрой, присылаемой из Москвы. Несмотря на то, что в ее разработке принимает участие ВПА, ГПУ и ряд докторов наук, в числе наиболее глубоких тем из года в год рекомендуются три: 1. Дружба и войсковое товарищество. 2. В.И.Ленин, ЦК КПСС об агрессивной сущности империализма. 3. Забота КПСС и Советского правительства о ВС СССР. В течение года руководители групп ПЗ осваивают все темы в совершенстве, пишут по ним рефераты и план-конспекты. Свои знания несут в массы, которые активно сопротивляются усвоению предлагаемого материала. В неравной борьбе руководителя с массами побеждает руководитель, т.к. к итоговому ПЗ все слушатели группы имеют конспекты по всем изученным темам. Наличие конспекта не гарантирует наличие знаний. Однако, это и не обязательно. Методика оценки политической подготовки учитывает пробелы в знаниях и пролетарское происхождение матроса, гарантируя ему положительную оценку за период обучения и за год.

На крейсере “А. Суворов” ниву политподготовки пахал пропагандист Животов. Регулярно по четвергам он собирал офицеров в ККОС на “инструктаж руководителей групп ПЗ”. Сделав серьезное лицо, он многозначительно изрекал:

– Товарищи. Тема следующего политзанятия такая-то. Ну, что мне вас инструктировать? Сами, бля, умные. Тема изложена в КВС №... стр... Конспекты темы предъявите заму. Все. Разойдись, бля.

Разойдясь, офицеры брали указанный пропагандистом номер журнала КВС, вызывали к себе в каюту матроса с приличным почерком и, указав страницы, отправляли его готовить никому не нужный план-конспект. К субботе нужные статьи из КВС были всегда готовы, что и утверждал большой зам. За качественный инструктаж и большую проделанную работу по подготовке ПЗ на корабле пропагандист получает очередную благодарность.

Повторяемый из года в год, из месяца в месяц, из недели в неделю ритуал подготовки к занятиям и однообразие рекомендуемых тем, вызывает у лейтенантов легкое раздражение, а у старших лейтенантов, не говоря уже о старших офицерах, – тошноту. А посему, защищая свою нервную систему от стрессового воздействия описанных приемов педагогики, каждый вырабатывает свою систему преподавания.

Я, как мы помним, был уже старшим лейтенантом. Следовательно, имел свой опыт и свою систему. Приказом командира корабля мне было вменено в обязанность насыщать политическими знаниями рядовой состав служб и команд: боцкоманды, клубной команды и медслужбы, оркестра и

типографии. Сложная группа. Ведь указанные подразделения комплектуются из наиболее подготовленных и развитых матросов, способных прочитать и усвоить материал, изложенный в КВС. К ним на занятие не придешь с голым конспектом, хотя этого было бы вполне достаточно... В соответствии с программой подготовки. Отлично зная уровень политической зрелости своих подопечных, я на весь период похода заключил с коллективом группы договор, смысл которого сводился к ... лишь бы конспекты были, а занятия сами по себе не самоцель.

Собрав по команде слушателей на занятие в библиотеке (место, определенное для данной группы приказом командира), я обычно проверял наличие конспектов по предыдущей теме, объявлял тему очередную, интересовался здоровьем, рассказывал анекдот и закруглял занятие фразой:

– Если зам будет обходить корабль и посетит при этом библиотеку, – мы занимались на баке. Если не посетит – занимались здесь. Вопросы? Нет. По шхерам!

Довольные своим педагогом, слушатели мгновенно испарялись. Я же, закрывшись в каюте, полдня занимался своими служебными бумагами. Без помех.

Однако, два раза в год, несмотря ни на какие системы и методики, обучаемые должны предъявить свои знания “проверяющим” из политических отделов на так называемых итоговых политических занятиях, за период обучения. Важнейший и ответственнейший момент в службе офицера.

Я решал проблему следующим образом...

За неделю до ИПЗ назначалась репетиция спектакля, распределялись роли. Личный состав клубной команды, владеющий кистью и чертежным пером, обязан был готовить декорации, именуемые на флоте наглядной агитацией, работники типографии готовили и заранее набирали статью в корабельную газету о выдающихся успехах и “глубоких знаниях слушателей”. Музыканты репетировали гимн. Все мыслимые и немыслимые вопросы, могущие возникнуть на занятии, распределялись между конкретными людьми, что самым тщательным образом фиксировалось руководителем. Ответы на “могущие возникнуть” вопросы репетировались здесь же. Проверялось наличие конспектов, лекций и первоисточников.

Все. Группа к итоговым политзанятиям готова. О чем и следовал доклад большому заму.

В назначенный день премьера спектакля, как всегда, имела потрясающий успех. Приказом командира группа объявлена отличной. Руководитель группы, старший лейтенант медицинской службы Иванов, объявлен отличником БП и ПП.

Финиш. До следующей проверки.

Глава 42 ОСОБИСТЫ

На рейд острова, избороздив воды Атлантического и Индийского океанов, прибыл избитый, весь в шрамах свинцового сурика на теле хищник СКР “Рьяный”. Старший помощник “Рьяного”, прихватив с собой снабженца (авось, чего перепадет), нанес визит старшему помощнику крейсера. Последний, руководствуясь законами флотского гостеприимства, организовал в своей каюте легкий завтрак для гостя. Снабженец же, не будучи допущенным к трапезе (субординация), отправился на свободную охоту. Звериные тропы крейсерских лабиринтов привели его в каюту НМС, благо, офицеры были знакомы еще с “Пожарского”. Руководствуясь теми же законами, что и старпом, я организовал легкий завтрак для товарища в своей каюте. Из холодильника была извлечена колбаса, свежие помидоры, бананы. Из аптеки затребовано “пять капель” и флакон пятипроцентного раствора глюкозы для разведения капель. В мирной беседе, теплой дружеской атмосфере протекали минуты и часы неофициального приема. К моменту, когда визитеры должны были на катере убыть на свой корабль, я с удивлением отметил, что гость выполнить указанную эволюцию не в состоянии. Коварные тропики выкидывают иногда подобные шутки с организмами, адаптированными к дозам умеренных широт. Надо было что-то предпринимать для спасения репутации и карьеры товарища. Я набрал номер телефона старшего помощника.

– Слушаю, старпом.

— Владимир Георгиевич, СПК “Рьяного” еще у вас?

– Да, но собирается уходить.

– Передайте ему, пожалуйста, что снабженец уйти не может. Он сидит сейчас в стоматологическом кресле. Работы еще на час-полтора. Спросите “добро” у СПК “Рьяного” остаться снабженцу у нас до утра.

– Добро, – через секунду прозвучало в трубке.

Половина дела была сделана. Но только половина. Необходимо же было сделать “поправку на шестерку”. Это значит, подготовить алиби на случай, если какой-либо “доброжелатель” сумеет разузнать и довести до сведения начальства истинную причину, по которой снабженец не сумел вовремя убыть на свой корабль. Пригласив к себе в каюту стоматолога, старшего лейтенанта Корнева, и указывая на лежащего в коечке гостя, я сказал:

– Тело спит. Тело счастливо. Прошу вас запомнить это тело, и в случае возможного любопытства кого бы то ни было к данной

личности подтвердить, что именно ему, именно сегодня, вы оказывали помощь.

– Будет сделано! – заверил стоматолог.

Таким образом, “поправка на шестерку”, взятая доктором, хоть и не гарантировала, но вселяла надежду, что служебная репутация снабженца не пострадает. В 23 часа проспавшийся гость, хлебнув для восстановления равновесия, ушел спать в каюту крейсерского снабженца Крепкого.

В девять часов утра ко мне прибежал рассыльный вахтенного офицера и сообщил, что меня вызывает к себе на корабль управления командир эскадры. Быстро одевшись, я выбежал на ют к трапу, возле которого качался рабочий баркас. В нем уже сидел Крепкий. Причина вызова к адмиралу немедленно прояснилась: “шестерка” сделала свое гнусное дело. Поднявшись по штормтрапу на высокий борт лесовоза, я и Крепкий постучали в каюту командира эскадры. Представились. В каюте сидел контр-адмирал Хронопуло, известный всему Военно-морскому флоту, как исключительно умный, порядочный человек и толковый командир. Здесь же находились зам. НПО – капитан первого ранга Патрон, по прозванию “Гильза”, и особист.

Пригласив офицеров сесть, поинтересовавшись здоровьем и службой, и получив бодрые, полные оптимизма ответы, адмирал спросил.

– Скажите, доктор, у вас вчера был помощник командира по снабжению с СКР?

— Так точно. Часов в 16 он, заглянув ко мне, спросил, можно ли у нас вылечить зубы? Я направил его в стоматологический кабинет.

– И он действительно лечился?

Моментально почувствовав что-то неладное, я, будучи уверенным, что предупрежденный стоматолог сделает свое дело, однако взял поправку “на дурочку”, и сказал:

– Не знаю, товарищ адмирал. Помощника я вчера не видел после его визита ко мне, а сегодня утром стоматолог еще не успел мне доложить о принятых им накануне больных.

Все очень искренне и правдоподобно.

– А где ночевал помощник?

– У меня в каюте, товарищ адмирал, – четко доложил Крепкий

– Вы не заметили случайно, был ли он пьян?

– Никак нет. Даже запаха не было, – отрапортовал снабженец.

– Доктор, – обратился адмирал ко мне, – почему утром от Вашего гостя несет за версту витаминами?

Каждый на флоте знает, что поливитамины “Гексавит”,

применяемые личным составом вместо фруктов для профилактики цинги, одновременно являются великолепным средством “от запаха”. Однако, это известно и начальству. Поэтому запах витаминов изо рта всегда подозрителен. Демаскирует.

– У нас на корабле, товарищ адмирал, витамины стоят открытыми для всех в амбулатории в неограниченном количестве.

– Ясно. Вызовите ко мне стоматолога с крейсера, – отдал распоряжение оперативному дежурному адмирал.

– А где же сам виновник? – несмело спросил Крепкий.

Улыбнувшись, адмирал сказал:

– Здесь. Только на мои вопросы он отреагировал довольно оригинально... обмороком. И сейчас в амбулатории ему оказывается помощь.

Ну, дела!

Через десять минут в каюту адмирала вошел бледный, как спирохета, стоматолог. Рукой дрожащей, как хвост кутенка, он взял “под козырек” и доложил о своем прибытии, забыв при этом свою собственную фамилию. Я смотрел на своего подчиненного с жалостью, понимая при этом, что операция по спасению чести снабженца провалилась с треском.

– Скажите мне, доктор, – обратился к стоматологу адмирал. – Вы вчера оказывали помощь ПКСу с “Рьяного”?

– Никак нет, – испуганно пролепетал тот.

– Все свободны.

Офицеры дружно шмыгнули в баркас. Сто процентов гарантии дает только страховой полис.

Не успев остыть от только что полученных моральных травм, я был приглашен в каюту корабельного особиста, или, как любят они говорить, работника 00 КГБ по войсковой части... Они не бывают корабельными. Они бывают ... по кораблю. Они элита. Всемогущая элита. Тщательно ищущая оправдание своему существованию, в обезьяньих ужимках хватания за горло своих близких, дающих им деньги для существования. Вещь в себе. Совершенно себя не оправдывающая, но существующая как средство устрашения себе подобных. Каждый – потенциальный шпион. Каждого – на крючок. Авось посадим. Автобиография, анкеты, “крюки под потолком...”

С ехидной ухмылкой преуспевающего бизнесмена особист маленький (по кораблю) сообщил, что доктора вызывает к себе особист большой (по эскадре). На взволнованный вопрос эскулапа, особист маленький изрек:

– Наверное, провинился чем-нибудь.

Я почувствовал себя сотрудником ЦРУ, взятым с поличным.

Большой особист в звании капитана первого ранга (или полковника, или титулярного советника) встретил зажавшего волю в тиски доктора радостной улыбкой. Но…

Бойтесь данайцев, даже дары приносящих. Вежливо поздоровавшись, я сел на диван. Не отказался от кофе. После расспросов о жизни, службе, семье и родственниках последовали вопросы о корабельном коллективе и порядках, царящих на крейсере.

Сжавшись до предела молекулы стокилограммовый врач на все вопросы отвечал кратко: нет, не знаю, не видел, неправда. Особист большой свирепел.

– Я знаю, что вы являетесь средоточием всей заразы на корабле. С вами вместе командир и командиры БЧ. У вас творится вакханалия. Вы… Я знаю, что вам послали представление на досрочное присвоение звания “капитан". У меня имеется свой источник информации… Мы можем…

Любая угроза, от кого бы она ни исходила, действовала на меня в режиме биостимулятора…

– Товарищ капитан первого ранга! Вы можете задержать мне звание, можете все. Но … накажите свой источник информации за необъективность.

Будучи твердо уверенным в объективности источника, особист вежливо попросил доктора исчезнуть. После просьбы, едва касаясь ногами штормтрапа, измученный эскулап ласточкой слетел в баркас.

Немедленно по прибытии на крейсер, я пригласил в каюту командиров БЧ.

– Нас предали, товарищи. Мы в жопе.

И рассказал все об особисте большом и особисте маленьком. “Маленького” дружно осудили.

Глава 43
СИТУАЦИЯ

Почту доставил танкер “Ленинское знамя”. Запершись в каютах, моряки поглощали новости двухмесячной давности. Никто из читателей (не моряков) не поймет, что означает письмо от любимой. В море. Не поймет даже тот, кто “чувствует себя мужественным на улице... в плаще... в дождь...” (М. Жванецкий). Поэтому, и исходить сп…ой здесь не буду. Это свято – письма. Но ни с первой, ни со второй почтой командир писем не получил. Что это означает? Ответ на этот вопрос не даст ни один в мире моряк. И не надо.

Командиры кораблей в минуты печали всегда идут к доктору, хотя в минуты триумфа всегда о них забывают. Отпустим этот грех, т.к командиры – порождение нашей, выпестованной партией системы.Хочется сказать словами пропагандиста бля... системы. Командир корабля в горе своем находил отдушину в каюте НМС. Организация “отдушины” лежала на плечах врача. Утром он вызывал к себе лучшего корабельного кока, Акопяна и заказывал ему лучшие армянские блюда. К вечеру (по-военному в 22.00) они должны быть готовы. В 23.00 ежедневно в каюту доктора входил командир. “На перекур”. Вместо сигарет, которых у командира никогда не было, врач, памятуя присягу врача Советского Союза, предлагал командиру стол, сервированный Акопяном и... дары аптеки. Выпив первую чашку “бульона”, командир приступал к повествованиям о... О чем только он не повествовал. Даже принцесса с острова Гуам побывала в его постели, но... коварный посол СССР помешал размножению рода моряков Сергеевых. С каждым днем истории приобретали все более фантастический вид. Рот слушателя от медицины раскрывался все реже. И, наконец, челюсти начало сводить судорогой. Даже вдохновенное вранье приедается, как политзанятия. Несмотря на большое разнообразие тем.

Однажды истории затянулись до пяти часов утра . Я “клевал носом”, делая тонкие намеки оратору о том, что “пора и честь знать”. Настолько тонкие, что они становились прозрачными. Но... Наконец в шесть ноль ноль, я доставил командира в каюту и сам блаженно растянулся на коечке. Но... В 7.00 по корабельной трансляции разнесся голос командира:

– Еврей, бля...и мать... Стрелять... НМС прибыть в каюту командира. Мать и бля...

Будто выброшенный из пращи, в одних трусах я влетел в

кают командира. Тот, держась за переборку, заплетающимся языком изрек. – Док, меня вызывает адмирал. Дай мне что-нибудь от запаха;

– Какой “запах”? Вы посмотрите на себя в зеркало! – воскликнул док.

Командир отнесся с пониманием к восклицанию доктора.

– Что ты предлагаешь, док ?

В данной ситуации неприбытие командира по вызову старшего морского начальника могло повлечь непредсказуемые последствия на командира. Вплоть до снятия с должности. К тому же причина в нашем случае была никак не уважительной. Это прекрасно понимали оба.

– Только сложная травма может оправдать вас, – решительно выпалил начмед.

– Уж не хочешь ли ты набить мне морду? – уставился недоуменно на него командир.

– Нет. Положитесь на меня.

Как мы уже знаем, док принимал решения мгновенно. Он подошел к телефону, набрал номер амбулатории и, услышав ответ дежурного, отдал распоряжение: – Немедленно принесите в каюту командира три гипсовых бинта.

Через минуту в каюту влетел терапевт, держа в руках указанное медимущество. Его озабоченный вид указывал на то, что здоровье командира ему далеко не безразлично.

– Владимир Николаевич, – обратился я к коллеге, – сейчас вы пойдете в рентген-кабинет, найдете там снимок с травмой коленного сустава, аккуратно обрежете его и нанесете колларголом фамилию командира и дату травмы… сегодня… в 6.00. Все ясно?

Терапевт все понял. Улыбнулся. Ушел.

Я быстро наложил гипсовую повязку на правую ногу командира, уложил “больного” в постель и объяснил ему суть предпринятого маневра. Последнее можно было и не делать, т.к “больной” все прекрасно понял и сам. А поняв меня, мгновенно уснул, или, как говорят на флоте, “вырубился”.

Проверив наличие рентгеновского снимка, записав случай “травмы” в амбулаторный журнал, я поднялся на ГКП и доложил о ЧП оперативному дежурному. А через пять минут эскулапа “драл” лично командир эскадры “за несвоевременный доклад о случившемся”.

Перефразировав известное выражение Энгельса (или Маркса) “все подвергай сомнению", опытный флотоводец любил повторять: “Все врут!”. А посему прислал на крейсер флагманского врача для проверки объективности доклада

корабельного эскулапа.

Встретив “старшего начальника”, я, напустив на себя самый серьезный вид, продемонстрировал проверяющему R снимок, на котором четко виднелся “закрытый перелом головки правой большеберцовой кости с незначительным смещением отломков”, показал положенные записи в медицинских документах, однако, начальника удовлетворил этим не полностью. Флагман выразил желание взглянуть на больного лично. И, несмотря на мои жалкие протесты, прибыл в каюту командира. Могучий храп раздавался из спальни, что свидетельствовало о хорошо проведенном обезболивании. Однако, запах выбранного мной обезболивающего средства, наполнявший каюту … Не “Шанель № 5”…

На вопросительный взгляд флагмана док, вильнув хвостом, ответил:

– Грешен. Налил пять капель.

– Пусть будет это на твоей совести, товарищ старший лейтенант

И уехал. И не “вложил”. И все понял.

К вечеру больной проснулся. Потирая виски и удивленно глядя на свою загипсованную ногу, единоначальник только и сумел пробормотать:

– Шел… поскользнулся… упал… Проснулся…. гипс.

Прибыв по вызову командира, доктор подробно “восстановил” ход событий.

– Спасибо, док! Я этого никогда не забуду. Ну, а сейчас – снимай ее к едрене Фене, – отдал команду “больной”, указав на повязку.

– Дело в том, командир, что при подобных травмах гипс необходимо носить не менее месяца. Учитывая Ваш богатырский организм, сократим срок до двух недель, – невозмутимо заметил врач.

– Все ясно. Иди, док.

Экипаж корабля в течение двух недель имел удовольствие слушать историю о том, как на качке, сорвавшись с трапа, неимоверным напряжением могущих бицепсов командир сам себя спас от неминуемой гибели. От гибели и травм на флоте никто не застрахован.

Глава 44
ФЛОТСКИЕ БАЙКИ

Крейсер получил распоряжение быть готовым к съемке с якоря для следования в дружественную страну “третьего мира” – Мозамбик. Порт Мапуту. Нюанс: на крейсере должен был следовать командир эскадры, сотоварищи: зам НПО “Гильза”, НОО КГБ, эскадренный снабженческий мичман Серов и флагманский артиллерист. Подобные нюансы и товарищи на кораблях ВМФ высоко не котируются. Нюансы означают повышенное нервное напряжение экипажа на все время наличия их. Хотя любому кораблю очень лестно стать флагманом. Нюансы, как видим, почетны. Хуже дело обстоит с “товарищами”. Оправдывая свое существование и демонстрируя пыл служебного рвения перед командиром эскадры, “товарищи” будут ежедневно “выявлять массу безобразий, творящихся на корабле”, и докладывать об этом адмиралу. А руководящая плеть последнего будет ежедневно терзать тела и души моряков.

Датой выхода был обозначен день грядущий. А день сегодняшний мог быть использован для отдыха и “снятия стрессов” офицерами корабля. После отбоя. Командиры БЧ, как всегда, расположились в каюте механика, как наиболее просторной и имеющей запасный выход-люк в подпалубное помещение на случай “накрытия” “большим замом”.

Крепкий “чай”, колбаса, “братская могила” и мирная травля. Что может быть лучше для издерганных нервов моряков ?

Очередная быль, поведанная штурманом, свидетельствовала о том, что все мысли собравшихся были далеко от места сбора.

– Как-то летом, – повествовал штурман, – мы с женой приехали отдыхать в Москву. Остановились у родителей. (Родители рассказчика в Москве никогда не жили.) А надо признать, в Москве живет моя первая любовь. До сих пор ее забыть не могу. Пути наши давно разошлись. Она замужем уже второй раз, но, козлу понятно, любит только меня. Домашний телефон ее у меня всегда в кармане. Но, в целях конспирации, под его номером значится Валентин Степанович. Это вместо... Валентина Степановна. Понятно, я позвонил ей и... встреча была назначена.

Но сестра моя, блюдя мою же нравственность, как-то предостерегла жену, чтобы та, находясь в Москве, никуда меня одного не отпускала. И жена “сделала стойку”. Таким образом, я оказался на поводке. Казалось, что все планы рухнули. Но как-то

в субботу супружница затеяла экскурсию по Москве. Взяв дочку, мы смотались на ВДНХ, Третьяковку, погуляли по Кремлю. Никто уже ног под собой не чуял. По пути домой, в метро, я заявил жене, что мне надо заехать к Федору Ивановичу и предложил заехать вместе. Однако, жена решительно отказалась, отпустив меня одного. Пообещал прийти часа через два...

Войдя в квартиру подруги, я понял, что не уйду отсюда до утра. Проснулся я часов в пять. Валя вызывала такси. Быстро сообразив, что ждет меня через полчаса, говорю подруге:

– Давай какие-нибудь таблетки!

– Плохо, что-ли ?

– Да нет. Так надо.

Сунув таблетки в карман, уехал. Приезжаю домой. Отец, скорчив рожу, ехидно вопрошает:

– Ну, молодец, как гульнул ?

– Нормально.

Смотрю, на кухне сидит жена. Не спит, курит. Рожа... Не дай бог!

– Ну и где же ты таскался, кобель ?

– У Федора Ивановича... Отравился салатом. Только вчера уходить собрался, как вдруг почувствовал дикую тошноту. Всю ночь полоскало. Каких-то таблеток наглотался.

И показываю. Кажется, немного поверила:

– Тебе, – говорит, – надо желудок промыть. И наливает трехлитровую банку марганцовки. Я – в ванную. Надеюсь это пойло вылить, жена за мной. Пью. Выпил. В туалет. Закрылся. Сижу на унитазе и засыпаю. А сам издаю звуки, будто меня рвет пополам. И какой музыкой для меня прозвучало заключение жены:

– Ты, поганец, не салатом, а водкой отравился!

Оценили находчивость штурмана. Хотя история эта и не существовала в природе, однако, она была выдержана в классическом военно-морском стиле: находчивый военмор, старая верная любовь, обманутая простодушно-строгая жена... А может, эти истории служат подсознательной защитой от вечных сомнений моряков в верности своих нареченных? Попыткой оправдать возможную неверность жен изображением своих недоступных похождений?

Штурман, получив одобрение, предложил “хлебнуть кваску”. Предложение поддержали, после чего к рассказу приступил другой оратор, завладев вниманием аудитории.

– Две недели мы стояли на рейде Шкота. Декабрь. Холод собачий. Системы перемерзли. Воду – только на камбуз. Не моемся, спим в шинелях. На командира волком глядим. Но тут

получаем приказ идти во Владивосток. Приходим. Стали на Голдобин под заправку. Первым делом – звоню подруге. Докладываю о прибытии и прошу добро пришвартоваться. Добро, но с товарищем. Подруга там у нее объявилась. Называет адрес подруги. Значит, муж дома. Карантин. Я помощника с собой взял. Приезжаем. Трехкомнатная, шикарно обставленная квартира. Стол уставлен заграничными напитками. Закусь... во! Французскими духами тянет. Сняли ботинки. А от носков – туши фонарь! Где там Франция ? Смотрю, подруги носы воротят. Однако, причину мы объяснили – две недели без воды все-таки! Потребовали ванну. Когда вымылись, постирали носки, рубашки, ванна стала черной. Одели нас подруги в женские халаты и усадили за стол. Сидим, пьем, а тут... аж челюсти сводит. Не до закусок. А помощник, козел, имел обыкновение хвастать широким кругом своих знакомств. Смотрю, хозяйка насторожилась и продолжает спрашивать пома:

– Того–то знаешь ? А этого ?

Пома понесло. Моргаю ему. Пинаю под столом. Ноль. И то ли хозяйка на мужа наткнулась, то ли на любовника в обширном круге помохиных знакомств, однако, смотрю, – окончательно скисла. Вывел этого болтуна на кухню. Объяснил, что к чему. Пом, свесив свой прыщавый банан, заявил, что он не Дон-Жуан, а алкоголик и... налег на выпивку. Через час вырубился на диване. Хозяйка ушла в свою комнату, а я с подругой в отведенную нам. Часа в два ночи мне стало жаль хозяйку. Несмотря на протесты подруги и ее предложение залить мое желание водкой, я, заявив, что я не алкоголик, а Дон-Жуан, ушел к хозяйке. Утром проснувшись, помоха потребовал водки. Довольная хозяйка удовлетворила его желание. Моя подруга к столу не вышла. Убыли на корабль. По дороге я объяснил пому все, что я о нем думаю.

Через неделю помоха пригласил меня в “Океан”. Исправиться решил и оправдаться. Приехали. Сняли двух теток. Привезли они нас в какую-то контору за городом. Как оказалось, одна из них работала здесь инженером по соцсоревнованию, кабинетов масса, но мебель казенная. Выпили, что с собой принесли. Уединились в соседний кабинет, оставив пома с подругой. Не успел я признаться в любви, как из-за стены раздались крики “вон отсюда “ и хлесткие звуки оплеух. В наш кабинет ворвалась помохина подруга и в непарламентарных выражениях предложила мне удалиться вместе со своим другом. Можно представить мои речи, когда в два часа ночи мы остались под открытым небом. Да еще за городом. В такси, случайно пойманном, пом объяснил причину изгнания просто: расстегнул лифчик и... уснул.

Дружно освистали помощника. Поддержали предложение “промочить горло”, что и сделали.

Приступил к своей “истории” и я. Но так как лимит внимания к похождениям на почве Венеры иссяк, то я начал разработку другой, но имеющей не меньший вес в морских рассказах темы: дружба и войсковое товарищество. Правда, без политического окраса.

– Вы помните Веселовского, пришедшего на корабль вместо Шевельного? – начал я.

– Конечно, – загудели все.

– Жаль парня!

– Хотите узнать истинную причину того, почему он в госпитале, а не с нами на корабле?

– Хотим!

– Давай!

– Не тяни клистир!

– Так вот. Стоим мы на тридцать третьем. Я ночевал на корабле. Своих “докторят” в кабак отправил. Утром, часов в одиннадцать, ко мне прибегает рассыльный и говорит, что на КПП меня вызывает жена и что она сильно расстроена. Плачет. Ясно, что я рыбкой вылетел с корабля. Однако, на КПП стояла не моя жена, а боевая подруга Веселовского. Из ее надрывного бреда я понял, что Игорь в госпитале. Травмы тяжелые плюс алкогольное опьянение. Последнее, сами понимаете, не фонтан: на карьере можно ставить крест. К тому же – политработник. Но... свой. Не “шестерка”. Успокоив жену и доложив о случившемся командиру, я рванул в госпиталь. Страдалец лежал в травматологическом отделении. Черные очки вокруг глаз – возможен перелом основания черепа. Правая рука в гипсе. Перелом обеих костей предплечья. К тому же – открытый. Понимаю, что не до бесед. Заверил страдальца, что будет все о’кей и ушел. В ординаторской взял историю болезни. Диагноз : “Сотрясение головного мозга тяжелой степени. Ушиб мозга? Перелом основания черепа? Открытый оскольчатый перелом обеих костей правого предплечья со значительным смещением отломков. Алкогольное опьянение средней степени”. Что печально. Причины и обстоятельства травмы гораздо романтичней. “ В 1 час 30 минут пытался по дереву забраться в окно общежития медицинского института. С дерева сорвался”. Туши фонарь!

Слушатели одобрили обстоятельства травмы.

– Главное, как вы понимаете, – продолжал доктор, – надо было сделать так, чтобы все скользкие моменты диагноза и обстоятельства были сокрыты от внимания политического

управления и жены. Сделать это далеко не просто, т.к. при поступлении подобных больных из приемного отделения госпиталя уходит телефонограмма в медицинский отдел, ОУС и ПУ флота с подробным изложением причин и следствий. Телефонограммы, естественно, уже ушли. Бог не выдаст – свинья не съест.

Я взял в “приемном” чистый бланк истории болезни и заново ее переписал, убрав из диагноза “алкогольное опьянение”.. Причины травмы изложил так: “ В 1 час 30 минут производил дома покрасочные работы. Упал со стремянки”.

– Кто же ночью потолок красит? С бабой лежать надо!

– Дал маху, док!

– Сам, небось, по ночам только с койки можешь сорваться!?

– Ха… ха… ха… И-го-го…

– Ша, жеребцы! Слушайте. Из госпиталя я поехал в медотдел, и там коллеги мне помогли в “журнале учета телефонограмм” изложить свою версию происшедшего. Только прибыл на корабль – зам к себе требует. Вхожу. Излагаю, не моргнув глазом, всю историю. В личной интерпретации, конечно. Раздался звонок. Звонил член военного совета. Выслушав речь высокого начальства, наш повелитель душ возразил:

– Не совсем так, товарищ ЧВС! Вот передо мной стоит мой НМС. Он только что прибыл из госпиталя. Да! Лично! Он утверждает, что Веселовский пьян не был. Да! И в окно не лез! Дома со стремянки. Есть. Сейчас бегу.

– Ну и заварил ты кашу, док. Идем к ЧВСу. Можешь уже лейтенантом себя считать.

Приходим. ЧВСу излагаю по той же схеме.

– Слушай, лейтенант, – это мне ЧВС, – вот передо мной лежит документ. Он уличает тебя во лжи. Я этого не потерплю!

– Не могу знать! Но я лично смотрел историю болезни.

ЧВС заколебался. Позвонил начальнику госпиталя. Григоренко, затребовав из отделения историю болезни, подтвердил мои слова. Начмед флота, которому позвонил ЧВС, сделал то же самое. В ОУС ЧВС не звонил. Наказали только дежурного по госпиталю врача. За ошибки, допущенные при передаче информации в ПУ. Однако, ЧВС, догадывающийся о сути происходящего, объявил дежурному замечание. Но мой кореш все же в поход не пошел. Не успел. Жена пострадавшего получила информацию из моих уст, где причина травмы выглядела так: “Сбит автомобилем, который с места происшествия скрылся”. Поверить в это ей очень хотелось. И она поверила.

Одобрили действия эскулапа, приняли “на грудь” и разошлись в пять часов утра.

Глава 45
КОРАБЕЛЬНЫЕ БУДНИ

Адмирал с группой офицеров прибыл на корабль в 7.00. Сыграв экстренное приготовление к бою и походу, проверив действия командира по учебной тревоге, боевую слаженность ГКП – БИП, ГКП - ПЭЖ, проинструктировав дежурные расчеты ПВО, вахтенного офицера и вахтенного штурмана, адмирал, наконец, угомонился и убыл в каюту флагмана. Моментально разнесся слух: требовательный, знающий, толковый. Хорошо. Во время оно ЗНПО Патрон тоже не терял времени даром: он беседовал с личным составом. В результате бесед было установлено, что:

– на корабле полно тараканов;

– на корабле полно крыс;

– на корабле матросы, получая хлеб, прижимают его к потным телам по пути в кубрик, а затем... о, ужас! едят;

– на корабле существуют неуставные взаимоотношения;

– на корабле имеют место быть случаи пьянства;

– на корабле имеются недостатки в организации БП, ПП, питания, водоснабжения, быта, мед.обеспечения...

– и т.д.

Ужас! Застрелиться и не жить! Флагарт, как ветеран эскадры, отдыхал в каюте командира ракетно-артиллерийской БЧ. Вернее, тоже беседовал.

Турбины мерно гудели, взвалив свою мощь на лопасти винтов. Возле каюты НМС надрывался в диком грохоте бытовой кондиционер фирмы “Дагдизель”. Или какой-либо другой фирмы с Урала. Но слуховой аппарат доктора водопад децибел уже не воспринимал. Адаптация.

Милю за милей поглощая пространство, крейсер следовал на юг. День за днем жизнь уходила из измученных вахтами, зноем и одиночеством тел военморов. Да! Моряки считают себя одинокими даже в тысячных коллективах – рядом нет близких, любимых, родных Но каждое утро, с неизбежностью менструаций одинокой морячки, ЗНПО “Гильза” на утреннем докладе докладывал:

– На корабле полно тараканов!

Адмирал, взглянув на старшего лейтенанта медслужбы, изрекал указание НМСу и отмечал работу ЗНПО.

Назавтра ЗНПО докладывал, что на корабле полно крыс... Адмирал, взглянув на старшего лейтенанта медслужбы, изрекал указание НМСу и отмечал работу ЗНПО. Назавтра ЗНПО

докладывал…. Адмирал, взглянув на…, изрекал… Сплошная проституция!

Ежедневно получать указания адмирала старшему лейтенанту не очень приятно, тем более, что указания отдавались зачастую в исключительно вежливой форме. На все возмущения эскулапа, которые тот выплескивал в каюте командира, последний советовал молчать или говорить: “есть!” В любой ситуации начальник всегда прав. Обстановка взвинчивала нервы, и без того натянутые до предела. Однако, дни шли за днями, а изменений в серой череде походных будней не предвиделось. И не могло быть. Система.

Еще при стоянке на острове Сокотра хирург крейсера Ситкин В.В. был изъят из дружного коллектива МС, посажен на МТ “Якорь” и отправлен в Персидский залив. Попытки мои воспрепятствовать сему распоряжению флагмана закончились отрицательным результатом. Это значит, что кроме обязанностей НМС, я вынужден был взвалить на себя обязанности врача-хирурга. Естественно, не получив прибавки к зарплате. Сложная эпидемическая обстановка в районе плавания и порту захода (Мапуту), куда направлялся крейсер, требовали от медицинской службы напряжения всех сил и четкой слаженности действий, чтобы не допустить “никакой холеры”, как любил выражаться СПК капитан третьего ранга Халевин.

Огромный объем работы, огромная ответственность и ежедневные вводные, подкидываемые мне заместителем НПО, способствовало накоплению в мозгу доктора отрицательных эмоций, которые – в свою очередь – нарушали баланс и механизм регулирования процессов торможения и возбуждения в коре головного мозга. А подобное не способствует созданию теплого психологического микроклимата в коллективе. (Надо учесть, что и все остальные члены коллектива точно в таком же положении и состоянии). В данной ситуации возможны разного рода конфликты, возникающие по совершенно незначительным поводам, на которые в условиях берега никто и внимания не обратит.

Однажды, только что вымотанный проведенной операцией, мокрый от пота и злой на весь мир и самое себя, я зашел в кают-компанию. Офицеры обедали. Одновременно выясняли нелепый вопрос: кто лучше – доктора или политработники? Четырнадцать инженеров человеческих душ уверяли, что лучше политработники, а остальная часть коллектива утверждала обратное. К согласию прийти было совершенно невозможно, однако, зам, увидев вошедшего доктора, обратился к нему с вопросом:

– Мы знаем, что вы, доктор, коммунист принципиальный. Вот и скажите нам, кто лучше: доктора или политработники?

Не вникнув, как следует, в суть происходящего, я все же рискнул дать рискованный ответ:

– По существу вопрос поставлен неверно. Лучше его сформулировать так: кто нужнее? Отвечаю. Нужнее флоту врачи. Но если вопрос поставлен именно так, то... лучше опять-таки врачи.

Тень, пробежавшая по лицу зама, и шум недовольства за столом политработников не насторожили меня.

– Поясните свою мысль, – требовательно изрек зам.

– На наличие любовницы у военмора врачи смотрят, как на любовь, а не как на партийную распущенность.

Кают-компания разразилась хохотом и аплодисментами. Все, за исключением..., признали, что врачи лучше. Я же за столь откровенную формулировку мыслей автоматически попал в немилость к заму большому и обеспечил недоброжелательное отношение к себе всех замов маленьких. Нужно было ждать неприятностей. Мелких, закулисных, исподтишка. Об этом и сказали своему товарищу командиры боевых частей, собравшиеся вечером в каюте механика за чашкой чая.

С этого дня любые мои высказывания по вопросам нравственности, политики, этики, педагогики, организации службы или жизни земноводных в дельте Амазонки, непонятным образом вдруг начали принимать только политическую окраску. В оценках политаппарата, конечно. К тому же из этих оценок всегда следовал логический вывод:

– Вы, Иванов, неправильно понимаете... даете неверную оценку... незрелый коммунист...

Самым великим криминалом в служебной деятельности эскулапа и символом его политической неблагонадежности считалось, что он никогда в своих выступлениях не ссылался на гениальные мысли лично Леонида Ильича, никогда не заявлял, что хотя бы раз в жизни был “воодушевлен решениями очередного съезда КПСС”. К тому же, однажды в ККОС в какой-то дискуссии высказал крамольную мысль:

– Товарищи! Вот мне ежедневно внушают, что в трудах Л.И.Брежнева “получил дальнейшее развитие марксизм-ленинизм”. Но разве в современном мире есть хотя бы один человек, могущий сравниться по гениальности с Лениным? Разве кто-либо способен “развить” ленинизм?

Не вопрос, а сплошное политическое невежество!

Тучи на “безоблачном” небосклоне служебно-политической сущности доктора приобретали багрово-красные тона. Гроза

должна была разразиться. И это случилось. “Слободка” не могла не сгореть.

Командир вызвал меня к себе и, не предлагая сесть, грустно, как показалось, сказал:

– Мне жаль, док, что твоя прямота и искренность привели к тому, что завтра тебя будут слушать на партийном бюро. Твое персональное дело. И влепят выговор.

– За что?!!

– За твой язык и нетерпимость к существующему сегодня положению вещей. Сила и власть не на твоей стороне. А правда… Не нужна никому твоя правда. Я на партбюро не пойду, хотя и вхожу в его состав. И сделать для тебя, кроме того, что делаю сейчас, ничего не могу. Защищайся сам, если это вообще возможно. Иди.

– Спасибо, командир. Мне все ясно.

– Только на рожон не лезь! Покайся лучше, – позвучало вдогонку ушедшему в расстроенных чувствах офицеру.

После отбоя я закрылся в каюте и приказал дежурному по медицинской службе беспокоить только в случае крайней необходимости. Нарезал лимоны, арбуз, достал бутылку сухого вина, подаренную начальником мед.службы подводной лодки, заварил кофе.

Грустные мысли лезли в голову. Вспомнил, как приказал выбросить из медотсека УК “Бородино” Бесполого, как убрал с крейсера Шевельного, как зло подшучивал над пропагандистом корабля Животовым. Да разве только это?

– Ну почему? – думал я, – я не могу найти общий язык с политработниками? Почему их пламенные и правильные по существу речи на митингах и собраниях вызывают чувство досады и раздражения? Ведь не может же государство платить деньги четырнадцати офицерам одного корабля за работу, которую в царском флоте выполнял один священник, да и то с большей эффективностью? Институт комиссаров отменен за ненадобностью; общеобразовательный уровень личного состава достаточно высок для того, чтобы самостоятельно прочесть газеты; подготовка офицеров позволяет разъяснить матросу каверзы внешней и внутренней политики; ответственность за политическую подготовку подразделений уставами возложена на командиров; за организацию социалистического соревнования отвечает командир; боевую учебу проводят специалисты. Не понимаю, что же делают четырнадцать офицеров-политработников? Для каких целей тратятся государственные деньги? Видно, правильно говорят они, что я “незрелый коммунист”. Но все же, все же… что-то не так.

Выпив бутылку сухого вина, и добавив сто граммов спирта, измученный сам собой, доктор уснул, твердо решив, что завтра он все же “полезет на рожон”.

В 16 часов следующего дня меня пригласили в салон ККОС, где уже собрались члены партийного бюро во главе с секретарем. Здесь же сидел и большой зам. Интересно то, что должность секретаря партбюро выборная. Согласно уставу КПСС. Однако же, никто его не выбирал. Он был назначен приказом свыше, как и все секретари на всех, за редким исключением, кораблях.

Войдя в кают-компанию и оглядев сосредоточенные лица собравшихся, я не к месту улыбнулся, вспомнив анекдот.

В Африке совершил вынужденную посадку самолет. Дикари схватили француза, американца и русского. Вождь поставил пленникам условие:

– Каждый из вас должен назвать мне что-либо такое, чего я не видел или не знаю. Если не сможете – будете съедены.

Первым вышел француз. Назвал. Дикари посоветовались. Съели. То же случилось и с американцем.

– Вождь! Ответь мне, что такое партком? – спросил русский. Дикари долго советовались, но ответа не нашли.

– Ты свободен, русский. Но все же скажи мне, что такое партком?

– Ну это все то же, что и у вас: поймали, пошушукались и... съели.

Секретарь приступил к процедуре приготовления обеда. Долго и нудно, но в деловом стиле и с надрывом убежденности в голосе излагал собравшимся суть преступно-безответственного непонимания доктором идей Леонида Ильича и значения – для дела защиты Отечества – политического аппарата ВМФ, что, естественно, подрывает авторитет славного племени крейсерских комиссаров. Все присутствующие (за исключением механика), наточив ножи и вилки, кивали мудрыми головами и “сочувственно смотрели на заблудшую овцу, носящую на груди партийный билет с профилем Ильича”. Бифштекс для партбюро поджаривался тщательно и со всех сторон, смиренно отдавшись своей судьбе. Молчание виновника принималось, как раскаяние и покаяние. Товарищам по партии осталось только пошушукаться. – Что Вы можете сказать в свое оправдание? – спросил секретарь.

Доктор встал, молча посмотрел на каждого присутствующего и начал с вопроса:

– Я надеюсь, вы ждете от меня правдивого и искреннего ответа. Так?

– Да! Конечно! Коммунист обязан быть искренним!

Механик тревожно посмотрел на своего собрата и

отрицательно покачал головой.

– В воинской присяге я обещал быть честным. Постараюсь. Здесь сидят четыре политработника. Из пяти присутствующих. В выступлении нашего секретаря прозвучала обида на то, что как-то я назвал вас бездельниками. Резко. Возможно, грубо. Но я и здесь подтверждаю свои слова. В авиации политработники летают. В танковых войсках – водят танки. А чем же занимаются они у нас, на кораблях флота? На крейсере? Не перебивайте меня. Так вот, они распределяют квартиры, очереди на детские сады, товары повышенного спроса. При этом в первую очередь не забывают себя. За доставку почты отвечает связист, и в случае, если возникнут какие-либо неувязки с почтой, наказан будет командир дивизиона связи. Но письма морякам вручает почему-то пропагандист. Почему же моряки остаются благодарными за вести с Родины пропагандисту, который не сделал ничего, чтобы их доставить? Несправедливо. Не перебивайте меня! Вот здесь сидит зам командира дивизиона движения. Чем он занят и что делает ежедневно? Беседует с личным составом ДД. Я тоже провожу ежедневно беседы с личным составом. Но только не ДД, а всего корабля. Далее. По графику он читает политические информации. Я тоже нахожусь в том же графике. Читаю. Он пишет план политическо-воспитательной работы на месяц и утверждает его у зама большого. Я делаю то же самое. Он является руководителем группы политзанятий. Я тоже. Но моя группа отличная и лучшая на корабле. Все. На этом его функции кончаются. У меня же на плечах лежит ответственность за здоровье и жизнь всего экипажа. К тому же еще я выполняю как свои обязанности, так и обязанности хирурга. Ну разве я не имею права считать его бездельником? А Животов? Раз в неделю изображает инструктаж руководителей групп, указывая тему и страницы КВС. Тоже бездельник. Давайте возьмем любого из вас, кроме редактора газеты... безделье, самое махровое безделье! Вы меня можете здесь наказать. Но я, пользуясь правом, предоставленным мне уставом КПСС, свои взгляды буду отстаивать в любой инстанции, вплоть до ЦК КПСС. У меня все. Решайте без моего участия.

Никто не проронил ни слова. Я вышел. Механик, артиллерист и снабженец пришли в каюту доктора с колбасой и поздравлениями с “победой”. В протоколе заседания партбюро было записано, что в отношении начмеда “коммунисты решили ограничится партийной критикой”. Командир промолчал. Я отныне был уверен, что подобные фокусы даром не проходят никому. Тем более на флоте. Придет время, когда мне все это вспомнят, передавая информацию о взглядах эскулапа.

Может, на каждого военмора имеется тайное досье, в котором, как в капле дождевой воды, взятой под мелкоскоп, копошатся амебы и туфельки всех его поступков?

Глава 46
ПРАЗДНИК НЕПТУНА

Подходили к экватору. Индийский океан дышал полной грудью тяжелоатлета, мерно вздымая на больших грудных мышцах зыби легкое перышко крейсера. Солнце вращалось в зените, нарушая работу центров терморегуляции. Соленый пот струйками стекал между лопаток, пытаясь спасти военморов от перегреваний. Корабельный пес Чоп (ну где на корабле нет пса?) лежал на юте в тени четвертой башни главного калибра, высунув язык, и сквозь густую шерсть зорко следил за действиями лучшего друга – главного боцмана, который веселым матерком гонял своих боцманят, сколачивающих огромный ящик – бассейн. Вместе с экватором приближался традиционный праздник Нептуна, и так как на ходу корабля за борт моряков не бросают, то ящик должен был играть роль купели.

Чоп – собака благородная, ведущая свои корни от сбежавшей из дома матери-болонки и морского забулдыги Пирата, опозорившего в свое время командира “Бородино”. И хотя скипидарные воспоминания заставляли блудного отца держать хвост постоянно поджатым, однако, как мы видим, в один счастливый момент зов предков оказался сильнее медицинского скипидара. На крейсер Чоп был доставлен маленьким, пушистым комочком и получил свою кличку за неимоверное любопытство, заставлявшее его тыкать свой черный нос в любую дырку. Серый, как заяц-русак, заросший до глаз густой длиной шерстью, он без устали сновал среди моряков, облаивая их за беспорядок на палубе, собачьим чутьем улавливая недовольство боцмана. Ночью спал в каюте командира МГ Комячилова, днем гостил в кубрике боцкоманды, питался в салоне ККОС (не позволял себе зайти в саму КК, где питались офицеры), воду пил из ковша эмалированного в каюте НМС. Любимыми занятиями были купание в море и просмотр художественных фильмов. Фильмы смотрели на баке, натянув белое полотнище экрана на приведенную к курсовому на девяносто градусов башню главного калибра. Места зрителей, согласно табелю о рангах, размещались так, что в центре перед экраном сидели командир, ЗК, СПК, командиры БЧ и далее по нисходящей. Чоп занимал свое место перед командиром на волнорезе и внимательно следил за событиями, происходящими на экране. Вызывая веселье моряков, вскакивал, повизгивал, вилял хвостом, если видел на экране своего собрата по собачьему племени, тем самым сберегая

морякам тысячи готовых взорваться от напряжения нервных клеток.

Так вот. Боцман строил купель. Сварщик, специалист первого класса, под руководством командира трюмной группы Ермолова, сверкавшего лысиной, варил из бочек длинную трубу, которая, вымазанная обильно типографской сажей, должна была играть роль “чистилища” для тех, кто рискнул чем-либо прогневить Нептуна. В каюте докторов за тяжелой бронированной дверью (т.к. жили врачи в помещении, предназначенном в случае боя под морг) готовились костюмы пиратов и чертей – свиты морского владыки. По всему кораблю шел поиск кандидатов в русалки – безусых, юных и нежных. Для них готовились искусственные девичьи груди и скромных размеров юбочки, должные навевать на воен-моров мысли о Евах, оставленных в Союзе. Нептун учил свою роль. Костюм для него – корона, длинная борода, юбка и прочие аксессуары, изготовленные боцманом, лежали на коечке в готовности. Оружие – страшный трезубец – было выковано лично командиром БЧ-5. Мичман Фомич, кося глазами, пробовал заранее изготовленный эль – обычный русский квас. Всеобщее возбуждение царило в палубах крейсера.

По корабельной трансляции прозвучала речь командира:

– Товарищи моряки! Через час мы будем пересекать экватор – нулевой пояс Земли. Тому, кто первым его заметит и доложит об этом на ГКП, объявляю десять суток отпуска с выездом на Родину!

Самое удивительное, что многие матросы бросились на бак – смотреть вперед. Притом дружный смех и подначки товарищей вызывали в них искреннее недоумение – вот, что значит вера в своего командира.

В назначенное время на юте собрался весь экипаж в ожидании морского владыки. Торжественность момента по силе эмоционального воздействия многократно превосходила таковую в Колонном зале Дома Союза перед выходом Политбюро.

Начало праздника возвестила воющая, колотящая в бубны и дующая в трубы банда чертей и пиратов, двинувшаяся из коридора СПК по правому шкафуту на ют. Живописать эту банду невозможно: ряженые на свадьбах в русских деревнях – детский лепет и отсутствие фантазии. Главный черт Воланд держал в руках здоровенную печать, на которой была вырезана стопа с огромной пяткой. По периметру печать украшалась надписью – РЕДИСКА. Черти хватали первого попавшегося им на пути, не спрашивая званий и фамилий, нещадно мазали его сажей, разносили в пух и прах любые возражения жертвы и, в заключение, торжественно подносили бедолагу к Воланду, который торжественно и со смаком ставил печать на тощий зад

рискнувшего посетить морские владения Нептуна. Минут пятнадцать продолжалась вакханалия, но за это короткое время половина экипажа стала похожа на грешников, вырвавшихся из преисподней. Шум и гам был остановлен звуком фанфар, возвестивших о приближении хозяина здешних мест. Военный дирижер Михайлов, измазанный с головы до ног сажей, в семейных трусах, заменявших ему фрак, упивался своей значимостью. Медленно, мерно постукивая о палубу древком трезубца, в сиянии надраенной пастой ГОИ короны, в обрамлении пышной бороды и усов, Нептун шел по правому шкафуту. По обе стороны его, скромно потупившись, шли русалки. Сзади – личная охрана из тридцати трех богатырей.

Спустившись по трапу на ют, Нептун сквозь почтительно расступившуюся толпу поднялся на трон и, медленно окинув взором притихших моряков, сел, держа трезубец в правой руке. Сзади расположились две наиболее симпатичные русалочки. Слева у бочки с квасом, держа огромную чумичку (черпак), занял свою позицию виночерпий.

Выдержав многозначительную паузу, владыка морей грозно спросил:

– Как посмели вы, смерды окаянные, вторгнуться во владения мои, нарушить покой вод моих и взволновать души моих подданных? Подать сюда командира вашего дерзновенного!

Командир, заметно волнуясь, остановился у подножия трона. – Ответствуй мне, кто такие вы, ветрами какими и за какой надобностью занесло тебя с дружиною в царство мое?

– Не гневайся, Владыко. Мы люди российские, служивые, отправились в поход по приказу Державы своей для сбережения мира на земле и в помощь слабым. Не гневись. Дозволь мирно плавать в водах твоих, убереги нас от штормов и бурь, смерчей и прочих опасностей.

Для порядка покочевряжившись, Нептун приказал виночерпию выдать командиру чашу кваса, т.е. “вина” и, когда тот выпил ее, бросил командира в купель, тем самым дав “добро” на безаварийное плавание. И снова началось всеобщее веселье. К Нептуну подводили моряков, и он – в зависимости от успехов в БП и ПП – того или иного, давал команду то ли кваску налить, то ли в купель бросить, то ли засунуть в чистилище, из которого грешник извлекался настолько черным, что мог вызвать зависть любого негра из ЮАР. Постепенно дружина становилась неуправляемой. Черти изгалялись над толпой уже без всяких команд. Помощник Найчик, предчувствуя расплату за ежедневные экзекуции экипажа, заперся в каюте, однако, был извлечен из нее с помощью раздвижного упора и, несмотря на сопротивление и

мат, засунут в чистилище и пропечатан. Я, снявший с себя к концу торжества регалии Нептуна, получил на филейную часть ту же печать. Однако, свита Владыки в чистилище меня не загнала, а бросила в купель. Царь, все-таки!

Веселье продолжили в каютах. Найчик в нем участия не принимал. Обиделся.

Наиболее активные черти, пираты и русалки были поощрены командиром с подачи своего заместителя. Нептун... молод еще, карась. Хотя и обидно.

Глава 47 МОЗАМБИК

По ночам над мачтами корабля загадочно мерцал Южный Крест – самое романтичное созвездие ВМФ и Министерства морского флота. Черный бархат неба, усыпанный яркими звездами, манил в вечность. Океан мирно шуршал, разрезаемый острым форштевнем корабля, оставляющего пенный фосфоресцирующий след за кормой. Вахта за вахтой вторгалась в размеренное тиканье биологических часов, нарушая мерное биение альфа и бета ритмов коры головного мозга.

Утром 22 февраля 1981 года крейсер подходил к берегам многострадального Мозамбика. Небольшая заметка в “Правде” раскрывала военморам глаза на всю сложность политической и военной ситуации в этой стране.

“20 января группа экстремистов из ЮАР атаковала пригород столицы Мозамбика Мапуту. Было разбито два дома. Захвачено в плен несколько жителей города. Но фронт национального освобождения “Фрелимо” дал достойный отпор агрессорам”.

Живописнейший берег. Вдоль лазурно-голубого моря тянутся изумрудно-зеленые заросли пальм. Среди пышной тропической растительности виднеются ослепительно белые многоэтажные дома и одноэтажные коттеджи и вилы. Красивейший город Африки – Мапуту. Один из красивейших. В нем нет двух одинаковых зданий. Архитектура необычна для советского глаза, привыкшего к однообразию крупнопанельных коробок. Колонизаторы – португальцы, жившие в этом земном раю, заставляли хозяев страны мыть мостовые с порошком и зубной пастой, однако не разрешали тем же хозяевам находиться в городе после захода солнца. Рай – только для белых. Остались черные, белых изгнали. Хлопоты и сложности строительства новой жизни не оставляют времени хозяевам на такие мелочи, как мытье мостовых. И не надо.

Крейсер торжественно ошвартовался лагом к пирсу в порту столицы. Порт был оцеплен автоматчиками, вооруженными АКМ, возбужденными еще громом “салюта наций”, выданного крейсером из салютных орудий, установленных на баке. Экипаж белел рядами форменок, построенный на верхней палубе по “большому сбору”. Офицеры изнемогали, упакованные в форму № 2 (белая тужурка, черные брюки) из добротной советской шерсти с примесью лавсана. Ярко-оранжевые спасательные жилеты швартовой команды мелькали среди белеющего строя своих собратьев. Встречающие официальные лица Советского посольства важно расхаживали на пирсе или сидели в

прохладных “Тойотах" в ожидании теплого приема на борту крейсера. Представители местной фирмы, торгующей овощами и фруктами, ждали своего часа. Родина выделяет своим морякам-альбатросам огромную сумму на приобретение свежих овощей и фруктов. Аж 70 копеек в сутки на одну истерзанную душу! К тому же, т.е. в дополнение к указанной сумме, прилагается приказ, определяющий “нормы довольствия”. Интересный документ! Например, на 70 копеек вы можете купить за рубежом один килограмм бананов (хотя это невозможно – цены кусаются). Но, допустим. Но съесть их вы не имеете права, т.к. в приказе четко сказано, что военмор может употребить не более 150 граммов бананов в день. Один банан и точка. Таким образом валюта, сэкономленная приказом, возвращается в сейфы московских финансистов. Или еще куда-нибудь девается. Без верхнего образования не разберешься.

В первый день захода в порт схода на берег нет. Несмотря на то, что весь экипаж “разбит по пятеркам”, проинструктирован о правилах поведения на берегу, предупрежден о бдительности и воодушевлен на партийных и комсомольских собраниях. С визитом к послу СССР убывает командир корабля, и наносит визит в местный банк финансист. На корабле воцаряется “лень и расслабуха” – личный состав должен отдыхать. У свободных от вахт – личное время. Никакой писанины – бумаги закрыты в сейфе в целях соблюдения секретности и сбережения военной тайны. Ни тебе БП, ни тебе ПП. Отличный денек. Можно расслабиться и организовать вечером дружеский междусобойчик.

Утром, получив у финансиста свои митикалы (деньги Мозамбика), военморы устремлялись на ют, где с семи часов звучала скороговорка Найчика. Поверка, проверка, инструктаж. И через мгновенье, показавшееся вечностью, нестройные ряды уволенных двинулись к выходу из порта, провожаемые завистливыми взглядами остающихся на корабле товарищей. Проходная порта выплевывала военморов почти в центр города, в незнакомый лабиринт улиц, бурно поросших вдоль тротуаров тропической зеленью. Дурманящие незнакомые южные запахи, блаженное солнце, ощущение твердой почвы под ногами и необычность обстановки пьянили душу. Утро. Прохожие мужчины приветствовали моряков поднятием рук, женщины проходили молча, как-то испуганно. Хотелось петь и скакать козлом. Но инструктажи, постоянно проводимые всеми категориями начальников, свободу ограничивали и стесняли. За каждым углом мог находиться агент 007, готовый, не отходя от кассы, начать вербовку в сети ЦРУ, а любой встречный был грабителем или террористом, посягающим на “скудные динары” и жизни

представителей страны Советов.

Кто-то из офицеров, отлично изучивший в школе английский язык, но неспособный на этом языке произнести внятно ни одной фразы, прочел на фронтоне здания вывеску на языке португальском: музей национальной истории. Такие заведения в инпортах моряками посещаются редко. (Исключения составляют официально организованные походы). Но в данном случае вывеска заинтересовала. Тем более, что для гостей столицы вход был бесплатным. Какое же чудо предстало пред очи моряков в зале под экзотическом названием “голоса саванны”. В огромных витринах стояли, лежали, кормили младенцев и убивали друг друга все представители фауны африканского континента. Живописнейшие позы животных с величайшим искусством исполненные человеком в их чучелах, заставляли зрителей замирать от восторга. Львиный рык и рев тигра, предсмертные крики их жертв, записанные на магнитную ленту и звучавшие в зале, создавали полную иллюзию жизни ночной саванны.

Поражала воображение галерея-витрина, в которой были выставлены для всеобщего обозрения зародыши слонов от недельного внутриутробного возраста до новорожденного младенца. Притом для этих целей ежедневно (!) убивалась беременная слониха! Поразительный пример человеческого варварства!

Нагруженные впечатлениями, моряки направились в ботанический сад, находящийся рядом. Не менее прекрасной оказалась и флора благодатного юга Африки. Красоту ее описать настолько же сложно, как и ощущения умирающего. Пусть эта фраза послужит залогом того, что все увиденное в саду действительно достойно восхищения.

Затем посетили местный рынок в надежде купить сувениры родным. Однако... Давно надо сослать на Колыму флотских финансистов совместно с дружным коллективом Министерства финансов и Совета Министров, утверждающими расценки на оплату труда моряков. И страна бы не позорилась, и людям не было бы стыдно представлять за рубежом великий, могучий Советский Союз.

Солнце светило прямо в лысину Ермолова, когда уставшие, исходящие потом моряки двинулись по направлению к порту. Сукно матросских штанов, промокнув, тянуло к земле. Ноги отказывались повиноваться. Мучила жажда. Однако, крохи денежного довольствия позволяли выпить по паре банок ледяного пива, которое в течение получаса вылилось в штаны через поры потовых желез. Однако, жажду все же утолило.

Прохлада каюты и привычный грохот кондиционера

бальзамом пролились на взопревшее тело эскулапа. А бутылка холодной минеральной воды вернула к жизни. После обеда в город отправилась очередная смена военморов. Первый день визита прошел без замечаний, о чем на совещании офицеров сообщил ЗКК по ПЧ.

Программа следующего дня включала “посещение корабля местным населением и жителями советской колонии (?) в Мапуту”. Мероприятие это не столь просто для хозяев, как кажется на первый взгляд. Прежде всего необходимо разработать “маршрут обхода корабля гостями”. Это значит, что гостей надо провести так, чтобы они не могли увидеть секретную технику и случайно выскочившего в голом виде из кубрика моряка. Тактико-технические данные техники и оружия продемонстрировать так, чтобы гости проникались, но, вместе с тем, не догадались. Для этого создается “легенда” корабля. В ней все данные не точны, но близки к действительности и удобны для запоминания. Специально назначенные “экскурсоводы” заучивают легенду наизусть, дабы уверенно вешать лапшу на уши гостям, доверчиво внемлющим и охающим. По маршруту движения и на юте выставляются стенды, рассказывающих о грандиозных успехах строительства социализма, достижениях балета, счастливом детстве и мощи Вооруженных сил. На юте на столах раскладывается масса добротной литературы на английском, португальском и других языках, рассказывающая о мощи, счастье и достижениях.

И вот, наконец, все готово. Потные экскурсоводы радостно встречают у трапа нарядную толпу. Немного бравируя своей принадлежностью к крейсеру, и при этом пожирая глазами стройные тела женщин, прикрытые лишь легкими платьицами. И гостьи чутко улавливают… хорошея на глазах и кокетничая с экскурсоводом под тяжелыми взглядами своих супругов.

Проводив группу гостей по маршруту, экскурсоводы принимают новую партию жаждущих зрелищ. Навесив лапшу этой партии, корабельные гиды принимают очередную. И так в течение дня. Без остановки и передыху. Так, что проводив последнего гостя, они падают в каютах замертво и отказываются от ужина. Массовая голодовка!

XXX

В группе гостей, пришедших на крейсер, я встретил свою старую знакомую, бывшую студентку ЛПМИ Тюленеву Светлану – яркую и короткую студенческую любовь! Вот это номер! За

тысячи миль от дома! Через десятилетие... “ Этого не может быть потому, что не может быть никогда”. Однако, это было. Все объяснялось просто. Светлана вышла замуж за выпускника какого-то технического вуза, знающего португальский язык и направленного в Мозамбик фирмой “Автоэкспорт”. Это сказано не к тому, что случай интересен читателям, а к тому, что пути Господни и моряка неисповедимы.

XXX

Доктор получил приглашение в гости. Дату визита совместили с очередным культурно-массовым мероприятием – игрой в волейбол.

Команда крейсера должна была встретиться с командой советского торгового представительства в Мозамбике. На спортивной площадке последнего. Я выступал в роли врача спортивной медицины, т.е. командного врача. В противном случае в гости к старой своей знакомой я попасть бы не смог, т.к. официальные власти корабля, испытывая давление со стороны 00 и боясь любой ответственности, запрещают любые контакты военморов за границей. О том, чтобы офицер навестил старых своих знакомых, не может быть и речи. Унизительнейшее положение. Жить на острие международных событий, участвовать во внешнеполитической жизни страны и при этом постоянно находиться под колпаком недоверия... унизительнейшее положение. Печально, что в каждом военморе особисты видят потенциального предателя Родины, готового покинуть ее при первой же возможности. Недоверие тяжелейшим грузом ложится на плечи людей, истязает душу. И это одна из основных причин того, что иногда бывают случаи обращения моряков к иностранным властям с просьбой о предоставлении политического убежища. Но эти случаи бывают настолько редко, что невозможно на кораблях ВМФ найти свидетелей подобного. Неужели из-за одного подонка нужно недоверием мазать всех? Но... система.

Волейбольная команда, возглавляемая Найчиком, убыла в торгпредство. С первых же ударов по мячу стало ясно, что моряки обречены на поражение. Торговые представители Союза имеют нормированный рабочий день, два выходных дня в неделю и возможность заниматься спортивными играми. Моряки этого всего лишены, хотя зарплата их в десять раз меньше зарплаты торговых представителей. А вы говорите... каждому по труду! Брэд оф сиф кэйбл.

Несмотря на азарт молодости, команда крейсера проиграла. Зато доктор, во время игры находящийся в соседнем коттедже, уничтожив ящик пива и сотню пельменей, один из всех прибыл на корабль в отличном расположении духа. Назло Комитету государственной безопасности.

Глава 48
ЛЕЙТЕНАНТ КАГАКИН

На корабле стоял всеобщий шухер: лейтенант Кагакин, убыв в город старшим “пятерки”, домой не вернулся. А солнце клонилось к закату. Полным ходом шло расследование, перекрестным допросам подвергались все, бывшие в увольнении, однако, ясность в происшедшее могли внести не более, чем находившиеся на корабле.

Лейтенант Кагакин свою офицерскую службу начал в 1978 году на крейсере "Дмитрий Пожарский” после окончания Калининградского ВВМУ. Артиллерист-ракетчик. Среднего роста, стройный, глаза голубые, волосы светлые, речи правильные, убеждения коммунистические, волевые и морские качества хорошие. Сразу же зарекомендовал себя на службе тем, что вывел коллектив доверенной ему под командование группы из отстающих в передовые.

Вовремя и даже досрочно сдал все зачеты на допуск к самостоятельному управлению группой, на допуск к несению службы вахтенным офицером и дежурным по кораблю. На фоне других лейтенантов выделялся подтянутостью, высокой требовательностью и умом. Живым аналитическим умом. В коллектив крейсера вошел легко, а это говорит о многом.

При оформлении экипажа крейсера “Александр Суворов”, Сергеев назвал его в числе первых, которых он брал с “Пожарского”. На “Суворове” Кагакин был назначен командиром 4-й БГК – Отстающий коллектив под его командованием вышел вперед. Лейтенанта назначили командиром в другое подразделение, которое нужно было вывести из прорыва – опять успех. На каждом совещании, собрании, сборах и разборах его ставили в пример, как образец офицера. В 1980 году даже корреспонденту “Морского сборника” подставили его для пропаганды передового опыта на страницах журнала.

И вдруг отличник БП и ПП, передовик соцсоревнования и любимец публики не вернулся с берега! Это уж более, чем ЧП! На экстренном совещании офицеров, собранном в ККОС ЗК и работником 00 по крейсеру, вдруг начали твориться необъяснимые метаморфозы: оказывается, Кагакин в “разговорах с окружающими подвергал резкой критике политику КПСС, порядки на флоте и на корабле и лично Леонида Ильича”. И вообще, в поход за границу (кстати, второй раз) он был взят только потому, что УК не нашло ему замены. “С личным составом

груб, на критику отвечает резкостями, политзанятия проводит методически безграмотно".

Эти фразы из написанной и уже заверенной характеристики возмутили всех. Однако, никто (!) не посмел сказать ничего против, т.к. обстановка накалена была до предела. Все ждали грозу. Промолчал, кстати, и принципиальный доктор. Его всю жизнь будет мучить совесть. Но если не мучить, то все же хотя бы укорять. Эх ты, всегда правое "большинство"! Губишь ты индивидуальность, собака.

Через полчаса, когда командир собрался уже ехать с докладом к послу, к трапу корабля был доставлен "предатель Родины" лейтенант Когакин. Без сознания. Доставившие его полицейские объяснили, что подобрали товарища на улице в районе порта. Немедленно лейтенант был доставлен в медотсек и врачи приступили к работе.

"Сознание отсутствует, пульс сорок ударов в минуту, слабого наполнения, АД 60/40 мм ртутного столба, рефлексы снижены, кожные покровы бледные". Это из истории болезни. Четыре часа врачи боролись за жизнь товарища. Через четыре часа, придя в сознание, Кагакин сказал, что в каком-то баре выпил бутылку пива и после этого ничего не помнит.

"Запаха алкоголя изо рта не отмечается". Лейтенанту срочно промыли желудок. "Запаха алкоголя от промывных вод не определяется" (в кавычках – фразы из истории болезни. А это – юридический документ). " Диагноз – отравление неизвестным ядом".

С этим я и убыл к командиру. В каюте сидели адмирал, ЗНПО Патрон, работники ОО КГБ "по кораблю" и "по эскадре" и командир. Все взоры обратились на доктора.

– Докладывайте, – обронил адмирал.

– Докладываю. В настоящее время жизнь больного...

– Больного или пьяного? – взвизгнул ЗНПО.

– Повторяю. В настоящее время жизнь больного вне опасности. Исходя из анамнеза (т.е. того, что рассказал больной, а этому врачи обязаны верить) и клинической картины заболевания мы, врачи, ставим диагноз: "Отравление неизвестным ядом". Не "алкогольное отравление", а именно "неизвестным ядом". Это наше заключение я готов отстаивать в любых инстанциях. Предполагаю, что этот случай – диверсия.

Доктор, какой-то старший лейтенант медицинской службы, в присутствии двух (!) работников ОО вдруг говорит о диверсии (!), подготовку которой прохлопала контрразведка! Бред!

– Вы, доктор, еще сопляк, чтобы разбираться в подобных вопросах, – вежливо изрек старший работник. – Вы покрываете

пьянство лейтенанта. Вы скрываете пьянство офицеров корабля. Надо вами заняться вплотную.

– Не понял, товарищ капитан первого ранга. Я докладываю то, что есть на самом деле и прошу меня не оскорблять.

Зам. НПО подскочил, как ужаленный.

– Товарищ адмирал! Я вам докладывал, что товарищ Иванов дискредитирует на корабле офицеров-политработников, называя их бездельниками. Он критикует даже решения съездов и Леонида Ильича. Он и Когакин – это одна шайка-лейка. Предлагаю обоих отправить в Союз.

Вот это номер!

– Идите, доктор! – сказал адмирал. Командир молчал.

На партийном собрании, состоявшемся утром следующего дня, несмотря на то, что Когакин изложил очень правдоподобную картину происшедшего с ним, несмотря на то, что врачи дружно отстаивали свои позиции, несмотря на всеобщее сочувствие коммунистов, большинством голосов лейтенанту был объявлен строгий выговор. Командир эскадры принял решения отправить “дискредитировавшего высокое звание советского офицера за границей” в Союз. Ближайшей оказией.

Через две недели на корабль был получен номер “Морского сборника” со статьей о “лучшем офицере крейсера” лейтенанте Кагакине. А в это время “лучший офицер” топал домой “ближайшей оказией”. Служебно-политическая характеристика, лежащая у него в кармане, выступала полным диссонансом статье “Морского сборника”.

Мы никогда не бываем застрахованы от случайностей, даже диверсий. На флоте – тем более. Плюс к этому, мы не защищены от произвола власть предержащих. На флоте – тем более. Никто не застрахован от ошибок. Лейтенант, начинающий службу, – тем более.

Так почему мы бьём наотмашь споткнувшегося единожды, вместо того, чтобы подать ему руку помощи? Где войсковое товарищество? Флотская система готова затратить массу сил и энергии на воспитание нежелающего служить офицера, на сокрытие его “художеств”, но сразу же с полной самоотдачей бьёт коленом под зад толковым офицерам, ломая их карьеры и судьбы? (Примеры тому еще будут. Кагакин не одинок). Одно объяснение этому “феномену” имеется. Не бесспорное, но имеющее под собой почву. Грамотным командиром можно стать только проявляя самостоятельность и инициативу. Однако, эти качества на флоте наказуемы. Сплотить воинский коллектив и повести его за собой может только честный и прямой человек. Но официальная трибуна собраний и совещаний не терпит и не

допускает правды. Она обязывает лгать (по крайней мере – кривить душой) и льстить. Она не допускает критики в адрес начальников. Она требует так называемой самокритики.

Мозг инициативного и честного человека отказывается принять подобные условия игры, и тем самым подкладывает своему хозяину обыкновенную свинью: система приходит в противоречие с обладателем столь независимого мозга и при первом удобном случае вышвыривает его к чертовой матери. Потому и деградирует сама же система. Никому не прощается подавление лучшего. Закон эволюции.

Глава 49
ЗАВЕРШЕНИЕ ВИЗИТА

Предстоял очередной день официального визита. В Москве принимал свои исторические (?) решения съезд КПСС. Двадцать шестой по счету. На корабле все пишущие машинки были загружены работой по "размножению" отчетного доклада ЦК КПСС съезду, с трудом озвученного Л.И.Брежневым. Доклад получили по телеграфу, т.к. свежих газет еще не было. (Бессмысленная по сути трата денег и бумаги. Ведь можно и подождать, пока газеты подкинут.)

Пресса ЮАР, поместив фотографию стоящего у пирса крейсера, снабдила снимок примерно такой подписью: “Несмотря на присутствие в Мозамбике советского крейсера “А. Суворов”, мы полны решимости громить банды “Фрелимо”, ведущие страну к разрухе”. Однако, за десять суток стоянки крейсера в порту, вооруженных инцидентов на границах Мозамбика не было.

Крейсер готовился к приему главы государства. Это мероприятие – одно из самых сложных для коллектива корабля. Дипломатов на крейсере нет, а все действия должны точно соответствовать дипломатическому церемониалу и протоколу. Правда, имеется “Инструкция по взаимоотношениям с иностранными кораблями и властями”. Не обходят крейсер своим вниманием и работники посольства, помогают. Надо же отработать корабельную селедку!

Так вот. Крейсер готовился к приему Саморре Мойзес Машела или, как называли его, – “африканского Фиделя”. Экипаж охрип, репетируя приветствие. Почетный караул набил мозоли, выполняя команды: “ на пле…чо!”, “ на кра…ул!” Расчеты салютных орудий во главе с Магдичем хотели к маме. Тосты были написаны и согласованы с 00. Фомич в белом колпаке и переднике опустошал кладовые и гонял коков. Крепкий – пересчитывал в каюте бутылки со спиртными напитками, прикидывая одновременно, сколько будет выпито фактически и сколько можно списать по документам. Чоп шарахался по кораблю, ничего не понимая в этом всеобщем гвалте.

В 9.30. экипаж был построен по большому сбору. Яркое южное солнышко ласково изгоняло из тел моряков, затянутых в сукно, излишки жидкости и поваренной соли. “Глава”, должен был прибыть в 10.00. Каких-то тридцать минут под ласковым солнцем для советского военмора – тьфу… и растереть. Правда, можно было бы и десятью минутами обойтись.

В 10.00. кавалькада машин остановилась на пирсе. Под грохот салютных орудий и гром оркестра на палубу крейсера вступил Фидель, только чернокожий. И ростом поменьше. Экипаж дружно и стройно гаркнул приветствие. Машел поздоровался за руку с адмиралом, командиром и офицерами, сказал речь и убыл в кают-компанию, где все уже было готово к приему высокого гостя. Часа через три снова загрохотали салютные пушки, снова выполнены все требования протокола и ... крейсер вздохнул полной грудью. Основная, наиболее ответственная часть визита, была выполнена. Машел выразил признательность за теплый прием моряков и дружескую военную помощь Советского Союза, о чем ушла телеграмма в адрес двадцать шестого съезда КПСС, продолжавшего в Москве свою работу. Из посольства были доставлены свежие газеты с отчетным докладом ЦК. Телеграммы с докладом и отпечатанные на машинке тексты его полетели в корзину. Еще несколько деревьев рухнули в тайге по требованию министра бумажной промышленности.

XXX

Последний день визита. Все официальные, положенные протоколом мероприятия проведены. Командир убыл в город на прогулку. Адмирал уехал к послу СССР. Большой зам. “подводил итоги”.

Старший помощник, в течение девяти дней не имевший возможности даже поспать в течение двух часов в сутки, решил, наконец, отдохнуть. Вернее, не он сам решил, а ему решили и ... разрешили. Итак, старпом Халевин принял решение отправиться на берег моря на отдых. Как известно, одному отдыхать скучно, да и инструкции гласят, что “один в поле не воин”... за границей. В этом и состоит отличие жизни моряка за рубежом от жизни в Союзе, где инструкции рекомендуют “больше трех не собираться”. Пригласив к себе в компанию доктора, Фомича и Крепкого, организовав “материальное обеспечение” отдыха, СПК во главе своей команды вышел на пирс, где его ожидал уже торгпредовский “рафик”, любезно предоставленный военморам представителем фирмы “Автоэкспорт”. Дружно заняли места в машине и, провожаемые взглядами товарищей, выехали из порта.

Маршрут был предложен водителем, знающим местные условия, местность и политическую обстановку. Выехали за город. Справа буйствовала пальмовая роща, сквозь которую просвечивало лазурное море, ослепительным блеском своим контрастировавшее с буйной зеленью кустарников, проносящихся

слева. Теплый ласковый ветерок, залетающий в кабину через открытые форточки, нежно трепал волосы и обдувал кожу. Гладкая лента асфальта мирно шуршала под колесами, одетыми резиной фирмы “Бобруйскшина”. Настроение военморов было прекрасным, улучшаясь с каждой минутой. Флотские небылицы сыпались в уши водителю и представителю “Автоэкспорта”, не нюхавшего моря, как из Прутковского фонтана. “Если у тебя есть фонтан, закрой его. Дай отдохнуть и фонтану”.

Клапаном, закрывшим “фонтан”, явилось то, что дорога резко оборвалась, упершись в непроходимую стену джунглей. Тупик. Как оказалось – конечная цель путешествия. Очень живописный уголок. И море в пятидесяти метрах.

Вышли из машины, разделись и побежали к морю, предоставив Фомичу заботиться о сервировке походного “стола”. Долго плескались в волнах, снимая напряжение визита, заряжая нервную систему положительной энергией и силой на предстоящее очередное плавание. Затем Фомич пригласил всех к столу... И снова посыпались морские рассказы.

В разгар пиршества я заметил, что на ближайших пальмах появилась вдруг целая группа мартышек. Смотреть на мартышек в зоопарке совсем не то, что наблюдать их в естественной среде обитания. Здесь они не подавлены тюремной камерой и не развращены подачками, как их собратья, заключенные за решетку. Веселый, живой, дружный и даже озорной коллектив. В том, что коллектив дружный, пришлось убедиться буквально через несколько минут.

– Сейчас я поймаю мартышку. То-то будет радости морякам, – заявил доктор.

Никто не возразил. Все с интересом смотрели, как эскулап, зажав в руке кусок хлеба, подошел к пальме и протянул угощение вверх. Один из наиболее смелых пращуров резво спустился по стволу, и выхватив хлеб из рук, молнией сиганул вверх. Удобно устроившись на ветке, начал трапезу. Все произошло настолько быстро, что я и сообразить ничего не успел, растерянно глядя на пустую ладонь. Под смех и подначки товарищей маневр был повторен. Только теперь я держал хлеб в левой руке и держался на дистанции от ствола пальмы, вынудив очередного предка сойти на грешную землю. Протягивая левой рукой угощение, правой я сделал попытку ухватить обезьяну за загривок, однако последняя, заверещав что-то на своем обезьяньем языке, увернулась. Через мгновенье весь обезьяний коллектив был на земле и оглашая окрестности дикими криками, пошел в наступление. Я поспешил ретироваться от греха подальше. Освистанный товарищами, я присоединился к трапезе.

Мартышки, обматерив собравшихся, ускакали в джунгли. Только к вечеру, хорошо отдохнувшие и изрядно уставшие, офицеры прибыли в порт. На пирсе танцевали местные артисты. В первых рядах зрителей сидел адмирал со своей командой, но он не обратил внимания на четкость строевого шага возвращавшихся с берега офицеров. Отдых военнослужащих закончился!

XXX

Утром, изящно совершив маневр, под звуки оркестра и прощальный взмах синего платочка крейсер взял курс в океан. Уточнение: синий платочек отсутствовал. Присутствовали автоматчики из ФНО “Фрелино”. Прощай, Мозамбик! А, может, до свидания?

Глава 50
ТАНКЕР“ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ”

В туманной дымке исчезли берега, в течение десяти суток гостеприимно принимавшие моряков. Впечатления и эмоции улеглись. За бортом снова шуршал океан. Вахты сменялись вахтами, сутки – сутками. На корабле во всю мощь развернули изучение материалов двадцать шестого съезда КПСС. Для того, чтобы изучить эти “материалы” в достаточном для работы военмора объеме, нужно только газету прочитать. О ВС СССР в каждом “из исторических решений” говорится только то, что ВС будут и впредь иметь все..., КПСС и впредь будет делать все... и все. Остальное – ненужные военному человеку цифры добычи угля и выплавки “чугуния”. Ну, еще несколько исторических фраз о “единой нации – советском народе”, да о том, что империализм стал еще более агрессивен, но, несмотря на это, угнетенные народы освобождаются из-под ига и ведут борьбу. Все! Остальное можно рассказать по материалам XXIII, XXIV и XXV съездов. Но ЗКК требует предъявить конспект, и чем больше по объему этот конспект, тем надежнее будет считаться коммунист. Сколько же труда, нервов и бумаги требуется на бесполезнейшее занятие!? Утешает лишь то, что “ВС будут и впредь иметь все...” Значит, бумагу тоже.

Я решил проблему “изучения” гениально просто: вызвал к себе матроса Суменкова, вручил ему газету “Правда” и “тетрадь для конспектов” программных документов КПСС и работ классиков марксизма-ленинизма. И попросил заполнить в ней страниц сорок. И ни труда, ни нервов. И зам доволен. По той же схеме изучили материалы и все офицеры, даже некоторые политработники. В дополнение к газетам и конспектам “Политиздат” вскоре выпустил книгу с теми же материалами. Тираж позволит завалить ею все книжные магазины и библиотеки, чтобы через четыре года .выбросить этот мусор на свалку. Лучше уж Ильфа с Петровым печатать.

На партийном собрании с повесткой дня “Итоги официального визита корабля в Мозамбик и задачи коммунистов по обеспечению визита в Порт-Луи” зам сказал:

– Товарищи коммунисты. Личный состав, воодушевленный решениями двадцать шестого съезда КПСС, руководствуясь указаниями генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума ВС СССР Л.И. Брежнева, проделал большую работу...

Отличный итог.

Итак, на крейсер поступила новая вводная: “10 марта быть готовым посетить с официальным визитом остров Маврикий – порт Порт-Луи. Принять участие в праздновании… годовщины Дня Независимости. Готовность доложить”. И подпись.

Порт-Луи был знаком некоторым офицерам, так как в 1975 году они в составе экипажа крейсера “Дмитрий Пожарский” принимали участие в помощи маврикийцам, пострадавшим от жесточайшего тайфуна. Маврикий до сих пор помнит самоотверженный труд советских моряков, которые сутками, не зная отдыха и не щадя себя, спасали, восстанавливали, строили. И приглашение принять участие в праздновании Дня Независимости было послано советским морякам не случайно.

И снова начался аврал по подготовке к визиту. Подробно вся организация подготовки описана ранее.

На переходе адмирал приказал выполнить воздушные стрельбы по ИВЦ (имитатор воздушной цели). Командир БЧ-2 товарищ Борисов, боявшийся адмирала больше, чем перспективы попасть в ад за грехи молодости, днем и ночью гонял своих “рогатых”, заставлял их вспоминать книжки “Боевой номер”, инструкции, частные наставления и знаменитый ПАС-Б-2 (правила артиллерийских стрельб). Мозговые центры артиллерии готовились выдавать целеуказания, мокрые тела матросов кидали в жерла стволов снаряды и заряды, каждой клеткой своей протестуя против непосильных физических нагрузок. Отстрелялись на “отлично”. Последовала вводная провести учения по борьбе за живучесть корабля при применении противником ЯО и ХО. Весь экипаж, надев на себя химкомплекты и противогазы, под тропическим солнцем занимался тушением “пожаров”, “заделкой пробоин”, специальной обработкой, оказанием медицинской помощи раненым и пораженным. Мозги выплавлялись вместе с остатками подкожно-жировой клетчатки. Очередная вводная по организации морского боя заставляла в струну натягивать нервы штурманов и специалистов БИП, рассчитывающих маневры по выходу в атаку и уклонения от атак. И все это в течение недели, днем и ночью. И все под контролем умного, недремлющего ока адмирала Хронопуло.

Проверив все элементы боевой организации корабля, израсходовав все запасы АТФ в мышцах и мозгах моряков, адмирал успокоился, оставшись довольным.

XXX

Для экипажа был объявлен день отдыха: помывка и

самообслуживание. К борту крейсера ошвартовался танкер “Ленинское знамя”. Я, памятуя законы морского медицинского братства, заглянул к своему коллеге – судовому врачу танкера. Бытовые условия на танкере резко отличаются от таковых на крейсере, что дает возможность военморам немного отдохнуть, сменив обстановку. Да и женщину живую можно увидеть. Но не это главное. Любой военный врач, отдавший кораблям несколько лет жизни, знает, что медицинское обеспечение судов вспомогательного флота организовано на грани фантастики: судовые врачи в клинической медицине – случайные люди, не нашедшие себе применения в системе Минздрава. Ниву медицинской помощи пашут врачи спортивной медицины, гигиенисты, неудавшиеся невропатологи и т.п., хотя по логике вещей, в длительном отдельном плавании на борту судна обязательно должен быть хирург. Но хирурги, так же, как и женские колготки, дефицит. Зная обстановку, военные врачи всегда готовы прийти на помощь своим неудачливым коллегам.

Выпив пару стаканов чая и выслушав несколько историй из половой жизни танкера, я спросил, собравшись уходить:

– Какая-либо помощь нужна тебе, док?

– Да нет. Все о’кей. Правда, есть у меня больная одна. Кровит третьи сутки. Сама себе плод разрушила.

Если эти строки читает врач, то ему, как и козе, понятно, что подобное заявление из уст эскулапа открывает последнему путь прямо на Колыму, с запрещением заниматься врачебной практикой до конца жизни.

– То есть как это ... кровит? В тюрьму захотел, козел? Быстро показывай больную!

В каюте на коечке лежала молодая женщина, неразличимая на фоне белых простыней. С трудом она повернула голову к вошедшим, не совсем понимая, для чего ее вдруг беспокоят военные. Оценив обстановку, я начал действовать.

– Немедленно готовьте носилки... больную на крейсер! Не дай бог, скотина, если она загнется (это доктору), я лично тебя в нужнике утоплю!

О больной доложено капитану, командиру крейсера и оперативному дежурному эскадры. Грубые матросские руки, становящиеся ласковыми и нежными при оказании помощи слабым и страждущим, бережно доставили носилки с больной в амбулаторию крейсера. Если учесть то обстоятельство, что больную нужно было перенести с борта на борт по узким коридорам, через леера, по крутым трапам, то это не так уж и просто... бережно доставить.

– Донорам первой группы, резус положительный, прибыть в

амбулаторию! – разнесла тревожную команду корабельная трансляция. Даже для врача кремлевской больницы, имеющего для работы абсолютно все, включая “волосатую лапу”, подобная команда была бы непонятна, попади он вдруг на флот после смерти дядюшки из ЦК. Все очень просто. Перед походом десять процентов личного состава любого корабля добровольно-принудительно сдают кровь на станции переливания, где и определяется групповая принадлежность. Затем специалисты станции переливания крови передают на корабль список, в котором указаны группа и резус-принадлежность сдавшего кровь. Законность существования доноры приобретают после того, как командир подписывает приказ о назначении доноров в/ч... Мудро. Гарантирована оперативность в экстренных случаях и сведена до минимума возможность ошибки при определении группы крови донора в корабельных условиях.

Доноры прибыли все до единого, согласно списку. Каждый предлагал свою кровь, притом “годки”, оттеснив “карасей”, рвались вперед. Я выбрал шесть человек наиболее физически сильных. Остальных, поблагодарив за готовность помочь, попросил удалиться.

И тут ко мне подскочил щупленький, маленького роста узбек-первогодок. От волнения у него тряслись губы и лицо выражало сплошную боль.

– Ты, блят, плохой чалывэк! Я тэбэ мама мотал! – сказал он и заплакал.

Привычный к любым неожиданностям, я даже не возмутился. Понял благородный порыв и желание самоутвердиться... Взглянув на плачущего младшего грубияна, поддал его коленом под зад и скомандовал:

– В душ! Сопли размазывать будешь потом. Благодарно сверкнув глазами, “чуренок” проскользнул в душ. Больной было перелито полтора литра матросской крови, сделан аборт (причем удалялись уже мертвые куски ткани вместе с продуктами ее распада), проведено соответствующее лечение, и к вечеру того же дня она самостоятельно перешла на борт танкера.

В кают-компании, всегда готовой видеть смешное в обыденном или печальном, меня встретили обычные флотские шутки.

– Док! Не придется ли тебе через пару месяцев делать тоже самое?

– А, может, через девять тебе подарок принесут?

– Когда за благодарностью на танкер пойдешь?

– Что вы, козлы, говорите? Какая благодарность? После партбюро у меня даже висит неправильно! – отбивался эскулап .

– Ха-ха-ха-ха… Уморил, собака.

Ночью меня подняли снова. С танкера, зажав окровавленным бинтом левое ухо, в сопровождении дежурного по низам прибыл старший помощник капитана. Изрядно подогретый… не в сауне, конечно. Ушная раковина была оторвана наполовину. Не спрашивая объяснений, доктор пришил ее на место. Благодарный чиф пригласил его в гости, но предложение принято не было. Как потом оказалось, ухо старпому оторвал матрос по причине дикой ревности к буфетчице. Не зря говорят, что женщина на корабле – к несчастью.

“Маленький донор” ходил за мной в течение месяца, предлагая любую помощь и прося прощения “за грубость”.

Глава 51
МАВРИКИЙ

Наконец, подошли на рейд Порт-Луи. Внутренняя гавань была бы довольно тесной для советского гостя, поэтому бросили якорь на приличном расстоянии от берега. На внутреннем же рейде стояли французский фрегат, американский эсминец и японский сторожевик, а также “всякой твари по паре”, т.е. различного класса судов под флагами разных стран. В дальномер прекрасно просматривался экзотичный городок, холмы, поросшие тропическим лесом, и многочисленные “джонки”, снующие по лазурному зеркалу бухты. И снова командир с адмиралом (вернее, наоборот... адмирал с командиром) убыли в посольство (или консульство). Финансист уехал в банк за валютой. (В Мозамбике никто, кроме химика, валюту не тратил по причине отсутствия нужных товаров и дикой дороговизны). Знакомый же нам Серебряков приобрел деревянные маски – кустарные подделки заштатных мастеров, сумевших всучить военмору свои изделия под видом произведений искусства, да еще при этом убедить последнего в том, что “произведения вырезаны из натурального черного дерева”. Плакали потом заработанные химические денежки. Вместе с тремя детьми, ждущими папу из похода.

После напряженных дней перехода и выволочки, устроенной адмиралом крейсеру, моряки отдыхали. В салоне ККОС стучали бильярдные шары, костяшки домино и кости шешь-беша, раздавались возгласы “рыба”, “делай по...” и “вылазь”. Все ждали завтрашнего утра, когда можно будет сойти на берег и “пощупать” твердую землю ногами. Оркестр репетировал местный гимн и готовился к концерту. Некоторые, закрывшись в каютах, обсуждали проблемы мировой политики. Дух ленивого безделья витал на палубах. Однако, дежурная смена бдила и обеспечивала товарищей холодом (?), электричеством, водой и безопасностью. Кто-то ведь должен бдить!

XXX

День вставал жаркий с самого рассвета. После завтрака, накаленный солнцем и командиром, Найчик строил, пересчитывал и опять строил готовых на сход моряков, матеря бестолковость последних и свою собственную судьбу. Наконец,

уже успевшие вспотеть советские гости Порт-Луи, погрузились в баркас и под мерное тарахтение , дизеля, плюющегося дымком, двинулись к городу. Проплывая мимо военных иностранных кораблей, “гости” с удивлением отметили, что на палубах, кроме вахтенных, никого нет. Никто не строится, не считает “пятерки”, не матерится, а вахтенные только с удивлением провожают проходящий вдоль борта советский баркас с советскими распаренными телами, упакованными в черное сукно.

Сразу же за воротами порта город встретил моряков криками “карефан”, “иди, иди”, “ручка”, “соска”... Видно было, что не впервой местной торговой мафии встречать состоятельных гостей с Евро-Азиатского континента. Узкие, засыпанные макулатурой улочки, веером разбегались в разные стороны. От обилия магазинов, лавок и лавочек в разные стороны разбегались глаза. “Здесь купишь все – от трактора до клизмы”, – вспомнился Темнов из “Березки”. Владельцы лавок бойко орали, предлагая разную мелочь и дрянь, уверяя при этом, что все сделано в Японии и США, не обижаясь на русское “пошел на хер!”

– О, на хер, на хер, – уважительно повторяли служители Меркурия, не понимая смысла русской просьбы, но вдвое сбавляя цены.

Моряки разбрелись по лавкам, нарушив строгое приказание держаться полным составом этих дурацких “пятерок”. Везде слышался чистый, с ирландским акцентом, английский язык. “Хау мач” (это значит, сколько стоит?) и “ноу”, т.е. “нет”. Законы бизнеса действовали и на коммунистические души. Волками смотрели только хуо-цяо – китайцы заграничного происхождения, задавая русским морякам один и тот же вопрос: “Зачем Афганистан оккупировали?” А это есть ни что иное, как провокация, о которой по возвращении на корабль надо поставить в известность “работника ОО по в/ч”.

Было заметно, что наши органы пропаганды и агитации хлеб свой едят “на шару “, тщетно пытаясь доказать всему миру торжество идей миролюбивой внешней политики.

Накупив подарков жене и дочке, а также сестричкам, родителям и мужьям сестричек (бритвы “жиллет”, японские зонтики и китайские авторучки, все – копейки), я готов был следовать на корабль, как и положено, в составе своей пятерки. Созрели для такого же маневра и остальные моряки. (“Течет соленый пот рекой по ляжкам б..., по жопам б..., по рожам.” Опять Темнов). Солнце палило нещадно, затуманивая разум и заставляя крепким словом поминать бездельников из НИИ формы одежды МО СССР.

У входа в порт, в ожидании баркаса, офицеры выпили по

бутылке холодного пива (семь рупий – семьсот граммов), слегка охладив внутренности и еще более (если это возможно вообще) смочив штаны и рубашки. Матросы на свои скудные рупии даже эту мелочь себе позволить не могли, в чем нашла наглядное подтверждение забота КПСС и советского правительства о ВС СССР.

На крейсере прибывших с берега встречала корабельная таможенная комиссия, стоящая на страже чистоты идеалов и нравственности советского человека: не дай бог, кто-либо принесет в экипаж порнографическую открытку, тем самым вылив ушат воды на мельницу капитализма! Но, как оказалось, никто из экипажа, проявив сознательность, воду на мельницу не лил.

XXX

В дальномер было хорошо видно, как на закате дня, накинув на себя легкие рубашки и белые шорты, экипажи загнивающих капиталистических кораблей сходили на берег. Поодиночке, парами и целыми группами (явное нарушение порядка) и возвращались утром довольные и пьяные, не боясь быть заслушанными на партбюро.

В положенный час в главупр ушла телеграмма: “Американские моряки отметили свой визит в Порт-Луи дебошами и повальным пьянством. Замечаний по личному составу крейсера – нет”.

Не видел. Заму видней. Он сидит выше. И еще выше забраться хочет.

Официальный прием, устроенный губернатором острова, посетили представители военно-морских флотов СССР, США, Франции и Японии. Представитель ВМС США преподнес в подарок острову чек на два миллиона долларов и на приеме сел рядом с губернатором. Представитель ВМФ СССР – великолепно исполненный из плексиглаза макет крейсера “А. Суворов” и сел в задних рядах. На фотографии это было очень хорошо видно. Что поделаешь? Волчьи законы и звериный оскал капитализма.

XXX

Визит подошел к концу. Однообразие развлечений (сход – лавки – маечки – домино – дикая жара – сто граммов на сон грядущий) надоело хуже политзанятий. Театры, рестораны и даже кино – не по карману. В этом великий смысл: воспитывается

любовь к родному кораблю и морю, т.к. на берегу все равно нечего делать, а безделье-утомительно. Моряки ждали выхода в море с нетерпением, как голые Дон-Жуаны ждут своих пассий, долго задерживающихся в туалетной комнате. Чоп, истомленный жарой, интереса к заграница вообще не проявил: равнодушно спал в каюте командира машинной группы, показывая язык всему миру капитала.

Покинув шумный, знойный городок, а вернее рейд его, крейсер повелением старшего морского начальника отправился к благодатным берегам острова Сокотра, где температура воздуха 20-30 градусов, температура воды – 25-26 градусов. Это значит, можно дать отдохнуть системе терморегуляции, коже, покрытой обильной россыпью потницы, и другими гнойничковыми прыщами, и нервам, регулирующим взаимосвязь всех уставших органов и систем.

В медицинской службе все шло по плану. На момент, описанный нами, было сделано около шестидесяти полостных операций, не считая всякую мелочь типа фурункула, панариция и мелких травм.

Во время посещения иностранных портов на корабле не было вспышек инфекционных болезней, что говорило о хорошо поставленной санитарно-гигиенической и эпидемиологической работе. Материалы 26 съезда законспектированы у ста процентов личного состава. Политико-воспитательная работа проводится всеми категориями начальников в соответствии с требованиями руководящих документов. Ажур.

Матрос Князев пришел на корабль полгода назад, как мы помним. Трудолюбивый крестьянский парень сразу же завоевал авторитет тем, что без возражений брался за любую работу и с непосредственностью младенца, дитяти природы, задавал начальству в моем лице такие вопросы, и сам давал на них такие ответы, что большой зам, услышав и то, и другое, должен бы был представить меня к увольнению в запас, как никудышнего воспитателя. Кроме того, Князев выполнял любое приказание беспрекословно, в срок, но не точно. В любую работу, порученную ему, он вносил свои коррективы, руководствуясь своим крестьянским умом, а не морской практикой. В результате достигал обратного эффекта, но при этом не понимал, за что старшина ругает его, а Иванов на ежесуточном подведении итогов БП и ПП ставит ему “двойку”. Никакие меры дисциплинарного или воспитательного характера не могли убедить крестьянскую натуру, что трубопроводы забортной воды надо маркировать синим кольцом по периметру, а паропроводы – красным. И если подобное непонимание и упрямство в начале службы можно было

списать на деревенскую простоту, то через месяц-другой я стал замечать, что поведение молодого военмора есть ни что иное, как роль, которую взялся играть этот хитрый “карась”, зарабатывая в среде одногодков определенный авторитет. Явление не столь уж редкое на флоте.

Надо сказать еще, что Князев, придя на корабль, сразу же увлекся боксом. Никогда ранее не надевавший перчаток, “боксер”, попавший под руководство таких же боксеров, только старших по сроку службы, за год упорных тренировок накачал бицепсы и научился молотить кулаками, совершенно не имея понятия о боксе, как таковом.

Военная педагогика – самый не изученный и самый сложный раздел педагогической науки. Она допускает такие приемы воспитания, применив которые в общеобразовательной средней школе, директор по ходатайству районо вылетел бы в пастухи в двадцать четыре часа.

На очередном “разборе полетов” я, обращаясь к Князеву, сказал:

– Сегодня вы опять отличились и получаете “двойку”. Опять вы в целях экономии, что само по себе годиться в крестьянском хозяйстве, сделали уколы двум больным одним шприцем, сменив лишь иголки, что является вопиющим нарушением медицинских правил, о чем вы хорошо информированы. Двойки, выговоры и наряды на вас не действуют, хотя, кажется, огорчают. Я предлагаю вам, Князев, учитывая ваши боксерские навыки, честный бой. Если побьете вы меня, я признаю, что все “двойки и выговоры” были случайны, и присвою вам звание старшины второй статьи. Через командира, конечно. Если я вас побью, то будем считать это мерой воспитательного воздействия наравне со строгим выговором. Я не боксер, но ставлю два условия: ниже пояса не бить и бой вести без всяких раундов до полной победы над противником. Согласны?

Будучи абсолютно уверенным в себе и своих силах, горя желанием официально поколотить начальника, Князев сразу же согласился. Моряки весело галдели, убирая из помещения амбулатории стол, баночки и другую мебель: ринг должен быть свободен. Князев принес две пары перчаток: одну надел сам, другую отдал начальнику. Лично проверил правильность шнуровки, посыпая при этом свои манипуляции горохом специфических боксерских терминов: “хук”, “прямой”, “аперкот” или еще черт знает каких.

Наконец, все было готово, и терапевт возвестил о начале поединка, ударив шпателем в “кружку Эсмарха”. (Применяется для Постановки сифонных клизм). Князев ринулся вперед. Я же

ушел в глухую защиту и принимал на перчатки град бешено сыплющихся ударов, не делая ни малейшей попытки атаковать. Минут через пять удары стали реже, дыхание атакующего чаще. Еще через пять минут Князев выдохся полностью. Руки его опустились, открыв для ударов лицо и бицепсы. Я нанес два сильных удара по бицепсам противника, тем самым парализовав его руки, лишив возможности даже закрыться. И пошел в наступление. (Может, в боксе это называется иначе). Через минуту Князев упал на железную палубу и, спасаясь от ударов, пополз под кушетку. Зрители неистовствовали. Обессиливший, я упал в кресло. Князев, выбравшись из-под кушетки, так и не понял, почему вдруг оказался битым.

– Запомните, Князев, отныне вы будете биты моими руками каждый раз, если откажетесь работать головой. Надеюсь, вы не в претензии?

С этого дня матрос Князев стал образцом, о чем свидетельствовало звание старшины второй статьи, к которому он был представлен месяц спустя после “боя”.

Глава 52
МОРЕ ПОКОЙНИКОВ НЕ ЛЮБИТ

Ночью по корабельной трансляции разнеслась команда: “НМС срочно прибыть в баркас. При себе иметь все… для оказания неотложной помощи”.. Подобные команды на корабле вызывают чувство тревоги у всех, т.к. напоминают о том, что никто не застрахован от рук доктора и, что… “ничто не вечно под луной”. Последнее же соображение вызывает у военмора, находящегося вдали от Родины, чувство щемящей тоски и незащищенности. Неуютно…

Любой же корабельный эскулап, имеющий определенный опыт организации корабельной военно-морской медицины, чувствует себя не только неуютно по этой команде, но и испытывает определенный страх, предполагая самое худшее и зная, что помощи со стороны старших и более опытных товарищей ожидать не приходится. Их просто нет рядом.

Кора мозга еще спала, а ноги уже несли меня на ют, к баркасу. Туда же прибежал и терапевт Григорьев, тащивший на плече сумку неотложной помощи и материвший на ходу всех, кто попадал под руку. Темная вода океана, напоминающая мазут, который только что выкачали из трюмов за борт механики, душно плескала в борт, качала баркас и била им в парадный трап. Красота южной ночи, насыщенной испарениями, вызывала тошноту. И даже озабоченный матерок главного боцмана в сознание не проникал.

Прыгнули в качающийся баркас и взяли курс на сигнальные огни стоящего в пяти кабельтовых сторожевика. Информация к размышлению, имевшаяся у докторов, гласила: “на СКР что-то случилось – то ли инфаркт у командира, то ли внематочная беременность у боцмана”. Как всегда, полная и объективная информация.

Подошли к борту. По штормтрапу. С риском переломать ноги (баркас здорово кидало на волне и нужно было успеть выскочить из него на верхние балясины трапа, пока, поднятый очередной волной, он не ударил по ногам) взобрались на ют, где пришедших врачей встречал взволнованный командир. Надо заметить, что командиры, зачастую, больше уверены в талантах врачей приходящих, чем в талантах своих корабельных эскулапов. Ничем не обоснованное заблуждение, т.к. уровень подготовки всех лейтенантов примерно одинаковый. За редким исключением. Из сумбурной речи командира, капитана третьего ранга Судакова,

можно было уловить только… одеколон… помощник… сволочь… выпил… умирает. Кто умирает, помощник ли выпил одеколон или только выдал его матросам, было непонятно. И, не вдаваясь в подробности, врачи побежали в медблок.

На операционном столе лежало тело огромных, как показалось мне, размеров. Сверху его расположился, стоя на коленях, потный, измученный, близкий к обмороку корабельный доктор, капитан медицинской службы Бураков, проводящий закрытый массаж сердца. Тело лежащего военмора было покрыто уже трупными пятнами, и жизнь покинула его не менее двух часов назад. Взяв инициативу в свои руки, я снял со стола ничего не соображающего эскулапа, поручил его заботам терапевта, а сам отправился на доклад к командиру. Тот сидел в каюте, уронив голову на руки, думая о том, какое горе обрушилось вдруг на родителей погибшего, сколько нервов придется потрепать на всякого рода расследованиях и формальностях, связанных с доставкой погибшего домой или же с организации похорон в море.

– Ну, что мы имеем, док? – включив сознание в действительность, спросил командир.

– Имеем покойника, товарищ командир.

– Что предлагаешь? Отчего он умер?

– Предлагаю написать телеграмму в адрес вышестоящего штаба. А от чего он умер – покажет вскрытие. Сейчас я не знаю.

– Да, да. Давайте напишем.

Через десять минут морзянка унесла в эфир траурную весть: “ В 23.30 … марта в тамбуре № … найден матрос имярек… года рождения…, года призыва… национальность … специальность… член ВЛКСМ, в бессознательном состоянии. В 23.35 начаты и в 2.00 … марта закончены реанимационные мероприятия, которые к успеху не привели. В 2.00 группой врачей, в составе Х, У, констатирована смерть. Причина смерти может быть установлена на вскрытии. Прошу разрешить вскрытие НМС крейсера “А. Суворов” старшему лейтенанту медслужбы Иванову. Командир СКР, капитан третьего ранга Судаков.

В ответ посыпались, как из рога изобилия, вопросы, ЦУ (ценные указания), ЕБЦУ (еще более ценные указания), запросы, снова вопросы, предложения, разрешения и запреты. По линии командования, политорганов, медицины и особых организаций. Шквал, ливень, смерч, буря, грозы и угрозы. И на все требовалось дать ответ срочно, незамедлительно, срочно насколько это возможно и еще срочнее. Связисты и командир захлебывались в потоках информации. Чаще всего ненужной и не имеющей отношения к делу.

Я получил разрешение вскрыть труп и приказание – установить причину смерти. Это “причина” изменить положение вещей (грустное положение!) не может – умер человек. Но для живых военморов… ох как она важна! Если, представим себе, боец убит электрическим током, значит, все шишки и камни будут падать на головы механиков: не соблюдаются меры электробезопасности, не проверяется сопротивление изоляции переносного электрооборудования и вообще… количество грубых проступков в БЧ-5 слишком большое и имеет тенденцию к росту, а механик… имеет любовницу и нехорошо, незрело выступил на последнем партийном собрании. НСС или снятие с должности ему обеспечено. Представим другую ситуацию. Зеленый лейтенант медицинской службы, не имеющий опыта, сделал операцию по поводу острого аппендицита, но (на все воля божья!) больной по каким-то причинам (тьфу! тьфу!) умер. Все! Лейтенант будет съеден! И бесполезно доказывать и приводить данные статистики, что на тысячу прооперированных по поводу аппендицита в ВС СССР умирает трое, а по Союзу – шесть человек. Лейтенанту на флоте не место! Как же?! Зарезал человека! Да и любовницу имеет!

Итак, приказание я получил. Но выполнить его было ох, как непросто: в свое время на кафедре судебной медицины, я с великим удовольствием избегал эту неприятную процедуру (вскрытие трупа!), ловко перепоручая ее коллегам, изображавшим из себя на тот момент великих судебных медиков и патологоанатомов. Но жизнь, как видим, диктует свои условия.

Вооружившись нужным папирусом (методическая рекомендация по вскрытию…), затребовав у командира пять (!) литров спирта для “консервации органов и тканей”, я приступил к выполнению приказания. Вся процедура, описывать которую здесь не стоит, длилась пять (!) часов. (Опыта ведь нет совсем, а теория – только в папирусе, а не в голове.) Но через каждые двадцать минут КП эскадры неумолимо требовал сведения, причины… Торопил и грозил. Через пять часов причины были ясны и доложены на КП в виде телеграммы: “ В период с… по … марта с.г. старшим лейтенантом медицинской службы Ивановым произведено вскрытие трупа матроса имярек. В результате установлено: причиной смерти послужило токсическое поражение дыхательного центра вследствие приема матросом внутрь одного флакона концентрированного одеколона типа “Гвоздика”, выданного экипажу накануне помощником командира по снабжению для гигиенических целей”.

Командир СКР, капитан третьего ранга Судаков.

В данном случае виноват сам погибший и… тропики,

измотавшие его организм. Но со всей строгостью был наказан помощник командира по снабжению, накануне получивший благодарность командира корабля за проявленную заботу об экипаже. Изменчива судьба флотская, ищущая крайних. В любой ситуации крайний должен быть! Указано было также на низкий уровень политико-воспитательной работы на корабле. Не пострадал лишь я, так как был поощрен тем, что на “консервацию органов и тканей” израсходовал 0,5 литра спирта из отпущенных командиром пяти.

В результате длительной переписки корабля с КП эскадры и КП эскадры с ЦКП ВМФ было получено разрешение захоронить погибшего в море. Какая же трагедия для матери, потерявшей сына и лишенной возможности даже посетить его могилу! Но флот, забирая человеческие жизни, не всегда в состоянии доставить погибших на Родину. И украшаются морские карты печальными крестами на определенной широте и долготе. Так было всегда. Так и будет, пока живет на море беспокойное племя моряков. И всегда будут проклинать матери и жены прекрасную в своем неистовстве океанскую стихию.

Глава 53
ХИРУРГИЯ

Предстоял очередной официальный визит. На сей раз в столицу НДРЙ Аден. С точки зрения познания мира и расширения кругозора (в т.ч. и политического) любое посещение новой, ранее не виденной страны, интересно само по себе и вызывает в военморах определенный психологический подъем. Но для советских моряков сочетание слов “визит” и “официальный” этот подъем снижает. Официальный визит – это праздник. А как мы помним, “праздник для офицера, что свадьба для лошади: голова в цветах, а ж... в мыле”. Тем более, что два визита уже состоялись. И мы знакомы уже с липким, потным сукном флотских брюк . Но не моряки выбирают свою судьбу. Она решается чиновниками МИД во фраках и начальством из ГШ ВМФ в “больших погонах”. Правда, последние, чтобы получить эти погоны, сами потели под жгучим тропическим солнцем.

Корабль стоял в заданной точке, известной всем морякам ВМФ, посетившим Индийский океан. Ш – 12°29′ Д – 44°41′. Вечерний хариф ласково обдувал голые тела моряков, собравшихся на баке для просмотра художественного кинофильма. В первом ряду, в центре, сидел адмирал. Перед ним на волнорезе занял свое место беспардонный, не соблюдающий субординации Чоп. Фильм был выбран “собачий”: “Ко мне, Мухтар!”, и моряки заранее предвкушали потеху от концерта, который будет представлен лохматым бродягой Чопом – ведь на экране на протяжении всей картины будут кипеть собачьи страсти. Но ...

По пути на бак я был остановлен экспедитором ДС, который вручил мне телеграмму, пришедшую со знакомого нам СКРа, стоящего в данный момент на рейде острова Сокотра. Телеграмма гласила :

“Командиру корабля произведена операция апендэктомия. Аппендицит не найден. Подпись: капитан медицинской службы Бураков "

С точки зрения медицинского смысла данной информации все было в ажуре. “Проведена апендэктомия, т.е. аппендикс удален. “Аппендицит, т.е. воспаление, не найден”. Бывает. Не столь уж редкое явление во врачебной практике, когда удаляются отростки, хотя и без признаков воспаления, но дающие типичную для острого аппендицита клиническую картину. С точки же зрения военспеца с красными погонами, обязанного взять

“поправку на дурака”, смысл телеграммы был другой : во время операции врач не смог найти в брюшной полости сам аппендикс, т.е. отросток. Я доложил полученную информацию вместе с “поправкой” адмиралу.

– Идите в пост, вызывайте на связь начмеда СКР и уточните обстановку, – приказал адмирал.

Из переговоров с коллегой стало известно, что в течение четырех часов все попытки оперирующего найти отросток у оперируемого к успеху не привели. Больной зашит (что категорически запрещает хирургия) и ждет путешествия в рай. Начмед ждет выговора, снятия с должности, движения по этапу и помощи Иванова. Адмиралу было доложено следующее: огромные технические трудности, встретившиеся при проведении оперативного вмешательства, не позволили врачу СКР в одиночку справиться с операцией. Требуется хирургическая бригада с анестезиологом. Вывод: надо идти на помощь.

Не успел Чоп тявкнуть на Мухтара, как звон колоколов громкого боя сорвал моряков с мест и бросил их на боевые посты.

“Боевая тревога. Корабль экстренно к бою и походу приготовить!” На СКР дана команда сняться с якоря и максимальным ходом идти навстречу крейсеру. Полторы тысячи человек со скоростью 56 узлов устремились навстречу друг другу, рискуя сломать собственные хребты ради спасения одного своего собрата.

Не успел я рассказать анекдот собравшимся в медотсеке по боевой тревоге коллегам, как броневая дверь с лязгом отворилась и взору собравшихся предстал очередной страдалец-моряк. Обследование показало, что и он нуждается в неотложной операции. Диагноз : ущемленная косая паховая грыжа. Заматерившись в душе и приказав срочно готовить операционную, я отправился на доклад к адмиралу. Выслушав доктора, мудрый змей Каа изрек:

– Могу только посочувствовать вам, профессор. Могу также предложить вам граммов сто для храбрости. Налить?

И вопросительно посмотрел на застывшего по стойке “смирно” офицера.

– Так точно, налить! — Никогда еще меня не угощал адмирал.

Молча вышестоящий начальник вынул из холодильника красивую бутылку, молча поставил на стол стакан, молча положил рядом бутерброд и молча налил стакан доверху. Я молча выпил и снова стал по стойке “смирно”.

– Закуси давай, док!

– После первой не закусываю, товарищ адмирал.

– Х-м… Иди, профессор, работай.

– Есть.

Первая операция была закончена в два часа ночи. И успешно.

Но предстояла вторая, изрядно беспокоившая меня. В отличие от адмирала я не считал себя профессором, хотя медицинский червь самолюбия с бесшабашностью молодости в возрасте двадцати семи лет шептал о том, что “все будет о’кей”. В каюте я уснул. Утро вечера, как известно, мудренее.

XXX

Разбудил меня рассыльный вахтенного офицера. Было десять часов утра. СКР швартовался своим правым бортом к левому борту крейсера. На левом крыле ходового мостика стоял командир и в “матюгальник” отдавал команды швартовой команде. Распоряжения командира дублировал главный боцман Григорьич, украшая их “боцманским художественным свистом”. То же самое происходило и на СКРе, только с правого борта. Всеобщий кавардак, как определил бы чиновник финансового управления, складывался в стройную песню морского взаимопонимания, заставлявшую одну стальную громадину нежно коснуться своим бортом борта другой, великое искусство судовождения. С крейсера на СКР перекинут трап. И едва проснувшись, я перешел на борт младшего собрата, где ждал сотрясаемый нервами неудачник-коллега и измученный коллегой разрезанный и зашитый командир.

Больной лежал в корабельном лазарете. На мое приветствие он разразился истерически эмоциональной речью.

– А…а Пришел!? Все вы сволочи и козлы! Клистиры!

Эмоции нужно было сбить сразу же, т.к. они здорово мешают при обследовании и установлении истины.

– Слушай ты, зелень подкильная! Твоя истерика вчера помешала сделать доктору свое дело! Но я тебе не подчинен! Ты мне не начальник. Еще раз заорешь – на столе зарежу! Я пришел спасти тебя, а не слушать твой мат.

Не по уставу, невежливо. Ай-яй-яй!

Больной тихо сложил руки на груди. Бураков рыбкой шмыгнул из лазарета принимать валидол и пить валерьянку. Страдальца доставили в операционную крейсера. Тихого и скромно дышащего.

Через пятьдесят минут операция была закончена. Подлый отросток прятался забрюшинно. (Да простят мне бухгалтеры и сотрудники НИИ МО эти специфические термины!) В очередной

раз я отправился к адмиралу с докладом о сделанном. Умудренный опытом комэск с тревогой в голосе спросил:

– Что так быстро, лейтенант? Неоперабельное что-нибудь нашел?

– Никак нет, товарищ адмирал. Операция закончена. Обычный флегмонозный аппендицит. Сложный случай.

Облегченно вздохнув, адмирал произнес:

– Молодец, профессор! Так и быть, разрешаю тебе сегодня съесть мой адмиральский бутерброд.

И собственноручно “привел военмора в нетрезвое состояние”.

Назавтра в 9.00 прооперированный Судаков лежал в корабельном лазарете, а крейсер входил на внутренний рейд порта Аден, предводительствуемый лоцманским буксиром. Оркестр под управлением Михайлова наяривал советские и русские марши. Экипаж (белый верх, черный низ), построенный вдоль правого борта, потел, изображая торжественность момента. Найчик выражал своей скороговоркой все, что он думал, думает и будет думать обо всех остолопах, с кем ему приходилось и приходится служить в настоящее время. С берега тянуло специфическими запахами развивающейся страны. На берегу по склону серого вулкана громоздились дома и домики непривычной русскому глазу архитектуры. Жидкая растительность, проносящиеся по набережной изношенные машины, снующие в порту ржавые буксиры и несколько военных кораблей справа по борту – вот и весь пейзаж, все впечатления. В городе такие же крикливые, как и в Порт-Луи, торговцы, предлагающие покупателем, отягощенным долларами, ручки и соски, тот же зной, духота и те же африканские лужи. Те же советские и иностранные гости, экскурсии “по маршрутам обхода”, те же вечерние разговоры в каютах. Заметно, что острота восприятия окружающей действительности снижена. Дипломатический церемониал и протокол, взваленный на плечи простых крестьянских парней необходимостью поддержания интернациональной дружбы. Будь она неладна.

Но даже уныние пейзажа не могло повлиять на разворотливость и инициативу снабженца Фомича. Неутомимо сновал он на баркасе с крейсера на берег и обратно, улыбаясь любому встречному на берегу (дружба) и выражая недовольство своим косым взглядом всем на корабле (служба). Уютно расположившись в каюте ПКСа Крепкого, празднично сервировав стол, пригласив туда же представителей местного торгового мира и закрывшись на замок, Фомич считал динары, отпущенные на ублажение флотских желудков, торговал фрукты и овощи, подсчитывал презенты и обсуждал с интердрузьями по торговле

проблему, как оформить документально полученные в подарок от главы правительства 15 тонн арбузов. Но оформить так, что якобы эти арбузы куплены в фирме. И вместе с тем так, чтобы денежки с крейсера не ушли, но и на балансе не значились. Вот фокус! Кио – младенец! На то он и снабженец, чтобы Кио за пазуху заткнуть. Подарок главы тысяча матросов кушала две недели. Но не в дополнение к утвержденным нормам судовых деликатесов, а вместо них. Вопрос: куда подевались утвержденные нормы? Ответ. Были успешно обменены на РФС “Авиатор” на сухое вино. Вопрос. Пил ли экипаж это вино? Ответ. Нет, не пил. Кто же его ...? Пусть ответит шустрый Фомич. Да и доктор вместе с ним. Вкусно холодное сухое вино в тропиках.

За организацию проведения официального визита крейсер получил оценку “отлично”. И ушел из порта.

Глава 54
РОЖДЕНИЕ КОРАБЛЯ

К прибытию на остров Сокотра командир Судаков вполне оклемался, воспрянул духом, подружился со мной, т.к. в течение недели жил не в корабельном лазарете, а в моей каюте, пользуясь всеми благами флотского гостеприимства, и благополучно переселился на свой СКР под наблюдение доктора Буркова, обещая мне до гроба не забыть оказанную услугу.

Адмирал убыл на свой лесовоз управления, предоставив команде крейсера три дня отдыха.

Отдых для моряка, находящегося в плавании, понятие относительное. Обязанности по занимаемой должности никто с военмора не снимет, однако, в официальных отчетных документах, представляемых в политуправление, выходные дни значатся никак не реже двух раз в неделю. На судах ММФ выходные дни не условны и либо оплачиваются в двойном размере, либо присоединяются к отпуску, тем самым обеспечивая морякам возможность фактически восстановить силы и отдохнуть. Военные моряки подобных привилегий лишены. Скорее всего потому, что государство желает сохранить их здоровье до глубокой старости.

Меня вызвал к себе командир.

– Док! Тебе предстоит трудное дело. Меня, зама и тебя пригласил на день рождения корабля твой “крестник” Судаков. Я и зам по условиям обстановки пойти не сможем. Но, так как долг вежливости отдать все же необходимо, то мы решили откомандировать на СКР тебя. Это значит, что ты должен вечером вернуться домой, уложив командира СКР или в постель, или в салат. Вопросы?

– Вопросов нет.

На командирском катере, кокетливо вздымающем хвост буруна за кормой, я лихо швартонулся к парадному трапу украшенного флагами расцвечивания СКРа. Одетые в парадную белую форму моряки внимали торжественным речам командира. Гостя встретил вахтенный офицер и, поздоровавшись, проводил его на ют. От имени командования и экипажа крейсера я поздравил командование и экипаж сторожевика с праздником, вручил приветственный адрес и вместе с командиром ушел в его каюту. Извинился от имени командира крейсера за то, что последний не смог лично засвидетельствовать свое почтение, объяснив свою невежливость “условиями обстановки”. Приняв

извинения, Судаков пригласил к столу, предварительно выставив за дверь каюты своего зама, под тем предлогом, что зам командира крейсера тоже отсутствует.

В каюте за празднично накрытым столом остались двое. Если учесть, что стол был сервирован в расчете на пять персон, то можно себе представить, сколь трудное испытание предстояло этим двоим жертвам флотских традиций. В холодильнике, в расчете на пять персон, стояли бутылки с “чаем”.

День рождения корабля, т.е. день поднятия на нем военно-морского флага, самый торжественный и радостный праздник для экипажа, несмотря на целый ряд официально существующих государственных праздничных дат. И хотя радость моряков несколько омрачается официально-обязательными речами и митингами, но день проходит в состоянии легкой эйфории и сознании собственной значимости, понимании нужности людям и радости причастности к великому братству моряков. И этот единственный в году день можно с полным основанием отнести к выходным, несмотря на то, что и дежурная, и вахтенная служба бдит своим чередом.

К вечеру, через рассыльного и дежурного по связи, я вызвал к борту сторожевика крейсерский баркас. Прибыв на крейсер с помощью товарищей поднявшись на борт, я отправился с докладом к командиру.

– Товарищ командир! Старший лейтенант Иванов с праздника прибыл. Судаков... в салате! Честь крейсера не посрамлена!

Командир, окинув насмешливым взглядом своего подчиненного и оценив четкость дикции, с которой производился доклад, отдал распоряжение:

– Идите спать, доктор!

Что и было исполнено последним.

Глава 55
ДАХЛАК

По новой вводной, выпавшей из рога изобилия командира эскадры, крейсер взял курс в Красное море. На Дахлак. Этот архипелаг знаменит тем, что когда-то во времена колониального ига Италии над Эфиопией здесь колонизаторы устроили тюрьму для тех, кто проявляет любопытство к механизму власти. Несчастные, попав в тюрьму, погибали под палящими лучами солнца. (Температура воздуха – 64 градуса в тени). Но наш советский человек плевал с высокой колокольни на все дурацкие колониальные порядки. Он живет и выживает там, где не могут жить даже одногорбые верблюды, вместо пресной воды употребляющие соленую. Здесь не выживают даже тощие козлы, т.к. гибнут в местных ямах-колодцах, пытаясь добыть глоток воды на выжженной вулканической почве. Солнце убивает все, кроме советских моряков. И только в период дождей (декабрь-февраль), бурно просыпаясь, природа вознаграждает живущих пышной яркой зеленью и малярийными комарами. И еще известно, что Красное море – самое соленое море в мире. И самое теплое. Вода прогревается до 32 градусов, что никак не принимается в расчет инженерами от учености НИИ холодильной промышленности, разрабатывающими для ВМФ холодильные установки для кондиционирования воздуха. Эти установки могут работать при температуре забортной воды не выше плюс 28 градусов. Значит, в Красном море моряки остаются без холода в накаленной солнцем консервной банке. И если бы не фирма “Хитачи”, то... И когда поумнеет КПСС и советское правительство, выбрасывая в пекло своих наиболее преданных Родине людей?

Крейсер встал на внешнем рейде острова Нокра. Главный боцман Григорьич готовил баркас для похода за кораллами и каури. Эти дары моря, невиданные в Союзе гражданами страны, не связанными с морем, имеют разные уровни ценности.

1. Их можно продать в сувенирных магазинах. Ценность “даров” будет выражена в обычных “деревянных” совдензнаках. Но никто из моряков подобные сделки не уважает и красоту в рубли не переводит. Хотя и исключения возможны.

2. Кораллы и ракушки можно поставить в собственной квартире, украсив ее, и тем самым заработав признательность жены и вызывая радость собственных детишек.

3. Можно их же подарить друзьям, знакомым и родным, вызвав “ахи” и “охи” и заработав “спасибо”.

4. Но существует и еще одна сторона вопроса, о которой знают только военморы: дары Индийского океана, выложенные на стол очередной группе проверяющих и членов различных комиссий, гарантируют отличную оценку в акте проверки вне зависимости от истинного положения вещей. В случае, если на ваше счастье ваш непосредственный начальник по специальности вдруг возомнит себя страстным коллекционером и знатоком морской флоры и фауны – очередное повышение по службе может быть ускорено, если, конечно, вес "волосатой лапы" какого-либо "позвоночника" не перетянет веса "даров".

Особенно неравнодушны к подобного рода подаркам визитеры из Москвы, т.к. они-то лучше знают истинную их ценность, выраженную в неконвертируемой валюте. Дальневосточники, вручающие презенты москвичам, утешают себя лестной пословицей: "Сто рублей – не деньги, тысяча километров – не расстояние".

На "охоту" вместе с боцманом шел доктор с сумкой неотложной помощи, группа матросов и, для проведения идеологической работы, пропагандист Животов. Каждый из них был экипирован следующим образом: плавки, разового использования рубашка для подводников (ненадежная защита от солнца), маска, трубка, ласты, мешок для сбора ракушек, привешенный к поясу, перчатки для защиты рук от морских ежей и пика для переворачивания камней и защиты от морских хищников – что называется на танк с дубиной! Отвалив от борта корабля, баркас затарахтел вдоль изрезанного бухточками, подмытого волнами берега, готового в любой момент рухнуть в воду. Чахлые деревца верблюжьей колючки, редко торчащие на выжженном плато, олицетворяли собой всю местную флору. Изредка можно было видеть одинокого пеликана, лениво пролетавшего над водой, неизвестных морякам чаек-уток-нырков, иссушенного солнцем и застывшего на берегу верблюда с одним горбом, т.к. на два горба недоставало воды и жира. Смотреть на небо и море – невозможно, больно глазам от нестерпимо яркого света. Жара... жара... как у Высоцкого. Даже Григорьич угомонился и не рассказывал свои обычные были-сказки. Чоп, высунув язык, лежал в форпике возле анкерка с водой, выражая свое собачье удивление столь глупым морякам, бросившим себя на сковородку ради сомнительного удовольствия окунуться в теплую, соленую, но все же желанную воду.

А "сковородка", тарахтя дизелем, медленно приближала группу товарищей к цели. Якорь бросили в живописной бухточке среди коралловых рифов. И сразу же все прыгнули за борт, облегченно выдохнув в трубки, но, вместе с тем, оставив на борту

одного несчастного для ведения наблюдения за акваторией – акулы в здешних местах не редкость. Я вспомнил смешной (после окончания события!) случай. УК “Бородино” стоял в Индийском океане в ожидании захода в порт Мадрас. Проводились “покрасочные работы”. СПК Куракин решил организовать купание для офицеров корабля, каковое возглавлял лично. Спустили баркас и десяток офицеров прыгнули в воду. Минут через двадцать, насладившись купанием, все забрались на борт. Метрах в пятидесяти от баркаса купался только старпом. И вдруг в ста метрах от безмятежно развалившегося на волне СПК офицеры заметили два треугольных, плавника океанских разбойниц, о чем и заорали дружно, привлекая внимание купавшегося СПК. Услышав крики офицеров и увидев приближающихся хищниц, СПК “вышел на редан”: Сальников со своими олимпийскими рекордами был посрамлен и побит. Скорость пловца была такова, что позволила ему вскочить в баркас не касаясь борта руками, что сделать совершенно невозможно. Трое суток СПК пил валидол. Трое суток офицеры ехидно хихикали во время построений.

Моряки разбрелись “по пастбищу”, то и дело ныряя в глубь и доставая на поверхность кораллы и другие разбросанные среди рифов и скал сувениры, нагружая ими мешки на поясе и спасательные круги, тащившиеся вслед за добытчиком на длинном шкерте. Удовольствие от подобной “охоты” не идет ни в какое сравнение с “охотой” на зайцев и фазанов: прекрасный подводный мир сам по себе является наградой для заглянувшего в него. К тому же сломанный прекрасный, но мертвый коралл, не вызывает жалости и сожаления по столь же прекрасной, но загубленной жизни лесного обитателя. Живое должно оставаться живым!

Моя очередь. Я забрался в баркас и приступил к наблюдению. Основная группа моряков уплыла к берегу, куда глубины не позволяли подойти на баркасе. Расстояние между охотниками и плавсредством было около двухсот метров, когда из-за ближайшего мыска показалась стая акул, медленно отсекающих пловцов от баркаса. Поняв, что кричать об опасности бесполезно (уши моряков под водой), я завел двигатель и, первый раз в жизни управляя баркасом, чудом лавируя между рифами, двинулся наперерез стае и в направлении товарищей. Через пять минут все были на борту. Было принято решение прекратить “охоту" и отправиться на корабль. Из лабиринта рифов, в который доктор с перепугу загнал баркас в несколько минут, выбирались два с половиной часа, что отметил боцман Григорьич изрядной порцией “теплых” словечек в адрес “карася” – эскулапа. Обожженные лица, шеи и руки неприятно саднило: соль

разъедала кожу. Но настроение у всех было великолепное. Источая приторно-сладкий аромат, в баркасе лежали горы сувениров. И долго еще будет витать на палубах крейсера специфический запах и зловоние разлагающихся мелких морских организмов, живущих и погибающих в веточках отмытых до снежной белизны кораллов.

XXX

Не успел я принять душ и развалиться в относительно прохладной каюте, охлаждаемой грохочущим кондиционером, как в дверь ворвался врач и сообщил, что в медотсек доставлен без сознания матрос – дежурный хлебопек, находившийся в сауне хлебопекарни (+ 65 градусов) в течение четырех часов. Диагноз – перегревание. Не какой-то там несчастный тепловой удар, а именно классическое общее перегревание организма тяжелой степени. Температура тела +41,2 градуса . А как известно врачам, при температуре тела + 42 градуса в крови происходит свертывание белков и ...exitus letalis к вашим услугам. Немедленно приступили к оказанию помощи. В две вены под давлением начали вливать холодные растворы, все запасы холодной воды из кают были вылиты на пострадавшего, вся “ледяная шуба” из рефрижераторных камер снабженцев перекочевала в лазарет и укутала своим ледяным панцирем тело, отказывающееся самостоятельно охлаждаться. И так в течение четырех с половиной часов. Положение осложнялось еще и тем, что на корабле механики затеяли “обеспаривание”, отключив даже те слабосильные холодильники, которые работали на медблок. (Механики ВМФ и ММФ знают, о чем идет речь, а остальным и не надо. Специфика). Через четыре с половиной часа пострадавший пришел в сознание. Корабельный терапевт Григорьев в изнеможении упал в кресло.

Но на сем испытание для докторов не закончилось – в лазарете ждал своего часа дозревающий аппендицит. Операционную развернули привычно быстро. Больной на столе. Спит, заторможенный наркотиками. Оперирует Иванов. Ассистент – Григорьев. Кожный разрез ... Терапевт падает в обморок. Вот так! Это вам не в кремлевской больнице и не в госпитале им. Бурденко или ВМА им. Кирова : крейсер, Дахлак и + 64 градуса. И как тут после окончания работы не снять стресс в каюте с помощью знаменитых флотских пяти капель? Даже, если зам караулит!

Сколько подобных ситуаций возникает в жизни врача-

моряка? Сколько седин вплетают эти ситуации в чубы медиков? Сколько орденов вешает Родина на грудь врачей за столь каторжный труд? А нисколько! Система… Ей до лампочки чей-то там тяжкий труд! Самой бы навесить золотых звездочек… штук пять, а то и орден “Победа” себе привинтить в мирное время. Тьфу!

XXX

Два месяца корабль стоял на рейде острова Дахлак. Два месяца, изнемогая от жары, моряки проводили ППР, МПР, политзанятия и боевую подготовку. Два месяца организмы пытались адаптироваться к местному климату, постепенно превращаясь в местных негров. Что и удавалось отчасти. Танкера привозили воду, овощи, фрукты и почту. Один раз в месяц, что явно недостаточно. Я организовал двухстороннюю связь с берегом через суда ММФ, оказывая экипажам танкеров посильную медицинскую помощь. Раз в неделю мог передать телеграмму домой, обрадовав тем самым жену и дочурку. Раз в неделю я мог получить телеграмму из дома, радуясь при этом подобно младенцу, захватившему мамину грудь. Офицеры, лишенные подобной счастливой возможности, пытались выяснить через доктора обстановку на берегу, что, естественно, сопряжено с большими сложностями, т.к. жены моряков, как это ни странно, встречаются между собой довольно редко, да и то случайно. Ниночка иногда могла видеть жену корабельного бога войны, артиллериста Борисова, т.к. жили они почти по соседству. И Борисов часто интересовался содержанием телеграмм, получаемых от жены доктором, надеясь найти в них упоминание о своих близких. Характер командира БЧ-2 отличала одна яркая черта – ревность, что часто служило предметом розыгрышей, устраиваемых своему коллеге командирами боевых частей. Например, в день рождения “бога войны” по трансляционной радиосети прозвучало следующее поздравление:

– Товарищи! Сегодня у нашего сослуживца – капитана третьего ранга Борисова – день рождения. Мы поздравляем его от всей души и желаем всяческих благ, здоровья и счастья. К поздравлениям присоединяется и его жена, приславшая телеграмму. Она просит передать для мужа песню “В нашем доме поселился замечательный сосед”. И хотя подобного и быть не могло, даже по условиям организации связи, Борисов, опрокинув суп на собственные штаны (дело было за обедом), выскочил из ККОС и в течение трех дней не мог пить чай, т.к. руки его

дрожали. Смешно?!

Или доктор (в ККОС, конечно!) вдруг говорил своему товарищу:

– Получил от Ниночки телеграмму. Видела она твою жену. Все дома хорошо у тебя.

– А где они виделись? – следовал вопрос.

Как само собой разумеющееся, я изрекал, сохраняя вполне серьезный вид:

– Да твоя ко мне домой заходила. Ребенка нужно было на ночь оставить.

Руки Борисова начинали дрожать.

– А это еще зачем?

– Да она собиралась на вечер какой-то, или на пикник за город.

Все! Сознание ревнивца отключено.

– Где телеграмма? Трали... вали

– Выбросил! Ты чего орешь?

Вам смешно. Но не смешно обладателю столь любвеобильного сердца. А вечером я приносил в каюту и показывал страдальцу телеграмму, в которой было написано: “ Видела жену Борисова. Любит. Передай привет. Целует.” Воскресший лез целоваться к доктору, забыв напрочь жестокость розыгрыша и предлагая пять капель.

Кстати, насчет розыгрышей. Это явление на флоте распространено, как дизентерия: без обоих флот существовать не может. И не дай бог кому-либо показать хоть в чем-то свою слабость! Она тут же будет замечена коллективом и именно в это Locus minoris resistencial (место наименьшего сопротивления) будут бить меткие, иногда ядовитые, иногда “ с душком” стрелы флотского юмора.

Дадим один из образчиков розыгрыша, устроенного бывшему стоматологу крейсера Холодову. Мы ведь помним его!?

Срок службы Холодова на корабле подходил к концу (на два года призван). Через неделю должен был выйти приказ МО об увольнении моремана в запас. Радуясь предстоящему событию, известив о нем собственную жену в Ленинграде, Холодов, однако, своей радости публично не высказывал. Наоборот, в разговорах с офицерами и своим начальником Ивановым, скорчив грустную мину, сетовал, что, мол, еще годик можно послужить, уж больно по душе пришлось море. Неоднократные заявления Холодова о любви к кораблю натолкнули меня на мысль... Согласовав “мысль” с командиром дивизиона связи, родив надлежащий документ, я утром вызвал стоматолога к себе в каюту.

– Сергей Петрович, я хочу обрадовать вас. Ваше желание

сбылось. Зачитываю вам телеграмму ЗАС.

“ Во изменении Приказа МО СССР № (именно тот номер, которым был призван Холодов на службу), от ноября 1978 года (та же дата), срок действительной военной службы выпускникам ВУЗ МЗ СССР и Министерства водного транспорта (для солидности) продлить сроком на один год”. И подпись: начальник Генштаба.

Холодов изменился в лице и заверещал:

– Я не хочу… я жене написал… у меня дети!

– Я не понимаю вас…

Но Холодов уже исчез из каюты.

Командир ДС, связисты-моряки на постах связи, к которым обратился разоблаченный любитель моря, подтвердили ему факт получения телеграммы. Офицеры в ККОС, будучи уверены в действительном существовании данного приказа, поздравляли стоматолога, убежденные им же самим в искренности своих душевных порывов. К вечеру лицо Холодова стало черным, а глаза источали влагу. Сжалившись над коллегой, я пригласил его в каюту.

– Я пошутил, Сергей Петрович, и, как видите, рву эту телеграмму.

Вместо того, чтобы дать по физиономии “шутнику”, Холодов бросился ему на грудь с воплями.

– Спасибо! Спасибо! Товарищ старший лейтенант…

Флот воспитывает вежливость!

День получения писем из дома – праздничный день. И то чаще, то реже эти праздники все же случались в экипаже. Не получал писем только командир. Причиной подобных фокусов может быть… много может быть причин. Но мозг моряка отвергает все, кроме одной. Насколько тяжело находиться в море с подобными мыслями в голове и чем грозит это человеческому организму, знают только сами моряки и … врачи. В день получения, вернее неполучения писем, когда матросы и офицеры читали вести из дома, командир вызвал к себе начмеда.

– Док, что-то плохо я себя чувствую. Слабость неимоверная. Даже руку в кулак сжать не могу.

Учитывая огромную физическую силу командира, я не на шутку испугался, когда тот не смог пожать протянутую докторскую руку. Командир был немедленно уложен в постель. В течение десяти дней проводилась усиленное лечение. Диагноз: “Переутомление, тяжелая форма”. Чтобы не взорваться, нервная система находящегося в течение полугода в плавании моряка, защитила сама себя – расслабилась.

В адрес ленивой жены командира я мысленно посылал

пламенные приветы на латинском языке.

Глава 56
ДОМОЙ

Самый мучительный месяц похода – последний. Экипаж настраивается на встречу с родными. Служба не лезет в голову, внимание рассеивается, исполнительность падает. И только усилием воли люди заставляют себя выполнять осточертевшую, но необходимую работу, утешая себя мыслью, что месяц плавания – последний. К этому событию готовятся, его обсуждают и ждут, как манны небесной. И вот он наступил, ура! Со дня на день теперь экипаж ждет приказа на выход домой. Но... приказа все нет. Начинаются конфликты в коллективе. Кривая НУВЗ ползет вверх. Никакие призывы и воспитательные меры не действуют – человеческая нервная система бунтует, бастует и... срывается. И вот, наконец, телеграмма ЗАС Нр 26/151/30 от...

“В соответствии с решением НГШ ВМФ № от ... 1981 г срок похода крейсеру “А. Суворов” продлить на один месяц”

Подпись: командующий ТОФ.

Нервная система уходит в пике. Через месяц... Нервная система срывается в штопор. Кто придумал подобную пытку? “Служба в ВМФ очень тяжелая. Русские сделали ее невыносимой”. Цитата из “вражеской” газеты “Московские новости”.

“Климат Сахалина (по Чехову А.П.), как и служба в ПС ВМФ (по Иванову П.И.) предрасполагают к беспробудному пьянству”. Это вот в таких ситуациях!! Иначе – сдохнешь!

Офицеры – руководители боевых частей и служб – сидели в каюте и предавались... горьким размышлениям о собственной судьбе. И хотя друг о друге было известно все до мелочей, интерес к взаимной беседе не иссякал. Истории и анекдоты, слышанные десятки раз, повторялись снова. Мозг тупел, терял способность.к анализу информации, ее дифференцированию и отбору. А если бой? Можно петь “варяга”. В состоянии дикой усталости человек не способен вести морские баталии, где требуется тончайший расчет и мгновенная реакция. Родина обязана обеспечить отдых своим защитникам, и только в том случае может рассчитывать на защиту. Иначе – смерть обоюдная.

В разгар дискуссии (три... тетраскуссии) рассыльный передал мне приказание прибыть в каюту командира, до смерти надоевшего всем, несмотря на то, что, по оценке экипажа, он был хорошим человеком. Просто все надоели друг другу – вне зависимости от человеческих качеств. В ожидании очередной порции трепа, заранее настроившись выдержать выпавшее на

долю испытание – слушать, я прибыл по вызову. Однако, командир на треп настроен не был.

– Читай, – протянул он телеграмму своему верному начмеду.

“ ТЛГ ЗАС нр... командиру крейсера “А. Суворов”. До 1.09. 81 г. прошу представить на должность флагманского врача соединения НК начальника медицинской службы крейсера старшего лейтенанта мед. службы Иванова. Командир соединения Чериватый.”, – прочел я.

– Ну что, док, надо расти! У тебя все впереди. Я согласен с предложением комбрига.

– Но я не согласен, товарищ командир. Предлагаемое мне соединение в Совгавани. Квартира у меня во Владивостоке. Дочка в садике. Жена работает в главном госпитале. И вдруг снова мне придется все ломать?! К тому же НМС ТОФ мне обещал должность флагмана, но во Владивостоке. Я не согласен.

– Хорошо, идите. – Уже на “вы”.

И совсем я был сбит с толку, когда через несколько дней узнал, что мой любимый командир, несмотря на веские доводы, приведенные мной в пользу своего отказа от назначения на вышестоящую должность, телеграмму все же отправил. В ней было указано: “Проведена беседа с кандидатом на должность флагманского врача соединения. Офицер с назначением согласен.” Этим был нанесен первый удар по безграничному доверию, которое питал я к своему первому на флоте командиру. Уровень подготовки старшего лейтенанта медицинской службы в вопросах прохождения воинской службы не позволил доктору предположить, что причиной подобного поступка командира было его желание уйти на учебу на ВАК при ВМА им. Гречко, исключавшее любые трения с командиром соединения. Лучше уж пусть старший лейтенант передислоцирует к новому месту службы свою семью, разорив при этом с великим трудом построенное “гнездо”, чем любой, даже самый лучший командир, рискнет вызвать на себя гнев своего непосредственного начальника. Печальна повесть о флотских Ромео и Джульеттах, судьба которых играет влюбленными, как слепыми и потому бесправными щенками. Попал во флотский кузов – не чирикай. Выполняй приказания, неси “ тяготы и лишения". А при чем здесь жена и дети? Они ведь присягу не принимали?! В знак протеста я устроил маленький “междусобойчик” в каюте механика, где и принял поздравление с грозящим повышением в должности.

XXX

“Всему на свете приходят сроки. А соль морская въедлива, как черт...” Пришел срок отправиться домой из Индийского океана и крейсеру “А. Суворов”, о чем возвестила долгожданная телеграмма ЗАС, подписанная командующим флотом. Однако, долгожданной бурной радости она не принесла – нервы моряков перегорели после трех коротких замыканий, устроенных телеграммами НГШ, продлевавшими срок похода крейсеру ранее. Итак, вместо шести месяцев по плану, крейсер вынужден был бороздить океан в течение девяти, не предоставляя своим братьям по поту ни отгулов к отпуску, ни долларов в кубышку. Возвращались к тому, от чего ушли.

Однако, по пути домой предстояло посетить столицу республики Шри-Ланка. Порт Коломбо. Как мы помним, в этом порту разыгралась трагикомедия общения Бесполого с представителями германской нации, закончившаяся для военмора изгнанием из ВМФ. И снова с официальным визитом. И все повторялось сначала.

На палубу крейсера опустилась птица-кулик: сантиметров десять ростом и с таким же длинным клювом. Часто бывает такое. Заблудившиеся в океане птицы, по каким-либо причинам сбившиеся с караванных путей движения своих собратьев, ищут спасения на проходящих кораблях. Они просто падают на палубу и мачты и мгновенно теряют сознание. Но птица-кулик, попив воды, быстро пришла в себя. Поселили ее в кубрике № 1 боцкоманды. т.к. именно боцманы ее и спасли. Освоившись в обстановке, кулик прежде всего произвел дезинсекцию, доставая тараканов из всех щелей своим длинным клювом. Затем стал на страже порядка прямо в центре кубрика. Нужно было учесть, что кубрик № 1 был давно обжит Чопом. Кулик в данном случае выступал в роли захватчика-агрессора, посягнувшего на чужую территорию. Чоп скатился по трапу в кубрик и замер от неожиданности: в центре его владений стояло непонятное существо и одним глазом оценивающе смотрело на хозяина. От возмущения Чоп заскулил и, подскочив к кулику сердито тявкнул прямо в длинный клюв незванного гостя. Гость, видимо приняв чоповский нос за таракана, со всего маха всадил свой клюв в черную влажную бусину.

От неожиданности Чоп упал на хвост и, застонав, выметнулся из кубрика. Рассерчав на весь белый свет, Чоп первым делом укусил за палец командира машиной группы Комячилова, за что получил пинок в зад и лишился ночлега в его каюте. Доктор, узнав о допущенных Чопом неуставных взаимоотношениях, напоил хулигана спиртом прямо из ковша эмалированного. Принеся на корабль грубый проступок, выразившийся в

употреблении спиртных напитков, Чоп разорвал штаны своему лучшему корешу Григорьичу и потерял уважение коллектива. Даже пес не выдержал напряжения похода и … сорвался. Все закономерно.

На Цейлоне, осмотрев местные достопримечательности, как то: зоопарк, чаеразвесочную фабрику и чайные плантации, попив пивка, купив ручки, чай и не известные никому камни чистейшей воды, моряки оставили последние рупии и последнюю часть души, предназначенной ГШ ВМФ и МИДом для стран бассейна Индийского океана. Крейсер сдал свою девятимесячную вахту пришедшему ему на смену очередному советскому военному кораблю – крейсеру “Варяг". Гвардейскому ракетному крейсеру. Достойная смена.

И только сейчас в душах моряков появилась уверенность, что дом не за горами (за морями, правда), что НГШ ВМФ уже не прикажет вернуться в океан и продолжить службу еще на месяц.

Крейсер с ходу в 18 узлов пересек координаты 6˚ 50’ СШ и 95˚ 00’ ВД, тем самым окончательно распрощавшись с Индийским океаном, умным и строгим адмиралом Хронопуло и гнусным ЗНПО “Гильзой”.

Ночью, ходом 24 узла, крейсер шел по Сингапурскому проливу. Слева по борту сиял Сингапур, девять месяцев тому назад сиявший справа. Заходя на посадку, над мачтами крейсера ревели “Боинги”. Черно-масляные воды пролива отражали в себе перевернутый купол неба. Офицеры, свободные от вахты, пили чай и рисовали радужные картины встречи с родными. Даже ревнивый Борисов не обижался на дружески-соленые подначки.

Трель колоколов громкого боя, привычно взорвав тишину, прервала благодушную болтовню и швырнула человеческие тела на боевые посты и командные пункты.

– Аварийная тревога! Пожар в третьем котельном отделении! Твердый голос командира заставил тревожно сжаться сердца, застывающие, кажется, на высоте систолы (сокращения). Пожар на корабле – явление страшное. Во-первых, из окна третьего или пятого этажа не выбросишься на натянутое пожарными полотнище брезента: аварийный отсек без команды нельзя покидать никому, даже если приходится погибать, сгорая заживо. Во-вторых, дым из горящего помещения за горизонт ветром не унесет, и он ядовитым облаком распространяется по кораблю, если нарушается по чьей-то безмозглости герметичность дверей и люков между отсеками. Дым лишает людей возможности дышать и видеть. В-третьих, горящее помещение всегда окружено погребами, в которых лежит миллион смертей в виде зарядов и снарядов, в любую минуту могущих взорваться и унести в рай

всех до единого. В-четвертых, горящую в деревне русскую баню можно раскатать по бревнышку, залить ее водой из ближайшего пруда и выпить сто граммов, выражая соболезнование потерпевшему. Крейсер по бревнышку не раскатаешь. Соленая вода в пожарных магистралях не позволяет тушить горящую и под напряжением электропроводку, т.к. по законам физики подобная попытка закончится электросмертью пожарника. Горящий мазут или другое применяемое на кораблях топливо водой не зальешь, т.к. оно, всплывая, горит на поверхности воды.

Потому и существуют на флоте специальные пенные огнетушители и генераторы пены типа ГВПП-100 и 200. Если пеной пожар задавить не удастся, то можно горящее помещение заполнить фреоном – специальным газом, в котором, кажется, уж ничто не горит. В-пятых, матросы в совершенстве должны знать принципы работы со всей противопожарной техникой в теории и уметь применять ее на практике. В-шестых, аварийные партии, создаваемые на кораблях, обязаны уметь дышать в специальных, изолирующих органы дыхания от внешней среды противогазах, обязаны уметь провести грамотную разведку очага пожара, для установления его причин и объемов. Они обязаны уметь создать “рубеж обороны” для предотвращения распространения пожара на соседние помещения. Обязаны уметь извлечь из огня и шахтных колодцев пострадавших товарищей. Механики обязаны дать командиру грамотные рекомендации по организации борьбы со стихией огня. Командир обязан не дрогнуть и грамотно руководить всеми и всем. Врачи обязаны уметь оказать помощь отравленным и обожженным. Только политработники ничем никому не обязаны. Ах, нет! Они обязаны во время пожара вдохновлять личный состав, мешая последнему бороться с огнем. А после пожара – поощрить отличившихся и найти крайнего.

Пожар в котельном отделении, причиной которого была авария топливной магистрали, через час был потушен фреоном. “Отличившиеся” лежали в лазарете. “Крайним” оказался ... солидный возраст корабля, износивший металлические стенки кровеносной системы последнего.

Зализав ожоги, крейсер прибыл в Кам-Рань, заправился топливом, водой и, прихватив в компанию младшего брата ВПК “Гордый”, лег курсом на Владивосток. Неделя, всего лишь какая-то неделя, отделяла моряков от дома и берега. Но она показалась, как "небо с овчинку”.

Было 21.00. По расчетам штурмана, назавтра в 18.00, крейсер прибывал в бухту Золотой Рог. Домой. Осталась одна ночь. Можно было считать часы и минуты. Это что – по сравнению с месяцами и неделями?! В 23.00, в очередной раз разложив

“колониальные товары”, рассортировав подарки родным и близким по пакетам, моряки уснули, решив перед встречей с Родиной хорошо отдохнуть. В четыре часа утра меня разбудил рассыльный вахтенного офицера: “ В связи с болезнью НМС ВПК “Гордый” быть готовым пересесть на ВПК и следовать в Советскую Гавань”. Это значит – мимо Владивостока, мимо семьи!!! Озверевший доктор ринулся на ГКП. В полумраке, подсвечиваемом только приборными панелями, сидел на своем высоком кресле командир, возле прокладочного стола – вахтенный офицер, на руле – матрос рулевой. Я “с порога”, или, по-флотски, “с комингса” заорал, что “мол, плевать мне на все, что судьба – злодейка, что...” Вулкан красноречия (боцманского красноречия, надо доложить) был прерван смехом командира. Шутка! И, поняв “тонкий” юмор, док мгновенно успокоился. Но, не желая быть одураченным в одиночку, предложил, в свою очередь, свою “шутку”. На крейсере домой возвращалась группа пассажиров, не имеющих отношения к экипажу, но тоже всей душой стремящихся под крылышко своих домочадцев. Трансляция разнесла команду: “Группе пассажиров, следующих во Владивосток, приготовиться к построению на правом шкафуте с вещами. Быть готовыми к пересадке на БПК. Крейсер следует в Советскую Гавань.” Наступал дождливо-туманный, промозглый рассвет, непривычный для моряков, девять месяцев находившихся в тропиках. Минут через двадцать на шкафут начали поодиночке прибывать очумелые от непонятной вводной “пассажиры”, таща за собой чемоданы, баулы и ящики с кораллами, матеря при этом погоду, флотские порядки и ... друг друга. Еще через двадцать минут, уяснив, что это все “шутка” (!?), “пассажиры” покорно потащили чемоданы и ящики обратно в каюты, матеря “шутников” и... друг друга. До подъема были разыграны “шутки” со снабженцем, механиком и артиллеристом. Не “понял” юмора только снабженец, которому в порядке “шутки” пришлось выгружать на верхнюю палубу пятнадцать тонн дрожжей, испорченных тропическим солнцем, а потом загружать их обратно в кладовки.

Подобный “юмор” не оценил бы даже Салтыков-Щедрин. Вернее, не сумел бы понять его. Для эстрадных острословов этот “юмор” мог послужить основанием покрутить у виска пальцем и обвинить “шутников” в солдафонстве и тупости. Но если бы всех эстрадников, собранных вместе, продержать на крейсере в море в течение девяти месяцев, то ни Хазанов, ни Жванецкий домой бы в живых не вернулись, т.к. были бы съедены своими одичавшими коллегами-юмористами, не подготовленными к длительным психологическим перегрузкам, которым подвергаются моряки. И

на всю жизнь они бы потеряли возможность и желание шутить. И снимали бы шляпы перед человеком в морской форме.

В течение дня на корабле проводилась большая приборка, стирка, помывка.

> “По первому сроку оденьтесь, братишки, по первому сроку.
> Положено в чистом в свой дом заходить морякам”.

В 18.00, как и рассчитано было, крейсер бросил якорь в живописной бухте Патрокл. Город был рядом, рядом были семьи. Некоторые могли разглядеть в бинокль даже окна собственных квартир. Но... торжественная встреча героев-моряков была назначена на 9.00 следующих суток. В точке номер один тридцать третьего причала. Предстояло провести еще одну, теперь уже действительно последнюю перед домом, ночь на корабле. Офицеры уснуть не могли. Всю ночь в кают-компании пили чай, в салоне играли в домино и бильярд, слонялись по коридорам и из каюты в каюту. Неестественно громко хохотали над анекдотами, еще вчера вызывающими раздражение. Даже Чоп был прощен и допущен опять в салон кают-компании. Прощен потому, что на самом деле его никто не замечал. Анекдоты вызывали смех потому, что их никто не слушал и не слышал. Доминошники “лепили горбатого” потому, что никто за игрой не следил. Мысли всех были далеко от корабля. Только дежурно-вахтенная служба не могла позволить себе роскошь расслабиться: надо бдить. Чтобы не взорваться, не сгореть и не утонуть! Чтобы выжить и жить! Чтобы завтра обнять жену и детей!

XXX

В 7.00 сыграли приготовление к бою и походу. До начала движения полтора часа. Омытое морем и зеленью сопок, ласково вставало родное, чуть греющее (привыкли к жаре!) солнце. Родной город, без всяких там заграничных архитектурных излишеств, ласково смотрел окнами девятиэтажных коробок. Ласково пели родные хулиганистые чайки, дерущиеся за кусок хлеба. Ласково матерился Григорьич. И вообще во всей природе царили мир, покой и согласие.

Со входом в бухту Золотой Рог в бинокль стала видна яркая, украшенная цветами толпа женщин и детей на причале. Доносились звуки оркестра штаба флота. Михайлов, размахивая яростно руками в белых перчатках, рвал воздух, барабанные

перепонки и нервы громом оркестра крейсера. Нервы выдавливали на глаза слезы. Слезы тщательно прятались от окружающих. Бинокли переходили из рук в руки: каждый хотел увидеть в толпе встречающих своих близких. Нетерпение вырывалось наружу. Гром оркестров по мере приближения крейсера к причалу нарастал лавинообразно. Женщины сдержанно махали цветами (родные мученицы и мадонны, вам ведь тоже хочется плакать!), детишки, заметив своих пап, что-то кричали. Папы, столпившиеся на юте, (свободные от вахты) мешали действиям швартовой команды. Найчик вежливо руководил действиями личного состава. Наконец, на пирс подан парадный трап. Экипаж построен по большому сбору. Командующий ТОФ и член Военного совета ТОФ взошли на палубу. Приняв рапорт командира об успешном выполнении боевой задачи, начали говорить какие-то правильные и торжественные слова. Застыв в строю, военморы этих слов не слышали и, считая секунды, проклинали и командующего, и члена военного совета. И вот, наконец, ораторы иссякли. Первым на пирс сошел командир, где его, как ни в чем не бывало, ждала жена, не написавшая своему мужу за девять месяцев ни одного (!) письма, но исправно получавшая мужнину зарплату. (За все время службы на флоте – это единственный пример бессердечности женщины-морячки. Дай бог им всем счастья!)

Оксаночка, бросившаяся к сошедшему на берег папе, грудью налетела на стальной швартов и оставила мазутный след на платьице. Ниночка вручила мужу цветы. Муж, расцеловав обеих, повел жену и понес на руках дочурку в каюту № 26. Как передать здесь радость встречи? Словами? Не Есенин. Музыкой? Не Чайковский.

Ниночка воодрузила на стол бутылку шампанского, я – тропические фрукты. Вдруг дверь каюты открылась, и вошел майор медицинской службы – представитель СКП флота, в обязанности которого входят карантинные дела. Он, собака, может даже сход на берег запретить и вывесить на мачте желтый флаг, если будут к тому основания. Но даже зная это, я выставил “представителя” из каюты, как своего личного злейшего врага, направив его к терапевту, жены у которого еще не было. Радость встречи затмила разум. Убедительно?

На мой вопрос, почему жена командира не писала писем, подвергая мужа репрессиям неизвестности, вразумительного ответа получено не было. Командир предоставил мне двадцать суток послепоходного отдыха, включая пять суток для решения вопросов служебного характера в медицинском отделе ТОФ. Счастливый эскулап с дочуркой на руках убыл домой в

сопровождении молодой, красивой и тоже счастливой жены.

Глава 57
МОСКВИЧИ

Дни, отпущенные мне для отдыха, летели со скоростью крейсера, лежащего на боевом курсе при выходе в атаку на надводную цель. Свою вину перед семьей я осознал полностью, когда однажды, лежа на диване, я услышал топот детворы на лестнице. Открылась дверь, и в комнату, предводительствуемая Оксаночкой, ввалилась толпа ребятишек. Счастливо сияя глазами, Оксаночка указала на папу:

– Вот, смотрите! Это мой папа! У меня тоже папа есть!

И папа заплакал, да простят ему моряки! Не навзрыд, правда. А ведь через пять дней мне предстояло улететь в Советскую Гавань, оставив маму и дочку во Владивостоке. На неопределенное время.

Я отправился в медицинский отдел флота. Необходимо было доложить начальнику медицинской службы о результатах похода и попытаться получить путевки в санатории и дома отдыха МО для офицеров крейсера, многие из которых собирались в отпуск. Обязанность обеспечения отдыха офицеров в санаториях лежит на медицинской службе частей. Руководящими циркулярами ВМФ и МО медицине предписывается обеспечивать путевками преимущественно плавающий состав. Но жизнь вносит в циркуляры свои коррективы. В плавсоставе служат офицеры в званиях от лейтенанта до капитана третьего ранга (= 90%) и только 10% – в званиях выше. На берегу – обратное количественное соотношение. Кто быстрее получит путевку в санаторий: лейтенант или капитан первого ранга? Зачем тогда умные циркуляры писать? А затем, чтобы создать видимость заботы о плавсоставе. Итак, официальным и честным путем корабельный доктор может обеспечить путевкой в санаторий, в лучшем случае, командира. А остальных офицеров? На то и существуют кораллы в Индийском океане или говядина тушеная в провизионных кладовых.

На вопрос о путевках начальник санаторно-курортной службы ответил взглядом, в котором отразилась вся моя служебно-политическая характеристика, если бы ее написал большой зам после партийного бюро. Однако, “взглядам” на флоте придают не большее значение, чем речам Леонида Ильича: можно слушать и даже конспектировать их, но делать все, исходя из обстановки и местных условий. Начальник и его “взгляд” были побеждены несколькими красивыми кораллами, и пятнадцать путевок для

офицеров крейсера заняли место в моем портфеле. И это в ситуации, когда в начале беседы в распоряжении МС ТОФ не было ни одной! Задача была решена.

XXX

Улетающего в Советскую Гавань мужа Ниночка в аэропорт не провожала – лишние слезы, коих и так пролита масса. Я уехал один. Снова навстречу очередному подарку флотской судьбы.

В аэропорту города Артема собралась целая группа (из шести человек) офицеров крейсера, вылетающих к месту базирования. Рейс на Советскую Гавань уходит в 13.30. Свободное время еще оставалось, и офицеры решили посидеть в ресторане. Пообедали. Два с половиной часа полета. Погода летная. Небо безоблачное. С высоты полета была видна земля, сплошь покрытая водой. Дальневосточный потоп, устроенный тайфуном. Казалось, что вот-вот из-за любой сопки выплывет Ноев ковчег. Над Совгаванью плотно висел туман. Самолет, выпустив шасси, сделал два захода на посадку, убрал шасси обратно и полетел дальше. Приземлились в аэропорту города Южно-Сахалинска. Около здания аэропорта стоял ряд палаток, оригинально изображающих гостиницу для пассажиров, благо, погода на Дальнем Востоке в сентябре месяце на широтах Южно-Сахалинска позволяет пассажирам аэрофлота не замерзнуть, укрывшись брезентом. Поужинали в ресторане “кожей индюка”. Съездили в город, осмотрели “достопримечательности". Ночевали в палатках. Хорошо. Проснулись, позавтракали той же “кожей” и в 12.00 вылетели в Совгавань. Выпустив шасси, сделали два круга над невидимой взлетной полосой и полетели дальше. Приземлились в Хабаровске. Поужинали в ресторане. Деньги на исходе. Комфортно переспали на скамейках сквера. Аэрофлот! Сервис! Утром вылетели в Совгавань и через два часа приземлились в ... Хабаровске. Сдали билеты на самолет и уехали поездом. Голодные и без денег. От Хабаровска до Советской Гавани поезд идет сутки, останавливаясь у каждого столба. Из воды, залившей все вокруг, торчала только насыпь железной дороги, крыши изб и верхушки кустарников. Жизнь утонула или спряталась от человеческого взора, Ноев ковчег был просто необходим. Он и нес наших путешественников вперед, громыхая колесами на стыках. Что может сделать водная стихия на земле!? А в море? Это только моряки могут представить, да и на себе ощущают не раз. Вдоль дороги тянулась исхоженная Хабаровым, Арсеньевым, Дерсу Узала, но сожженная Минлесбумпромом тайга, валялись рельсы,

смытые тайфуном, и шпалы, брошенные МПС. Картина удручающая. Гений человека добрался и сюда, наконец. Спасибо, бля, гению.

Через сутки добрались до Ванино, затем до Сортировки, как в местном простонародье и среди офицеров называется поселок Октябрьский. Так назван он, скорее всего, потому, что живут здесь потомки сосланных сюда Октябрем кулаков, стахановцев, интеллигенции и военспецов. На автобусе № 101, уехали в п. Бяуде, уже знакомый нам своим гостеприимством и рестораном – телевизором. Итого, четверо суток потрачено на тысячу километров пути. Это не расстояние.

XXX

На крейсере воздух был насыщен навациями и электричеством. Новый командир вводил новые порядки. Сергеев ушел на ВАК при ВМА им. Гречко. Новый командир – Савельев – принял командование крейсером после окончания академии им. Гречко. Был напитан прогрессивными теориями управления, применения оружия и планирования. Весь устремленный в будущее и обреченный на повышение. Ранее командовал знакомым нам СКР “Грозящий”. Среднего роста, плотно сбитый, в прошлом боксер, борец, многоборец и мотогонщик. Лучший друг всех командующих флотами, любимец женщин и публики. Характер решительный, нордический. Абсолютно бескорыстен, демократ, гуманист и, как Виктор Конецкий, “хороший парень”. Это из характеристики, которую дал сам себе новый командир, вступив в должность и представляясь экипажу.

Вскрыв “первый пакет”, он объявил всех офицеров “сергеевскими выкормышами” и пообещал “навести порядок”, меня встретил официально-сухо, по-деловому, несмотря на то, что знал о предстоящем моем назначении флагманским врачом. Принимая боль крейсера, как свою собственную боль, и ревнуя всех и вся к ушедшему командиру,спросил:

– Как вы, доктор, относитесь к Сергееву и порядкам на крейсере? Я, вкратце информированный о “выкормышах”, твердо произнес:

– К Сергееву отношусь исключительно хорошо. Это настоящий командир. Порядки на крейсере мне нравятся. Если вы их не сломаете, крейсер будет оставаться отличным.

Не то, не то. Козел, докторенок. Друзей-начальников так не вербуют. Вопрос ведь ясен до безобразия. Надо было сказать лишь фразу о том, что порядка и быть не могло при Сергееве… Любовь

Савельева к понимающему и толковому офицеру была бы обеспечена. Будущее, доктор, надо предвидеть, ведь все-таки новый командир “обречен на повышение” – академия за плечами.

– С вами все ясно. Идите.

Знакомство состоялось, офицеры остались недовольны друг другом.

XXX

Объединение, в которое входил и которому с потрохами подчинялся крейсер лихорадило. Ждали комиссию из Москвы. Крейсер готовился к артиллерийским стрельбам на приз ГК ВМФ. Несмотря на то, что планирование боевой подготовки на крейсере было организовано в стиле академического классицизма, что-то не ладилось. Командиры боевых частей, в деятельность которых ежечасно вмешивался командир корабля, непривычные к ненужной опеке, лишенные самостоятельности, недовольно роптали. Командиры дивизионов оказались вообще не у дел. На СКР, опыт командования которым у нового командира был, дивизионов не существует. СКР – не крейсер, опыта командования которым у нового командира не было. Поэтому, “новатор” как-то упускал из виду категорию комдивов, пытаясь давать указания прямо командирам групп, башен и батарей, минуя командиров БЧ, и внося разлад и неразбериху в стройную систему крейсерского организма. Недовольно роптал и весь экипаж, вынесший приговор своему командиру жестоким флотским выводом: “крейсером командуют колхозники”. Ничего обидного в этом заключении для колхозников не содержится. Если бы вдруг Сергеев стал председателем колхоза, то крестьяне сделали бы аналогичный вывод: землю пашут моряки. И то, и другое повышению боевой готовности флота и подъему сельского хозяйства не способствует. Каждый несет свой чемодан.

Командир соединения, капитан первого ранга Чериватый, ранее командовавший крейсером “Адмирал Лазарев”, стоявшим в консервации, помочь командиру крейсера в отработке организации стрельб мог немногим.

Оба начальника, по логике вещей, должны бы были положиться на опыт артиллериста Борисова, неоднократно выполнявшего подобного рода стрельбы, и не вмешиваться в его действия. Но, в этом случае начальникам пришлось бы расписаться в собственном артиллерийском невежестве, что на флоте абсолютно недопустимо. Начальник всегда умнее подчиненного, хотя бы потому, что у него оклад больше.

Потому и не ладилось что-то.

И вот, наконец, комиссия грянула. Не как гром среди ясного неба, т.к. к приему ее все было готово: кета, уха, рыбалка, кораллы, боевая и повседневная документация, консервы, нервы, организация службы и C2H5OH. Во главе группы капитанов первого и второго рангов, подполковника и майора медицинской службы стоял контр-адмирал. Все из Москвы. Многие изучали корабельную службу по произведениям Колбасьева и считали, что любой флотский лейтенант вправе забраться на пальму в ресторане “Золотой Рог”, а сманить его с пальмы бананом – задача члена комиссии. В переводе на флотский язык задача комиссии – проверить состояние дел и оказать практическую помощь офицерам корабля. С тем и прибыли. Корабельные же офицеры свою задачу видели несколько иначе: загнать на пальму проверяющих, снять их оттуда и уложить в мягкую постель. Можно с дамой. Но это не допускается моральным кодексом строителя и политическим отделом, хотя, как гласит народная мудрость: “на всякого мудреца довольно простоты”. Ведь в данном случае политотдел играет со всеми в одной футбольной команде. Поэтому и глаза закроет на даму, оставив моральный кодекс один на один в борьбе с организацией инспектирования. А уж с “кодексом” любой карась-лейтенант может вести борьбу и побеждать.

Проверять службу “М” прибыли два московских эскулапа – майор и подполковник медицинской службы. Я представился и пригласил их в каюту, но верные букве корабельного устава, московские моряки попросили проводить их в каюту командира. Савельев, выслушав цель визита прибывших офицеров, распорядился:

– Вот вам мой начмед. Берите его, давите…

Медицинский народ опешил от такой вводной. Я обиделся и в присутствии москвичей спокойно, но резко сказал:

– Во-первых, я не ваш. Во-вторых, давить себя никому не позволю. В-третьих, офицеры флота всегда были корректны по отношению к своим сослуживцам.

И, не спросив разрешения, вышел из каюты. Неловкое начало. Перед Москвой неудобно.

По итогам проверки мне не было сделано ни одного замечания, о чем я попросил своих коллег доложить командиру соединения, минуя командира корабля. Обиделся.

XXX

Комбриг, капитан первого ранга Чериватый, вызвал меня к себе и, довольный результатами проверки, считая меня своим флагманом, хотя приказ командующего флотом еще подписан не был, дал ответственное поручение: возглавить рыбалку, организованную для членов комиссии на реке Тумнин – живописной, полноводной и бурной реке, до которой еще не добрались специалисты Миннефтегазпрома. Задача действительно сложная, несмотря на то, что в мое распоряжение комбриг выделил две машины УАЗ-469, лагун со всем потребным для ухи и достаточное количество спирта. Но материальное обеспечение, являясь важнейшим элементом рыбалки, все же требует и моральных издержек: рыбалка должна проходить в условиях психологического комфорта. Это значит, что каждый рыбак должен быть уверен в том, что вовремя будет доставлен домой и утром окажется способным доложить адмиралу о “проделанной работе”.

Комиссия заняла места в УАЗах. И, отъехав пятьсот метров от северного пирса, потребовала у дирижера концерта увертюру. Остановились на живописном берегу бухты Северной возле старой береговой батареи, построенной в тридцатых годах, но разрушенной во времена шарлатана-политработника Хрущева, решившего создать ракетное оружие, уничтожив при этом другие его виды. Какой невосполнимый ущерб обороне страны и престижу Армии был нанесен сиятельным шарлатанством!? Седой капитан первого ранга Чесных, артиллерист, батя, отдавший всю жизнь ВМФ, глядя на разрушенную батарею, – творение человеческого гения – говорил:

– Док, я плачу.

И я здесь тоже плачу. Хотя и не положено.

Увертюра была сыграна. По маленькой. Поехали дальше. Капитаны первого ранга, заметно ,оживившись и воспылав ко мне дружбой, говорили о своей роли в деле повышения боевой готовности ВМФ и о своих товарищах из Главного управления кадров, что должно было повысить их статус в глазах провинциала-офицера, тем самым побудив его к щедрости. Примерно так же опытная куртизанка вытряхивает червонцы из карманов разгулявшихся повес. Правда, при этом расплачивается своим телом. Членам же комиссии расплата не грозит, даже через ГУК ВМФ.

Приехали на берег реки. Расположились на живописной полянке. Из воды, как волосы Медузы-Горгоны – куда ни кинь взгляд – торчали корни и стволы деревьев, вырванные недавно пролетевшим тайфуном и унесенных потоками воды с верховьев реки. Пожухлая трава мирно шуршала под ногами. Дымок костра

и запахи закипающей в огромном лагуне ухи напрочь выветривали из головы субординацию. “Все люди – братья. Я обниму китайца”. Прелестный дальневосточный вечер заставил членов комиссии забыть о том, что назавтра утром нужно было доложить “о проделанной работе”. Тормоза отпущены. Забыт даже риск… по-русски.

Риск по-американски. Трое гонят “Форд” со скоростью двести миль в час и точно знают, что тормоза автомобиля неисправны.

Риск по-французски. Трое любят одну и ту же женщину, и точно знают, что один из них болен сифилисом.

Риск по-русски. Трое рассказывают друг другу политические анекдоты и точно знают, что один из тройки “стучит” в КГБ.

Так вот. Был забыт даже риск, что москвичам несвойственно. Все предавались веселью. Каждый старался угостить от щедрот своих доктора, который, однако, должен был остаться в строю, т.к. помнил, что комбригом на него возложена роль “прислуги за все”. Часа через четыре, когда солнце начало клониться к закату, уха была съедена. Однако, несмотря на то, что C2H50H скромно плескался на донышке, публика требовала продолжения банкета. Призывы мои к умеренности и благоразумию успехом не пользовались. Просто до сознания на доходили. Мустанги, вырвавшиеся из душной московской конюшни на вольные хлеба востока, глотали свободу.

Усадить всех по машинам удалось лишь тогда, когда публике был обещан гостеприимный ресторан п. Бяуде. К 22.00, когда “королева бензоколонки” Галина Семеновна уже решила, что суточный производственный план безнадежно рухнул, возле “телевизора” остановились два УАЗа, из которых высыпала шумная компания военморов. На правах распорядителя банкета я объяснил своей старой знакомой, что от качества организации приема зависит количество баллов в акте проверки крейсера. Прекрасно ориентируясь в обстановке, хозяйка развернулась в полную дальневосточную мощь, призвав на помощь слабую половину населения поселка. С тоской видел я, что ситуация вышла из-под контроля. Мустанги понесли, закусив удила. Укротить удалось только двоих, с которыми и прибыл доктор на крейсер в час ночи. Впереди маячила расплата за некачественно выполненное поручение. Однако, назавтра к обеду все члены комиссии были в сборе. Изрядно ощипанные, но не побежденные. По итогам проверки соединение получило оценку “хорошо”. Я получил благодарность командира бригады. Но самым ценным подарком было то, что командир крейсера в плане “устранения замечаний” отправил доктора на учебу в главный госпиталь ТОФ. Домой. К семье. Перед очередной разлукой.

Глава 58
НА НОВУЮ ДОЛЖНОСТЬ

Завершен период, очень ответственный период службы офицера-моряка в составе экипажей кораблей. Предстояла неизвестная стезя службы в штабе соединения, представления о которой, как оказалось впоследствии, я не имел вообще. Работу своего начальника, флагманского врача соединения Кондратова, я представлял так: пришел, проверил, записал замечания в ЖБП, взял бутылку спирта и... ушел. Остальное – забота корабельного офицера. Подобные взгляды сложились скорее всего потому, что подобное Кондратов практиковал. За что был снят и назначен на должность “с меньшим объемом работы”. Оценить работу офицера штаба я был просто не в состоянии. Тяжесть камня, лежащего на плечах, может оценить только несущий. Об этом впереди.

А сейчас, пристегнутый ремнем к самолету АН-24, я летел во Владивосток. И размышлял. Мысли были невеселые, как и перед вылетом на Дальний Восток в аэропорту города Минска. Четыре с половиной года службы за плечами. Три должности на трех кораблях. Первые седины на висках (в 29 лет!). Множество впечатлений, походов, тревог, бессонных ночей, спасенных жизней, загубленных нервных клеток и вычеркнутых из жизни дней, недель, месяцев. Всегда один. В одиночестве коротает быстротечные дни жена. Дочка демонстрирует папу, как музейный экспонат. С боем отвоевана комната в двухкомнатной квартире. Денег хватает только на то, чтобы свести концы с концами. Сбережений не предвидится. А ведь отданы годы опаснейшей и труднейшей работе, годы, проведенные в буквальном смысле на бочке с порохом. Оплата “по труду” и социальная справедливость – фикция для трибуны партийных съездов. Грудь товарищей по оружию орденами не увешана. Основными принципами жизни военмора выступают основные формулы “обязан”, “отвечает”, “должен”. Кому и что должен? Понятия “имеет право” не существует. Качественно обеспечить первые три формулы, не имея возможности воспользоваться последним “понятием”, можно и не мечтать. Бесправность военного человека даже на фоне общегосударственного крепостного права выступает заметным контрастом. Но... “обязан”, “отвечает", “должен”.

В береговых учреждениях – хотя бы один день в неделю полностью и после окончания рабочего дня ежедневно – военный

человек имеет возможность отрешиться от всяких “формул”, чего напрочь лишен офицер плавсостава. Но при этом, тугрики получает те же, и отпуск имеет точно такой же, как и “береговик”. Потому и шарахаются офицеры от кораблей, как черт от ладана. “Умом Россию не понять”, как и парадоксы Военно-морского флота. Измерить их можно собственной шкурой да слезами собственной жены. Да будет известно это всем, кто оценивает военно-морскую службу блеском золотых (из алюминия) пуговиц на кителях идущих в парадном строю моряков. И пусть никто не рискнет неуважительно отозваться о моряках-офицерах в присутствии корабельного врача Иванова П.И.. Док может “совершить недостойный поступок”, выражающийся в физическом оскорблении рискнувшего. Нервы съедены морем. И железом.

Через сорок пять суток приказ о назначении старшего лейтенанта медицинской службы флагманским врачом соединения эскадренных: миноносцев был подписан командующим флотом. Вновь испеченный флагман собрал свои вещи в каюте № 26 крейсера “А. Суворов” и, стукнувшись на прощанье головой о пиллерс в коридоре СПК, сел в катер, который и доставил меня из бухты Бяуде в бухту Северную. К новому месту службы.

XXX

Северный пирс. Если смотреть на него со стороны поселка Заветы Ильича, откуда приводит вас сюда грунтовая, пыльная в сухую погоду и превращающаяся в болото во время дождя дорога, довольно интересное сооружение. Железные решетчатые ворота высотой метра в три увенчаны красной звездой и открываются, чтобы пропускать въезжающие и выезжающие автомобили. Справа – калитка для пеших и деревянная будка для вахтенного КПП. Будка отапливается электрокалорифером, приводящим капитана третьего ранга Семенюту Б.О. в состояние прострации, т.к. устроен он без соблюдения мер электро– и пожаробезопасности, а Семенюта Б.О. за эту безопасность отвечает лично. Слева огромная яма, вырытая на месте ранее стоявшего деревянного сарая под названием “штаб”. Сарай развалили. Яму вырыли. Но построить новый “штаб” не смогли: чего-то не хватило. Так яма и существует, угрожая поломать позвоночник любому подгулявшему военмору. Слева от ямы – магазин, контрастирующий с обстановкой. Напротив магазина – гальюн на сваях, продуваемый всеми ветрами Тихого океана. Рядом с будкой вахтенного КПП огромный штабель деревянного бруса. Именно из

него по плану комбрига должен был быть построен новый “штаб”, но в конце концов брус, пролежавший четыре года под дождем, был обменен на бетонные блоки для очередного строительства, затеянного новым комбригом. Справа вдоль пирса тянутся щиты и коробки линий электропитания. Лагом к пирсу стоит списанный, разломанный и никому не нужный пароход, гордо именуемый УТС (учебнотренировочное судно). На нем хранится всякий хлам, здесь оборудовал себе каюту-конуру финансист штаба мичман Денисевич. Слева – одноэтажный белый домик, построенный лет пятьдесят назад и ушедший в грунт до самого своего единственного окна. В нем – кабинет начальника политотдела, капитана второго ранга Тюленева и партучет, возглавляемый мичманом Колобко. Возле домика – вагончик, в каких живут строители БАМа. В нем – мастерская для написания лозунгов и изготовления наглядной агитации. Заведует ею пропагандист политотдела, капитан третьего ранга Г. Чуев, угодивший в Курильскую Тьмутаракань с Балтики за разные грехи, но переведенный в Совгавань с Курил за успехи в БП и ПП. Напротив вагончика, перпендикулярно пирсу Северному – старый плавпирс, который два раза в год пытается утонуть и, тем самым, доставляет массу хлопот капитан-лейтенанту Басюку – офицеру по живучести. В торце пирса на кильблоках стоит поднятый на зиму из воды рабочий катер “Фламинго”. К пирсу ошвартованы БПК и эсминцы: “Гордый”, “Гневный”, “Вихревой”, “Бесшумный”, “Скрытный”. Места мало, но... не в обиде. Все эсминцы доживают свой век и в море ходить не желают, но составляют, на случай, грозную силу.

На БПК “Гордый” был поднят флаг командира соединения. Туда я и направился. Вахтенный у трапа проводил надраенного, как ручка машинного телеграфа, флагмана в каюту начальника штаба – капитана второго ранга Логинова. Офицеры были знакомы давно, но теперь я поступал в полное распоряжение НШ, т.к. именно он является непосредственным начальником всех флагманских специалистов. Логинов сидел мрачный, решая проблему перевода своего из плавсостава на берег. Дело н том, что ВВК флота совсем недавно вынесла решение: “Не годен к службе в ПС ВМФ, годен к нестроевой службе”. Заболевание серьезное, психическое – маниакально-депрессивный психоз с манией преследования КГБ. Найти место под военным солнцем с таким диагнозом – исключительно сложная проблема. А учитывая то, что на флоте каждый ищет место службы себе сам, а не кадровики, эта проблема становится почти неразрешимой. Ситуация, сложившаяся в положении НШ, позволяет ему полностью игнорировать все служебные вопросы, занимаясь

только собой, я был встречен радушно и радостно. Служебная беседа сразу же приняла неслужебный характер. Из нее молодой флагман уловил основные моменты, как-то: в медицине на кораблях бардак, каюту для размещения док должен искать себе сам на любом из кораблей бригады, квартиру можно получить не ранее, чем через полгода, офицеры штаба все прекрасные люди, но болтать нужно поменьше, т.к. кто-нибудь обязательно “вложит”, успокаивающие таблетки для НШ отныне должен получать и доставать Иванов. И это было главным.

Далее я отправился к комбригу. Представился. Тот барственным жестом пригласил доктора сесть. Холеное красивое лицо, узкие усики, черная с проседью шевелюра, выражение самодовольства и начальственной снисходительности. Из беседы с комбригом я понял то же, что и из беседы с начальником штаба. Насторожила только последняя инструкция.

– Вы, доктор, должны понимать, что меня интересует моральный облик моих офицеров. К вам, как к врачу, будут обращаться многие. Особенно по понедельникам. Прошу вас информировать меня обо всем, что происходит в штабе.

Такой откровенной вербовки в “шестерки” я еще не встречал. Подавив чувство брезгливости, я сказал:

– Прошу понять меня правильно, товарищ комбриг, мне с офицерами штаба жить и работать. Понравилось бы вам, если бы я вдруг начал давать информацию командующему объединения о вас лично? Думаю, что нет. Так почему вы думаете, что предлагаемые мне способы работы устроят коллектив штаба? Ваше предложение для меня унизительно. Так что прошу больше никогда к нему не возвращаться.

– Ясно, товарищ старший лейтенант. Идите.

Было видно, что комбриг остался страшно недоволен позицией, занятой доктором. Служба в штабе начиналась не гладко.

На очереди был начальник политотдела. Высокого роста, седой капитан второго ранга. Лысину прикрывает специально отрощенной прядью волос, ловко укладывая ее на голове. Но прядь поминутно сползает на лицо, и приходится укладывать ее снова. Вежливость и внимание. Трафаретные вопросы о семье, здоровье, настроении. И пожелание успехов в БП и ПП.

– Надеюсь, Петр Иванович, что с вами мы сработаемся, – высказал свое пожелание НПО.

Что он имел в виду, сказать трудно, однако я, оскорбленный предложением комбрига, понял это по-своему...

XXX

Каждый офицер, работающий на корабле, должен иметь свою каюту. Она является как рабочим кабинетом, так и жильем. Мы помним уютную обитель № 26 на крейсере, где все было под рукой: от телефона до колбасы. Я, занявший более высокое положение в иерархической медицинской “табели о рангах”, как оказалось, каюты был лишен. Флагманский корабль БПК “Гордый” выделил в распоряжение офицеров штаба две двухместные каюты на двадцать человек, что, естественно, не могло решить жилищную проблему. Штатную прописку в них имели “годки” штаба: флагманский химик Шалыт, флагманский минер Заугаров, флагарт, “мастер жесткого съема” Ольховский и флагманский штурман Егоров, пришедший в штаб с крейсера “А. Суворов” на месяц раньше меня, но имеющий право на каюту в соответствии с возрастом.

Остальные офицеры пользовались каютами лишь по праву гостеприимства хозяев. Это значит, что ни работать в них, ни отдохнуть во время обеденного перерыва, ни, тем более, расположиться на жительство в них не могли. Я, отправившись на поиски жилья на кораблях бригады, с первых шагов убедился, что командиры кораблей не очень охотно идут на предоставление “жилой площади” флагманским специалистам. Не только по причине жилищного кризиса, а более по соображениям личного спокойствия: постоянное присутствие на корабле представителя штаба увеличивает риск быть вызванным на ковер к командиру соединения по поводу имеющихся недостатков в организации службы.

Несмотря на это, я все же сумел занять каюту на ЭМ “Бесшумный”, воспользовавшись тем, что эсминцем командовал знакомый уже нам товарищ Дмитриев, когда-то временно исполнявший обязанности старшего помощника на крейсере “А. Суворов” и дисциплинарно терзавший меня “за бездушное отношение к офицерскому составу”. Эсминец уже лет пять ждал решения своей участи в ГШ ВМФ, т.к. не только воевать, но и оторваться от пирса был не в состоянии: тяжелый склероз всех систем и изношенность органов, полученные в награду за многолетнюю безупречную службу, приковали корабль к постели – ржавому и такому же старому плавпирсу. Однако, корабль есть корабль и, несмотря на пенсионный возраст, он должен нести на мачте военно-морской флаг. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мрачная келья, предоставленная в распоряжение флагмана, напомнила мне о бренности земного существования, и “комфортностью” своей должна была обеспечить доктору отпущение грехов, накопившихся за четыре года службы на

флоте. Из всех удобств самым неприятным было то, что из-за неплотно пригнанного сальника системы отопления в каюту мелкими дозами поступал парок. Переборки и подволок были покрыты каплями воды, а неисправность системы вентиляции обеспечивала возможность дышать влажным воздухом жарких тропиков. В сочетании с высокой температурой в каюте морозный воздух совгаванской атмосферы, ворвавшись в иллюминатор при попытке моей проветрить “жилое помещение”, мог обеспечить радикулит, бронхит, отит и еще целый букет хворей, дающих военморам возможность уходить на пенсию в 45 лет. Однако, как уяснил себе флагман, улучшения жилищных условий в обозримом будущем не предвиделось. Осталось уповать только на корабельного механика, который, угостившись каплями, устранит неисправность системы отопления. Решением этой проблемы я и занялся в первую очередь. И решил её успешно. И поселился. И приступил к исполнению обязанностей флагманского врача соединения.

Глава 59
ФЛАГМАНСКИЙ ХИМИК

День, отпущенный мне на устройство личных дел, сменился ночью. Ночь, в свою очередь, уступила место рабочему дню. Я проснулся, выполнил требования “правил личной гигиены”, и, продуваемый морозным ветром, отправился завтракать с ЭМ “Бесшумный” на БПК “Гордый”, где приказом командира бригады был поставлен на котловое довольствие. На “Гордом” столовались все офицеры штаба, т.к. он – единственный из всех кораблей, стоящих на Северном пирсе, – был в “компании”. Это давало право всем офицерам, “стоящим на довольствии” на этом корабле, получать тридцатипроцентную прибавку к жалованью, так называемые “морские деньги”, или, как выражаются грамотные финансисты, “морское денежное довольствие”.

За столом в ККОС сидели несколько корабельных лейтенантов и флагманский химик, капитан третьего ранга Шалыт.

Невысокого роста. Глаза слегка навыкате. Лысеет спереди – умный, значит. Маленький рот и тонкие губы. Большой живот, как следствие хорошего аппетита и длительной службы в плавсоставе ВМФ. Безапелляционность суждений и сознание превосходства “годка” над “карасями”. Страстный поклонник футбола, знающий историю и перипетии этой игры в мировом масштабе – от момента её зарождения до наших дней. По национальности еврей. Разведен. Вкусив горький плод семейного счастья, жениться не собирается. Службу постиг в совершенстве. Нарисуем здесь картину обычного рабочего дня флагманского химика Шалыта, при условии, что “на сход” он не ходил, а ночевал на корабле. Перед прибытием командира бригады на службу Шалыт, напустив на себя озабоченный вид, семенящей походкой выходит на пирс. Курит. Ждет. Завидев приближающуюся машину командира бригады, останавливает любого подвернувшегося матроса и пронзительным голосом начинает распекать его за нерадивость. Служебное рвение химика разносится в морозном воздухе аж до полуострова Меньшикова и достигает ушей комбрига.

На утреннем совещании штаба (пятиминутке) остро ставит вопрос о неухоженности средств индивидуальной защиты на одном из кораблей, оставляя в мозгу начальников очередную зарубку. После совещания спускается в каюту и пьет чай, “раскрутив” снабженца на банку консервов. Затем – плотный обед

и послеобеденный сон до 15 часов, когда приходится вставать и идти на сбор офицеров штаба. После сбора – чай в каюте с банкой консервов. Перед вечерним докладом начальнику штаба химический флагман хватает любого матроса перед дверью каюты командира бригады и пронзительным голосом начинает распекать его за незнание сигнала “радиационная опасность”. Еще одна зарубка у начальника. На вечернем докладе химик, утирая пот со лба, докладывает НШ, что “суточный план химической службы” выполнен. Начальник штаба ставит химика в пример всем остальным офицерам. Затем плотный ужин, игра в шахматы или шешь-бешь. В 21.00 вечерний чай. После чая, если позволяет обстановка, пять капель. И сон до утра. Недаром штабные писаря в документах, где требуется подпись химика пишут “шлагманский” вместо “флагманский". “Шлангманский” от слова “шланг”, т.е. лентяй. Эта ошибка ежедневно приводит в бешенство опытного военмора, но, несмотря на это, перекочевывает из документа в документ.

Подобный распорядок дня не могут позволить себе ни механик, ни доктор, ни кто-либо другой из флагманов. Химик в свою защиту приводит неотразимый аргумент: “Кто на что учился”. Правильно.

На утреннем совещании в 8.00 комбриг представил меня офицерам штаба, и попросил их, в случае необходимости, помочь становлению молодого флагманского специалиста. К чему сразу же и приступил шлагманский химик.

– Товарищ комбриг, – выступил с инициативой Шалыт, – я считаю, что наш молодой товарищ должен нести вахту оперативного дежурного. Кондратов, как известно, был лучшим оперативным бригады.

Думаю, что Иванов таким образом быстрее вникнет в обстановку.

Суть предложения химика состояла в том, что привлекая к несению вахты доктора, он сам бы стоял на вахте реже. Однако, корабельный устав освобождает врачей от исполнения несвойственных им обязанностей. Доктора на подобную вахту не имеет права поставить никто. Комбриг это прекрасно знал, но, памятуя о моем отказе информировать его о настроениях офицеров, с предложением химика согласился.

– Начальник, выдайте Иванову зачетный лист на допуск к несению оперативного дежурства, – отдал приказание он.

Возражения мои в расчет приняты не были. Ни НШ, ни НПО свои голоса к законному голосу эскулапа не присоединили.

Глава 60
В НОВОЙ РОЛИ

Я знакомился с организацией медицинского обеспечения кораблей бригады и состоянием дел по линии медицинской службы. После четко налаженной службы на крейсере, где вопросы профилактики болезней и лечения больных решались, что называется, на “пять”, знакомство это приводило меня в растерянность, поднимало волосы дыбом и вызывало желание набить морду бывшему лучшему оперативному дежурному. Медицинская служба соединения занимала последнее место на флоте среди медицинских служб всех соединений. И заслуженно. Ни на одном из эсминцев медицинского состава не было вообще. Целая группа кораблей, стоящих в консервации, о существовании медицинского обеспечения только догадывалась. Медицинского имущества, т.е. таблеток и других изобретений человечества, призванных облегчить в случае необходимости переход военмора из этого мира в мир иной, на кораблях не было. И матросы лечили друг друга с помощью подручных средств и по своему разумению, что часто приводило к тяжелейшим осложнениям и вызывало в людях ощущение заброшенности, ненужности существующей системе и неуверенности в завтрашнем дне. Были случаи, когда матросы уходили в самоволку, чтобы попасть на прием к врачу. Если отсутствие на корабле заместителя по политчасти воспринимается экипажем в соответствии с пословицей “баба с воза – кобыле легче”, то отсутствие врача, или хотя бы, фельдшера, вызывает у личного состава крайне негативную реакцию, вплоть до уклонения от военной службы. Согласно КУ ВМФ зам обязан заботиться о здоровье личного состава, но не знает, как это сделать, о чем знает врач. Поэтому зам, проявляя заботу о личном составе, ежедневно дает руководящее указание врачу.

Это становилось системой: судьба, преследуя меня с неутомимостью русской борзой, загоняла из одной ж... в другую. “Пожарский”, “Бородино”, “Суворов”.... бригада. Даже поверхностное знакомство с положением дел показало доктору, что о мирной жизни флагманского химика ему и мечтать не приходится. А количество усилий для наведения порядка в медицине соединения не снилось даже Сизифу. Хотя я надеялся все же, что мои усилия принесут плоды, и тяжелый камень, поднятый на гору, не скатится вниз.

Оценив обстановку, я наметил три вопроса, разрешение

которых должно быть незамедлительно, чтобы хоть как-то обеспечить “право советских граждан на охрану здоровья”.

Первое. Укомплектовать корабли медицинским составом. Решение этой проблемы от молодого флагмана не зависело, т.к. собственной кузницы кадров у него не было. Посему родился следующий папирус.

> Командиру бригады.
>
> Копия. Начальнику политотдела бригады.
>
> Начальнику медицинской службы объединения полковнику м/с Ушакову.
>
> РАПОРТ
>
> Настоящим докладываю, что в системе медицинского обеспечения соединения сложилось нетерпимое и крайне неудовлетворительное положение. Отсутствие на ЭМ “Скрытный”, ЭМ “Внимательный”, ЭМ “Вихревой”, ЭМ “Бесшумный”, БПК “Стерегущий” и “Упорный” медицинского состава лишает экипажи этих кораблей возможности получить даже первую медицинскую помощь. Не говоря уже о том, что отсутствие на кораблях неотложной медицинской помощи в любой момент может привести к гибели личного состава. НА 65-м году Советской власти такое положение терпимо быть не может. Сложившуюся ситуацию считаю преступной по отношению к матросам и офицерам вышеперечисленных кораблей.
>
> Прошу Вас принять неотложные меры к укомплектованию указанных кораблей медицинским составом. В противном случае буду вынужден обратиться к командующему флотом.
>
> Дата. Подпись.

Этот рапорт содержал одну прогрессивную мысль: медицинская помощь людям должна быть обеспечена. Непрогрессивных мыслей было целых три. Первая. Рапорт, как юридический документ, бросал под танк всех начальников, кому был адресован, т.к. положение дел им хорошо было известно и до написания рапорта, но мер к наведению порядка не принималось. Вторая. Рапорт официально предупреждал начальников о возможных тяжелых последствиях их собственной нерадивости и равнодушия, тем самым возлагая на руководящие головы тяжелый груз ответственности, что никому не бывает по душе. И, наконец, третья, крамольная мысль. Какой-то старлей угрожает начальникам тем, что “будет вынужден обратиться”! Глупая самонадеянность младенца. Однако, я уже съел определенное

количество флотской соли и потому застраховал себя от немедленной расправы довольно просто. На четвертом экземпляре крамольного документа я заставил начальников поставить свои личные автографы. Ценность их была настолько же велика для меня, как автограф Пола Маккартни для его поклонницы из Тульской губернии. Таким образом, несмотря ни на что, начальники вынуждены были приступить к решению проблемы.

Второе. Организовать амбулаторный прием больных следовало незамедлительно. Эту задачу я взвалил на себя, родив и подав на подпись комбригу следующий приказ.

ПРИКАЗ командира в/ч ....

г. Советская Гавань "_" января 1982г.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АМБУЛАТОРНОГО ПРИЕМА НА СОЕДИНЕНИИ.

В целях улучшения оказания медицинской помощи личному составу соединения ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать амбулаторный прием больных с кораблей, не имеющих медицинского состава на базе ПМП ЭМ "Вихревой".

2. Проведение амбулаторного приема временно возложить на флагманского врача соединения старшего лейтенанта медицинской службы Иванова П.И.

3. Назначить время амбулаторного приема: 9.00 – 11.00 16.00 – 18.00

4. Командирам кораблей обеспечить прибытие больных на ЭМ "Вихревой" в указанные часы.

5. Приказ довести до всего личного состава соединения.

Дата. Подпись комбрига.

Приказ гарантировал командирам кораблей массу дополнительных хлопот, но все отнеслись к нему с пониманием и не роптали. Жизнь заставляла понять необходимость и своевременность документа. Только, что улучшать? Медицинскую помощь?

Третье. Для работы врача необходимы были медикаменты и хотя бы один помощник-фельдшер. Я решил этот вопрос за счет медицинской службы крейсера "А.Суворов", ограбив аптеку и прикомандировав на ЭМ "Вихревой" фельдшера Ларина. Все на время, до лучших времен.

XXX

Однако, за счет крейсера выезжать можно было только временно. Необходимо было срочно организовать снабжение медицинским имуществом всех кораблей. Организация медицинского снабжения подробно описана в предыдущих главах. Но это при наличии на корабле материально-ответственного лица – начальника медицинской службы. В случае же отсутствия такового “лица”, как на наших несчастных кораблях, дело снабжения принимает целый ряд оттенков. В соответствии с требованиями руководящих папирусов, командир возлагает ответственность за получение, хранение и учет медицинского имущества на любого офицера или мичмана, который обязан знать нормы медицинского снабжения, порядок выписки и получения всего того, что может обеспечить работу корабельной медицины. Но ответственный мичман к подобной роли не готов. Он, в лучшем случае, знает, что такое клизма. А такой предмет, как распатор Фарабефа для него то же самое, что циклопентанпергидрофенантрен для корабельного штурмана. Мичман, если он только не хочет платить из своего кармана за утерянное судно подкладное, собирает все медицинские предметы, имеющие материальную ценность, в один ящик и запирает их в своей каюте. Но это в идеале. На самом же деле блестящие медицинские цацки, не имеющие хозяина, растаскиваются моряками для изготовления “дембельских” альбомов. Имущество исчезает, но числится за кораблем в бухгалтерских книгах отдела медицинского снабжения. И в случае проведения “ревизии материальных средств”, стоимость потерянного может быть предъявлена к оплате из скудного бюджета ответственного-безответственного лица. Именно так было организовано дело медицинского снабжения на кораблях, не имеющих на борту медицинского состава.

В перерывах между приемом и лечением больных я взялся провести ревизию матценностей, которая не проводилась лет десять. Медицинский отдел в лице снабженца майора Михаленко, дал мне исчерпывающую информацию о том, что числится за каждым кораблем, что выслужило положенные сроки и, таким образом, может быть списано с лицевого счета части без взыскания стоимости утерянного.

Руководствуясь полученной информацией, в течение месяца я усердно подсчитывал потери на кораблях, разнося результаты ревизии по графам: получено, имеется в наличии, недостает. Особенно плотно заполнялась последняя графа. Окончив сей титанически-скрупулезный труд, на очередном совещании командиров кораблей я сказал им следующее:

– Товарищи командиры! Я закончил ревизию на ваших

кораблях. Недостача имущества на каждом из них выявлена солидная. Вам необходимо в трехдневный срок составить акты на списание недостающего хлама. Эти ваши “липовые” акты я представлю в медицинский отдел объединения и, согласно им, с вас будет списано все, что в течение десяти лет числилось за кораблями. Все недостающее имущество выслужило положенные сроки. Однако, при списании оно должно быть в наличии и сдаваться на медицинский склад в виде металлолома. С вашей помощью я берусь утрясти вопросы сдачи металлолома без наличия такового. С начальником склада вопрос согласован. Вам осталось оперативно исполнить положенные бумаги. После этого мы сможем получить со склада все необходимое для повседневной работы вашей корабельной медицины, благо, в ближайшее время к вам на корабли должны прибыть фельдшера. Врачей пока нет, но, надеюсь, они тоже будут. Со временем.

Все командиры, кроме Дмитриева, дружно согласились с предложением флагмана и приступили к изготовлению “актов на списание”. Дмитриев же, не желающий смириться с тем, что его бывший подчиненный смеет давать указания своему бывшему начальнику, заявил.

– Я, товарищ старший лейтенант, никаких бумаг делать не буду! Ты флагман, ты и занимайся.

– Но ведь я не отвечаю за ваше имущество, – возразил я. Можете считать, что проделанная мной на вашем корабле ревизия – моя любезность за предоставленную каюту. И если вы не сделаете то, что я советую сделать, то ревизию будет проводить ревизор из медотдела. И поверьте мне, за все утерянное на вашем корабле медицинское имущество будите платить вы лично, т.к. у вас не назначено даже лицо, ответственное за его хранение.

– Вы много берете на себя, товарищ старший лейтенант. Вы еще зеленый, чтобы указывать командиру корабля, – взорвался Дмитриев.

– Если я и зеленый, то все же не вам давать мне указания по вопросам организации медицины. Вспомните, чем закончился ваш демарш против медицинской службы на крейсере. Так что советую все же выполнить мои указания, – уже с угрозой заявил доктор. – Я вас предупредил.

Взбешенный Дмитриев удалился на свой корабль, где и сорвал зло на помощнике командира по снабжению, объявив ему выговор за подгоревшие котлеты.

Через три дня командирами кораблей мне были представлены требуемые акты, добросовестно отпечатанные корабельными писарями. Дмитриев остался верен себе и акты не представил. Еще через двое суток на “Бесшумном” работал майор

Михаленок, подсчитывая убытки, нанесенные Дмитриевым государству. Еще спустя сорок восемь часов командующим был издан приказ, обязывающий финансиста удержать из оклада денежного содержания строптивого командира 980 рублей 21 копейку. Таким образом Дмитриеву было доказано, что зеленый цвет, несмотря на свою непопулярность на флоте, может иметь определенное значение в жизни моряков. Командиры кораблей, вовремя сработавшие бумаги, потешались над высеченным “годком” флота Российского. Комбриг на жалобы Дмитриева по поводу “недобросовестности” и “нетоварищеского” поступка ФМ резюмировал:

– Док прав. А ты впредь будешь умнее. Не послушался старлея – плати и не чирикай.

980 р. 21 к. были уплачены Дмитриевым за укрепление авторитета флагманского врача среди командиров кораблей, офицеров штаба и медицинского состава объединения. Отныне даже Дмитриев не мог открыто перечить старшему лейтенанту медслужбы, тем более, что требования его были чаще всего справедливы.

XXX

Зима севера Хабаровского края была в разгаре, охлаждая крепкими морозами служебный пыл и горячие головы флотских лейтенантов. Море, скованное тяжелым панцирем полутораметрового льда, спало, отдыхая после летних штормов в ожидании оных. Яркое солнце, отражаясь от девственно чистой белизны голубого снега, веселило душу и резало глаза. Природа застыла в торжественном летаргическом сне. Тайга надежно укрыла своих обитателей, защищая их нежно от холода, чтобы дать возможность весной включиться в вечный круговорот вещей в природе. Завалившись в берлоги, медведи сладко сосали собственные лапы, погрузившись в спячку. Снилась им сладкая малина и кислые муравейники.

Не спал только корабельный медведь Румпель на ЭМ “Внимательный”. Это был уникальный медведь, так как свое воспитание получил на эскадренном миноносце, волею судьбы и матросов попавший туда еще в младенческом возрасте. Будучи малышом, он радовал публику своей неистощимой энергией и веселой изобретательностью, утаскивая по ночам неизвестно куда ботинки спящих военморов или воруя сахар на камбузе. Несмотря на то, что морякам часто приходилось пить несладкий компот, никто и в мыслях не держал зла на всеобщего любимца.

Снабженцы же Румпеля просто боготворили, списывая на неукротимый аппетит последнего невыданную экипажу сгущенку. Время шло, и из маленького маменькиного сыночка вырос достойный сын полка со своих характером и претензиями. Почувствовав силу, он в течение года приобрел замашки махрового “годка”, словно третий год службы его на эсминце подходил к концу. Обычно в очереди за получением пищи на камбузе впереди становятся старшие по сроку службы, несмотря на усилия дежурно-вахтенной службы расставить очередь в порядке номеров баков. Молодежь получает пищу последней. Но на “Внимательном” порядок получения пищи был установлен в строгом соответствии с требованиями политического отдела и командования, ведущих бескомпромиссную борьбу с любыми проявлениями “годковщины” на кораблях, и молодежь всегда оказывалась в первых рядах. Румпель, четко усвоив флотские традиции, следил за порядком гораздо бдительнее старшего помощника. Через 2-3 минуты после сигнала на обед, когда очередь выстраивалась у раздаточного окошка, подходил Румпель и, хватив лапой за мягкое место впереди стоящего, выбрасывал его из очереди под дружный хохот довольных “годков”.

– Правильно, Румпель!

– Даже медведь знает, что карасям впереди делать нечего, – гудела толпа.

– Это вам не заместитель по политчасти, он свое дело туго знает.

Румпель, плотно пообедав, шел по кораблю в поисках развлечений, любимым из которых была вольная борьба. Чинно подходил он к первому попавшемуся на пути матросу, вставал на задние лапы, а передними обнимал соперника сзади. Побороть медведя, заматеревшего на усиленном матросском пайке, – дело безнадежное. Поэтому наученные жизнью и Румпелем соперники, замерев в объятиях его, стояли, не делая попыток к сопротивлению. Неопытные же караси, движимые страхом или желанием избавиться от настырного спортсмена, начинали отбиваться от предлагаемого Румпелем честного поединка. И неизбежно валились на палубу под свист и улюлюканье товарищей. Особенно много хлопот доставлял Румпель вахтенным 3 трапа, снимая их с вахты и навлекая на военморов гнев старшего помощника. С вахты матросов снимал, правда, старпом. За борьбу с медведем во время исполнения обязанностей военной службы.

Осенью медведь, движимый своей медвежьей природой, сделал попытку залечь в спячку в берлоге, однако, выбрал для устройства ее не лучший вариант. Натаскав в кормовую трубу

эсминца различного хлама, Румпель, укрывшись ватником, сладко уснул. Блаженство продолжалось до тех пор, пока механики не ввели в действие кормовой котел. Разбуженный ядовитым дымом выхлопа, медведь с ревом вылетел из трубы и, сбив с ног поднимающегося на корабль по трапу боцмана, пулей вылетел на лед. В течение трех суток Румпель ходил вокруг корабля, не рискуя подняться на борт и гоняясь по льду за военными строителями, одетыми в зеленую форму.

Однажды моряки стали свидетелями забавного происшествия или же комедии (все в мире относительно), устроенного Румпелем перед полутысячной аудиторией зрителей.

По выходным дням на льду залива собирается около полутысячи любителей подводного лова. С терпением обреченных на смерть, они целыми днями сидели на морозе в надежде вытащить несколько корюшек или зубарей из-под соленого морского льда. Удивительное трудолюбие. Заинтересовавшись процессом рыбной ловли, или надеясь полакомиться свежей рыбкой, Румпель направился к рыбакам. Любитель-индивидуалист, пробурив лунку в стороне от остальных рыбаков, увлеченно орудовал снастями. К нему-то и подошел корабельный мишка. Оскорбившись видимо тем, что рыбак не обращает на гостя абсолютно никакого внимания, Румпель привычно обхватил бедолагу сзади за плечи передними лапами, предлагая борцовскую схватку. Недовольный рыболов, видимо решив, что мешает ему заниматься делом один из товарищей, так как видеть медведя, находящегося за спиной, ему не позволял поднятый воротник тулупа, больно ткнул шутника в бок локтем. Румпель решил, что вызов на поединок принят, начал валить соперника на лед. И когда медвежья морда оказалась перед взором рыбака-любителя, тот диким голосом заорав “мама!”, выскочил из тулупа и валенок со скоростью двух чемпионов мира по бегу, босиком унесся вдаль, бросив на произвол судьбы и улов, и все свои рыбацкие снасти. Не ожидавший подобной прыти Румпель, в свою очередь, без оглядки рванул к кораблю. Сотня матросов и рыбаков, ставших свидетелями сей оказии, валились с ног от хохота. Не до смеха было только борцам, один из которых после схватки начал заикаться, а другой навсегда потерял интерес к этому виду спорта. Характер у Румпеля стал просто отвратительным. Появившаяся в нем злобная агрессивность по отношению к личному составу, привела его в конечном итоге на эшафот. Печально.

XXX

Служба медицинская, как и каторга сахалинская, медленно, но верно налаживалась. Уже пять кораблей из шести имели в составе своих экипажей медицинских специалистов со средним специальным образованием – фельдшеров. Уже получены были на корабли медикаменты согласно установленных норм снабжения. Уже коки и вестовые любого корабля охотно выполняли просьбы доктора о внеочередном изготовлении котлет. А это кое-что да значит. Однако до наведения порядка было еще ох, как далеко. Я четко усвоил простую флотскую истину: матрос должен быть здоров и сыт. В этом случае он сумеет тащить на себе огромную телегу своих воинских обязанностей. И если медицинская помощь постепенно налаживалась, то в вопросах организации питания на кораблях был “край непуганных дураков”, как любит выражаться психически неуравновешенный начальник штаба. Снабженцы созрели для генеральной порки. Не ведая грозы медицинского контроля, снабженческая мафия свила себе уютное гнездышко, добывая золотые самородки говядины и свинины прямо из матросских желудков, о чем свидетельствовали жиденькие супы и прожилки мясной тушенки в перловой каше, называемой на флоте “шрапнелью”. Контроль за питанием личного состава на кораблях осуществляется тремя способами или так называемыми методами. Органолептический метод позволяет оценить вкус, вид и запах пищи. Метод субъективный, хотя по всем трем параметрам качества к пище предъявляются определенные требования. Метод весовой. Объективный, но трудновыполнимый, т.к. требует ежедневной кропотливой работы и следовательских способностей: снабженцы ведь тоже не дремлют. Этот метод позволяет знать вес вложенного в котел и вес готовых блюд. Третий метод калориметрический. Самый точный и самый лучший метод. Во-первых, на него работают не корабельные врачи, а представители СЭО. Во-вторых, он позволяет узнать достоверно, какое количество белков, жиров и углеводов предназначено моряку для употребления и какое количество калорий содержит пищевой рацион. По одной порции готового первого, второго и третьего блюда группа товарищей, состоящая из представителей СЭО, медицинской службы корабля и общественности, упаковывает пробы в специальные банки, опечатывает последние, составляет “акт изъятия готовых блюд” и доставляет эти блюда в санитарно-эпидемиологический отряд. В течение недели специалисты колдуют над доставленными блюдами и выдают официальное, на бумаге оформленное заключение. Выводов по исследованию может быть четыре:

1. Все тип-топ, т.е. норма.
2. Все тип-топ, т.е. матросам пищи выдается на 10% больше,

чем положено по нормам.

3. Все тип-топ, т.е. матросам выдается пищи на 1 – 10 % меньше, чем причитается.

4. Ай-ай-ай, снабженцы! Расхождение между количеством калорий, записанных снабженцами в меню-раскладке и количеством калорий, рассчитанных в лаборатории, составляет 11 и более процентов в сторону уменьшения за счет недовложения в котел X граммов белков, Y граммов жиров и Z граммов углеводов на одну флотскую душу. Это значит, что X граммов мяса и Y граммов масла ушло мимо котла. По Z – макароны, крупа – показатели обычно бывают в ажуре. Подводят X и Y.

Я, затратив определенное количество калорий на организацию сдачи обедов с кораблей на анализ в лабораторию СЭО, ждал результата. И дождался. Ни на одном корабле показатели не соответствовали нормам. И все “в сторону уменьшения”. От 30% (ЭМ “Вихревой”) до 57% (ЭМ “Бесшумный”). Вот это масштабы! А что вы хотите? Мафия!

По пятницам утром командиры кораблей собирались на совещание, именуемое “подведением итогов за неделю”. По очереди докладывали комбригу, что “замечаний нет”: металлолом сдан, рационализаторы и изобретатели пашут, воинская дисциплина на высоте. Затем представлялось “слово” флагманским специалистам в порядке тактических номеров. Каждый из них излагал суть основных проблем по роду своей специфической деятельности, вызывая возражения командиров кораблей и получая приказания командира бригады. Наконец, очередь “слова” подошла и флагдоку.

– Товарищ комбриг, – начал я. – То, что доложено вам командирами кораблей, мягко говоря, не соответствует действительности. Все они скрывают факты махрового воровства на кораблях.

Если бы в кают-компанию флагманского корабля, где проходило совещание офицеров, вдруг вбежала голая проститутка и отбила на столе джигу, то и в этом случае эффект был бы меньше, а реакция зала спокойнее, чем та, что была вызвана речью доктора. Хор возмущенных голосов оскорбившихся командиров мог заглушить рев толпы при виде убитого тореадором быка. Самым ласковым словом в мой адрес был “карась”. Все остальное на русский язык не переводимо. Наконец, шум иссяк.

– Объясните, доктор, – потребовал комбриг с ноткой угрозы в голосе.

– Пожалуйста. Представляю документы, подтверждающие

мои слова, – показал я заполненные СЭО бланки анализов. – Например, у товарища Дмитриева в день проверки на сторону ушло 57% продуктов. Цифры недовложения продовольствия в котел по всем кораблям разные, но не радуют. В ближайшее время, товарищи командиры, исследование суточного рациона я проведу повторно. В случае обнаружения подобных безобразий, результаты исследования передам в прокуратуру. Закрутите хвосты своим снабженцам и вплотную займитесь питанием личного состава.

– Вам все ясно, товарищи командиры? – спросил комбриг и закрыл совещание.

Всем все было ясно. Корабельные снабженцы начали раскланиваться со мной на расстоянии сотни метров, в душе посылая меня к чертовой матери.

Глава 61
БЕРСЕНЕВ

На корабли постепенно прибывали специалисты-медики. Начмед объединения полковник Ушаков, зажатый между рапортом Иванова, с одной стороны, и дефицитом на военнослужащих срочной с лужбы медицинской специальности с другой стороны, был недоволен непомерными требованиями молодого флагмана, однако, ставил и пример его хватку другим докторам. В один из февральских солнечных дней на пирс с вещевым мешком за плечами прибыл огненно-рыжий симпатичный подтянутый матрос. Сопровождавший его офицер с помощью дежурного по соединению нашел меня и, вручая документы, сказал, обращаясь к рыжему красавцу-матросу.

– Ну, Берсенев, служи на кораблях теперь. Попил ты моей кровушки изрядно. Может, здесь тебе рога обломают. Желаю тебе не сесть на скамью подсудимых.

Многозначительное прощание двух бывших сослуживцев. Повернувшись к озадаченному доктору, офицер сказал:

– Все узнаете из бумаг. Только знаю, что хлебнете вы с ним лиха. До свидания. Желаю успеха в деле перевоспитания сего монстра, – произнес офицер и удалился за КПП.

– Интересная картина, товарищ Берсенев. Видно здорово вы допекли человека, что он прощался с вами столь оригинальным напутствием. Надеюсь, что мы с вами не только найдем общий язык, но и подружимся. Пойдем на корабль, – пригласил я матроса следовать за собой и направился на ЭМ “Бесшумный”.

В каюте, усадив на баночку своего нового сослуживца, флагдок развернул документы, переданные ему убывшим офицером. Папирус, характеризующий служебную деятельность Берсенева, гласил, что кроме неправильного понимания политики партии и правительства, рыжий красавец “ежедневно убегал в самоволку, употребляя спиртные напитки, вступал в пререкания с начальством, служебные обязанности и требования общевоинских уставов не изучил и не выполняет”. В служебной карточке бойца раздел “Взыскания” был заполнен выговорами и многими сутками ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

Прочитав документы, я обратился к Берсеневу за разъяснениями. Тот, видимо продумавший давно линию своей жизни, нисколько не смущаясь отрицательными характеристиками, начал излагать свое кредо:

– Я закончил медицинское училище и стал фельдшером для

того, чтобы в колонии, куда я попаду обязательно, иметь возможность оказывать помощь товарищам по заключению и, тем самым, обрести среди них нужный вес и положение. На воле мне ловить нечего, т.к. все мои братья уже сидят. В заключении отец, два дяди и двоюродный брат. Это наш путь, так как мы не согласны с обществом и таким образом выражаем ему свой протест. Общество, естественно, не согласно с нами. Вы мне, старлей, чем-то понравились, а потому честно предупреждаю, что сумею Вам обеспечить массу неприятностей по службе, хотя медицинские дела буду делать добросовестно. Ходить же в самоволки и пить водку я все равно буду.

С какими только неожиданностями не сталкивает жизнь военного человека! Каждый новый подчиненный – загадка, личность, сюрприз. И попробуй разобраться в них, когда официальные установки по воспитанию военморов признают только одну версию: советский человек – лучший человек в мире. А посему все дисциплинарные проступки подчиненных объясняются неумением начальника работать с личным составом, незнанием им методов военной психологии и педагогики. Любой проступок подчиненного может сказаться на служебной карьере начальника. И слава богу, что 95% людей, приходящих на флот, правильно понимают свои задачи по охране Отечества и добросовестно тащат лямку военной службы.

Сраженный столь мрачной философией, но не подавший вида, что с подобным встречаюсь впервые, я дружелюбно сказал:

– Каждый человек волен выбирать свою судьбу сам. И желательно, чтобы никто не насиловал его убеждения. Однако, в данном случае ваши взгляды, Берсенев, вступают в противоречие с моими. Я сознательно выбрал себе военную стезю. И иду по ней только вперед. И по-другому свою жизнь не мыслю. Ваша линия жизни, будем откровенны, может помешать мне идти избранной дорогой. А посему, если даже насилие над чьими-то убеждениями и противно мне, но постараюсь разубедить вас и доказать, что ваши взгляды ошибочны. Вот эти бумаги с вашим социальным портретом я кладу в сейф и возвращаться к ним не буду, если, конечно, вы никого не зарежете и не взорвете корабль. Сейчас я отведу вас в амбулаторию, познакомлю с обязанностями и вручу ключи от ящиков с медикаментами. Отныне вы здесь полный хозяин, имущество, поступающее в ваше распоряжение, советую беречь, т.к. в случае его разбазаривания и порчи возмещать флоту его стоимость будет ваша несчастная мама.

Я знал, что лица с уголовными замашками становятся сентиментальными при упоминании о матери.

– А при чем здесь моя мама? – сверкнув в полумраке каюты

глазами, спросил Берсенев.

– А притом, что ваш козел-папа и козлы-братья на помощь вам из колонии не придут, сами вы денег не имеете. Вот и остается одна мама. И если не загнали ее в могилу ваши братья, то эту задачу успешно решите вы сами. Все. Разговор окончен. Подумайте над тем, что я сказал. До завтра.

Предупредив дежурно-вахтенную службу о возможной попытке Берсенева уйти в “самоход”, я уехал в поселок Западный, где стояли корабли на консервации. Что такое “консервация” для корабля, знает каждый военмор, но не знает читатель. Согласно руководящим документам, полностью исправный корабль становится у пирса. Все его механизмы смазываются, помещение и внешний контур корабля герметизируются, личный состав переселяется в казармы. Воздух внутри корабля осушается с помощью специального приспособления – рубки динамического осушения. Штат корабля максимально сокращается, так что из тысячного экипажа остается человек семьдесят, задача которых состоит в том, чтобы один раз в год вскрыть корабль и провести плановый осмотр механизмов. Все остальное время эти семьдесят человек занимаются хозяйственными работами и политической подготовкой. При этом нуждаются в медицинской помощи, организовать которую я и убыл.

Через двое суток, приехав из поселка Западный на ЭМ “Бесшумный”, я узнал, что мой подчиненный Берсенев, спустившись по якорь цепи на лед, убыл в самоволку вечером, но исправно прибыл на корабль утром. В изрядном подпитии. Флагдок издал приказ командира соединения о наказании нарушителя воинской дисциплины, в котором объявил тому десять суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте, выписал записку об аресте матроса и вызвал его к себе в каюту.

Берсенев, только что проснувшийся с больной головой, недовольно взглянул на своего начальника, представился и хотел присесть, но разрешения не получил.

– Несмотря на мои предупреждения, Берсенев, вы все же ушли с корабля. Я предупреждал, как вы помните, что ошибочность ваших взглядов постараюсь вам доказать...

– Не старайся, старлей, – перебил убежденный потенциальный зек, – изменить ничего ты не сможешь. После гауптвахты я снова уйду.

С трудом сдерживая желание влепить наглецу по веснушчатой физиономии, я спокойно сказал:

– Это мы посмотрим впоследствии, а теперь идите, собирайте все, что требуется арестанту. Благо, вы знаете это прекрасно, и поедем с вами туда, где вы по своим убеждениям желаете быть.

Через 15 минут два мирно беседующих военмора шли по дороге к остановке автобуса номер шесть. Гарнизонная гауптвахта находится на полуострове Меньшикова, направо от Северного пирса. Но я пригласил арестованного в автобус, идущий в противоположном направлении, чем озадачил нарушителя дисциплины. Однако, тот вопросов не задавал.

Дело в том, что на полпути между Сортировкой (п.Октябрьский) и п.Ванино располагается специфическое воинское формирование – дисциплинарная рота, командовал которой знакомый мне капитан. На его помощь и рассчитывал флагманский педагог-воспитатель. Приехали, прошли за ворота. Сержант, стоящий на вахте КПП, вытянувшись так, как матросы не вытягиваются и перед адмиралом, спросил о цели визита моряков и немедленно доложил о прибытии своему командиру. Получив указания последнего, вежливо проводил доктора в кабинет. Берсенев был оставлен на КПП под охраной дежурной службы, неприязненно разглядывающей моряка: существующий антагонизм между военнослужащими, одетыми в зеленую форму, и моряками давал о себе знать.

Я вкратце посвятил капитана-командира дисциплинарной роты и своего товарища в историю и систему взглядов своего подчиненного и попросил помочь в воспитании военмора.

– Все будет сделано, корешок, – заверил доктора дисциплинарный командир. – Я могу здесь подержать твоего подчиненного в течение месяца?

– Конечно, была бы польза.

– Польза будет. Пойдем.

Вышли во двор. Притихший Берсенев стоял возле КПП по стойке “смирно”.

– Дисциплинарно арестованный матрос! Ко мне, – приказал ему капитан.

Обрадовавшись, что избавлен от опеки сержанта, несущего вахту на КПП, Берсенев подошел к капитану и небрежно представился, стараясь подчеркнуть свое матросское превосходство над затянутым в портупею солдафоном.

– Вы что, матрос, не ели сегодня? – имея в виду тихий голос арестованного, спросил капитан.

– Да, не ел. А уже на кораблях время обеда прошло, – пытаясь разжалобить офицеров, произнес Берсенев.

– Ясно. Еще десять суток жрать не будешь! В карцер! – отдал короткое распоряжение капитан. – Сержант Толипов! Исполнить!

Не успел Берсенев возразить, как два солдата подскочили к нему и, заломив назад руки, повлекли к бетонной яме, закрытой сверху металлической решеткой. Открыв решетку, солдаты

пинком отправили в яму арестованного, мечтающего о тюрьме военмора. Для меня подобная развязка тоже была удивительна: яма-то находилась под открытым февральским морозным небом...

...Через месяц в сопровождении того самого сержанта на пирс был доставлен матрос Берсенев. От бравого упитанного моремана осталось немного. Приемами строевого шага он владел мастерски, воинские уставы знал наизусть, о самоволках и спиртном вспоминал с отвращением, осуждая тюремную философию своих родственников.

Глава 62
ЭСКУЛАПЫ

Для успеха в деле врачевания личного состава и обмена опытом и организации его между специалистами различных направлений военной медицины ежемесячно, по приказанию старшего медицинского начальника гарнизона, собираются так называемые, научно-практические врачебные конференции. Собравшись вместе в гарнизонном доме офицеров, врачи госпитального звена и звена корабельного рассказывают друг другу сказки о собственных достижениях в сем благородном деле и наущают коллег правильным и эффективным методам работы. При этом специалисты госпитального звена, как имеющие больший опыт и большее количество металла на погонах, позволяют себе публично пройтись кнутом по спинам своих младших товарищей – лейтенантов, специалистов войскового, т.е. корабельного звена медицинской службы. В любом выступлении любого начальника отделения из госпиталя корабельные лейтенанты обвиняются во всех смертных грехах и ошибках. Все возможные положительные качества лейтенантской врачебной души подаются с приставкой “не”. Все отрицательное – в наличии. Смысл выступлений любого госпитального подполковника звучит так: “Лечение больных в моем отделении и под моим личным руководством было бы гораздо эффективнее, если бы не корабельные врачи, допускающие врачебные ошибки на догоспитальном этапе лечения. Я хороший, насколько это возможно, но лучшим мешают мне стать младшие коллеги”. Вся речь рассчитана на присутствующую здесь светлую голову старшего медицинского начальника. Лейтенанты растерянно лепечут что-либо в свое оправдание, ссылаясь на нехватку медикаментов и аппаратуры, самодурство командиров и недостаток опыта работы. Весь процесс напоминает избиение младенцев, не способных и не имеющих возможности ответить ударом на удар. Подполковники всегда правы и искренни в своих речах, хотя им глубоко безразличны и сами лейтенанты, и положение дел в их подразделениях. Но принято так, что старшие всегда учат младших. И это было бы правильно, если бы старшие знали корабельную службу, а если знали её когда-то, то не забыли бы сейчас. Но... старшие наущают младших. И младшие, как побитые щенки, расползаются из дома офицеров по своим корабельным норам.

Медицинское вече, кликнутое в очередной раз полковником

Ушаковым, проходило по хорошо накатанной колее. Отличие его от ранее проходивших когда-то состояло в том, что объектом избиения на нынешнем был избран молодой флагман Иванов, которому нужно было указать свое место, показать значимость и важность специалистов береговых лечебных учреждений. К тому же заставить его понять простую истину – шляпу снимать я должен всегда первым, иначе придется шляпу протягивать.

Доклады нештатных главных специалистов гарнизона – начальников отделений гарнизонного госпиталя – строились по единому образцу. Хирург.

– За истекший месяц у нас в гарнизоне допущено десять врачебных ошибок на догоспитальном этапе лечения. Так, 15.02.82г. в хирургическое отделение поступил больной Петров с ЭМ “Вихревой”. Доставлен в госпиталь спустя 12 часов от начала заболевания. Флагман соединения, старший лейтенант медицинской службы Иванов.

Заполучите. Первый удар!

Инфекционист.

– За истекший месяц по линии инфекционных болезней в гарнизоне было допущено десять ошибок на догоспитальном этапе. 15.02.32 в инфекционное отделение поступил больной Сидоров с диагнозом ДСЛ (дальневосточная скарлатиноподобная лихорадка) с ЭМ “Скрытный”. При этом эпидобследование очага не проведено, дезинфекция не организована. Флагманский врач товарищ Иванов.

Подставляйте попку, коллега, в очередной раз.

Избитый и публично опозоренный коллега, в свое оправдание мог сказать только, что, мол, недостатки знаем, учтем, исправимся, будем работать лучше. Врачебное самолюбие флагмана жестоко страдало. Два месяца без выходных, без берега, находясь на берегу, два месяца жесточайших усилий в наведении порядка. И вдруг – публичная экзекуция на конюшне борьбы за общественное здоровье! Перед женщинами стыдно!

Вобрав голову в плечи, я ушел на свой эсминец “Бесшумный”, закрылся в своей обшарпанной каюте. А утром следующего дня опять включился в суету повседневности, как мадам Грицацуева в киностудии, безуспешно пытающаяся догнать милого ее сердцу Остапа.

Прошел очередной месяц, и снова Ушаков собрал свою медицинскую братию под сводами дома офицеров. Судя по кулуарным разговорам, очередной жертвой избран был не я, а мой коллега – флагман соседнего соединения товарищ Петров. Так и случилось. Все выступления заканчивались одинаково: флагман, майор медицинской службы Петров. И все было бы

точно по сценарию, без эмоций, скучно, обычно...

Попросил слово я, с твердым намерением дать бой тыловым подразделениям медицинской службы.

– Товарищи! Коллеги! – начал я. – На прошлой конференции с этой трибуны я обвинялся во всех грехах, существующих в системе медицинского обеспечения нашего объединения. Сегодня в них обвиняется Петров. С той же трибуны и теми же лицами. Создается впечатление, что врачи боевых соединений и врачи тыла, решая одну и ту же задачу, стоят по разные стороны баррикад. Хочу напомнить вам, что не флот существует для тыла, а наоборот, тыл существует для флота. То есть вы, товарищи, существуете для того, чтобы обеспечить качественную медицинскую помощь тем, кто служит на кораблях. Вы же требуете от корабельных специалистов, чтобы именно они обеспечивали вам спокойную жизнь. Это идеология наоборот. На кораблях и в частях служат молодые неопытные врачи-лейтенанты, но именно они несут основную нагрузку в деле лечебно-профилактического и других видов обеспечения флота. В этих условиях ошибки неизбежны. И не вина, а беда лейтенантов, что они, загруженные сверх головы массой посторонних дел, не всегда могут все учесть и принять правильное решение. В моем соединении на шести кораблях врачей нет вообще. Там, и то совсем недавно, начальниками служб стали фельдшера-военнослужащие срочной службы. Разве они способны избежать ошибок? Нет. Так давайте вместе думать, как избежать их в корабельном звене, а не поливать грязью тех, кто по опыту службы и должности ниже вас. (Шум и крики в зале). Спокойно, товарищи! Это еще не все. Поговорим сейчас об ошибках госпитального этапа лечения. Так, неделю назад из госпиталя на ЭМ “Скрытный” прибыл больной матрос Васильев после аппендэктомии. Читаем запись в медицинской книжке, заверенную подписями начальника ХО Полякова и начальника медицинской части госпиталя. “5.03 произведена аппендэктомия. Послеоперационное течение гладкое. 12.03 сняты швы. Заживление первичным натяжением”. Все отлично? Но на корабле мне лично пришлось снять швы. Рана нагноилась. И сейчас больной лежит в лазарете и получает лечение. Эта ошибка, я считаю, гораздо более серьезная, чем госпитализация спустя 12 часов от начала заболевания. (Тишина в зале, только полковник наливается кровью, и Поляков опускает очи долу). Второй пример. После проведения курса лечения в инфекционном отделении (начальник подполковник Могутов) по поводу острой дизентерии на ВПК “Гордый” прибыл больной Сорока. Проведено бактериологическое обследование его и... что вы думаете? Он

оказался зараженным той же дизентерией, От которой успешно вами лечился. Только из острой формы дизентерия перешла в хроническую. Ну, как ошибочка, уважаемая профессура? Я могу продолжить, но, думаю, достаточно. Во избежание различных разногласий между нами в будущем, предлагаю: “Давайте жить дружно”. Предполагаю, что за это мое выступление кое-кому захочется свести со мной счеты. Прошу вас запомнить следующее: “добро” на сход даете мне не вы, а командир соединения. Это раз. Пряники, которыми меня угощает служба, я не предложил бы никому из вас. Это два. И, наконец, последнее. Считаю, что звание врача не позволит никому из присутствующих здесь бросить камень мне в спину. Спасибо за внимание.

Корабелы аплодировали. Тыловики угрюмо молчали. Полковник Ушаков подвел итог конференции .

Четыре с половиной года впоследствии я служил в должности флагмана соединения, однако, ни разу более не был публично наказан специалистами госпиталя. Жили дружно.

Два раза в год весь личный состав кораблей проходит медицинский осмотр врачом части. Раз в год офицеры флота обязаны пройти углубленное медицинское обследование специалистами поликлиники и госпиталя. Командиры кораблей проходят обследование в стационаре. В этом заключен великий смысл. Находясь в плавании, любой командир несет на себе основную нагрузку по управлению кораблем и полную ответственность за действия своих подчиненных. Подобный прессинг может не выдержать командирское сердце и выдать на гора инфаркт. И такие случаи бывали. Поэтому столь тщательно обследуют командиров флотские эскулапы. Все направлено на заботу о сохранении здоровья “основной фигуры” на флоте. Но сама “фигура” подобную заботу воспринимает, как докторскую придурь, направленную исключительно на то, чтобы помешать ей в продвижении по службе, правдами и неправдами уклоняясь от обследования.

Типичным представителем этих фигур был командир ЭМ “Скрытный”, капитан второго ранга Спешилов. Самодур и волевик. На флоте был известен тем, что во Вьетнаме в бухте Кам-Рань спровоцировал дипломатический конфликт. Стоя у пирса, он приказал провести вдоль борта на расстоянии двух метров от корабля белую черту на территории пирса, вход вьетнамцев за которую был запрещен, т.к. на прилегающей к кораблю отчужденной полосе было написано: “Территория СССР”. Жестоко подавляя на корабле любую инициативу подчиненных, не признавая авторитетов и личностей, кроме своей собственной, добился того, что в одно прекрасное утро получил от

собственного старпома удар кортиком в предплечье. Однако, дело замяли, т.к. СПК был зятем коменданта города Владивостока. На медицину и докторов Спешилов смотрел, как на не нужный никому хлам, путающийся под ногами идущих к светлому будущему. В сильные совгаванские морозы ходил только в фуражке, демонстрируя железное флотское здоровье. “Докторов не вижу в упор. Не обращался я к ним 36 лет, не буду и сейчас”, – любил повторять он в дружной компании. Доктора платили ему той же монетой:

– Голова Спешилова в фуражке не замерзнет. Мерзнуть нечему. Кость.

Однако, Спешилов был внесен мной в “график стационарного обследования командиров кораблей”. График был утвержден командующим объединения и, таким образом, приобрел силу закона. При всем своем неприятии медицины строптивый командир был заложен в госпиталь и… списан с плавсостава с диагнозом “ишемическая болезнь сердца”. Расценив свою болезнь, как происки докторов и лично флагманского врача соединения, отстраненный от службы мореман на каждом перекрестке проклинал медицину и грозился:

– Я этого так не оставлю. Иванова, как только сойдет лед, утоплю прямо у пирса.

Но не утопил. И впоследствии, вкусив прелесть береговой службы, был благодарен судьбе, отодвинувшей встречу с инфарктом на неопределенное время.

Глава 63
ПЕРЕЕЗД

Три месяца я сидел на кораблях, не имея выходных и возможности отдохнуть на берегу. Ежемесячно просил начальника штаба предоставить мне четыре законных дня, чтобы навестить свою семью, брошенную на произвол судьбы во Владивостоке. Но ежемесячно получал отказ заботливого начальника. Обращения по поводу выходных к начальнику политического отдела заканчивались однозначно: “Ваш начальник – начальник штаба . Все вопросы – к нему.” Утешала мысль, что в конце марта была обещана квартира в поселке Заветы Ильича, в новом, только что построенном военспецами доме. Был назван даже её номер. Шестьдесят. И в один из солнечных дней флагдок отправился принимать жилище.

Дом стоял прямо в центре поселка на площади Ленина. Пятиэтажная, буквой “Г” коробка. Квартира на первом этаже. На стук в дверь (звонок не работает) из квартиры выглянул военный строитель в грязном засаленном ватнике. В комнате слева от входа, вповалку лежали на палубе еще пять таких же засаленных военспецов. Небольшой коридор, слева кухня, заваленная досками и строительным мусором. Сломанная раковина на кухне и разбитый унитаз в туалете. Дверь из основной жилой комнаты ведет в комнату номер два, общей площадью шесть квадратных метров. Из окон открывается великолепный вид на “хоздвор” военных строителей, где под открытым небом валяется техника и строительные материалы, да стоят два вагончика, в которых размещаются в рабочее время строительные начальники, и ночью беспробудно спят сторожа, бдительно охраняя народное богатство. Вид с кухни столь же живописен. Взору открывается свалка металлолома, собранная пионерами для строительства БАМа, дымят две трубы кочегарки-котельной, дающей иногда тепло в близлежащие жилые дома и школу. Здесь же, во дворе, переполненные бытовым мусором баки, свидетельствующие о бессилии коммунальных служб гарнизона. Картина сердце не радует.

Но больше этого угнетают стены будущего жилища, выкрашенные в темно-зеленый болотный цвет. Глядя на них, хочется квакнуть.

Из личного опыта зная, что задавать вопросы рядовым военным строителям по поводу отделки испоганенного их вкусами и трудолюбием жилища, то же самое, что выть на луну в

половой тоске, я отправился на поиски строительного начальства, которое и обнаружил в вышеупомянутом вагончике. И сразу понял, что прибыл не вовремя, т.к. начальство – в лице майора и двух капитанов – вкушало обеденную трапезу, запивая ее фирменным компотом “Агдам”. Однако, опасения эскулапа по поводу несвоевременности визита были быстро рассеяны строительными братьями по оружию, а стакан компота, предложенный гостю, соединил вечной дружбой их нежные сердца и натуры. В результате краткой беседы я вышел из вагончика в полной уверенности в том, что моя разваленная квартира приобретет вид спальни Екатерины Второй в самые ближайшие дни… и недели… и месяцы.

Так и случилось. После длительной войны, захватившей своими витками все этажи прочного здания строительной иерархии. Говорить о царях не приходится, но для старшего лейтенанта ВМФ жилье было отделано с той тщательностью и старанием, которые вообще характеризуют отношение к труду штукатуров и маляров из военно-строительных отрядов. Но въехать в него было можно и даже… пожить в нем до… проведения капитального ремонта.

Я, завершив строительную одиссею, улетел за своим семейством во Владивосток.

XXX

“Два переезда равносильны одному пожару”, – гласит флотская мудрость. Значение ее я понял тогда, когда пришлось собирать и упаковывать в ящики из-под “Беломорканала” вещи, разбирать прессованную из опилок мебель отечественного производства, рассыпающуюся от неосторожного прикосновения отверткой, выносить ее по узким лестничным маршам и грузить в контейнер под нетерпеливые окрики грузчиков. Что-то не помещалось в ящик и его приходилось оставлять, что-то разбивалось в суматохе, что-то казалось в данный момент ненужным, и его безжалостно бросали, чтобы пожалеть об этом впоследствии.

Жена прощалась с работой. Рвался привычный мир детского сада, в котором жила дочка. С пуповиной рвалось то, что ценой неимоверных усилий было создано почти за пять лет безупречной флотской службы. Кто восполнит военмору, а главное – его семейству – эти моральные издержки?

Кто по-настоящему оценит долготерпение жен моряков? Нет такого закона, чтобы считать офицера человеком, возмещая

потерянное.

Упаковав и отправив домашний “нажитый непосильным трудом” скарб, забронировав на всякий военно-морской случай комнату в двухкомнатной квартире и купив билеты на пассажирский поезд Тихоокеанский-Совгавань, семейство отправилось к новому месту службы и жительства.

Мартовский Владивосток провожал нас ярким весенним солнцем, пробуждающейся природой и легкими платьями местных красавиц, сбросивших зимние наряды. В 13.00 электричка отошла от перрона железнодорожного вокзала. Мимо пролетели Первая и Вторая речки, Моргородок, Седанка, Чайка, Океанская, Санаторная и, наконец, мы прибыли на станцию Угловая. Высадились на перрон в ожидании пассажирского поезда. Устроились на чемоданах. Ниночка печально смотрела вокруг. Отец семейства, пытаясь отвлечь жену от грустных мыслей, рассказывал о красотах хабаровского севера, прелестях местной тайги и живописности заливов и бухт. Однако, это ему просто не удавалось. На глазах жены блестели слезы. Только дочурка, воспринимавшая путешествие, как интереснейшее приключение, смеясь, бегала по платформе, непонимающе глядя на грустную маму. Подошел поезд, и пассажиры, сгибаясь под тяжестью багажа (носильщики здесь не предусмотрены), под лай громкоговорителей, устремились к вагонам. Заняли свои законные места в купе и мы. Поезд тронулся. Нинуля заплакала. Расстроенный супруг ее вышел в тамбур и закурил сигарету.

Есть великая прелесть движения по железной дороге. Наиболее остро чувствуют её моряки. Ведь корабль, оставив за горизонтом землю, суживает поток зрительной информации до минимума. Особенно в тихую погоду. Морская равнина, простирающаяся вокруг, безмолвствует, в то время как за окном купе пейзажи постоянно меняются. На станциях можно выйти из вагона, купить картошку, посыпанную укропом и дымящуюся вкусным парком, пробежаться до газетного киоска. Однако, Ниночку эти прелести не радовали. Неизвестность, в которую ее в очередной раз сорвала судьба ВМЖ (военно-морская жена), делала унылыми проносящиеся за окном сопки и участки голой, зябнущей под мартовским ветром тайги. Ландшафт вступал в противоречие с рассказами мужа о буйном цветении природы по маршруту движения, которым мореман восхищался, впервые преодолев сей маршрут благодатной дальневосточной сентябрьской порой. Восприятие внешней среды зависит от внутреннего состояния нервной системы, которая у Ниночки была в некотором возбуждении.

Через двое суток поезд остановился возле деревянного

вокзала известной нам Сортировки. Приветствуя новоселов, природа разразилась жестокой метелью. Тяжелые хлопья снега падали на раскисшую весеннюю землю, превратив привокзальную площадь в непроходимое болото. После чистых, залитых солнцем владивостокских улиц, все это производило гнетущее впечатление на нежную и тонкую женскую натуру. Даже Оксаночка притихла. Переполненный автобус маршрута номер шесть доставил нас в поселок Заветы Ильича по исковерканной временем и военной техникой дороге. И когда, наконец, мы вошли в пустую, холодную, пахнущую сыростью квартиру, Ниночка снова заплакала. Новоселье было отмечено бутылкой шампанского.

Через неделю прибыл контейнер с вещами, и новое гнездо постепенно начало обретать жилой вид. Жизнь входила в колею, предназначенную судьбой. Семейное счастье не могли поколебать даже сквозняки, дующие во все щели перекошенных рам, дверей и окон производства местного комбината столярных изделий и мастеров из системы военно-строительных отрядов Дальспецстроя.

Глава 64
СНАБЖЕНЦЫ

Устроив с грехом пополам семейство, я прибыл на службу. За время моего отсутствия ничего не изменилось и ничего существенного не произошло: так же дымили трубы искалеченных временем эсминцев, так же ржавел плавающий пирс и так же отрабатывались мероприятия боевой подготовки, по накатанной колее работала медицина, механики крутили свои вечные гайки, снабженцы снабжали экипажи всеми видами довольствия. Это все называлось “боевой и повседневной деятельностью” соединения.

На баке БПК “Гордый” шумела толпа матросов, окруживших грязную деревянную бочку. В центре стоял баталер продовольственный, старшина первой статьи Икрамов, растерянно разводя руками и пытаясь что-то доказать возбужденным товарищам, но было видно, что попытки его к успеху не приводят. Я подошел к митингующим. Заметив доктора, военморы сосредоточили энергию возмущения на мне. Как оказалось, причиной недовольства коллектива была поданная на обед красная рыба – горбуша, сотня килограммов которой лежала сейчас в вышеупомянутой грязной бочке в центре митингующего круга. Свежесоленой горбушу можно было назвать года четыре назад. А в данный момент, пролежав в запасниках продовольственной службы недопустимо длительное время, бедная рыба издавала запахи сероводородных источников Северного Кавказа. Употреблять её в пищу могли бы только дальневосточные медведи – известные гурманы по части тухлятинки.

Разобравшись в ситуации, успокоив самый терпеливый в мире – флотский – коллектив, и пообещав матросам вернуть к их столу деликатесный продукт, но только высшего качества, я начал действовать, благо, систему продовольственного снабжения изучил досконально.

Метрах в ста-пятидесяти справа от Северного пирса находятся продовольственные склады, поставляющие мясо и макароны к столу моряков и неистребимые полчища крыс на корабли соединения. Здания построены лет пятьдесят назад ссыльными кулаками и врагами-вредителями. Поэтому, давно перекосились, прохудились и намерены развалиться, только не знают, в какую сторону рухнуть. Потому и стоят на шестьдесят пятом году Советской власти. Помещения забиты всевозможными

продовольственными товарами. Полуразрушенный забор, идущий по периметру территории склада, и бабуля с ружьем, сидящая в деревянной будке, обеспечивают надежную охрану материальных ценностей.

На складе царствует толстомясый мичман Бронштейн, постигший науку побеждать неопытных корабельных снабженцев в борьбе за право владеть определенным количеством продовольственного дефицита в совершенстве и еще сверх того. И если вдруг лейтенант-снабженец рискнет подойти к мичману без выражения подобострастия на лице, то на всю оставшуюся жизнь экипаж корабля этого лейтенанта будет обречен кушать перловку с козлятиной. А о говядине и парной свининке будет видеть радужные сны. Однако, Бронштейн оставляет за лейтенантом возможность исправиться, уплатив самодержцу солидную контрибуцию.

Я был врачом и от злой воли мичмана никак не зависел. А посему, составив предварительно документ о бочке испорченной горбуши и невозможности использования её в пищу во избежание отравлений, пошел на склад в поисках правды, как Иванушка-дурачок за тридевять земель в поисках Василисы Прекрасной.

Мичман, расположив свою расплывшуюся задницу на специально изготовленной для нее табуретке, сосредоточенно перебирал отчетные бумаги, сводя дебет и кредит к общему воровскому знаменателю. На мое приветствие он даже не повернул головы, а услышав должность и звание прибывшего офицера, недовольно пробурчал, отмахиваясь, как от назойливой мухи:

– Ну, что у тебя там?

Подобное пренебрежительное обращение к себе я стерпеть не мог, поэтому сразу решил поставить зарвавшегося мичмана на приличествующее ему место.

– Товарищ мичман! Хочу напомнить, что при обращении к вам старшего по званию, положено встать и представиться. Это раз.

Мичман встал, но больше от удивления наглостью старлея, дерзнувшего сделать замечание самому (!) Бронштейну.

– Я не столь сроднился с вами, чтобы позволить вам обращаться ко мне на “ты”. Это два. И, наконец, дело. Вчера вы выдали на ВПК “Гордый” бочку гнилой горбуши весом в 110 килограммов. Вот документ, подтверждающий мои слова, – протянул я бумагу. – Я требую, чтобы сегодня вы заменили сей продукт на качественный. В противном случае нам придется беседовать в другом месте.

Со всемогущим Бронштейном никто не разговаривал в таком

сердитом ключе с момента его воцарения на складе. Тем более, никогда никто не угрожал, разве что высшее снабженческое начальство. И вдруг – Моська... на Слона!

Привычный ко всему мичман, уверенный в поддержке своих покровителей, стерпеть подобное не мог. Тоном учителя, отчитывающего провинившегося школьника, мичман изрек:

– Если я буду менять продовольствие каждому, кто гноит его на кораблях, то через месяц склад вылетит в трубу. Ваши претензии считаю необоснованными, а бумагу, которой вы, лейтенант, здесь размахиваете, используйте в положенном месте. Все. Уделить вам больше времени не могу. До свидания.

И отвернулся к своему канцелярскому столу.

Первая попытка пробить брешь в неприступном бастионе дела продовольственного снабжения закончилась для меня жестоким поражением, однако, красное знамя справедливости, обугленное в бою, из рук моих вырвано не было. Горечь любого поражения венчается сладостью грядущей победы.

Вернувшись на “Гордый”, я вызвал к себе баталера продовольственного и потребовал корешок требования, по которому тот получал со склада злополучную бочку горбуши. Взглянув в него, флагдок не поверил глазам своим: на бумаге черным по белому было записано, что не далее, как два дня тому назад, мичман Бронштейн выдал, а БПК “Гордый” получил триста килограммов горбуши свежей. А это уже называется ... “попался с поличным”. Попался мичман Бронштейн, выдав вместо трехсот килограммов свежей рыбы в желудки моряков 110 кг испорченной соленой. Следовательно, 190 кг рыбы положил себе в карман. Такую же операцию проделал мафиози с целым рядом кораблей и соединений. Сумасшедшие деньги! Ведь выданную по документам, но не выданную на самом деле, деликатесную продукцию можно реализовать через систему магазинов военной торговли, а чистую прибыль разделить по совести, среди дружного коллектива причастных к распределению благ. Положить в карман.

Интересная статья нетрудовых доходов! Но она не единственная. Существует еще несколько. Однако, возьмем ту, которая по своему размаху может соперничать со знаменитой деятельностью Корейко по выпуску художественных открыток на строительстве электростанции.

Береговые офицеры и мичманы на Дальнем Востоке получают продовольственный паек. В месяц им положено выдавать со склада мичмана Бронштейна определенное количество килограммов мяса, масла, Крупы, овощей, рыбы и рыбных консервов. Механизм выдачи продуктов следующий. Если вы

являетесь братом, сватом или племянником Бронштейна, он может обеспечить и обеспечивает Вас продуктами в следующем ассортименте:

1. Мясо – парная свинина;
2. Масло – вологодское;
3. Крупа – гречневая;
4. Рыба свежая или соленая – кета, чавыча, нерка;
5. Консервы рыбные – севрюга, балык осетровый, шпроты.

Если Вы в родстве с Бронштейном не состоите, то получите следующее:

1. Мясо – баранина или козлятина;
2. Масло – топленое в ГУ (в термоупаковке, т.е. попросту, в жестяной бочке). Год заготовки – 1950.
3. Крупа – перловая или пшенная сечка;
4. Рыба – спинки минтая с истекшим сроком годности;
5. Консервы рыбные – камбала в томатном соусе.

Если учесть, что балык осетровый и шпроты в нормах снабжения равнозначны камбале в томате, то паек родственника и Ваш паек совершенно идентичны. В накладных Бронштейна осетрина и камбала значатся под общим наименованием – “консервы рыбные”, или – рыба свежая, или – рыба соленая. Бронштейн перед законом чист. Согласно приказу МО, определяющего нормы выдачи продуктов, все справедливо, в действительности – все наоборот. Приказы министра готовят на подпись ему те же снабженцы, только рангом повыше.

Далее. Из десяти тысяч, получающих вожделенный паек, родственников Бронштейна наберется едва ли сотня. Так что ими здесь можно пренебречь. (Но пренебрегать ими в жизни – боже упаси!) Итак, десять тысяч человек, стоящих на котловом довольствии у Бронштейна, обычно отказываются получать минтай и камбалу, т.к. ни кошки, ни дети их есть просто не станут – качество не то. Однако, в накладных на получение сих деликатесов ставят свои автографы. (Хочешь – бери, не хочешь – проваливай!)

После выдачи пайка, вернее, в результате не выдачи его, на складе образуется десять тонн излишек минтая. Мичман Бронштейн откладывает его в сторону, а затем выдает на корабли под названием “рыба свежая” или “консервы рыбные”. Десять же тонн севрюги, шпрот и балыка осетрового остается в распоряжении мафиози. И опять к его услугам сеть магазинов военторга. И опять... сумасшедшие деньги! Вот так. Но все по закону, и ни одна ревизия не может уличить Бронштейна в злоупотреблении служебным положением. А сколько таких вот Бронштейнов орудуют в масштабах флота? В ВМФ? А в СА и ВМФ

вместе взятых?

Итак, в руках я держал документ, уличающий Бронштейна в присвоении 190 килограммов горбуши свежей. Целый козырной туз! С этим документом я и отправился в рубку оперативного дежурного, где стояли береговые телефоны. Набрав номер телефона члена Военного совета, начальника политического отдела объединения и услышав краткое : “Покудов. Слушаю вас”, сказал:

– Здравия желаю, товарищ адмирал. Флагманский врач Чериватого старший лейтенант медицинской службы Иванов. Докладываю, что сегодня мной выявлено следующее... И изложил всю историю попрания справедливости в деталях.

– Я разберусь с этим, доктор. Спасибо за информацию, – сказал адмирал и повесил трубку.

Через десять минут на бешеной скорости к трапу “Гордого” подкатил автомобиль УАЗ-469, из которого выскочил начальник продовольственной службы объединения, подполковник-интендант Глазунов. Бегом, впереди растерявшегося вахтенного матроса, он бросился в каюту комбрига. Через пять минут туда был вызван я. Потный подполковник сразу же пошел в наступление на внешне спокойного старшего лейтенанта медицинской службы.

– Вы знаете, старлей, что по стоимости соленая рыба в два раза дороже свежей? Потому и выдано на корабль меньшее ее количество! На складе совершена ошибка и в наряд вписана рыба свежая. Но по стоимости – все в ажуре. Дайте сюда корешок наряда, – приказал интендант.

Я, пародируя интенданта, столь же решительным и деловым тоном парировал выпад:

– Вы знаете, подполковник, что согласно приказу МО, рыба свежая заменяется рыбой соленой грамм за грамм. Так что стоимость, о которой вы здесь пытаетесь говорить, совершенно ни при чем. И не надо мне вешать лапшу на уши! Нормы снабжения я знаю не хуже вас. Корешок наряда я отдам вам только тогда, когда триста килограммов свежей горбуши будет на борту, а тухлую соленую вы вобьете в глотку Бронштейну. В противном случае я сейчас же иду к гарнизонному прокурору.

Подполковник мгновенно оценил свое поражение и сделал шаг навстречу примирению сторон.

– А договориться с вами мы не сумеем? – многозначительно изрек побежденный.

– Нет, с вами договориться мы не сумеем. Мне не понятно ваше беспокойство, подполковник. Отдайте Бронштейна под суд – и дело с концам. Думаю, что это будет справедливо. Ведь сами вы

к воровству не имеете никакого отношения?! – издевался воткрытую доктор.

Почернев лицом от бессильной ярости, интендант молча выскочил из каюты. УАЗ-469, взревев двигателем, взял курс на продовольственный склад. Через час мичман Бронштейн лично выгружал свежую горбушу у борта “Гордого”, заискивающе заглядывая в глаза врачу и приглашая его заходить на склад в любое время суток. “В случае необходимости”.

Командиры кораблей начали приглашать меня на предобеденное “мытье рук” при первом высказываемом доктором намеке. Корабельные снабженцы при упоминании имени флагманского врача теряли аппетит. Однако, среди положительных результатов победы, одержанной доктором, были и свои минусы. Командир бригады Чериватый, не допускавший и мысли о том, что кто-то либо из его подчиненных может решать какие бы то ни было вопросы, минуя его мудрую руководящую голову, сделал вывод: доктор, имеющий смелость вступить в конфликт со всемогущей на флоте системой снабжения и добившийся, несмотря на ее могущество, частного успеха, представляет опасность и для самого комбрига. Ведь голубая мечта руководящего военмора – теплый ласковый юг и спокойная должность в системе государственной приемки – может воплотиться в жизнь только при условии определенных материальных затрат и моральных потерь со стороны чистой коммунистической комбриговской души. А раз доктор опасен, лучше держать его на приличном расстоянии. Вместе с тем – он “деловой”, что обеспечивает командиру определенную степень спокойствия в вопросах медобеспечения его же соединения. Значит – хоть и неудобен эскулап, но нужен. Это как чемодан без ручки – и нести неудобно, и бросить жалко. Конечно, за старлеем не замечалось, чтобы он выносил сор из избы. Но, с другой стороны, сора этого столь много, что его и выносить не надо – достаточно обратить на него внимание начальства. А посему, необходимо сделать внушение ретивому эскулапу. И, для начала, мне был объявлен строгий выговор за то, что в поисках справедливости я обратился прямо к члену Военного совета, минуя своего непосредственного начальника, т.е. не по команде.

Глава 65
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

Камнем преткновения на пути к славе любого корабельного врача является быт личного состава и санитарное состояние продпищеблока, т.е. камбуза и провизионных кладовых. Вовремя должна быть организована стирка постельных принадлежностей, нательного белья и предметов обмундирования. Но прачечные на кораблях хронически не в строю, что, естественно, лишает экипажи подобной возможности. Поэтому, стирку проводит личный состав в индивидуальном порядке, следовательно, некачественно. Организация контроля за качеством стирки возложена на медицинскую службу. Корабельный камбуз спроектирован так, что не отвечает элементарным требованиям технологии приготовления пищи. Однако, официальные лица санитарно-эпидемиологической службы требуют неукоснительного соблюдения всей технологической цепочки обработки продуктов с момента поступления их на камбуз до момента выхода готовых блюд. Удовлетворить требования гигиенистов и эпидемиологов абсолютно невозможно. Контроль за работой камбуза возложен на медицинскую службу. Контролировать проведение работ с повышенной опасностью, организацию занятий спортом, проведение покрасочных работ, чистку цистерн и массу других вещей обязана опять же медицинская служба.

С одной стороны, врачи пользуются неограниченным правом давать свои рекомендации военморам и требовать их выполнения в любой сфере деятельности экипажа. Командиры кораблей обязаны выполнять требования врачей. Но с другой стороны, этого не может быть потому, что этого не может быть никогда. Любые нарушения, выявленные в любой области корабельной жизни, дают командирам возможность обвинить врача в недостаточной эффективности медицинского контроля. Врач автоматически становится виновником всех бед на корабле и может быть отправлен на конюшню дисциплинарного устава в зависимости от того, с какой ноги встал командир сегодня и какую выволочку устроила ему жена накануне. Это называется социальной незащищенностью офицера.

Наладив, насколько это возможно в условиях корабельного соединения, отживающего свой век, организацию оказания медицинской помощи, я приступил к борьбе за наведение общего санитарного порядка на кораблях. Для этого я завел (так принято

говорить на, флоте) журнал санитарного надзора. И в нем ежедневно отражал результаты своей саннадзорной деятельности на всех кораблях соединения поочередно. Выводы и предложения по наведению порядка ежедневно докладывал командиру бригады, который обязан был принимать решения по предложениям врача и требовать исполнения этих решений командирами кораблей. Докторская активность, похвальная по сути своей, заставляла комбрига работать, что резко снижало ценность той же активности. В конечном итоге комбригу “эта мышиная возня” надоела хуже горькой редьки и он начал просто игнорировать все доклады флагманского врача по санитарным криминалам на кораблях. Настроение начальника быстро уловили командиры кораблей и, естественно, тоже стали игнорировать требования (справедливые, кстати!) ретивого флагмана.

И снова неукротимый воинский пыл мой в стремлении добиться высшей сермяжной правды у собственного начальника уверенно повлек меня к очередному взысканию. Мы ведь помним, что инициатива на флоте наказуема, т.к. лишает начальников возможности мирно дышать чистым морозным или пыльным летним воздухом служебного спокойного благополучия.

Уловив перемену в настроениях командира бригады и командиров кораблей, равнодушие последних к потугам врача доказать важность его собственных требований, флагдок заявил на очередном партийном собрании:

– Товарищи коммунисты! Низкая санитарная культура экипажей, неудовлетворительное санитарное состояние кораблей приведет нас на грань ЧП. Не исключена возможность возникновения массовой вспышки инфекционных заболеваний. Необходимо принимать экстренные и самые жесткие меры к наведению порядка в организации быта и питания личного состава кораблей. Однако, коммунист Чериватый занял исключительно пассивную позицию и практически не реагирует на мои доклады по этим вопросам. Командиры кораблей четко уловили настроение комбрига и тоже не обращают внимания на мои требования. Подобная позиция коммуниста Чериватого негативно сказывается на боевой готовности соединения. И я, как коммунист, не могу об этом молчать.

Недопустимое легкомыслие и глупость старлея, несмотря на лежащий в кармане партийный билет. После окончания партийного собрания слово взял взбешенный комбриг.

Партийная демократия кончилась. Начинается единоначалие.

— Вы, Иванов, вместо того, чтобы заниматься демагогией, лучше бы потратили свою энергию для наведения порядка на

кораблях. Все любят контролировать, зато работать некому.

– Товарищ комбриг, – попытался я возразить, – санитарный контроль входит в мои функциональные обязанности. Я…

– Молчите, старший лейтенант! За низкую эффективность медицинского контроля на соединении объявляю Вам четверо суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте. Все. Разойдись!

Финал, к сожалению, обычный, несмотря на то, что Устав КПСС запрещает преследовать за критику, угрожая преследователю самыми строгими карами вплоть до исключения из рядов КПСС. Критику в адрес начальника на флоте не прощают никому, но, вместе с тем, Устав КПСС не ударил ни одного начальника за “преследование за критику”. Он всегда прав.

Я прибыл домой, имея в кармане продовольственный аттестат и записку об аресте. Но признаться любимой жене в том, что к шестнадцати часам я должен быть закрыт в камере вместе с ярыми нарушителями воинской дисциплины, вместе с уклоняющимися от военной службы, вместе с запойными “бухарями”, я не мог. Подавленное настроение военмора жена не заметить не могла. На её целенаправленные тактичные вопросы о причинах столь жестокой депрессии мужа-офицера, я что-то невнятно бормотал, ссылаясь на предстоящий выход в море. Совершенно неубедительное объяснение, т.к. море никогда не тяготило меня, и жена это поняла. Особенно после того, как я попросил собрать пакет с постельными принадлежностями, что является абсурдным при выходе в море на обеспеченных постельным бельем кораблях. Однако, любящая женщина сделала все необходимое для того, чтобы не травмировать и без того избитую душу мужчины. Она “поверила”. Спасибо ей. И собрала белье. И проводила мужа “в море”.

Гарнизонная гауптическая вахта находится на полуострове Меньшикова, слева от разбитой автомобильной дороги, по которой автобус маршрута номер шесть доставил арестованного к месту отбытия наказания. Я прибыл туда же, где провел половину своей службы убежденный зек Берсенев. Поистине “от сумы да от тюрьмы не зарекайся ”.

Несколько одноэтажных приземистых зданий со стенами в метр толщиной (дабы арестанты их не прогрызли и не убежали) окружены сплошным деревянным забором, увенчанным колючей проволокой. По углам – вышки. На них – часовые с карабинами конструкции Симонова (не писателя). Ворота заперты изнутри.

Я постучал, и через пять минут в воротах открылось окошко, в которое выглянул начальник караула – командир группы с БПК “Гневный”, старший лейтенант Фролов.

– Слушай, дорогой! Принимай гостя! – имитируя грузинский акцент воскликнул доктор.

– Как скажешь, так и будет, – в тон ему ответил начальник караула, открывая ворота.

Во дворе, чисто прибранном, никого не было, за исключением одного солдата, который ломом бил в металлический люк канализационного колодца. Рядом с ним стояло ведро с водой. Удары гулким эхом метались в закрытом пространстве двора. Я, указывая на солдата, орудующего ломом, спросил начкара удивленно.

– Слушай, что это он делает?

Как ни в чем не бывало, старший лейтенант равнодушно ответил:

– Это атака подводной лодки глубинными бомбами. “Сапогов” к морю приучаем.

Я не понял. Начкар подошел к солдату, по лицу которого стекали крупные капельки пота, и резко отдал команду:

– Пробоина в отсеке!

Солдат, ловко подцепив ломом люк, открыл колодец и плеснул в него ведро ледяной воды.

Удивление мое возрастало в геометрической прогрессии. Все еще не понимая сути происходящего, я смотрел на довольно улыбающегося караульного начальника.

– Покинуть отсек! – прозвучала команда. Из колодца, стенки которого были покрыты инеем, один за другим вылезли три солдата, мокрые с головы до ног и дрожащие.

– Немедленно прекратите эту херню! – заорал я. До меня только сейчас дошел смысл происходящего.

Начкар, которому хотя и предстояло водворить в камеру своего флагманского врача, все же счел за лучшее заверить его, что все происходящее не более, чем шутка.

– За подобные шуточки вы сами можете сесть на гауптвахту! И скажите мне спасибо, если этого не случиться, – резюмировал арестованный доктор, повергнув в трепет своего охранника. – Проводите меня в камеру. Желательно, в одиночку.

Благодаря этому маленькому приключению, оказавшись в одиночной камере, я был избавлен от необходимости общения с такими же арестованными, что и требовалось в данной ситуации. Попросив начальника караула не беспокоить меня до утра, я завалился на жесткую камерную койку и уснул сном праведника, т.к. действительно считал себя чистым перед своей собственной совестью.

Хорошо выспавшись в могильной тишине одиночки, утром я позвонил дежурному врачу гарнизона и попросил его приехать

прямо на гауптвахту., т.к. состояние здоровья арестованного дало сбой. Через двадцать минут дежурный коллега сделал запись в какой-то официальной бумаге о том, что “по состоянию здоровья старший лейтенант Иванов нуждается в освобождении из-под ареста”, посадил освобожденного коллегу в санитарный-автомобиль и отвез его к жене и дочке. Таким образом, под арестом я пробыл всего шестнадцать часов. Однако, их хватило для того, чтобы люто возненавидеть методы работы комбрига, партийную демократию и всю дурацкую систему подавления инициативы и свободы творчества на флоте.

Замечено неоднократно, что приоритет в продвижении по службе и в получении поощрений и наград командиры отдают тому, кто угодливо заглядывает им в рот, “лижет задницу”, как говорят на флоте, бросается исполнять любое желание и барскую прихоть своего начальника, демонстрируя к месту и не к месту личную преданность власть предержащему. Сознавая при этом всю унизительность своего поведения, холуй постепенно начинает ненавидеть объект своего преклонения и при случае обязательно всадит нож в спину. И как этого не понимают начальники, упиваясь собственным дутым всесилием, наблюдая унижение себе подобных!

Угодливых хватает повсюду. Но, будучи послушными холуями, они уже в силу своего ущербного характера неспособны повести дело, как надо. Те же, кто способен, строптивы и самостоятельны, неугодны сторонникам единоначалия, “жесткой руки”. Не отсюда ли на всех совещаниях стоит вселенский плач об отсутствии толковых офицеров-организаторов? Не о послушании ли и угодничестве своих подопечных пекутся сегодняшние ревнители “железной дисциплины”? Похоже – так. Иначе, почему же они столь яростно преследуют любое проявление самостоятельности и свободомыслия?

Глава 66
МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Сидя дома и имея на то полное юридическое право, дарованное записями специалистов поликлиники о якобы тяжелой болезни, которая держит в постели дисциплинарно арестованного, я пришел к мысли, что каждый час лишения свободы должен быть компенсирован одними сутками уклонения от службы. Я твердо решил “проболеть” ровно 16 дней, и, тем самым, поставить комбрига в затруднительное положение, т.к. соединение готовилось к комплексной проверке по итогам зимнего периода обучения, а отсутствие на службе флагманского врача не позволит подготовиться к ней качественно. А это, в свою очередь, ударит определенным образом по престижу того же командира бригады. Да и дома было необходимо навести порядок, т.к. только пожив определенное время в квартире, квартиросъемщики смогли выявить целый ряд скрытых дефектов в отделке помещения, невидимых глазу при первичном осмотре. Мы уже знаем, что квартира наша была на первом этаже, а это создавало определенные неудобства. Во-первых, из подвала через неплотно пригнанные доски пола (между ними можно было просунуть палец) на кухне постоянно тянуло холодной сыростью. Во-вторых, в квартире частыми гостями были крысы, проникавшие в помещение через служебный ход, проделанный ими в углу “детской”, как была названа маленькая шестиметровая комната. Стены в коридоре и ванной были покрыты плесенью, неизвестно откуда бравшейся, но не желающей исчезать даже под пламенем паяльной лампы, которой я неоднократно ее прожаривал. Из входной двери, из окон и перекошенной балконной двери дули муссоны и пассаты, создавая великолепный микроклимат для произрастания тундрового мха ягеля, если бы кому-нибудь пришло в голову его здесь посадить. Ниночка и дочка стойко переносили этот естественный для лейтенантских семей комфорт. Однако это совсем не значило, что с подобным необходимо смириться и не пытаться сделать квартиру еще комфортнее. В этой мысли меня убедил огромный кусок бетона, сорвавшийся однажды ночью с потолка и грохнувшийся возле самого изголовья спавшей четы, испугав до икоты слабую половину семейства.

Но для того, чтобы сделать капитальный ремонт, нужны были строительные материалы, которых не было. Они лежали в складских помещениях хозяйственного двора военных

строителей. Для приобретения их нужен был спирт, который у меня был, но не было его на хозяйственном дворе. Вывод напрашивался сам собой. И доктор к нему пришел. Все просто. Один литр жидкой валюты оказался эквивалентен 2 мешкам цемента марки 300, 1 мешку извести, 1 м^3 досок, реечек и планок, 1 листу фанеры толщиной 10 мм и нескольким листам оргалита для покрытия пола на кухне, общей площадью 15 м^2. Краску белую для окон и дверей и эмаль тиковую для пола поставило мне родное соединение.

Через две недели интенсивного труда, освоив специальности каменщика, штукатура, маляра, сантехника и столяра, хирург Иванов привел свое жилище в божеский вид. Обеспечив таким образом комфорт (относительный, правда, и минимальный) своему семейству, компенсировав 1 час заключения одним выходным днем, я прибыл на службу, где в бессильной ярости скрипел зубами комбриг Чериватый, который прекрасно знал причину “болезни” своего флагманского врача.

– Как здоровье, Иванов? – спросил он, едва увидев доктора.

– Прекрасно, товарищ комбриг. И, думаю, будет таким же до очередного ареста. Ведь гауптвахта – не курорт.

Конфликт был исчерпан.

XXX

Поселок Заветы Ильича расположен на живописнейшем берегу бухты Западной залива Советская Гавань. Когда-то на его месте находилась центральная усадьба рыболовецкого колхоза, поэтому в обиходе местных жителей он чаще именуется колхоз “Заветы Ильича” или просто “колхоз”, “живем в колхозе” “поедем в колхоз” – обычные выражения принадлежности к поселку. Берег бухты высокий, поросший невысоким лиственным лесом и кустарниками. Эта парковая полоса называется “откос” и служит местом отдыха для аборигенов. В лесу можно встретить десятки мангалов, т.к. любимым отдыхом жителей поселка является жарение шашлыков. Клич “на шашлыки!” висит в воздухе, особенно по выходным дням и в день получки. Причем рецептов изготовления шашлыков жители знают миллион. Вдоль лесополосы идет основная улица поселка – Приморский бульвар. Именно здесь в дни торжеств устраиваются парады и народные гулянья. На “откосе” на бетонном постаменте стоит торпедный катер, как символ мужества моряков-тихоокеанцев в годы войны.

Здания в большинстве своем деревянные, в два этажа – “барачного” типа. Но поселок интенсивно застраивается и грозит

превратиться в город. 5 продовольственных магазинов ГУТ МО (главного управления торговли Минобороны) и три магазина промышленных товаров того же ГУТ. “Гражданская” поликлиника ютится в полуразваленном деревянном домике постройки двадцатых годов. По своей мощности может обеспечить 0,1 процента населения поселка. Попасть простому смертному на прием к врачу невозможно. И люди остаются без медицинской помощи. Особенно страдают молодые женщины, т.к. врач-гинеколог в штате поликлиники отсутствует. Был, правда, один на всю округу военный гинеколог в госпитале, но мудрая Москва, будь она неладна, сократила его ставку и перевела специалиста... в Москву. В Москве гинеколог нужнее. Там живут и болеют жены начальников. Потому-то очень выгодно быть гинекологом в г. Советская Гавань. Свои знания и труд на жен военморов, молодых и красивых, они распространяют только по “блату” или когда уже вообще деваться некуда – в неотложных случаях.

Детишки, которых в поселке гораздо больше, чем взрослых молодых пап и мам (а может, столько же), тоже вниманием медицины не избалованы: не хватает педиатров, т.е. детских врачей. Средняя школа в населенном пункте тоже одна. Построена она в расчете на размеренную колхозную жизнь, но не учитывает бурный рост народонаселения, свойственный военным гарнизонам. Поэтому от темна до темна гудит в ней веселый детский улей, постигающий азы арифметики аж в три смены. Зато учителя без работы не сидят. Есть еще музыкальная школа на 40-50 мест, куда могут попасть только дети местных начальников да торговой мафии. Детишкам рядовых офицеров осваивать нотную грамоту просто ни к чему. В наличии три детских садика, места в которых распределяются политическими отделами соединений, так что любой отец, не законспектировавший гениальные произведения Леонида Ильича “Целина”, “Возрождение” и “Малая Земля” на место в садике для своего ребенка рассчитывать не может. К тому же для удовлетворения спроса этих садиков требуется, по крайней мере, двадцать.

Есть еще военная поликлиника № 26. Двухэтажное деревянное здание, для ремонта которого требуется единственная техника – бульдозер. Прием в ней проводят военные врачи и их жены, а также жены того же начальства. Был момент, когда Ниночка в поисках работы пыталась утроиться туда в качестве санитарки, но не прошла по конкурсу, т.к. муж ее был только старлеем. Царствует здесь подполковник Чертович, отрабатывающий последние годы перед пенсией, но добросовестно несущий на плечах гору хозяйственных проблем своего заведения. Для лечения гражданского населения

поликлиника недоступна, но военных в гарнизоне столь много, что нагрузка на врачебный состав и без того велика. Не обременены заботами только два подполковника, составляющие гарнизонную военно-врачебную комиссию. В их функции входит проставление печатей на тех бумагах, которые приходят на утверждение из 313 ВВК госпитальной. “Утверждаю”. Полыхаев. “Согласен”. Полыхаев. Так и борются, бедняги, в течение полного рабочего дня... до обеда – с голодом, после обеда – со сном.

Местом культурного отдыха граждан служит также великолепнейший парк – участок тайги, отделяющий старую часть поселка от новой. Там установлены детские качели, которые работают по праздникам, и тир, который не работает, кажется, вообще. Но граждане не в претензии, т.к. само по себе гуляние по парку приносит великое наслаждение. Без применения стрелкового оружия. В парке же расположено здание театра КТОФ. И надо признать, что театр пользуется огромной популярностью военморов. Не по причине наличия в составе его труппы знаменитостей экрана, а благодаря их отсутствию. В театре играют выпускники театральных училищ страны, “сосланные” сюда за вольнодумство, попытки внести что-либо новое в систему перевоплощения Станиславского и за неординарный артистический собственный почерк. А посему играют они очень хорошо, оригинально. И пользуются успехом у зрителей. Зрители здесь очень взыскательны, т.к. любят и знают искусство, ведь приехали они сюда из Ленинграда, Севастополя и других центров Союза. Союзные знаменитости, такие как, например, “камерный” певец Сергей Захаров, небрежно ведущий себя на сцене глухой провинции, может быть освистан публикой.

В поселке есть еще бассейн, Дом офицеров флота (ДОФ), грязная баня и ресторан “Нептун” – местный Лас-Вегас. Из всех увеселительных затей в нем имеется только одна, укладывающаяся в простую схему: шампанское, танцы, знакомства и... постель по знакомству. Не шикарно, но все же кое-что. Когда моряки уводят свои корабли на зимовку в другие, незамерзающие порты, в ресторане правят бал летчики. Когда же летуны летом улетают на другие аэродромы для проведения БП, в ресторане главенствуют моряки. Но, правда, подобная схема относительна, т.к. в любое время года здесь хватает и тех, и других, чтобы торговцы имели возможность выполнить план и набить себе карманы.

Все. Нет, не все! Есть еще кафе “Березка”, выполняющее те же функции, что и “Нептун” по вечерам, и работающее в режиме столовой для приезжих и холостяков в рабочее время. Вот теперь все.

Слабая половина населения поселка постоянно находится на службе, тогда как прекрасная и сильная половина властвует здесь безраздельно. На плечах прекрасной половины лежит дом, дети, магазины, очереди, авоськи и заботы о половине слабой. Особенно тяжелый груз, лежащий на ее хрупких плечах – груз ожидания. Поневоле станешь сильной! Жизнь в гарнизоне расставляет акценты по-своему, превращая слабых – в сильных. И наоборот. Я никогда не перестану кланяться в ноги женам моряков, пока старческий радикулит не лишит меня этой возможности, да и тогда, через боль, я все же попытаюсь поклониться. И, да простят меня жены гражданских мужиков, не изменю своего мнения даже на смертном одре.

Вот так и живет поселок Заветы Ильича, один из тысяч гарнизонных поселков.

XXX

В задачу штаба любого соединения входит: контроль за повседневной и боевой деятельностью кораблей, отработка боевой и повседневной организации кораблей, организация взаимодействия кораблей, учеба экипажей и контроль... контроль... контроль... учеба... учеба... учеба. Плюс – ответственность за все, что творится на кораблях перед вышестоящим штабом. Плюс к этому – внутриштабная работа и марксистско-ленинская подготовка.

Для расширения политического кругозора офицеров, совершенствования и развития их личности при домах офицеров флота организуются так называемые УМЛ (университеты Марксизма-ленинизма). Возглавляют их штатные начальники, постигшие марксизм в политических училищах и академиях, но так и не знающие учения Ленина, как и те, обучать которых эти начальники обязаны. Однако каждый год из вышестоящего политического отдела на соединения нижестоящие спускается разнарядка, указывающая, какое количество студентов от офицерского и мичманского состава обязан поставить нижестоящий политический отдел в университет, чтобы оправдать оклад денежного содержания, выдаваемый ежемесячно начальнику сего храма науки.

Подавляющее большинство назначенных студентов охотно берутся за учебу. Во-первых, сие почетное звание – студент – гарантирует ему один выходной в неделю, т.к. несколько часов вольного трепа на лекциях работой не считается. Во-вторых, занятия в университете избавляют студентов от занятий по МЛП,

проводимых командиром бригады или же педагогами из своих собственных политических отделов, что еще более скучно и невыносимо. К тому же при обязательном посещении занятий в УМЛ, как того требуют циркуляры и ЧВС, посещать их совсем не обязательно, т.к. свое отсутствие в аудитории седой студент может объяснить командировкой, болезнью или другой служебной необходимостью. И выходной остается в полном распоряжении обучающегося. Можно, правда, завязать еще тесную дружбу с начальником университета, неограниченные возможности для возникновения которой предоставляют корабельные провизионки. В этом, самом лучшем – с точки зрения обучающегося – случае, два года безоблачного существования ему обеспечено.

Волею НПО капитана второго ранга Тюленева я был направлен в университет, внесен в списки слушателей курса “Организационно-партийная работа и партийное строительство в ВС СССР”. Что это за зверь – я не знал, садясь за университетскую парту, как не узнал и тогда, когда получил красный диплом отличника, закончив курс обучения. Но зато в дипломе было указано, что в дополнение к высшему медицинскому образованию, я получил “высшее политическое образование в системе партийной учебы”. За два года обучения посетил университет 10 раз, по пять раз в каждом учебном году, что и гарантировало пятерку на всех экзаменах, которые экстерном сдавал за меня начальник университета земляк-белорус родом из небольшого белорусского городка Слоним.

Несмотря на то, что диплом был получен Ивановым не совсем обоснованно, но все же он давал право начальнику политотдела зачислить “отличника” в так называемый партийный актив и сделать его членом агитпропколлектива, долженствующего проводить в соединении агитационную и пропагандистскую работу. И это в помощь штатному пропагандисту, который и так от безделья пухнет, собирая сплетни и компромат на офицеров штаба вместо чтения пропагандистских лекций. Став ни с того ни с сего партийным активистом, Иванов получил сомнительно-почетное право участвовать в “конференциях партийного актива”, один раз в квартал устраиваемых политотделом в доме офицеров. “Сомнительно-почетное” потому, что офицеры актива, насколько это возможно, увиливают от подобных мероприятий, т.к. смертельная скука сюжета их сокращает и без того короткую человеческую жизнь. И делом чести каждого считается умение заступить на вахту или уехать в командировку в дни проведения “партийного форума”.

Темой очередной конференции объединения стал

актуальнейший вопрос: “Продовольственная программа и задачи коммунистов объединения по ее выполнению”. Особую пикантность тема приобретала потому, что выполнять программу, придуманную сытыми чиновниками из ЦК, предстояло людям, плечи которых украшались погонами. Абсурдность сего понимал каждый, однако в планах политотделов должна была появиться отметка “вып.” И вот ради этой отметки в один погожий весенний день, когда крестьяне запрягают коней, чтобы ехать на пашню, в целях выполнения программы ЦК 300 здоровых мужиков плавающего и неплавающего состава ВМФ, оторванные от неотложных дел боевой подготовки, были согнаны и сведены в актовый зал дома офицеров.

Играл оркестр, привезенный с крейсера, в фойе бойко шла торговля книжной продукцией. Офицеры стремились купить Дюма или Конецкого, политработники демонстративно тратили деньги на речи Леонида Ильича и материалы съезда, демонстрируя всем высокую сознательность и понимание политического момента. Каждому прибывшему делегату бойкий старшина бойко вручал записную книжку или ручку, в расчете на то, что у кого-либо возникнет желание записать умную мысль, родившуюся в мозгах членов президиума или докладчиков. Зал заполнялся, начиная с последнего ряда, т.к. каждый стремился обеспечить себе возможность сыграть в шахматы или морской бой и, на худой конец, вздремнуть, что совершенно невозможно в первых рядах. Зал гудел. Раздавались возгласы приветствий, шутки, здоровый смех: еще не приступив к решению продовольственной программы все были сыты.

Наконец, президиум занял свои места. В центре сидели ЧВС ТОФ вице-адмирал Славский и зам. командущего ТОФ знакомый нам вице-адмирал Ясаков. Зазвучал гимн Советского Союза. Все встали по стойке “смирно”. Конференцию открыл ЧВС объединения – контр-адмирал. Отдав дань восторгов гениальности Леонида Ильича и восхитившись мудростью политики направляющей и руководящей страной партии, придумавшей такую ловкую штуку как продовольственная программа, он приступил к анализу ситуации в продделе собственного объединения.

Все оказалось в порядке. Даже Глазунов и Бронштейн попадали в разряд отличников общепита. Однако командиры соединений были жестоко разнесены за то, что не используют всех возможностей для разведения поголовья хрюшек на основе развития подсобных хозяйств. Масса пищевых отходов с кораблей, являясь ценным сырьем для увеличения поголовья, гибнет на свалках и разворовывается чайками. Офицеры землю не

пашут и не сажают картошку, а норовят покупать ее в магазине. Но на всех картошки не хватает, как бы ни старались руководители военной торговли. Перемерзает она и гибнет в вагонах на пути в северную часть Хабаровского края. Можно, оказывается, было бы изыскать возможности каждому офицеру завести личную козу, чтобы дети имели к столу свежее молоко. И вообще, стоит только приложить усилия и смекалку, как в каждой квартире появится свой инкубатор или кроличья ферма. Но пассивность офицерского состава, несмотря на его круглосуточную занятость и каторжный труд, – единственная причина скудости продовольственных прилавков и обеденного стола. Слушая этот бред, офицеры, привычные ко всему, играли в морской бой и весело переругивались. Но – шепотом. И никто не сознавал своей вины и собственной сельскохозяйственной глупости. Наконец, призвав народ к правильному пониманию политической ситуации, оратор сел на место.

Слово предоставили директору военного совхоза (есть и такой) “Акур”. Из зала поднялся капитан-лейтенант и, переваливаясь с ноги на ногу, двинулся к трибуне. Мундир плотно охватывал могучие телеса. Щеки, как у китайского мандарина, лежали на погонах. Было видно, что вольные хлеба и свежий воздух совхоза способствуют укреплению здоровья и поднимают благосостояние военного сельхозруководителя. Наконец-то командиры кораблей и соединений увидели своего врага и мучителя. Дело в том, что ежегодно в разгар сезона боевой подготовки по просьбе этого мандарина и по приказанию свыше в каждом соединении формировался ударный сельскохозяйственный батальон из механиков, комендоров, связистов и прочих военспецов и направлялся в совхоз для посадки, выращивания и уборки овощей и злаков. А корабли лихорадило от нехватки специалистов. К тому же ударники сельского хозяйства, наряду с приобретением навыков нерадивого крестьянина, напрочь забывали свою основную военную специальность. И зимой корабельные офицеры, восстанавливая классную квалификацию разболтавшихся за лето военных крестьян, миллиардами губили свои нервные клетки, получая взыскания от высшего начальства за слабую специальную подготовку личного состава.

Оратор, привыкший к тому, что его всегда внимательно слушают совхозные доярки, обстановку оценить не сумел. Распушив павлиний хвост, он соловьем заливался, перечисляя гектары вспаханных земель, поднятой зяби, тонны овощей, молока и сметаны, произведенных в военном совхозе. Знаменитый Орловский с Могилевщины, окажись он случайно в

зале, в досаде должен бы был сорвать со своей груди звезды Героя Социалистического Труда и приколоть их на грудь своего коллеги в погонах. Народ оживился и возроптал, отложив в сторону шахматы и шашки. Из зала посыпались вопросы и реплики. Причем тон их никак нельзя было назвать дружественным.

– Ишь, наел харю на свежей сметанке!

– А где же все то молоко и сметана, о которой ты здесь шумишь, когда даже наши дети в садиках ее не видят?!

– А он отправляет ее за Урал, где производят сухое молоко. Вот мы его и употребляем.

– Сколько матросов он нам испортил, а толку ни на грош!

– Гони этого салагу с трибуны, чтоб не дурачил нам здесь головы! В прорубь его, товарищи!

– Ха-ха-ха!

– Пока торгаши будут снабжаться из подсобок, свиньи на балконах у офицеров не вырастут! ,

– Ха-ха-ха!

Дело принимало совсем не патриотический оборот. ЧВС, для которого свежая сметана и парная телятина не были дефицитом, согнал с трибуны директора совхоза и не рискнул предоставить слово начальнику военторга Бандяеву, которого в поселке звали Бляндяевым за условия конкурса, которые он установил для тех, кто претендовал на место торгового работника в системе прод– и промснабжения гарнизона.

Стройная система конференции партийного актива, сценарий которой написан был в тиши сытых кабинетов, рухнула, как и сама продовольственная программа. ЧВС флота, оценив низкую партсознательность офицерского состава, пекущегося более о боевой подготовке кораблей и благополучии собственных семейств, чем о приросте поголовья крупного и мелкого, но рогатого скота, предоставил слово Ясакову – человеку, который не смог бы отличить барана от козла, но великолепно знавшему флот и основы управления им. Человеку, способному вести в бой эскадры и побеждать – вопреки хамству и грубости, а может, и благодаря им. Война – дело не для младенцев. Уж он-то мог завладеть вниманием аудитории моряков, родственных ему по духу.

Выйдя на трибуну, оглядев внимательно зал и сознавая нелепость ситуации, навязанной ему, адмирал сразу же изменил направление мыслей возбужденных военморов.

– Свиньи – это хорошо. Но – ну их на хер. Одной рыбы на них не напасешься! (Наверное, он считал хрюшек какими-то земноводными, питающимися исключительно рыбой). Пусть их растят тыловики, а офицеры должны заниматься своим прямым

делом, – сказал он.

Зал одобрительно зашумел. Те же, кто устроил эту никому не нужную говорильню, опустили головы: возразить Ясакову на флоте не мог никто, кроме командующего.

– От свиней одни неприятности. Представьте себе, – продолжал адмирал, – в Техасе, в объединении Варганова, завели подсобное хозяйство. Построили кошару. Привезли откуда-то поросят. Штук семьдесят. Отыскали на крейсере свинаря. Пока поросята были маленькие, жратвы хватало. Но когда они подросли, то пищевых отходов стало явно недостаточно. Штук 10 поросят сдохло. Десятка два успели прирезать. Тридцать, наиболее выносливых, обросли шерстью, съели заборы и убежали в тайгу. Одичали. Теперь носятся по лесу как сайгаки, жрут желуди и даже по деревьям лазят. Оставшихся кое-как укротили. Начальником тыла там капитан II ранга Петров. И что же сделал этот павиан? Он ничего лучшего не придумал, как отдать распоряжение свинарю откормить одного поросенка для командира эскадры, другого – для НПО и так далее. Матрос, четко выполняя приказание, отмаркировал хрюшек кузбаслаком, чтобы не перепутать, какая кому предназначена. Приезжаю. Смотрю на это свинство и вдруг вижу... На боку одной свиньи написано “начальник тыла”, а на другой – “начальник штаба”, на третьей – “Нач. ПО” и т.д. Выдрал всех, как последних музгарок. Докладывают, что надписи срезали. Когда свиней перережут, обещали кусок прислать.

Зал лежал вповалку. Не смеялся только Славский, т.к. направление серьезного вдумчивого разговора приняло явно несерьезную окраску.

Ясаков продолжал, от свинства переключившись на насущные проблемы флота.

– Вы, товарищи офицеры, ни хрена не умеете служить. Я сейчас научу вас. Ответьте на вопрос, какого офицера можно назвать толковым? Того, кто умеет отдавать грамотные приказания? Нет. Это дерьмо № 1. Того, кто отдав приказание, контролирует его выполнение? Нет. Это дерьмо № 2. Того, кто приказал, проконтролировал исполнение, произвел грамотный анализ действий подчиненных, научил их действовать в более сложной ситуации и сделал выводы на будущее? Нет. Это дерьмо номер три. И только тот может называться толковым парнем, кто обеспечит матросу здоровье, сытость, своевременный отдых, а уж затем выполнит все, о чем я говорил выше. При этом может с матроса хоть 100 потов выгнать. Сытый матрос не будет в претензии.

Вспомнив, наконец, что тема сегодняшнего собрания чисто

политическая, и за столом президиума сидит ЧВС флота, Ясаков переключился на очередную проблему.

– Вот вы, здесь сидящие, знаете, что положение дел с дисциплиной личного состава довольно сложное. А почему? Потому, что Вы не проводите достаточной работы по укреплению и росту рядов КПСС среди рядовых моряков. Представьте, что у вас в каждом кубрике есть коммунист. Само по себе его присутствие может и не повысит сознательность бездельников и хулиганов. Но положительный эффект обязательно будет. Любой, самый недисциплинированный годок, воздерживается от того, чтобы дать по ушам карасю в присутствии коммуниста. А почему? Да потому, что он же заложит!

Зал грохнул хохотом. Ясаков смутился. ЧВС объявил перерыв.

После перерыва зачитали и утвердили, резолюцию конференции: распахать столько-то га неудобий, посеять, посадить, убрать и скушать. О чем было уведомлено Главное политическое управление ВМФ в соответствующей телеграмме. Триста здоровых мужиков, в течение рабочего дня принимавших участие в выполнении решений ЦК по обеспечению страны мясом и овощами, убыли на корабли и в гости, где их ждал довольно сносный ужин. Я был счастлив полакомиться отбивными, которые великолепно готовила моя любимая жена. Партийный активист обязан хорошо питаться.

XXX

Время летело со скоростью ракетного катера, вышедшего на редан. Прошла зима, отшумела грязными потоками на дорогах весна, начинающаяся в здешних местах в самом конце апреля. Растаявший лед обнажил холодные свинцово-серые воды залива. Корабли, потягиваясь после зимней спячки, готовились размять свои суставы и мышцы в баталиях береговых, воздушных стрельб и стрельб по морским целям. Заместитель командира бригады по ЭМЧ капитан третьего ранга Лойко проводил сборы.

Лето для флота по напряженности боевой деятельности может сравниться с напряжением тружеников сельского хозяйства, ведущих битву за урожай. Отличие состоит лишь в том, что крестьяне безуспешно борются с конторами госагропрома, а военморы, объединив свои усилия с усилиями вышестоящих штабов, совместно бьются за высокие надои, вернее, показатели в боевой и политической подготовке. На флотских нивах агропром и крестьянин пашут в одной упряжке, т.к. все одинаково отвечают за конечный результат. Гноить

убранную картошку, в отличите от агропрома, здесь не позволено никому. Молох мировой технической мысли, сосредоточенный в кораблях и ракетах, ошибок людям в погонах не прощает. Вышестоящий штаб – это не обком партии, прощающий сельхозчиновников за погибший урожай, удовлетворяясь морковкой из спецмагазина.

Соединения и корабли флота живут по плану, как и все структуры советского общества. Увязать планы флота, флотилий, эскадр, бригад, дивизионов и отдельных кораблей в одну стройную систему настолько же невозможно, как выдавленную из тюбика зубную пасту вдавить обратно. Флот, например, доводит до флотилии план, согласно которому энное количество кораблей её в назначенный день и час должно выполнить энное количество боевых упражнений. Подчиненные отвечают “есть”, но в это время портится погода, авиация не летает, и план срывается. На следующий день авиация уже летает, но выходит из строя какая-либо штука на корабле, план опять летит в трубу. И так до тех пор, пока совокупность всех случайностей не сойдется в одной точке. Подобной точкой на флоте всегда является выход корабля в длительное плавание. Именно здесь план обычно сбоев не дает, т.к. дата выхода назначается Главкомом, и никто не возьмет на себя смелость доложить в Москву о её изменении, какие бы объективными причины ни были.

В июне перед штабом бригады была поставлена задача подготовить по полной схеме и отправить в длительный поход БПК “Гордый”. Уже в новом качестве – флагмана. Мне предстояло готовить медицинскую службу к тому, чтобы она могла с честью выполнить задачи обеспечения помощи морякам в предстоящем длительном походе. Отличие состояло в данном случае в том, что я сам оставался дома, а в море уходил другой доктор. Это налагало на флагмана еще большую ответственность, т.к. будучи уверенным в себе, я постоянно сомневался в возможностях и уровне подготовки своих подчиненных, хотя всецело доверял им и никогда не высказывал свои сомнения вслух.

В море уходил доктор Ковров. Красавец мужчина. Высокого роста и могучего телосложения. Короткая стрижка и высокий сократовский лоб делали его лицо мужественным. Спокоен, рассудителен и молчалив. Любимец публики и женщин. Немного с ленцой. Больные для него – досадная помеха в организации личного досуга. В подпитии любит демонстрировать силу кулаков, нанося удары по двери собственной каюты, потому дверь вся во вмятинах. Надежный товарищ. Старший лейтенант. Исходя из степени надежности подчиненного, я возложил на него основной груз подготовки корабля к походу, оставив за собой

функции контроля, тем более, что летний Владивосток не располагал к напряженному ратному труду. Однако, препятствием к вольному времяпрепровождению стоял капитан первого ранга Чериватый, собиравший офицеров штаба в своей каюте по десять раз на дню, и вместе со своим начальником политического отдела, обвинявшим механиков, артиллериста и флагманского специалиста РТС в том, что изношенные механизмы и электронная техника не позволяют кораблю выйти в море в полной боевой готовности. После чего механик Лойко, надев комбинезон и хватаясь за сердце, нырял в очередной трюм, а флагманской РТС Нестеренко строил своих электронщиков с чабанским образованием и повторял им прямо в лицо, невзирая на лица, все то, что думал о флагмане командир соединения, добавляя от себя ряд пикантных педагогических приемов. После этого чабаны дружно шли в атаку на изношенные станции “Дон”, “Волга”, “Иртыш”, “Амур” и другие. Однако, основной груз по вводу их в строй лежал на представителях промышленности.

Не избиваем был только флагманский связист, капитан третьего ранга Сырейщиков. Причина феномена крылась в том, что он близко был знаком со всеми офицерами отдела связи флота, т.к. раньше служил в штабе Хронопуло в Индийском океане, куда посылаются корабли всех флотов, тем самым обеспечивая контакты между офицерами индийско-океанского штаба и офицерами управлений флота. В штаб бригады нижестоящий по своему положению Сырейщиков попал из штаба вышестоящего (по причине потребления горячительных) – качество, не вписывающееся в инструкции поведения советских граждан за рубежом, И хотя некоторые офицеры ломают карьеру свою большими возлияниями, многие “горят” только на “запахе” или случайностях. Однако, несмотря на все грехи свои на поле дружбы с Бахусом, флагсвязист был хорошим, знающим специалистом и толковым организатором связи. Несмотря на это, веревочка его военной судьбы все же неминуемо должна была разорваться. Так впоследствии и случилось. А теперь, отлично умея организовать досуг военморов, Сырейщиков в порядке первого шага в создании служебного комфорта, предложил мне, объединив капиталы, снять номер в гостинице “Владивосток”, чтобы иметь возможность элементарно высыпаться но ночам, т.к. на готовящемся в поход корабле мест в каютах для офицеров штаба просто не было. И печальное обстоятельство бездомности и неустроенности вынуждало военморов тратить свои не столь уже внушительные рубли на организацию элементарного ночлега. Хорошо еще, что стол корабельной кают-компании вовремя снабжал офицеров обедами и ужинами. Предложение связиста

было принято, и после рабочего дня мы могли отдохнуть в условиях относительного комфорта и чистоты, хотя подобная роскошь и влетела в копеечку.

В гостинице “Владивосток” проживала труппа Ленинградского драматического театра, приехавшая на Дальний Восток в поисках популярности и денег. Все артисты, как объяснил один их них офицерам, приехали на гастроли без мужей и жен, однако, расселены в номерах были по парам, что стимулировало творческие искания и вдохновение. И, что удивительно, не заметно было, чтобы комсомол или профсоюз препятствовали столь осуждаемому политотделами росту мастерства. Распорядок дня артистической братии не мог уложиться в сознании военного человека, как и те завтраки, которыми угощалась творческая интеллигенция в гостиничном буфете: кефир и заморская кабачковая икра. Все объяснялось просто, как правда: деньги, получаемые на гастролях, складывались в кубышку, дабы иметь возможность в Ленинграде, дома, позволить себе единожды завалиться в “Метрополь”. Представления военморов о том, что мир искусства живет только Шекспиром и музами, не соответствовали действительности. Основная тема, которой касаются в разговоре служители сцены, – деньги и успехи своих соперников и соперниц. К тому же, оказывается, громкая театральная слава и эстрадный фурор практически на зависит от истинного таланта. Все прозаичней, все, как и на флоте. Успеху способствуют два условия: наличие волосатой лапы в Москве или отсутствие совести на периферии. Лучше, если эти два условия объединяются вместе. Но исключения, конечно, не редки.

Я еще во время учебы в Ленинграде любил этот театр, а посему своего знакомого артиста попросил (парень жил в соседнем номере) организовать для меня просмотр репертуара, что было невозможно на законных основаниях – билеты на спектакли в городе распространялись только среди местной знати и мафии (край-гор-райкомы, исполкомы, управление культуры и торговли, профсоюзы и т.д.). Получив восемь “контрамарок” на каждый из спектаклей, привезенных ленинградцами, пообещав взамен обильный прозаический обед для всей труппы, я заделался театралом на ближайшие две недели. Сырейщиков и Ольховский, предпочитая отдых в ресторане, от приглашения доктора разделить с ним любовь к искусству отказались.

И дни потекли, насыщенные сборами и разборами, надоевшими хуже старой любовницы, но вознаграждавшие доктора великолепием гастрольных спектаклей по вечерам. Комбриг даже не подозревал, что его офицер, обязанный денно и

нощно стоять на страже боевой готовности кораблей, может себе позволить такую безответственную нескромность, как посещение театра и барскую роскошь проживания в гостиничном номере. В руководящей голове каперанга подобная крамола уложиться не могла. Советский офицер из плебеев не имеет права на роль дворянских выкормышей царской гвардии.

Однажды, в точном соответствии с графиком, утвержденным лично комбригом, я должен был оставаться на корабле, как “обеспечивающий” офицер штаба. На вечернем докладе исполняющий обязанности начальника штаба флагштурман Егоров доложил:

– Сегодня, согласно графику, обеспечивает флагманский доктор Иванов.

Для читателя, как и для, любого офицера, слово “обеспечивает” совершенно непонятно. Уставами определены такие виды деятельности службы, как дежурство и вахта. Об “обеспечении” там нет и намека. Однако, недремлющая руководящая мысль изобрела подобный вид ратного труда, чтобы “служба раем не казалась”. Это “обеспечение” означает примерно то, что офицер штаба, лишенный права схода с корабля к семье, остается в течение ночи в дружном коллективе корабельных офицеров. Заниматься при этом он может чем угодно, но – утром докладывает о проделанной непроделанной работе. И обеспечивающий заложник всегда будет выдран начальством, если на корабле, где спит этот “заложник”, что-либо случится из разряда ЧП: самовольная отлучка матроса, например. На утренней “пятиминутке” комбриг будет полчаса обвинять “заложника” в отсутствии у него служебного рвения и офицерской чести. И наиболее интеллигентное обвинение из уст комбрига будет звучать примерно так: “Вы товарищ..., занимаетесь только пережевыванием пищи и отбрасыванием кала”.

Сидя на корабле, который навевал на меня грустную думу, подобно несжатой полосе, любоваться которой предстояло много лет, я вспомнил один случай из серии “организации схода офицерского состава”. Флагманским врачом я был назначен после длительного похода, продолжавшегося девять месяцев. “Условие обстановки” в соединении, куда я был назначен, не позволяли комбригу отпустить меня на сход или домой в краткосрочный отпуск еще в течение трех месяцев, так что я ровно год выходных не имел. Подобные перегрузки могут подвигнуть любого военмора на нарушение воинской дисциплины, что и случилось благополучно со мной. Однажды, уйдя в поселок Заветы Ильича в среду вечером, из “самохода” я прибыл утром следующей среды,

сам себе предоставив для отдыха ровно пять дней.

Заявившись в каюту комбрига, я был встречен ласково и радушно. Самое малое, что меня ожидало, это “стопроцентная вероятность увидеть свои я….висящими на клотике “Гневного”. Однако, комбриг, оценив ситуацию с организацией моего личного отдыха в течение года, принял довольно гуманное решение:

– Ладно, док! Черт с тобой, прощаю. Служи спокойно. В следующем месяце поедешь домой на неделю.

Но этим инцидент исчерпан не был. После пятиминутки офицеров штаба и политотдела в кают-компании гуманист и радетель, капитан второго ранга Тюленев обратился ко мне.

– Товарищ Иванов, объясните нам, где вы были в течение пяти суток?

Я ответил, что подробную информацию по этому вопросу я уже выдал комбригу.

– И что вам сказал комбриг?

– Он разрешил мне спокойно служить дальше.

– Нет, Иванов, отныне вы спокойно служить не будете. У вас семья есть? – задал не относящийся, как мне казалось, к делу вопрос начпо.

– Да, у меня есть семья.

– Вы были у женщины! – выдал совершенно необоснованное в данном случае, однако, наиболее вероятное соображение радетель. – И посему я вынужден применить к вам меры партийного воздействия. Ваше поведение просто аморально! Оно никак не согласуется с чистым образом коммуниста!

В речи начальника политотдела слово “аморально” прозвучало никак не меньше десяти раз, что резало мой слух с силой неразношенных флотских ботинок. “Болезненно реагируя на критику”, и допустив недопустимую несдержанность, я, в свою очередь, спросил разносившего меня принципиального коммуниста:

– Товарищ капитан второго ранга, у вас есть семья?

– Да, у меня семья есть, – не ожидая ничего неожиданного ответил Тюленев.

– А разве не аморально то, что вы е… трахаете библиотекаршу из дома офицеров?!

И вот тут произошло то, что на флоте называется “монтана, конец всему, и вилы в бок…” Воспитатель, почернев лицом, под устремленными на него взглядами офицеров штаба, резво ускакал из кают-компании. Взгляды политотдела были устремлены на меня, так беспардонно нарушившего военную субординацию. Следствием данного инцидента было то, что за два последующих года нашей совместной службы, я никогда не

подвергался критике и воспитательным мерам со стороны старшего политического начальника. И домой во Владивосток я ездил регулярно, пока там жила моя семья.

Вспомнив эту историю, я рискнул уйти в театр, за что утром следующего дня был разнесен комбригом в пух и прах за нерадение к службе и странную для офицера любовь к искусству.

В соответствии с планом, ценной невероятных усилий всех категорий личного состава, корабль “Гордый” был подготовлен к выполнению задач в длительном плавании, и в назначенный день и час убыл из Союза. По итогам боевой службы он был оценен на “отлично”. Что и требовалось доказать.

XXX

Жизнь продолжается, идет строевым шагом, хромает, обрывается неожиданно, возрождается в наших потомках, преподносит сюрпризы, наносит травмы на лица и другие части тела. На кораблях и в частях подобное происходит довольно часто, так как сверхнасыщенность военных объектов военной техникой, аппаратурой, электросистемами и другими травмирующими факторами, просто не может не травмировать личный состав. Но весь советский народ знает о подобных особенностях военной службы. Поэтому речь пойдет не о них. Всем известны так же и живучие на флоте преступления против личности в воинских коллективах, называемые в отчетах о проделанной политико-воспитательной работе, как НЕУСТАВНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ. Это значит, что подобные взаимоотношения между военнослужащими не предусмотрены воинскими уставами. Мордобой среди мирного гражданского люда так же не предусмотрен уголовным кодексом. Но, несмотря на то, что Уставы ВС СССР и Уголовный кодекс Союза утверждены президиумом Верховного Совета, эти документы имеют совершенно разную силу законодательных последствий для граждан, нарушающих положения этих руководящих папирусов. Если вам придет в голову залепить оплеуху первому встречному на улице, то результатом сей агрессивной акции будет ваше личное водворение в Матросскую тишину или Ленинградские “Кресты”. Если же подобная идея посетит голову двадцатилетнего балбеса на корабле и, осуществленная, не повлечет за собой тяжелых последствий, то максимальное наказание, которое грозит нарушителю закона, не превысит десяти суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптической вахте. Да и то не чаще пяти процентов всех случаев творимых безобразий. Это ведь не

драка, не избиение младшего по сроку службы, не грабеж, не издевательство, не садизм... Это просто “ДЕДОВЩИНА” в армии и “ГОДКОВГЩИНА” на флоте, это просто “УРОДЛИВОЕ ЯВЛЕНИЕ”, с которым нас призывают бороться со всех трибун все категории руководителей партии и правительства, все военные руководители от ефрейтора до маршала, все военные прокуроры и политические отделы.

Матросы третьего года службы на флоте именуют себя ГОДКАМИ, но, мне кажется, более приемлемым в данном случае названием было бы слово ГАДКИ, как производное от слова ГАД. Так вот, эти гады несут ответственность за свои преступления не чаще, чем в пяти процентах всех возникающих случаев. Однако, офицер любого ранга от лейтенанта до командира корабля, всегда “будет растерзан, избит и распят” не “за то, что в руках у него молоткастый и серпастый”, а из-за отсутствия такового. Это, конечно, правильно, если касается боевой готовности или внутреннего порядка в подразделении того же офицера, если положение дел на том же корабле не позволяет выполнить боевую задачу. За подобное командир и должен быть “распят”. Но на то ему и власть командирская дана. На то он и присягу принимал. Но почему офицеру должны задерживать звание, отодвигать очередь на квартиру, лишать продвижения по службе, снимать с должности и уничтожать его морально за преступления, творимыми совершеннолетними скотами в погонах? Ведь каждый, поднимающий руку на своего собрата, знает, что совершает преступление, знает законы о воинских преступлениях, доводимые до каждого военнослужащего под роспись с прибытием на корабль последнего. Каждый знает все! Но годок знает и то, что никакой ответственности он не понесет в 95 процентах случаев. Следствие безответственности и беззакония – жестокость по отношению к младшим товарищам, трагедии, слезы солдатских матерей и сломанные судьбы зачастую очень и очень толковых офицеров.

Защищая себя, свою семью и будущее, командир любого ранга вынужден скрывать от всех руководящих органов истинное положение вещей в своей епархии: командир боевой части скрывает “грубые проступки" от командира корабля; командир корабля – от командира соединения; тот – от вышестоящего начальника... И так вплоть до министра обороны, до правительства, которое, в свою очередь, скрывает положение дел в стране от собственного народа, из которого формируются ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ. За воинские преступления могут быть наказаны все, даже правительство, оставив в стороне от порки непосредственного виновника.

Итак, одна из причин ГОДКОВЩИНЫ – безответственность непосредственно виновных в ней. Существуют еще тысячи причин, исследованию которых посвящены огромные труды психологов, социологов и прочих ГОВ... В каждом случае причины разные. Однако, сгруппировав их под общим заголовком, можно выделить всего несколько: тяжелейшие условия службы, неустроенность быта военных спецов, круговая порука среди всех слоев нашего общества, идеология вседозволенности верхам и бесправие находящихся внизу, победные фанфары при отсутствии побед и слабое психическое здоровье приходящих на военную службу.

На корабле обращающиеся за медицинской помощью даже по поводу незначительной царапины матросы обязательно заносятся доктором в медицинский кондуит, фиксируются в “карточке учета травматического повреждения”, к тому же пишут “объяснительную записку” с изложением причин и обстоятельств полученной травмы. При условии добросовестности корабельного врача, конечно. На вечернем докладе полный список пострадавших и больных обязательно доводится до сведения командира. Умный бюрократ от медицины обязательно должен потребовать автограф командира на вышеуказанный список, так как отсутствие такового может привести к нежелательным последствиям для эскулапа. Тем более, что врач не несет ответственности за битые и сломанные челюсти, а токмо за оказание медицинской помощи пострадавшим.

Так вот, на КРЛ “Александр Суворов” начальник медицинской службы, старший лейтенант Ситкин, был очень добросовестным и исполнительным медицинским офицером. Кроме докладов командиру, он добросовестно докладывал весь анализ травматизма своему флагманскому врачу, т.е. мне. Поступающие ко мне с кораблей сведения о травмах, я ежемесячно докладывал в письменном виде командиру соединения и своему прямому медицинскому начальнику, как этого требуют все руководящие циркуляры. Периодичность доклада – ежемесячно. С такой же периодичностью бывал вызываем комбригом на конюшню и подвергался порке. Порке подвергались также командир крейсера и мой непосредственный экзекутор. И всем бывало справедливо нехорошо.

Летом 1984 года доктор Ситкин на крейсере отсутствовал, находясь в Северном Ледовитом океане; я отсутствовал в своем собственном соединении, находясь в белорусской деревне Ладеники. А в это время “тучи над городом встали” и в воздухе запахло: по жалобе матроса министру обороны на несправедливость существующего на крейсере порядка вещей по

вопросу военных оплеух на корабль прибыл командующий флотом адмирал Смирнов. При проверке корабельной организации профессорами из отдела устройства службы из медицинских документов было выявлено около трехсот случаев “неуставных взаимоотношений”. Как оказалось, о подобных безобразиях “не знали” ни командир корабля, ни командир соединения, ни старший медицинский начальник полковник Ушаков, так как о данном криминале не докладывали ни главврач корабля, ни флагманский врач бригады. А так как подобный медицинский сволочизм обязательно должен был быть наказан, то и “за сокрытие от командования фактов неуставных взаимоотношений”, товарищ Ситкин был снят с должности, а я получил строгий выговор в приказе моего непосредственного начальника. Однако, наказание мое нигде зафиксировано не было, в то время как Ситкина с великим трудом удалось назначить на равнозначную должность. И в настоящее время он так же добросовестно служит в СЭО Тихоокеанского Флота.

Всем матерям, рыдающим при отправке сыновей на военную службу, надо знать, что на флоте бьют слабых, неспособных себя защитить. Бьют не умеющих ничего делать, даже постирать себе носки. Бьют ленивых и ноющих, сетующих на тяготы и лишения службы, бьют информирующих командование о проступках сослуживцев. Я знал одного матроса, который, предупредив наиболее наглого и жестокого годка о том, что не допустит издевательства над собой, в ответ на удар в челюсть всадил обидчику нож в легкое, но никогда и ни кем впоследствии обижен не был. Это не лучшее решение вопроса, но... защищать себя должен уметь каждый, так как неспособный защитить свою честь и достоинство, не сможет защитить Родину, если она того потребует.

Конец первой книги

СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ
НПО – начальник политического отдела
ЗНПО – заместитель начальника политотдела
ЗКПЧ – заместитель командира по политчасти
СП К – старший помощник командира
ЗК – заместитель командира
ККОС – каюткомпания офицерского состава
НУВЗ – неуставные взаимоотношения
ОО КГБ – особый отдел КГБ
ППО и ППР – планово-предупредительный осмотр и ремонт

МГ – машинная группа
ПС ВМФ – плавсостав ВМФ
НМС – начальник медицинской службы
ГКП – главный командный пункт
ПЭЖ – пост энергетики и живучести
ДС – дивизион связи
ВАК – высшие академические курсы
НШ – начальник штаба
ЖБП – журнал боевой подготовки
МЛП – марксистско-ленинская подготовка
ИПЗ – итоговые политзанятия
ГУК – главное управление кадров
ТЛГ – телеграмма
БПК – большой противолодочный корабль
СКП – сторожевой корабль
ЭМ – эсминец
КГЛ – легкий крейсер
МТ – морской тральщик